

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XII.

Подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкою и Л. М. Лопатина.

Книга V (60).

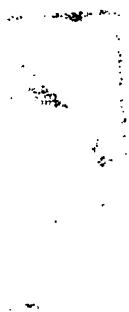
НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1901 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Плменовская ул., соб. домъ.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Статьи, посвященные памяти С. С. Корсакова. . .	
С. С. Корсаковъ, какъ человѣкъ и общественный дѣятель.— В. Рота.	I
Къ характеристикѣ научнаго значенія Сергѣя Сергѣевича Корсакова.— Вл. Сербекаго	XIII
Личность и міросозерцаніе С. С. Корсакова.— Л. М. Ло- патина.	XXXIX
Психологическія и философскія возрѣнія С. С. Корса- кова.— А. Н. Бернштейна.	I
С. С. Корсаковъ, какъ клиницистъ-преподаватель.— Н. П. Постовскаго	LXXIX

Сенъ-Симонъ и его школа.— Б. Н. Чичерина	615
Объ апріорныхъ элементахъ познанія. (Понятіе числа).— Г. Челпанова. (Окончаніе)	699
Ницшеанецъ сороковыхъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма.— В. Ѳ. Саводника. (Окончаніе)	748

Механика общественныхъ идеаловъ. — Ф. В. Софронова. (Окончаніе)	433
Объективная необходимость прогресса. — А. Яроцкаго (Окончаніе)	474

См. на оборотъ.

Критика и библиографія.

I. Библиографическій листокъ	496
II. Обзоръ журналовъ.	
Rivista filosofica. Мартъ—іюнь 1901 г.— Н. К. Вальден- бергъ	497

Полемина.

I. Отвѣтъ г. Айхенвальду.— А. Нечаева	504
II. Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Нечаева.— Ю. Айхенвальда.	519
Психологическое Общество. (Отчеты о засѣданіяхъ) . . .	527
Матеріалы для журнальной статистики.	530

ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—42
-----------------------------	------

С. С. Корсаковъ, какъ человекъ и общественный дѣятель ¹⁾).

Психологическое Общество и Общество невропатологовъ и психіатровъ, связанныя многими общими интересами и личными отношеніями членовъ, собрались сегодня, чтобы помянуть того, кто былъ олицетвореннымъ выраженіемъ связи этихъ двухъ обществъ, кто при жизни отдавалъ имъ свое время, свои силы и способности, а по смерти оставилъ неизсякаемое, духовное наслѣдство.

Дѣятельности въ ученыхъ обществахъ рѣдко кто можетъ посвящать много времени, и менѣе другихъ человекъ, заваленный обязательной, неотложной работой.

Покойный Сергѣй Сергѣевичъ Корсаковъ съ его вѣчно живымъ умомъ, стремившимся къ познанію высшихъ истинъ, не могъ оставаться чуждымъ задачамъ Психологическаго Общества.

Вступилъ онъ въ него вооруженный данными опыта и наблюденія современной физиологической науки, съ группой друзей и учениковъ и встрѣтился съ людьми иныхъ, частью совершенно противоположныхъ взглядовъ и философскихъ направленій; но въ разныхъ лагеряхъ не оказалось враговъ; у С. С. могли быть только друзья и если шла война, то война взаимно помогавшихъ другъ другу соратниковъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ — темнотою не-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ соединенномъ засѣданіи Обществъ Психологическаго и невропатологовъ и психіатровъ 1 октября 1901 г.

вѣжества. С. С. съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ за отвлеченной работой мысли своихъ сочленовъ; аргументаціи идейныхъ противниковъ особенно привлекали его, потому что содѣйствовали ему въ болѣе полной и детальной разработкѣ и установкѣ основаній для ранѣе выработанныхъ имъ взглядовъ.

Предоставляя другимъ подробнѣе освѣтить заслуги Корсакова передъ Психологическимъ Обществомъ, избравшимъ его товарищемъ предсѣдателя и почетнымъ членомъ, я не могу не подчеркнуть еще разъ, что какъ ни цѣнно было участіе С. С. въ ученой дѣятельности Общества, какъ ни полезны были его труды въ совѣтѣ Общества, но важнѣе всего было его влияніе, какъ человѣка, немало содѣйствовавшее тому, что рѣзкія подчасъ несогласія взглядовъ и направленій не отражались на личныхъ отношеніяхъ между членами, что въ Обществѣ не было борющихся враждебныхъ партій, не было элиновъ и іудеевъ, а созданъ союзъ лицъ, вооруженныхъ хотя и неодинаковымъ оружіемъ, но направлявшихъ его къ одной цѣли, одинаково всѣмъ дорогой.

Московское Общество невропатологовъ, собирающее ежегодно въ этой аудиторіи гостей на свои торжественныя собранія, въ очередныхъ своихъ засѣданіяхъ разрабатывающее научные и практическіе вопросы изъ области невропатологіи и психіатріи, издающее объемистый, специальный журналъ и занимающее почетное мѣсто среди русскихъ и иностранныхъ ученыхъ Обществъ, возникло лишь за 10 лѣтъ до смерти С. С. Онъ принималъ самое горячее участіе въ его основаніи, написалъ проектъ устава раньше, чѣмъ съ этою цѣлью была избрана комиссія, и въ цѣломъ рядѣ ея засѣданій обстоятельно обсуждалъ каждый параграфъ, каждое почти слово. С. С. можетъ быть названъ и крестнымъ отцомъ Общества, потому что именно онъ настоялъ, чтобы оно называлось не невропатологическимъ и психіатрическимъ Обществомъ, а Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ, т.-е. обществомъ, состоящимъ изъ специалистовъ, способныхъ не только разрабатывать свою специальную

область знанія, но могущихъ съ интересомъ и авторитетомъ разрѣшать практическіе вопросы, подлежащіе ихъ спеціальному вѣдѣнію. Когда открылось Общество — С. С., связанный разнообразными обязанностями, уже не знавшій ни покоя, ни отдыха, взялъ на себя, тѣмъ не менѣе, трудную и отвѣтственную должность секретаря. Онъ видѣлъ, что никто лучше его не сумѣетъ дать тонъ и направленіе дѣламъ молодого Общества и справиться съ массой детальныхъ практическихъ вопросовъ, требовавшихъ не только правильнаго теоретическаго разрѣшенія, но и хлопотливой работы.

У него, правда, не было времени; но можно было отказаться отъ личныхъ дѣлъ, можно было, наконецъ, пожертвовать сномъ—ради того, чтобы заняться составленіемъ образцовыхъ по своей обстоятельности и безпристрастію протоколовъ засѣданій, чтобы приготовить матеріалы для обсужденія въ комиссіяхъ, работавшихъ по порученію общества, для разрѣшенія разныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, возникавшихъ или въ самомъ Обществѣ или вносимыхъ на его разсмотрѣніе разными обществами и учрежденіями, по преимуществу земскими управами и собраниями. Своимъ авторитетнымъ участіемъ въ критическомъ изученіи плановъ устройства цѣлаго ряда проектированныхъ къ постройкѣ психіатрическихъ заведеній, С. С. оказалъ черезъ посредство Общества невропатологовъ и психіатровъ немаловажную услугу правильной постановкѣ земскаго психіатрическаго дѣла въ Россіи. Я не говорю уже о томъ, что своими сообщеніями и въ особенности своими возраженіями и замѣчаніями по поводу рефератовъ другихъ онъ вносилъ цѣнный вкладъ въ научную жизнь Общества и давалъ академически объективный тонъ преніямъ.

Служа для молодыхъ невропатологовъ образцомъ полного достоинства отношенія къ предметамъ научнаго спора, какъ секретарь и впослѣдствіи товарищъ предсѣдателя С. С. создалъ навсегда примѣръ талантливаго и основательнаго ве-

денія дѣла,—какъ сочленъ,—онъ пользовался величайшимъ авторитомъ среди товарищей въ силу обаятельнаго дѣйствія его нравственной личности.

Наше Общество работало и работаетъ на глазахъ медицинскаго ученаго міра. Отчеты о его засѣданіяхъ печатаются и въ русскихъ, и въ иностранныхъ медицинскихъ журналахъ; чтобы попасть въ его члены и принимать участіе въ преніяхъ, требуется извѣстная опытность, порядочный запасъ специальныхъ свѣдѣній и нѣкоторая привычка къ научнымъ работамъ.

Съ самаго начала его учрежденія, среди начинающихъ работниковъ въ области нашей спеціальности чувствовалась потребность въ собраніяхъ съ менѣе официальнымъ характеромъ, гдѣ бы они могли безъ стѣсненія бесѣдовать о научныхъ вопросахъ, реферировать прочитанныя сочиненія и дѣлиться своими наблюденіями, можетъ быть, еще не совсѣмъ созрѣвшими для печати. С. С. угадалъ эту потребность и устроилъ въ психіатрической клиникѣ какъ бы дополнительныя и отчасти подготовительныя собранія въ пятницы, свободныя отъ засѣданій Общества. Придавая большое воспитательное и образовательное значеніе этимъ непринужденнымъ товарищескимъ засѣданіямъ, С. С. принималъ въ нихъ живое участіе и обыкновенно самъ являлся съ рефератами, служа, какъ всегда, подбадривающимъ примѣромъ для другихъ.

Выдающаяся неутомимая дѣятельность въ ученыхъ Обществахъ, самостоятельная талантливая работа на научномъ поприщѣ, образцовое завѣдываніе спеціальной клиникой, требовавшее большого напряженія силъ и большой затраты времени, чтеніе обязательнаго курса лекцій и еще двухъ необязательныхъ курсовъ, отнимавшихъ нѣсколько часовъ въ недѣлю, аккуратныя посѣщенія засѣданій факультета и совѣта, участіе въ диспутахъ, врачебная практика всѣмъ доступнаго, знаменитаго врача—этимъ могъ бы удовлетвориться и выдающійся дѣятель даже на Западѣ, гдѣ люди прилежнѣе и условія работы благоприятнѣе, чѣмъ у насъ!

Но для С. С. эти рамки были узки. Проникнутый сознаниемъ важности всякой коллективной работы и для дѣла прогресса, и для нравственного и умственного совершенствованія самихъ дѣятелей, онъ не жалѣлъ ни времени, ни силы на всякое дѣло сближенія людей на почвѣ совместной дѣятельности, посвященной высшимъ цѣлямъ.

Начавъ съ организациі спеціального Общества невропатологовъ и психіатровъ, онъ стремился къ объединенію всѣхъ русскихъ врачей, занимающихся этой спеціальностью, въ союзъ русскихъ невропатологовъ и психіатровъ. Написанный имъ уставъ, почти безъ измѣненій былъ принятъ комиссіей, образовавшейся по его инициативѣ во время VI-го Пироговскаго сѣзда въ Кіевѣ, и дѣло это близится теперь къ своему завершенію.

Союзы и сѣзды врачей-спеціалистовъ являются однако лишь болѣе или менѣе самостоятельными звеньями болѣе обширнаго союза всѣхъ русскихъ врачей, выраженіемъ котораго служить Общество русскихъ врачей въ память Пирогова.

С. С. Корсаковъ усердно работалъ по устройству Пироговскихъ сѣздовъ въ Москвѣ, былъ многіе годы членомъ и предсѣдателемъ правленія Пироговскаго Общества, редакторомъ возникшаго при его участіи журнала Общества и кромѣ того, обстоятельно разрабатывалъ разные спеціальныя вопросы, относившіеся къ дѣятельности Общества.

Слѣдующею ступеню за отдѣльною, національною группировкою лицъ, объединенныхъ во имя опредѣленныхъ научныхъ и общественныхъ интересовъ, будетъ международное сближеніе людей одинаковыхъ профессій,—это наиболѣе прочное основаніе будущаго мирнаго союза всѣхъ цивилизованныхъ обществъ. С. С. считалъ своимъ долгомъ принимать участіе въ спеціальныхъ и общихъ врачебныхъ международныхъ сѣздахъ, являясь достойнымъ представителемъ русской науки въ коллективной работѣ ученыхъ Запада.

Онъ сознавалъ, какое огромное значеніе долженъ имѣть

успѣхъ московскаго международнаго сѣзда врачей въ дѣлѣ мирнаго завоеванія себѣ культурной Россіей подобающаго положенія среди другихъ цивилизованныхъ странъ. Отдавая свои послѣднія нервныя силы дѣлу организаціи московскаго международнаго сѣзда врачей, онъ участвовалъ больше чѣмъ въ 100 засѣданіяхъ исполнительнаго и организаціоннаго комитета, собиралъ засѣданія специальныхъ устроительныхъ комиссій, велъ безчисленные переговоры, разъѣзжалъ по Москвѣ, ѣздилъ въ Петербургъ, поспѣвалъ всюду, гдѣ боялся упущеній — даже въ дѣлахъ не ему порученныхъ, хлопоталъ, провѣрялъ, распоряжался, поднималъ на ноги многихъ молодыхъ и старыхъ врачей; часто не успѣвалъ пообѣдать, проводилъ безсонныя ночи въ заботахъ и вынесъ на своихъ плечахъ большую часть тяжести матеріальной организаціи сѣзда. Онъ несъ массу обязанностей, отказываясь въ то же время отъ правъ и отъ болѣе выдающагося офиціальнаго положенія.

Дѣло устройства международныхъ сѣздовъ не отклонило С. С. отъ другихъ общественныхъ дѣлъ. Онъ принималъ также посильное участіе во многихъ другихъ благотворительныхъ, ученыхъ и иныхъ Обществахъ, конечно, меньшее чѣмъ въ нашихъ двухъ, за однимъ впрочемъ исключеніемъ! Судьбу еще одного Общества онъ принялъ особенно близко къ сердцу, ему удѣлялъ особенно много времени; оно доставляло ему заботъ, быть можетъ, больше, чѣмъ какое-либо другое дѣло,—я говорю объ Обществѣ вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ.

Молодымъ врачомъ началъ онъ работать въ комитетѣ этого Общества, поражая всѣхъ аккуратностью и болѣе чѣмъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ. Будучи выбранъ предсѣдателемъ Общества, онъ всѣ душевныя силы положилъ на развитіе и улучшеніе его дѣлъ. Періодъ предсѣдательства С. С. былъ однимъ изъ исключительныхъ въ жизни Общества по успѣшной, напряженной дѣятельности. Она всѣмъ извѣстна по отчетамъ комитета; но не всѣ знаютъ, что комитету С. С. отдавалъ

послѣдніе и единственные часы, — вечеръ четверга, предназначенный для передышки отъ тяжелой недѣльной работы среди друзей и знакомыхъ. Поздно вечеромъ, почти въ полночь возвращался С. С. въ этотъ день изъ засѣданій комитета домой, гдѣ обыкновенно продолжалось обсужденіе комитетскихъ дѣлъ, и гдѣ ждали его не отдыхъ и развлечение, а тѣ же дѣловые разговоры и добрые люди съ запросами на его помощь словомъ и дѣломъ. А когда всѣ расходились, хозяинъ проводилъ еще немало времени за неотложной письменной работой.

Мы не въ состояніи перечислить и охарактеризовать здѣсь всѣхъ отраслей общественной дѣятельности Корсакова; можемъ только сказать, что всюду онъ вносилъ живую струю, всюду открывалъ новые горизонты, прокладывалъ новые пути, благодаря не только проницательному взгляду, но усердной, детальной, кропотливой работѣ. Онъ обладалъ замѣчательной способностью заражать своимъ примѣромъ другихъ, объединять всѣхъ въ дружную, энергично работающую семью и достигалъ благодаря этому исключительныхъ результатовъ.

Всѣ близкіе, знавшіе С. С., совершенно недоумѣвали, какъ успѣвалъ онъ справляться со своими дѣлами. Об отдыхѣ или какомъ-либо развлеченіи въ послѣдніе годы нельзя было и думать. Каждая свободная минута — за ѣдой, во время переѣздовъ, ожиданій въ судѣ, гдѣ онъ часто фигурировалъ въ качествѣ эксперта, посвящалась имъ дѣлу: чтенію, записыванію или обдумыванію разныхъ очередныхъ вопросовъ. Самую трудную работу ему приходилось зачастую дѣлать ночью, урывая часы отъ сна, послѣ дня, переполненнаго утомительными занятіями. Обычнаго для всѣхъ насъ лѣтняго отдыха для него не существовало; даже кратковременныя поѣздки за границу носили болѣе чѣмъ на половину дѣловой характеръ.

Для того, чтобы быть въ состояніи такъ работать, какъ работалъ Корсаковъ, и сдѣлать то, что сдѣлалъ онъ за послѣдніе 10—15 лѣтъ своей жизни, мало одной неутомимой

энергіи, колоссальной работоспособности, вѣчно дѣятельнаго ума, практическаго опыта и такта, требуется еще могучій рычагъ для дѣятельности, сильный, непрестанно дѣйствующій импульсъ. Если прикладывать къ С. С. мѣрку, подсказываемую намъ нашимъ житейскимъ опытомъ, то пришлось бы допустить въ немъ какую-нибудь страсть, какой-нибудь сильный эгоистическій стимуль, поддерживающій постоянное возбужденіе нервной системы, не дававшій ему чувствовать усталости, голода и другихъ лишений. Напрасно бы мы стали во всей дѣятельности С. С. искать подобнаго стимула, мы не нашли бы намека на честолюбивыя эгоистическія побужденія, на стремленіе къ извѣстности, на любовь къ славѣ.

Каковъ былъ С. С., прежде чѣмъ выплылъ въ бурное море общественной дѣятельности? Добросовѣстно занимающійся ординаторъ больницы, практическій врачъ, очень любимый паціентами, отзывчивый человѣкъ, ни для кого не жалѣющій своего труда и времени и потому съ утра до вечера занятой,—лишенный, повидимому возможности удѣлить сколько нибудь времени для науки и общественнаго дѣла, — такимъ представлялся С. С. лицамъ, стоявшимъ къ нему не очень близко. Привыкши къ тому, что каждый мало-мальски талантливый молодой человѣкъ спѣшитъ видвинуться изъ толпы, отличиться чѣмъ-нибудь: печатать статьи, спорить въ Обществахъ и т. д., и не видя со стороны С. С. ни малѣйшаго проявленія молодого честолюбія или самоуверенія, многіе врачи, не знавшіе, какъ развивалась его нравственная личность и не подозрѣвавшіе сколько накапливается въ немъ знаній и потенциальной энергіи, не подозрѣвали, чтобы человѣкъ, ничѣмъ не заявившій о своей учености, усердно занимался и работалъ больше многихъ университетскихъ дѣятелей, чтобы онъ собиралъ богатую жатву теоретическихъ свѣдѣній и клиническаго опыта, благодаря усердному чтенію, объективной наблюдательности и тщательному изслѣдованію своихъ паціентовъ.

Близко знавшіе С. С. на вопросъ, что мѣшаетъ ему выдвинуться, отвѣтили бы — скромность!

Способный отъ природы, съ дѣтства приученный къ усидчивому труду, къ добросовѣстному отношенію къ своимъ обязанностямъ, С. С. обладалъ чрезвычайно добрымъ и чуткимъ сердцемъ. И юношей и профессоромъ онъ проникнуть былъ высоко-нравственными идеалами, съ годами нѣсколько мѣнявшимися, быть можетъ, свой обликъ, но вошедшими въ его плоть и кровь, и дѣлавшими для него изъ исполненія долга не тягостную задачу, а бодрящую жизненную миссію. Этотъ долгъ въ первое время врачебной дѣятельности С. С. сводился на непосредственное служеніе и помощь ближнему, былъ реакціей чувства на требованія и нужды, удовлетвореніе которыхъ занимало почти все его время.

При болѣе примитивныхъ условіяхъ общественной жизни, быть можетъ, С. С. и продолжалъ бы размѣнивать свои силы на мелкую монету обыденной добродѣтели, стяжалъ бы себѣ славу безкорыстнаго, добраго человѣка и истиннаго христіанина; всѣ преклонились бы предъ качествами его сердца, но лучшія свойства его ума и воли не имѣли бы возможности достигнуть того совершенства, благодаря которому, этому скромному и мягкому человѣку повсюду приходилось играть главную, хотя и непоказную роль.

Наоборотъ, въ болѣе культурной странѣ, богатой дѣятелями на разныхъ поприщахъ общественной жизни, съ болѣе индивидуалистическимъ складомъ воспитанія, С. С. можетъ быть съ университетской скамьи посвятилъ бы себя одному дѣлу, вѣроятно, наукѣ, и тогда, нѣтъ сомнѣнія, онъ раздѣлялъ бы славу Пастера и Вирхова.

У насъ въ Россіи мало дѣятелей и слишкомъ много запросовъ на ихъ силы и способности. При такихъ условіяхъ почти невозможно человѣку, не преслѣдующему никакихъ личныхъ цѣлей, движимому чувствомъ любви къ ближнему, идеей служенія обществу, ограничиться однимъ дѣломъ,

одной сферой дѣятельности. Ему при современномъ складѣ нашей жизни, какъ на полѣ битвы, придется, пока есть капля силы, поспѣвать всюду, гдѣ есть слабые и раненые. Стоило и С. С. вступить на путь общественной дѣятельности, стоило ему убѣдиться въ своихъ силахъ и другимъ оцѣнить его, какъ онъ очутился въ водоворотѣ напряженной дѣятельности и могъ успокоиться только на одрѣ болѣзни.

Раньше всѣхъ оцѣнилъ С. С. профессоръ Кожевниковъ и убѣдилъ поступить на трехлѣтній срокъ ординаторомъ въ нервную клинику.

Здѣсь интересъ къ специальной области знаній выросъ и развился. С. С. началъ искать общенія съ товарищами, занимавшимися той же специальностью, и не думалъ промѣнять живого дѣла помощи ближнему на исключительное занятіе наукой. Въ кружкѣ товарищей, основавшемъ позднѣе Общество невропатологовъ и психіатровъ, онъ нашель сочувствіе, должную оцѣнку и побужденіе дѣлиться своими знаніями, результатами своихъ наблюденій. Здѣсь же онъ привыкъ, не конфузясь, говорить публично. Позднѣе ему пришлось выступить дѣятелемъ въ Пироговскомъ сѣздѣ, какъ человѣку уже авторитетному въ психіатрическомъ дѣлѣ, потомъ пришлось занять кафедру, какъ наиболѣе къ ней подготовленному и достойному кандидату, пришлось взяться за множество другихъ дѣлъ, потому что никто лучше его не могъ ихъ сдѣлать. А что служеніе людямъ на всѣхъ этихъ поприщахъ общественной и научной дѣятельности давало возможность наиболѣе плодотворнаго примѣненія его силъ и способностей, въ этомъ для него, при всей его скромности, не могло быть сомнѣній. Чѣмъ шире становилась задача, тѣмъ больше развивались силы и способности Корсакова.

Ясный сильный умъ освѣщаль ему поле дѣятельности; создавались идейныя стремленія и переходили въ дѣйствіе подъ напоромъ ярко горѣвшаго альтруистическаго чувства.

При совершенно исключительномъ сочетаніи высокихъ качествъ духа, выходящаго изъ ряда вонъ интеллекта и сильной воли, С. С. совершенно лишень былъ отрицательныхъ сторонъ ума и характера, свойственныхъ каждому смертному: у него не только не было того или другого порока, той или другой странности, отъ которыхъ несвободны и великіе люди, но вы напрасно стали бы искать въ немъ хотя мелкихъ недостатковъ или маленькихъ слабостей. Лишенный эгоистическихъ побуждений и привычекъ, онъ былъ свободенъ отъ внутреннихъ тормазовъ и радъ былъ всегда оказать помощь и услугу всякому, кто обращался къ нему даже и въ періодъ наибольшаго напряженія его общественной дѣятельности.

Для всѣхъ оставался онъ добрымъ, простымъ и привѣтливымъ человѣкомъ, несмотря на сложность и возвышенность задачъ, наполнявшихъ его умъ. Живя такою напряженной жизнью, работая за десятерыхъ, постоянно при исключительныхъ, истощающихъ нервы условіяхъ, нельзя сберечь свои силы до глубокой старости. Мы, друзья С. С., предпочли бы видѣть его менѣе дѣятельнымъ, но болѣе долговѣчнымъ. Мы предпочли бы, быть можетъ, чтобы онъ всю энергію сосредоточилъ на одной области и ограничился славою великаго ученаго. Раньше я упомянулъ Вирхова, стяжавшаго себѣ историческое имя въ тотъ первый періодъ своей дѣятельности, когда онъ работалъ только въ области патологической анатоміи.

Въ послѣднія три десятилѣтія мы встрѣчаемъ Вирхова дѣятелемъ въ разныхъ областяхъ; всюду онъ занимаетъ первенствующее положеніе, являясь авторитетомъ; но если бы не было первой половины его дѣятельности, весь міръ не чествовалъ бы его вчера. С. С. отклонилъ бы чествованія: они не гармонировали съ его духовной природой. Онъ не захотѣлъ бы жить для славы, не захотѣлъ бы купить себѣ нѣсколько лишнихъ лѣтъ жизни цѣною покоя и отказа отъ выполненія того, что онъ считалъ своимъ

долгомъ. Имя его все-таки будетъ жить въ наукѣ; память о немъ будетъ жить пока мы живы, а духъ его не умретъ на землѣ. При жизни его онъ сообщался окружающимъ ученикамъ и друзьямъ его, и это духовное наслѣдство будетъ передаваться дальше и дальше и въ этомъ — безсмертіе на землѣ, какого могъ желать покойный Корсаковъ, ибо оно выразится не въ прославленіи его имени, а въ продолженіи его дѣлъ и стремленій.

В. Ротъ.

Къ характеристикѣ научнаго значенія Сергѣя Сергѣевича Корсакова ¹⁾).

„Это сочетаніе—съ одной стороны удовольстворенія потребности предупреждать и облегчать страданія людей, а съ другой—потребности высшаго познанія дѣлаетъ нашу науку одной изъ такихъ наукъ, которымъ мыслящіе люди охотно посвящаютъ всю жизнь, несмотря на тягость труда. Человѣкъ, сознательно вступившій на служеніе этой наукѣ, почти никогда не покидаетъ ея: наоборотъ, онъ часто завѣщаетъ служеніе ей своимъ дѣтямъ и другимъ членамъ семьи“.

С. С. Корсаковъ.

Русская психіатрія ведетъ свое начало съ недавнихъ поръ. Ея Несторъ и основатель, профессоръ *Иванъ Михайловичъ Балинскій*, живъ и здравствуетъ до настоящаго времени. Устроенная имъ и открытая въ 1867 году первая клиника душевныхъ болѣзней при Военно-Медицинской Академіи сплотила вокругъ него кружокъ научно-образованныхъ психіатровъ, изъ которыхъ его непосредственный преемникъ и замѣститель, *Иванъ Павловичъ Мержезевскій*, въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 1876 г.) съ честью продолжалъ начатое дѣло и своими научными работами, такъ же какъ и практическою дѣятельностью, оказалъ важныя услуги нашей небогатаго дѣйствительными учеными родинѣ. Но этотъ кружокъ врачей,

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ соединенномъ засѣданіи Обществъ невропатологовъ и психіатровъ и Психологическаго 1-го октября 1901 г.

образовавшій изъ себя первое и долгое время остававшееся единственнымъ общество психіатровъ, представлялъ изъ себя какъ бы нѣчто чуждое, наносное по отношенію ко всей остальной Россіи, онъ являлся лишь оазисомъ среди безпредѣльной пустыни. Двадцать лѣтъ назадъ общее положеніе психіатрическаго дѣла въ Россіи было по истинѣ ужасно. Земскія больницы оставались въ томъ же невозможномъ видѣ, въ какомъ онѣ перешли въ вѣдѣніе земствъ отъ приказовъ. Первая земская больница для душевнобольныхъ, спеціально для этого построенная и отвѣчавшая современнымъ для той поры требованіямъ, была открыта тверскимъ земствомъ въ Бурашевѣ лишь въ 1884 г. Раньше она, какъ и въ другихъ губернскихъ городахъ, подъ именемъ дома умалишенныхъ, составляла придатокъ къ общей больницѣ, придатокъ одинаково непріятный и для врачей, и для администраціи и терпимый лишь какъ неизбѣжное зло. Завѣдываніе имъ поручалось кому-либо изъ ординаторовъ—хирургу, гинекологу или терапевту—какъ добавочное занятіе, не отнимающее при этомъ почти времени отъ настоящаго дѣла по общей больницѣ. Иногда къ этой по существу все-таки непріятной повинности по очереди привлекались всѣ врачи больницы, если только среди нихъ не оказывалось такого, которому нельзя было поручить иного болѣе отвѣтственнаго дѣла, чѣмъ завѣдываніе домомъ умалишенныхъ. И, дѣйствительно, это завѣдываніе было упрощено до нельзя: оно сводилось къ тому, что врачъ заходилъ на 10 минутъ въ такъ называемую аптечную комнату, гдѣ со словъ надзирателя вель полагаемая по закону исторіи болѣзни, прерывая отъ времени до времени однообразныя записи „тоже, тоже“ или „idem, idem“ короткими, но многозначительными замѣтками: „связанъ въ рукава“ или „умеръ тогда-то“. Описаніе проявленій болѣзни у вновь поступившихъ зачастую тоже дѣлалось заглазно со словъ того же надзирателя, и я врядъ ли погрѣшу противъ истины утверженіемъ, что въ этихъ старыхъ домахъ умалишенныхъ перебывало, вѣроятно, не мало больныхъ, которые поступали

и умирали (выздоровленіе было событіемъ исключительнымъ), не выдавши ни разу врача. Только лица, по чему-либо пришедшія въ столкновение съ закономъ, испытываемые призывались для личныхъ переговоровъ или, вѣрнѣе, для провѣрки того, что сообщалъ о нихъ надзиратель; при этомъ утвержденіе со стороны испытываемаго хотя бы, напр., того, что онъ Христосъ, вызывало немедленное распоряженіе связать его въ рукава и подвергнуть холодному душу на голову; нерѣдко запись на слѣдующій день гласила: „испытываемый отказался отъ своихъ словъ“. Сдѣлавъ въ исторіяхъ болѣзни необходимыя отмѣтки, врачъ спѣшилъ въ общую больницу, гдѣ нужно или принимать больныхъ, или присутствовать при операциі старшаго врача; иногда дѣлался и обходъ въ шубѣ и шапкѣ отъ входной двери до конца полутемнаго центрального коридора и обратно. — Больные, или озлобленные и неистовствующие, или же жалкіе и забитые всецѣло были предоставлены вѣдѣнію надзирателя и прислуги. Кормили ихъ остатками и обрѣзками, разбавляя водою и безъ того нежирныя щи, которые отпускались для соматическихъ больныхъ. Бѣлье и халаты давались только старые и рваные, которые нельзя уже было употреблять въ общей больницѣ; теплаго платья, конечно, не было и потому на лишенный всякой растительности дворъ больные „выгонялись“ по спеціальному распоряженію—только въ жаркіе лѣтніе дни. Лѣченія не было; но вмѣсто него въ широкихъ размѣрахъ практиковалось усмиреніе во всѣхъ видахъ; чаще всего для этого служили: ключи сторожей, холодные души, связываніе въ тяжелые кожаные рукава, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпи и кандалы, почти всюду—сажаніе въ темную и холодную. И это не одно только названіе, это, дѣйствительно, совершенно темное и не отапливаемое помѣщеніе, которое служило для укрощенія наиболѣе безпокойныхъ. Одно изъ такихъ помѣщеній я видѣлъ всего 15 лѣтъ назадъ: въ маленькомъ чуланѣ находились: кожаная кушетка и два прочныхъ деревянныхъ кресла, каждое съ дырою посрединѣ; больше тамъ уже ничего нельзя было

поставить, едва оставалось мѣсто для прохода. Самый возбужденный больной, связанный въ рукава, кромѣ того, привязывался еще неподвижно къ кушеткѣ; двое другихъ, тоже въ рукавахъ, прикручивались къ кресламъ, — и въ такомъ положеніи они должны были оставаться всю ночь, а иногда и больше — до усмирения, — награждая другъ друга отборною бранью и взаимнымъ оплевываніемъ.

Таково было положеніе если не всѣхъ, то громаднаго большинства провинціальныхъ больницъ. Но и въ Москвѣ дѣло стояло немногимъ лучше. Преподаваніе психіатріи хотя и входило въ университетскую программу, но было чисто теоретическимъ, въ видѣ небольшого придатка къ учению о нервныхъ болѣзняхъ; клиники не было, и врачи оканчивали курсъ, не издавши ни одного душевнобольного. На весь городъ и губернію была только одна Преображенская больница, находившаяся въ вѣдѣніи приказа и подъ непосредственнымъ управленіемъ попечителя не-врача. Въ праздничные дни больница наполнялась любопытными посѣтителями, доступъ для которыхъ былъ совершенно свободный, а московскія купчихи толпами осаждали слабоумнаго больного, пріобрѣтшаго репутацію прорицателя. Отъ врачей требовалось только одно специальное знаніе — это умѣніе связывать больныхъ; правда, кожаные рукава, употреблявшіеся въ провинціи, были замѣнены горячечными рубашками, но эта замѣна, какъ и всякое усовершенствованіе, требовала и болѣе сложныхъ пріемовъ. Рукава представляли изъ себя хомутъ, или, вѣрнѣе, кожаный панцырь, хотя крайне тяжелый и неудобный, но сидѣвшій одинаково хорошо, кто бы ни облачалъ въ него; это была разъ навсегда вылившаяся форма. Связываніе посредствомъ рубашки требовало уже значительнаго индивидуальнаго искусства: больной, связанный свободно, легко могъ развязаться, съ другой стороны, слишкомъ тугое связываніе вызывало иной разъ не только параличи отъ сдавленія нервовъ, но даже и омертвѣніе конечностей. И хотя прислуга связывала больныхъ по своему собственному усмотрѣнію, однако над-

зоръ за тѣмъ, хорошо ли связанъ больной, принадлежалъ врачамъ: понятно поэтому, что старшій врачъ никому не уступалъ чести обученія этому искусству, и самъ руководилъ занятіями вновь поступающихъ врачей.—Если къ этому прибавить, что 20 лѣтъ назадъ въ Россіи не существовало еще ни одного спеціальнаго журнала (теперь ихъ выходитъ 4), не существовало ни одного, не только оригинальнаго, но даже и переводнаго руководства по психіатриі—первое изданіе *Krafft-Ebing'a* на русскомъ языкѣ появилось только въ 1881 г. — то до нѣкоторой степени можно представить себѣ ту неблагоприятную обстановку, среди которой началась дѣятельность Сергѣя Сергѣевича.

Тотчасъ по окончаніи курса въ 1875 году онъ поступилъ штатнымъ ординаторомъ въ Преображенскую больницу, но уже черезъ годъ оставилъ ее, получивъ приглашеніе занять мѣсто ординатора нервной клиники, находившейся тогда еще въ Ново-Екатерининской больницѣ въ завѣдываніи *А. Я. Кожевникова*. Черезъ 3 года, т.-е. въ 1879 г., Сергѣй Сергѣевичъ снова возвращается въ Преображенскую больницу на этотъ разъ уже въ качествѣ сверхштатнаго ординатора, не захотѣвъ перебивать дороги у старшаго по службѣ товарища. И вотъ, уже черезъ 6 лѣтъ своей самостоятельной врачебной дѣятельности, — изъ которыхъ притомъ 3 года прошли въ изученіи не душевныхъ, а нервныхъ болѣзней — онъ выполняетъ громадную по своимъ практическимъ послѣдствіямъ работу, кореннымъ образомъ измѣняющую все предшествующее отношеніе къ душевнобольнымъ. Завѣдуя частною лѣчебницею *М. Ф. Беккеръ*, онъ въ 1881 г. рѣшаетъ изгнать примѣненіе какихъ-либо насильственныхъ мѣръ при лѣченіи душевнобольныхъ и первый не только въ Москвѣ, но и въ Россіи, отказывается *безусловно* отъ употребленія горячечной рубашки и связыванія больныхъ въ какомъ бы то ни было видѣ. „Для осуществленія этой идеи нужны были тѣ качества ума и сердца, которыми обладалъ С. С.“,—говоритъ его ближайшій помощникъ въ то время, д-ръ *Баженовъ* — „его безконечная любовь и жалостливость

къ больнымъ, его несокрушимая вѣрность тому, что онъ считалъ принципиально правильнымъ и истиннымъ, его изумительная энергія и строгость къ себѣ и его самоотверженная настойчивость въ работѣ, граничившая съ подвигомъ“. „Двадцать лѣтъ тому назадъ для дѣла, которое представляется теперь намъ простымъ, естественнымъ, обязательнымъ,—необходимъ былъ человекъ, который не колебался бы отдать ради торжества извѣстной идеи безъ счета и свое время, и свой трудъ, и свое здоровье. И мы видѣли Сергѣя Сергѣевича, въ тѣ годы уже извѣстнаго въ Москвѣ врача, врача, что называется на расхватъ, урывавшаго для лѣчебницы часы отъ своего сна и отдыха и бравшаго на себя обязанности, если нужно, надзирателя или сидѣлки, не жалѣя своего времени и не щадя своихъ силъ, лишь бы научить окружающихъ и показать на примѣрѣ, какъ проводится въ жизнь психіатрическаго учрежденія принципъ нестѣсненія“. — Безъ руководителя, не имѣя личного опыта, при протестѣ со стороны старыхъ служащихъ осуществилъ Сергѣй Сергѣевичъ свой трудъ-подвигъ—освобожденіе душевнобольныхъ отъ мѣръ стѣсненія. Первая проба была очень тяжелая: какъ разъ въ тотъ годъ въ лѣчебницѣ находился крайне возбужденный и обладавшій громадною физическою силою больной съ склонностью къ разрушенію; достаточно сказать, что послѣ его выздоровленія пришлось за-ново ремонтировать тотъ флигель, въ которомъ онъ находился. Конечно, произведенныя этимъ больнымъ разрушенія въ значительной степени зависѣли отъ новизны дѣла и недостаточной еще опытности самихъ руководителей, но это имѣло въ то же время и свою хорошую сторону. Разъ удалось послѣдовательно провести систему нестѣсненія по отношенію къ наиболѣе трудному для ухода больному, то сами собою падали возраженія противъ примѣненія этой системы и въ другихъ, обыкновенныхъ случаяхъ.—Начатый въ скромныхъ размѣрахъ въ частной лѣчебницѣ принципъ нестѣсненія мало-по-малу проникъ во всѣ московскія больницы, и затѣмъ распространился и

на большую часть русских больниц вообще. И если въ настоящее время мы не считаемъ больницу, гдѣ примѣняется связываніе, благоустроенною и отвѣчающею своей задачѣ, то этимъ мы обязаны всецѣло С. С., начавшему всю работу на свой страхъ и рискъ и блестяще ее выполнившему. Принципъ нестѣсненія совершенно измѣняетъ отношеніе врача и всего ухаживающаго персонала къ больнымъ; онъ заключаетъ въ себѣ не только одну отрицательную сторону—отказаться отъ связыванія, но содержитъ въ себѣ еще болѣе важную положительную сторону, въ которой главнымъ образомъ и состоитъ все его громадное значеніе. Необходимо создать для больныхъ такія условія, которыя дѣлали бы связываніе совершенно излишнимъ и тогда оно, какъ ненужная жестокость, падаетъ само собою. „Отрицательная сторона—быстрое рѣшительное изгнаніе рубашки важно тѣмъ, что оно ставитъ неминуемое требованіе сразу все улучшить, сразу ввести положительную сторону“¹⁾. Въ эту положительную сторону входятъ, кромѣ хорошаго, гигиеническаго помѣщенія, питательной пищи, удобной и чистой одежды, правильнаго распредѣленія времени, развлеченій и широкаго примѣненія труда, еще нѣкоторыя условія, которыя я передамъ словами самого С. С.²⁾. „При всемъ этомъ необходимы ласковое, дружелюбное отношеніе къ душевнобольнымъ, забота о разныхъ мелочахъ ихъ жизни, стараніе понять, что каждому изъ больныхъ желательно и, по возможности, удовлетворить. А если можно приобрѣсти любовь больного исполненіемъ многихъ мелкихъ его потребностей, то тутъ даже небольшое выраженіе неудовольствія будетъ дѣйствовать дисциплинирующимъ образомъ, и этимъ можно будетъ замѣнить то „лѣчебное“ свойство рубашки, которое многіе хвалятъ“. „Врачъ, желающій вводить у себя систему по-restraint, долженъ помнить, что безъ него ничего не можетъ выйти, что онъ долженъ рѣшительно

1) С. Корсаковъ. Къ вопросу о нестѣсненіи. Труды 1-го сѣзда отеч. псих., стр. 434.

2) Ibid., стр. 427.

во все вмѣшиваться, входить во всѣ мелочи, что присутствіе врача въ заведеніи должно быть гораздо больше при системѣ no-restraint, чѣмъ при другой системѣ“. „Чѣмъ больше no-restraint для больныхъ, тѣмъ больше restraint для врача“. Къ этимъ условіямъ относится далѣе „правильное лѣченіе, индивидуализація каждого случая, стараніе объяснить себѣ всякій симптомъ и разумное примѣненіе всякихъ средствъ. Нѣтъ ничего хуже, какъ необдуманное употребленіе сильно дѣйствующихъ средствъ для устраненія только припадковъ. Употребленіе, на примѣръ, наркотическихъ безъ показанія со стороны самой болѣзни, а только для удаленія непріятнаго симптома, на примѣръ, крика, буйства, очень вредно. Больному буйному буйство не вредитъ, а хлораль можетъ ему повредить, а чтобы онъ не вредилъ другимъ, нужно только его удалить отъ другихъ и правильно помѣстить“. Разобравъ отдѣльные случаи, въ которыхъ совѣтовали примѣнять связываніе, и указавъ тѣ мѣры, которыми оно не только безъ ущерба, но и съ успѣхомъ, можетъ быть замѣнено, С. С. прибавляетъ: „Я не могу, конечно, перечислить все то, что входить въ составъ положительной стороны системы no-restraint, и именно потому эта сторона постоянно живая, постоянно растетъ: умъ человѣческой, руководимый требованіями гуманности, постоянно изобрѣтаетъ все новыя средства и способы, чтобы приблизить жизнь душевнобольныхъ къ жизни обыкновеннаго человѣка, не ставя его въ условія большей опасности,—а сумма этихъ средствъ и способовъ и составляетъ положительную сторону нестѣсненія“. — Главныя условія однако всѣ перечислены: это любовь и интересъ къ вѣтому на себя дѣлу со стороны врача, вниканіе во всѣ самыя мелкія нужды и потребности больныхъ при полномъ желаніи всегда ихъ выполнить, если только онѣ допустимы, строгая индивидуализація и самое тщательное до мельчайшихъ подробностей изученіе каждого больного, а во главѣ всего—человѣческой умъ, руководимый требованіями гуманности. Эти условія, дѣйствительно, превращаютъ связыва-

ніе въ совершенно излишнюю мѣру жестокости, пытку для больного и врача, и они-то и создали особенность той школы врачей-психіатровъ, которая получила названіе Московской, но вѣрнѣе можетъ быть названа Корсаковскою. „Кто изъ насъ не покраснѣлъ бы“, говоритъ д-ръ Н. Н. *Баженовъ*, „если бы ему пришлось сознаться Сергѣю Сергѣевичу, что онъ прибѣгаетъ еще къ связыванію своихъ пациентовъ?!“ Я думаю, кто изъ насъ не покраснѣлъ бы передъ самимъ собою, даже при одной мысли обратиться къ этому средству, такъ какъ уже мысль о связываніи свидѣтельствовала бы о своей внутренней несостоятельности, о неспособности правильно выполнять то дѣло, которое поручено, и, можетъ быть, объ отсутствіи ума, руководимаго гуманностью.

Принципъ нестѣсненія настолько вошелъ въ нашу плоть и кровь, положительная сторона его такъ далеко отодвинула даже малѣйшую потребность прибѣгать къ связыванію съ какою бы то ни было цѣлью,—не говорю уже лѣчебною, но даже и въ смыслѣ видимаго и полицейскаго порядка,—что защитники связыванія кажутся намъ говорящими на какомъ-то совершенно непонятномъ для насъ языкѣ. А вотъ что, между прочимъ, мы читаемъ въ клиническихъ лекціяхъ по душевнымъ болѣзнямъ старшаго врача Петербургской психіатрической клиники д-ра *Эрлицкаго*,—лекціяхъ, вышедшихъ въ 1896 году. „Въ дѣйствительности система абсолютнаго по-restraint'a заслуживаетъ болѣе, чѣмъ порицанія, примѣненіе ея составляло бы жестокое варварство, не согласующееся съ основными правилами гуманности и не приличествующее званію врача. Всѣ громогласныя заявленія кабинетныхъ психіатровъ на сѣздахъ, въ печати и съ кафедръ о фактическомъ примѣненіи абсолютнаго по-restraint'a въ управляемыхъ ими заведеніяхъ есть одна только безцеремонная неправда или злая комедія“ ¹⁾. А черезъ нѣсколько строкъ этой суровой критики находимъ и собственные положительные указанія. „Когда же буйство маниака доходить

1) *Эрлицкій*. Клиническія лекціи по душевн. болѣзн. С.-Пб. 1896 г., стр. 222.

до крайнихъ предѣловъ и угрожаетъ опасными послѣдствіями для него самого и для окружающихъ, тогда сейчасъ же надо прибѣгнуть къ наложенію смирительнаго камзола, благотворное вліяніе котораго, какъ успокаивающаго средства, независимо отъ всякой другой пользы, несомнѣнно доказано клиническимъ наблюдениемъ. Чѣмъ раньше въ такихъ случаяхъ надѣть на больного смирительный камзолъ, тѣмъ больше шансовъ скоро его снять, такъ какъ больной быстрѣе успокаивается. Я могу здѣсь отмѣтить только фактическую неправду: клиническія наблюденія, наоборотъ, показываютъ, что связываніе не успокаиваетъ, а усиливаетъ возбужденіе; врачи, переставшіе употреблять связываніе, перестали видѣть и крайнія степени возбужденія и готовы изгнать изъ своей классификаціи столь частую прежде форму гнѣвной маніи или *mania furibunda*. Что же касается до самой основы этого взгляда, то я могу только опять повторить, что благодаря С. С. она слишкомъ для насъ чужда и непонятна, какъ непонятна была бы проповѣдь о пользѣ пытокъ и смертной казни, какъ чужды трубные клики о величіи кулака, хотя бы и одѣтаго въ броню.

Стремленіе какъ можно больше расширить положительную сторону нестѣсненія, эту, по выраженію С. С., вѣчно живую сторону, поставить больного какъ можно ближе къ обычнымъ и близкимъ для него условіямъ жизни, выразилось, помимо изгнанія горячечной рубашки,—и въ другихъ отношеніяхъ. Въ частной лѣчебницѣ Беккеръ С. С. первый, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, уничтожилъ рѣшетки въ окнахъ нѣсколькихъ отдѣленій; благодаря ему сняты рѣшетки во всѣхъ отдѣленіяхъ психіатрической клиники; благодаря ему вновь устраиваемыя больницы, какъ губернская земская въ с. Мещерскомъ и городская на Канатчиковой дачѣ нашли точно такъ же возможнымъ обходиться безъ рѣшетокъ или оставлять ихъ въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ (Канатчикова дача). Далѣе, онъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи рекомендовалъ способъ такъ наз. посемейнаго призрѣнія больныхъ (т. н. *patronage fami-*

lial) ¹⁾, заключающагося въ томъ, что покойные и безопасные больные отдаются на попеченіе въ чужія семьи крестьянъ или городскихъ жителей, оставаясь въ то же время подъ постояннымъ контролемъ больничной администраціи; этотъ способъ призрѣнія, практиковавшійся въ то время въ широкихъ размѣрахъ въ Шотландіи и Бельгіи, отчасти Германіи, нашель затѣмъ себѣ примѣненіе и у насъ (Рязань, Екатеринославъ, Москва, Балахна Нижегородской г.) Накононецъ, къ этой же категоріи практическихъ мѣропріятій слѣдуетъ отнести и введеніе въ клиникѣ постельнаго содержанія больныхъ и обусловленное имъ уничтоженіе т. н. буйнаго или изоляціоннаго отдѣленія. Заслуживаетъ вниманія, что какъ изгнаніе связыванія не ограничилось только отрицательною стороною, а повелѣ за собою цѣлый рядъ положительныхъ мѣръ, имѣющихъ всегда въ виду, что душевнобольной отличается отъ другихъ больныхъ, что онъ боленъ психически и нуждается поэтому въ особомъ надзорѣ и уходѣ, точно также и послѣдующія нововведенія не просто уничтожали прежнее, а замѣняли его лучшимъ и болѣе совершеннымъ, при чемъ не упускались изъ виду особенности больныхъ. Такъ рѣшетки уничтожены, такъ какъ онѣ производятъ на всѣхъ больныхъ крайне дурное впечатлѣніе; но зато рамы устроены такъ, что выброситься изъ окна, не разбивъ стекла, невозможно. Уничтожены изоляторы, введено постельное содержаніе и тѣмъ самымъ достигнута внѣшній порядокъ больницъ и спокойствіе больныхъ. Сергѣй Сергѣевичъ считаетъ необходимымъ предупредить возможность злоупотребленія этой системою постельнаго режима. Онъ обращаетъ вниманіе, что эта система ведетъ къ бездѣятельности, успокоенію не только больныхъ, но и врачей, требуетъ строгой индивидуализаціи въ назначеніи этого режима и указываетъ на необходимость во многихъ случаяхъ не подавлять, а, наоборотъ,

¹⁾ Къ вопросу о призрѣніи душевнобольныхъ на дому. Труды 1-го съѣзда отеч. псих. 1887

возбуждать психическую энергію больныхъ; поэтому система постельнаго содержанія не можетъ и не должна вытѣснять совершенно другихъ способовъ воздѣйствія на больного, при чемъ трудъ, развлеченія, психическое вліяніе во многихъ случаяхъ должны быть признаны настолько же необходимыми, какъ и при другихъ системахъ лѣченія. Обыкновенно говорятъ, замѣчаетъ онъ, что душевныя болѣзни подобны соматическимъ, и если покой необходимъ для послѣднихъ, то онъ одинаково нуженъ и для первыхъ; при этомъ однако упускаютъ изъ виду, что при лѣченіи соматическихъ болѣзней часто прибѣгаютъ къ упражненіямъ и усиленнымъ движеніямъ. Тѣ изъ товарищей, которые съ удовольствіемъ отмѣчаютъ, что подъ вліяніемъ постельнаго режима больницы для душевнобольныхъ становятся во многихъ отношеніяхъ сходными съ соматическими больницами, забываютъ, что это далеко нельзя считать похвалою: въ хорошо устроенной больницѣ для душевнобольныхъ должно дѣлаться гораздо больше для больныхъ, чѣмъ въ общихъ больницахъ, не имѣющихъ часто даже сада для прогулокъ, и въ этомъ отношеніи не больницы для душевнобольныхъ должны подражать общимъ больницамъ, а наоборотъ.—Я обращаю особенно вниманіе на эти цѣнныя указанія. При всемъ нашемъ желаніи сблизить душевныя разстройства съ областью внутренней патологіи и при дѣйствительномъ и несомнѣнномъ родствѣ этихъ двухъ отдѣловъ медицины, мы тѣмъ не менѣе не должны никогда упускать изъ вида и существеннаго различія между ними. Поэтому положительная сторона въ дѣлѣ ухода за душевнобольными попрежнему должна оставаться вѣчно живою и не стремиться къ замѣнѣ вниканія въ мельчайшія потребности больного смиреннымъ камзоломъ. Иначе мы легко придемъ къ соединенію системы постельнаго содержанія съ системою камзоловъ и рукавовъ, какъ это и практиковалось, да практикуется и теперь, въ дореформенныхъ больницахъ.

Если бы дѣятельность Сергѣя Сергѣевича ограничилась

только тѣмъ крупнымъ переворотомъ, который онъ внесъ въ установившіяся издавна отношенія къ душевноболѣннымъ, то и тогда она составила бы для него незыблیمый памятникъ. Его вліяніе и въ этомъ, такъ сказать, практическомъ отношеніи нельзя считать только мѣстнымъ, московскимъ; его прямыя ученики и примкнувшіе къ нему послѣдователи проводятъ въ жизнь его взгляды въ наиболѣе отдаленныхъ углахъ Россіи. Удобства международныхъ сношеній, сѣзды, сближающіе врачей всѣхъ національностей, легко позволяютъ заимствовать хорошее—часто невольно и безсознательно—и за предѣлами своей родины. И кто знаетъ, насколько велико вліяніе Россіи и Москвы хотя бы въ томъ, что въ прошломъ году мы видѣли во Франціи уже нѣсколько больницъ, гдѣ изгнано связываніе больныхъ, тогда какъ 15 лѣтъ назадъ только одинъ *Magnan* не связывалъ въ своемъ отдѣленіи, и я нигдѣ не видѣлъ такой массы привязанныхъ къ кресламъ больныхъ, какъ въ государственной больницѣ Шарантонъ, устройство которой имѣло цѣлью служить образцомъ для всѣхъ французскихъ больницъ. Что же касается постельнаго содержанія, то можно установить уже съ несомнѣнностью, что, хотя этотъ методъ давно былъ извѣстенъ и съ успѣхомъ примѣнялся въ Германіи, главный толчекъ къ тому живому интересу, который онъ возбудилъ въ послѣдніе годы и который обусловилъ принятіе его и во Франціи, шель изъ Россіи.

Но Сергій Сергѣевичъ сдѣлалъ больше, давъ классическое описаніе новой просмотренной до того болѣзненной формы, за которою уже утвердилось названіе Корсаковской. Это—психическое разстройство въ сочетаніи со множественнымъ невритомъ, названное имъ полиневритическимъ психозомъ или *cerebropathia psychica toxæmica*.

Нужно замѣтить, что въ то время ученіе о множественномъ невритѣ только что развивалось. Въ Европѣ тогда гремѣло имя *Charcot*, пользовавшагося наибольшимъ авторитетомъ въ области невропатологіи. Описанныя еще геніальнымъ клиницистомъ *Duchenne* мъ Булонскимъ различныя

формы „спинальных“ параличей, скоро благодаря *Charcot* и его ученикамъ нашли себѣ и соотвѣтствующую анатомическую подкладку въ видѣ пораженія клѣтокъ переднихъ роговъ спинного мозга. „Благодаря необыкновенной преподавательской способности профессора *Charcot*, его умѣнью представить самыя запутанныя части нервной патологіи въ чрезвычайно понятной, хотя и нѣсколько схематичной формѣ, ученіе о пораженіи клѣтокъ переднихъ роговъ стало наиболѣе любимымъ отдѣломъ невропатологовъ всѣхъ странъ“. „Въ то время, когда ученіе о полиоміэлитѣ привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе, о значеніи заболѣванной периферической нервной системы для атрофическихъ параличей было позабыто; всякій параличъ съ атрофіею считался спинномозговымъ. Правда, сообщались отдѣльные случаи, гдѣ при атрофическихъ параличахъ не было найдено измѣненій въ нервныхъ клѣткахъ переднихъ роговъ, а было найдено измѣненіе только въ периферическихъ нервахъ, но эти факты до поры до времени, не вліяли на измѣненіе взглядовъ ученыхъ... Наконецъ, въ 1880 году появилась статья *Leyden's* Ueber Poliomyelitis und Neuritis, въ которой авторъ чрезвычайно обстоятельно указалъ на необходимость существенной провѣрки всего, что намъ извѣстно о полиоміэлитѣ, и настаивалъ на необходимости признать самостоятельную форму множественнаго неврита“¹⁾. Эта работа обратила на себя вниманіе всѣхъ невропатологовъ и послужила наиболѣе сильнымъ толчкомъ къ развитію всего современнаго ученія о множественномъ невритѣ, вначалѣ встрѣтившаго однако довольно большое недовѣріе со стороны терапевтовъ; я помню время, когда нѣкоторые московскіе корифеи не безъ ядовитости замѣчали, что на латинскую діагностику врачей „neuritis“ пациенты могутъ съ увѣренностью отвѣчать русскими словами „не вритесь“. Но... „по-

1) С. С. Корсаковъ. Объ алкогольномъ параличѣ. Диссерт. 1887 г. стр. 375—577.—Къ ученію о патогенезѣ атрофическаго спинальнаго паралича и множественнаго невроза. Архивъ псих. 1887. См. также. Les paralysies alcooliques. Archivio di Psichiatria. 1890.

сыпались факты, подтверждающіе новый взглядъ, и увлеченіе дошло до того, что явилось даже сомнѣніе, не всегда ли вызываются невритами тѣ измѣненія, которыя прежде приписывались поліоміэлитамъ, а что самыя измѣненія въ клѣткахъ переднихъ роговъ суть измѣненія послѣдовательныя за пораженіемъ периферическихъ нервовъ. Это сомнѣніе не подтвердилось, а съ другой стороны были и такіе ученые, которые не рѣшались отказаться отъ прежняго взгляда и которые утверждали, какъ *Erb*, что невритъ, фактическое существованіе котораго нельзя было отрицать, есть все-таки слѣдствіе пораженія клѣтокъ переднихъ роговъ“.

Еще до появленія работы *Leiden*'а, будучи ординаторомъ нервной клиники, Сергій Сергѣевичъ сталъ собирать матеріаль по интересующему ему вопросу, а осенью 1886 г. была закончена наиболѣе полная изъ всѣхъ существующихъ монографія „объ алкогольномъ параличѣ“, заключающая въ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ это обѣщаетъ скромное названіе, такъ какъ въ сущности его диссертация представляетъ подробную и чрезвычайно полную разработку вопроса о множественномъ невритѣ вообще. Его основной выводъ, что анатомическою подкладкою алкогольнаго паралича, который считался то эссенціальнымъ пораженіемъ, т.-е. безъ анатомическихъ измѣненій, то спинномозговымъ страданіемъ,—что анатомическою подкладкою долженъ считаться множественный невритъ, хотя, прибавляетъ онъ, есть много оснований предполагать, что при этой болѣзни могутъ быть измѣненія и въ спинномъ мозгу, и въ головномъ. Долженъ прибавить, что дальнѣйшія наблюденія все болѣе и болѣе подтверждаютъ это предположеніе. Работа С. С. окончательно закрѣпила право гражданства множественнаго неврита въ Россіи; но этого мало, его собственныя наблюденія внесли въ это ученіе много новаго, существеннаго и обрисовали уже во весь ростъ талантливаго клинициста, съ увѣренностью прокладывающаго новые пути. „Корсаковская“ болѣзнь—названіе, получившее свое начало не у

насть, а за границей—создала ея автору всемірное имя и это имя принадлежит уже не къ исторіи Москвы или Россіи, а къ исторіи медицины, которая не знаетъ народностей.

Помимо своей диссертациі, С. С. посвятилъ еще цѣлый рядъ статей ¹⁾ на русскомъ и иностранномъ языкахъ для выясненія и обоснованія описанной имъ болѣзненной формы. Симптомы со стороны психической дѣятельности при Корсаковской болѣзни настолько типичны и характерны, что ихъ наличность нерѣдко даетъ ключъ къ пониманію всего болѣзненнаго процесса, заставляетъ искать и дѣйствительно находить соотвѣтствующіе имъ физическіе симптомы, часто нерѣдко выраженные и не обращающіе поэтому вниманія при бѣгломъ изслѣдованіи. А совокупность тѣхъ и другихъ дѣлаютъ изъ нея единственное—за исклю-

1) 1. Разстройство психической дѣятельности при алкогольномъ параличѣ. Вѣстникъ психіатріи и невроп. т. IV, вып. 2.

2. Психическое разстройство въ сочетаніи съ множественнымъ невритомъ. Медицинское „Обозрѣніе“ 1889.

Эта работа переведена на французскій и нѣмецкій языкъ подъ названіями:

а) Sur une forme de maladies mentales combinée avec la neurite multiple dégénérative (Compte-rendu du Congrès international de médecine mentale. 1891).

б) Eine psychische Störung combinirt mit multipler Neuritis. (Psychosis polyneuritica, Cerebropathia psychica toxæmica). Allg. Zeitschr. f. Psych. 1890.

3. Нѣсколько случаевъ своеобразной церебропатіи при множественномъ невритѣ. „Еженед. Клинич. Газета“. 1884.

Переведена на нѣмецкій языкъ подъ названіемъ:

Ueber eine besondere Form psychischer Störung combinirt mit multipler Neuritis. Arch. f. Psychiatrie XXI, 3.

4. Къ симптоматологіи полинейритической формы послѣтифозныхъ психозовъ. Сборникъ посвящ. А. П. Кожевникову. 1890.

5). (Вмѣстѣ съ В. П. Сербскимъ:) Случай полиневритическаго психоза съ аутопсию. Тамъ же.

Переведена на нѣмецкій языкъ подъ названіемъ. Ein Fall von polyneuritischer Psychose mit Autopsie. Arch. f. Psych. XXII. Сюда же должны быть отнесены:

6. Etude médico-psychologique sur une forme des maladies de la mémoire. Revue philosophique. 1889.

7. Erinnerungstäuschungen (Pseudoreminiscenzen) bei polyneuritischer Psychose. Zeitschr. f. Psych. 1891.

ченіемъ, можетъ быть, прогрессивнаго паралича—психическое заболѣваніе, при которомъ прижизненныя явленія даютъ намъ увѣренность безошибочно предсказать тѣ измѣненія, какія будутъ найдены патолого-анатомомъ. А въ этомъ лежитъ залогъ, что „Корсаковская болѣзнь“ не эфемерное созданіе, а устоитъ противъ напора и будущихъ вѣковъ.

Это наиболѣе крупное за послѣднія десятилѣтія завоеваніе въ области психіатріи отнюдь не заслоняетъ собою другія стороны научной дѣятельности С. С.—При томъ хаосѣ воззрѣній, который характеризовалъ до появленія классической работы *Meunier*'а объ *Amentia*—взгляды психіатровъ на острые формы психическихъ заболѣваній, его докладъ на IV сѣздѣ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова ¹⁾ устанавливаетъ цѣнныя точки опоры для различенія острой спутанности и остраго помѣшательства; здѣсь же намѣчена вторая „Корсаковская“ болѣзнь—названная имъ *raganois hyperphantasica*, гдѣ бредъ связанъ главнымъ образомъ съ продуктами фантазіи.—Стремленіе къ тщательному изученію не только психическихъ отклоненій, но и физическихъ особенностей душевнобольныхъ приводитъ къ усовершенствованію прибора Антельма ²⁾, позволяющему измѣрять головы и очень маленькія, напр. человѣка—птицы (*Добосъ-Яноса*), интересное описаніе котораго сдѣлано С. С. ³⁾, на ряду съ сопоставленіемъ этого микросоматическаго субъекта съ микроцефалкою и

¹⁾ Къ вопросу объ острыхъ формахъ умопомѣшательства. Труды IV сѣзда общ. рус. вр. въ память Н. И. Пирогова. Москва 1891.—„Медиц. Обзор.“ 1891.

²⁾ Одинъ изъ недостатковъ прибора Антельма тотъ, что онъ несовсѣмъ удобенъ для головъ очень маленькихъ (напр. микроцефаловъ) и имъ можно рисовать только тѣ кривыя, которыя соотвѣтствуютъ плоскостямъ меридіаловъ. Измѣненія, внесенныя С. С., позволяютъ нарисовать окружность, соотвѣтствующую наибольшему длиннику. Его приспособленіе даетъ также возможность примѣнять кефалометръ Антельма для той цѣли, для которой назначенъ энцефалометръ Д. Н. Зерновт и пользоваться его атласомъ. См. „Курсъ Психіатріи“. 2-е изд. стр., 490.

³⁾ Случай своеобразной микросоматіи. Проток. общ. невроп. и псих. при Москов. унив. 1894.

карликомъ.—Написанный по порученію бюро психіатрической секціи XIII международнаго сѣзда въ Парижѣ на программную тему докладъ о постельномъ содержаніи душевнобольныхъ ¹⁾ представляетъ наиболѣе полную и обоснованную работу по этому вопросу. Въ этомъ докладѣ въ значительной степени примиряются нерѣдко діаметрально противоположные взгляды отдѣльныхъ изслѣдователей указаніемъ на то, что „подъ постельнымъ содержаніемъ разумѣлось часто не одно и то же: въ то время, какъ одни говорили о постельномъ содержаніи, какъ „о системѣ“ общаго строя лѣчебницы, другіе говорили о немъ только какъ о терапевтическомъ приѣмѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, между тѣмъ эти двѣ стороны постельнаго содержанія должны быть строго различаемы“.

„Психіатрія,—говорить С. С., — изо всѣхъ медицинскихъ наукъ наиболѣе близко ставитъ насъ къ вопросамъ философскимъ. Познаніе самого себя, познаніе высшихъ душевныхъ свойствъ человѣка — было всегда однимъ изъ самыхъ глубокихъ стремленій мыслящихъ людей, а психіатрія даетъ больше другихъ отраслей медицины матеріала для этого. Изученіе душевныхъ проявленій, столь удобное для психіатра, сообщаетъ такое множество свѣдѣній первостепенной важности, что многіе психологи считаютъ необходимымъ для себя ознакомленіе съ нашей наукою; множеству фактовъ она даетъ новое толкованіе, проливаетъ свѣтъ на неясныя стороны душевной жизни“ ²⁾. Психологіею С. С. интересовался еще со времени студенчества; интересъ къ

¹⁾ De l'alitement (repos au lit) dans le traitement des formes aiguës des maladies mentales et les modifications qu'il pourrait entraîner dans l'organisation des établissements consacrés aux aliénés.—XIII Congrès international de médecine. Paris. Masson et Cie éditeurs. 1900.

Постельное содержаніе при лѣченіи острыхъ формъ душевныхъ болѣзней и вызываемыя имъ измѣненія въ организаціи заведеній для душевнобольныхъ „Журналъ Невропатологіи и Психіатріи имени С. С. Корсакова“. 1901. Кн. 1 и 2.—Въ извлеченіи, прочитанномъ на сѣздѣ В. П. Сервскимъ, этотъ докладъ напечатанъ въ Archives de Neurologie (№ 58, Octobre 1900) и въ „Клиническомъ Журналѣ“ (№ 9, сентябрь, 1900).

²⁾ Курсъ психіатріи. Изд. 2-е, стр. 8.

ней и обусловилъ главнымъ образомъ выборъ его врачебной специальности, за узкими рамками которой крылось глубокое стремленіе къ „познанію высшихъ духовныхъ свойствъ человѣка“. Изъ его работъ, относящихся къ этой области, однѣ тѣсно связаны съ изученіемъ душевныхъ разстройствъ—таковы изслѣдованія о разстройствахъ памяти ¹⁾, о психологіи микроцефаловъ ²⁾, — другія носятъ характеръ чисто психологическій ³⁾.

Съ другой стороны психіатрія больше другихъ отраслей медицины выдвигаетъ цѣлый рядъ чисто практическихъ вопросовъ, крайне важныхъ и сложныхъ, нерѣдко тѣсно связанныхъ съ другими отдѣлами наукъ, какъ, напр., юриспруденціею. Вопросы судебной экспертизы ⁴⁾, мѣры противъ алкоголизма ⁵⁾, устройство больницъ и пріютовъ для душевнобольныхъ и алкоголиковъ, выработка практической классификаціи для отчетности заведеній, включеніе душевной болѣзни въ число законныхъ поводовъ для развода ⁶⁾ и

1) Помимо вышеуказанныхъ статей сюда относится одинъ отдѣлъ изъ читаннаго имъ курса по общей психопатологіи: „Болѣзненные разстройства памяти и ихъ діагностика“. Москва, 1889.

2) Къ психологіи микроцефаловъ. „Вопр. филос. и психол.“ 1894. Кн. 21 (1).

3) Къ вопросу о свободѣ воли. Труды московскаго психологическаго общества, вып. 3. 1889.—Замѣчанія по поводу статьи Л. М. Лопатина: о подвижныхъ ассоціаціяхъ. „Вопр. филос. и психол.“ 1893, кн. 20 (5), стр. 169—Замѣчанія по поводу книги Н. Н. Ланге: Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Тамъ же. 1894, кн. 24 (4), стр. 395.

4) Положеніе по вопросу о судебно-психіатрической экспертизѣ. «Юридическій Вѣстникъ». 1892.

5) *Lois et mesures prophylactiques contre l'alcoolisme.* Archivio di Psichiatria. 1890.

6) Къ составленному мною списку печатныхъ работъ С. С. („Медицинское Обозрѣніе“ 1900, июнь; см. такъ же біографію В. К. Рота въ Журналѣ невропатологіи и псих. имени С. С. Корсакова, 1901, кн. 1), слѣдуетъ присоединить: „Къ вопросу о необходимости включить душевную болѣзнь въ число законныхъ причинъ расторженія брака“. Отчеты о засѣданіяхъ общ. невроп. и псих., состояшаго при Импер. Моск. Унив. за 1897—1898 и сл. Москва. 1901, стр. 111. Этотъ докладъ какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, съ какою тщательностью относился С. С. ко всякой принятой на себя обязанности, хотя бы и въ скромной роли члена комиссіи. Кромѣ того: „Къ вопросу объ устройствѣ частныхъ лѣчебницъ“. Журналъ С. С. Корсакова, 1901, кн. 5.

рядъ другихъ насущныхъ жизненныхъ запросовъ — всегда находили въ лицѣ С. С. отзывчиваго работника и талантливаго толкователя. Эта сторона дѣятельности С. С. съ трудомъ поддается учету, такъ какъ по преимуществу имѣла мѣсто въ засѣданіяхъ обществъ, въ работахъ съѣздовъ, въ трудахъ многочисленныхъ комиссій¹⁾. Обиліе этихъ выдвигаемыхъ жизнью практическихъ потребностей, съ одной стороны, а съ другой — рѣдкая чуткость и уваженіе къ мнѣнію другихъ вмѣстѣ съ стремленіемъ объединить въ одну семью всѣхъ работниковъ на одной и той же нивѣ легли въ основу давнишней мечты С. С. объ устройствѣ русскаго союза психіатровъ и невропатологовъ²⁾. Благодаря сочувствію, встрѣченному среди участниковъ VI Пироговскаго съѣзда, эта мечта близка къ осуществленію; выработанный С. С. во всѣхъ деталяхъ проектъ устава разсматривался уже въ составленной для этого комиссії и въ психіатрическихъ Обществахъ и ждетъ теперь только санкціи на предстоящемъ въ январѣ мѣсяцѣ Пироговскомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Учрежденіе союза — наравнѣ съ возникшимъ уже (этою то же давнею мечтою покойнаго), журналомъ его имени — будетъ достойнымъ вѣнцемъ многосторонней и такъ рано прерванной дѣятельности С. С.

Рѣдкая наблюдательность талантливаго клинициста и громадная практическая опытность нашли себѣ полное выраженіе въ извѣстномъ руководствѣ по психіатріи. Составленный первоначально по лекціямъ, читаннымъ С. С. въ первые годы³⁾, его „Курсъ психіатріи“⁴⁾ появился черезъ

1) См. главнымъ образомъ отчеты о засѣданіяхъ общества невроп. и псих., состоящаго при Импер. Моск. Унив.

2) Объ устройствѣ врачебныхъ съѣздовъ по отдѣльнымъ специальностямъ вообще и объ учрежденіи русскаго союза психіатровъ и невропатологовъ въ частности. Журн. общ. русск. врачей въ память Н. И. Пирогова.

Объ устройствѣ русскаго союза психіатровъ. Отч. о засѣд. общ. невроп. и псих., состоящ. при Импер. Моск. Унив. за 1896—97 г., стр. 39.

3) Курсъ психіатріи, составленный по лекціямъ, читаннымъ въ 1890—91 г. Москва. 1891.

4) Курсъ психіатріи. Москва. 1893.

два года уже въ вдвое увеличенномъ объемѣ, а второе по-
смертное изданіе¹⁾ увеличилось еще вдвое. Къ крайнему
сожалѣнію С. С. не успѣлъ пересмотрѣть довольно значи-
тельную (приблизительно четвертую) часть новаго изданія
и благодаря этому мы лишились многихъ цѣнныхъ указаній,
которыми онъ, судя по его наброскамъ, собирался попол-
нить и оставшуюся неисправленную часть. Это руковод-
ство смѣло можетъ выдержать сравненіе съ лучшими ру-
ководствами на иностранныхъ языкахъ, но я боюсь быть
пристрастнымъ и лучше приведу отзывъ, который даетъ
совершенно сторонній человѣкъ, профессоръ *Щербакъ* (Вар-
шава²⁾): „особаго вниманія заслуживаетъ вполнѣ оригиналь-
ный и прекрасный учебникъ по психіатріи, представляющій
собою, по моему мнѣнію, лучшее руководство по душев-
нымъ болѣзнямъ для студентовъ. Учебникъ написанъ очень
просто и общепонятно; въ то же время онъ обнаруживаетъ
въ авторѣ большую наблюдательность и иногда удивитель-
ную мѣткость описаній и характеристикъ: нѣкоторыя фор-
мы охарактеризованы у него чуть не въ нѣсколькихъ стро-
кахъ, но такъ ярко, что клиническая картина запечатлѣ-
вается самымъ отчетливымъ образомъ... Появленіе учебника
С. С. нужно разсматривать положительно, какъ выдающееся
событіе въ русской медицинской литературѣ“.

Я не имѣю возможности перечислить здѣсь всей массы
внесеннаго въ это руководство новаго, остававшагося
ранѣ незамѣченнымъ или получившаго иное освѣщеніе. Я
укажу только, что предложенная С. С. классификація ду-
шевныхъ заболѣваній представляетъ существенныя и круп-
ныя преимущества по сравненію хотя бы съ наиболѣе
удачною и наиболѣе распространенною классификаціею
Krafft-Ebing'a. Сюда относится прежде всего выдѣленіе об-
ширной группы *скоропребоящихъ душевныхъ расстройствъ*, свя-
занныхъ съ общими болѣзнями, являющихся слѣдствіемъ

1) Курсъ психіатріи. 2-е изд. Москва. 1901.

2) *А. Е. Щербакъ*. Памяти профессора С. С. Корсакова. Біографическій
очеркъ. Варшава. 1900.

отравления или развивающихся самостоятельно. Эти часто встречающіяся и имѣющія большое практическое значеніе разстройства до сихъ поръ остаются въ загонѣ у большинства авторовъ и лишь урывками — далеко не въ полномъ объемѣ — вносились изрѣдка въ ту или иную классификацію. Вполнѣ своеобразно и въ высшей степени удобно подраздѣленіе второй большой группы *длительныхъ психическихъ болѣзней*. Помимо „органическихъ психическихъ разстройствъ“ въ нее входятъ еще два отдѣла: „основныя формы психозовъ“ и „психопатическія конституціи и конституціональные психозы“. „Основныя формы психозовъ“ — это именно *формы* душевныхъ болѣзней, модели, въ которыя отливаются душевныя заболѣванія — все равно, развиваются ли они у совершенно до того здоровыхъ лицъ, или же у лицъ съ наслѣдственною или приобрѣтенною дегенерациею; онѣ характеризуются совокупностью *психическихъ* признаковъ и тою или иною послѣдовательностью ихъ смѣны; онѣ могутъ развиваться или какъ совершенно случайныя болѣзни, или же какъ болѣзни, коренящіяся на опредѣленной почвѣ; это только — *основныя формы*. „Психопатическія конституціи и конституціональные психозы“ имѣютъ, наоборотъ, главнымъ характернымъ признакомъ ту *почву*, на которой они развиваются; они составляютъ проявленіе неправильной конституціи, всегда связаны съ особенностями даннаго организма, съ основными свойствами организаціи, существующими въ данный періодъ времени или присущими отъ рожденія. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ общій складъ психическаго строя даннаго лица, вносящій свой оттѣнокъ и въ томъ случаѣ, если на этой *почвѣ* разовьется одна изъ *формъ* основныхъ и органическихъ психозовъ. Поэтому по классификаціи С. С. недостаточно опредѣлить только форму болѣзни — все равно съ опредѣленной анатомической подкладкой или безъ нея — но въ каждомъ случаѣ надо стремиться и къ выясненію психопатической конституціи, если таковая есть, такъ какъ у одного и того же лица можетъ одновременно существовать и какая-нибудь изъ *формъ* основ-

ныхъ или органическихъ психозовъ и какая-нибудь психопатическая конституція: меланхолія можетъ развиваться у лица съ истерическою конституціею, манія—на почвѣ хроническаго алкоголизма и т. д.

Такое распредѣленіе даетъ возможность классифицировать различныя душевныя заболѣванія независимо отъ далеко несходныхъ между собою личныхъ взглядовъ отдѣльныхъ изслѣдователей на происхожденіе тѣхъ или другихъ психическихъ разстройствъ, — что придаетъ классификаціи С. С. гораздо большую устойчивость и большую жизнеспособность по сравненію съ другими чисто субъективными и застывшими въ опредѣленной формѣ классификаціями. Со временемъ къ той или другой группѣ могутъ быть прибавлены установленныя на основаніи иныхъ точекъ зрѣнія новыя „формы“ и „конституціи“, или же вычеркнуты тѣ или инныя изъ описанныхъ, самая схема отъ этого не страдаетъ въ виду надежности принципа, положеннаго въ основу дѣленія. И самъ С. С. не только предвидѣлъ необходимость этихъ измѣненій, неизбѣжно связанныхъ съ прогрессомъ науки, но и охотно шелъ имъ навстрѣчу. Классификація, по его словамъ, не должна заставлять какъ бы насильственно втискивать тотъ или другой случай, не подходящій къ точному опредѣленію, въ узкія рамки установленныхъ подраздѣленій, а наоборотъ, давать возможность дальнѣйшаго развитія нашихъ знаній относительно отдѣльных формъ душевныхъ болѣзней. Въ виду этой послѣдней цѣли въ классификаціи С. С. почти въ каждой отдѣльной группѣ дано мѣсто нѣкоторымъ еще не вполне выясненнымъ формамъ душевныхъ заболѣваній. Въ группѣ „основныхъ формъ“ сюда принадлежатъ *смѣшанные психозы* — болѣзни, состоящія изъ сочетанія отдѣльныхъ простыхъ типовъ; въ группѣ „конституцій“ намѣчены мало еще изученныя психопатическія конституціи: 1) связанная съ болѣзнями общаго обмѣна и питанія и хроническими болѣзнями отдѣльныхъ системъ и органовъ (кахексія, туберкулезъ, артритизмъ и пр.), 2) развивающіяся какъ послѣдствія мозговыхъ и въ частности пси-

хическихъ болѣзней, 3) развивающіяся въ связи съ процесами періодовъ развитія, 4) связанныя съ расовыми особенностями и 5) другія недостаточно выдѣленные конституціи.

Я бы хотѣлъ еще только обратить вниманіе на главу, трактующую съ такою исчерпывающею полнотой объ изслѣдованіи больныхъ — этомъ наиболѣе прочномъ базисѣ для дѣйствительнаго расширенія нашихъ знаній—и на страницы, касающіяся ухода за больными, обязанностей, принятыхъ на себя въ этомъ отношеніи со стороны ухаживающаго персонала и тѣхъ качествъ, которыя отъ него требуются, — страницы, обрисовывающія нравственную личность С. С.

Во всѣхъ работахъ Сергѣя Сергѣевича, — а помимо печатныхъ работъ имъ выполнено еще больше письменныхъ — подробные разборы больныхъ, доклады въ различныхъ комиссіяхъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, экспертизы на судѣ и проч. и проч., — вездѣ присутствуетъ ихъ неизбѣжный спутникъ, элементъ творчества, способность находить и вносить свое новое, простое и ясное, указывающее не намѣченный еще путь. Это сказывается одинаково какъ въ мелкомъ, такъ и крупномъ. Какъ мелочь, я могу указать на стремленіе замѣнить латинское названіе „amentia“ греческимъ потому, что другія формы болѣзни получили названіе отъ греческихъ корней, и это слово найдено „dysnoia“. Какъ крупное я укажу только на мысль о вліяніи различнаго рода ядовъ — токсиновъ въ происхожденіи психическихъ заболѣваній вообще и полиневритическаго психоза въ частности, мысль, которую С. С. развивалъ уже давно и которая все болѣе и болѣе находитъ себѣ подтвержденіе въ патологіи душевныхъ болѣзней.

Этотъ творческій элементъ составляетъ неотъемлемую особенность всего психическаго склада Сергѣя Сергѣевича, всегда дѣятельнаго, активнаго, неуклонно стремящагося къ выполненію поставленной цѣли. Не даромъ въ своихъ психологическихъ воззрѣніяхъ онъ придавалъ такое громадное значеніе тому, что соотвѣтствуетъ активной апперцепціи

Вундта и что онъ самъ называлъ „направляющей силой ума“. И въ своей послѣдней работѣ о постельномъ содержаніи отъ ставитъ вопросъ, не парализуетъ ли постельный режимъ эту активную энергію, эту направляющую силу интеллекта и нѣтъ ли какого соотвѣтствія между большею частотою діагностики „ранняго слабоумія“ и слишкомъ продолжительнымъ примѣненіемъ постельнаго содержанія въ нѣкоторыхъ больницахъ.

Въ мою задачу входило набросать только нѣсколько штриховъ для характеристики научнаго значенія С. С. Но мы потеряли въ немъ не только крупнаго и талантливаго ученаго, мы потеряли и выдающагося общественнаго дѣятеля и необыкновенно мощную нравственную силу.

Не вторгаясь въ область, которая послужитъ предметомъ другихъ сообщеній, я замѣчу только, что въ основѣ этой мощи лежала та же активность, та же направляющая сила, но не одного уже ума, а и безусловно чистаго сердца. Люди высокой нравственности бываютъ двухъ родовъ: одни спасаютъ свою душу, уходя отъ міра и его соблазновъ, это—аскеты, люди святые; другіе, напротивъ, стремятся въ жизненный круговоротъ, кладутъ свою душу за другихъ и, слѣдуя завѣту врача-человѣколюбца д-ра Гааза, спѣшатъ дѣлать добро. Къ этой послѣдней категоріи принадлежалъ и Сергѣй Сергѣевичъ: „потребность предупредить и облегчать страданія людей“ у него была такъ же сильна, какъ и „потребность высшаго познанія“.

Что онъ былъ „человѣкъ“ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, объ этомъ свидѣтельствуетъ то неподдѣльное горе, которое овладѣло всѣми, знавшими его, при вѣсти объ его кончинѣ, и общее стремленіе увѣковѣчить его память.

Въ 1888 году С. С. написалъ стихи, посвященные памяти также хорошаго человѣка и его близкаго друга С. А. Юрѣва. Написанное имъ вполне примѣнимо и къ нему самому.

Въ бесѣдѣ дружеской, въ словахъ
Случайно сказанныхъ, — вездѣ

Твердилъ онъ о любви, добрѣ,
О жизни, разума достойной,
И о значеніи въ мірѣ — стройной,
Какъ хоры, связи всѣхъ явленій
И человѣческихъ хотѣній.

Онъ жилъ и дѣлалъ, какъ училъ;
Все, въ чемъ душа есть, онъ любилъ,
Всему прекрасному молился,
Со всѣмъ нечистымъ, лживымъ бился.

Вл. Сербскій.

Личность и міросозерцаніе С. С. Корсакова¹⁾.

Почти полтора года прошло со дня кончины С. С. Корсакова. Острое горе лицъ, къ нему близкихъ, успѣло стихнуть и притупиться, но тѣмъ болѣе чувствительна образовавшаяся послѣ него общественная пустота, — тѣмъ неотвязнѣе мысль о незамѣнимости ушедшаго отъ насъ человѣка. Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ тверже укрѣпляется сознание, что такіе люди рождаются рѣдко, что великое счастье для общества, въ которомъ они рождаются, и великое горе и ущербъ для него, когда они сойдутъ со сцены. И когда объ этомъ размышляешь, все неотступнѣе становится вопросъ: въ чемъ разгадка къ натурѣ такихъ людей, что ихъ дѣлаетъ столь мало похожими на другихъ? Отчего они идутъ такимъ смѣлымъ, оригинальнымъ и въ то же время такимъ вѣрнымъ и никогда ихъ не сбивающимъ путемъ? Отчего вліяніе ихъ такъ сплошь благотворно, а дѣйствія такъ неуклонно безошибочны?

О С. С. Корсаковѣ много было писано и много было сказано. И во всѣхъ этихъ отзывахъ о немъ, отъ кого бы они ни исходили, отъ людей знавшихъ его близко, или отъ лицъ только издали слѣдившихъ за его дѣятельностью, — во всѣхъ нихъ сквозитъ одна общая черта: удивленіе предъ колоссальностью поднятого имъ на себя жизненнаго труда. Того, что онъ сдѣлалъ одинъ въ свою досадно короткую жизнь, могло бы хватить съ избыткомъ, чтобы наполнить существованіе многихъ хорошихъ и талантливыхъ людей. Одно

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ соединенномъ засѣданіи Обществъ Психологическаго и невропатологовъ и психіатровъ 1 октября 1901 г.

проведеніе начала нестѣснаго и сердечнаго гуманнаго обращенія въ наши такъ еще недавно варварскіе сумашедшіе дома развѣ не составляетъ такой общественной заслуги, которая должна была бы увѣковѣчить его имя въ потомствѣ? А вѣдь это очень малая доля имѣ сдѣланнаго. Его дѣятельность вообще не вмѣщается въ одну формулу,—въ одну краткую характеристику,—для этого она была слишкомъ разнообразна и многостороння. С. С. Корсаковъ—это ученый съ признанной европейской репутацией, это замѣчательный профессоръ, это идеальный директоръ клиники, это самоотверженный общественный дѣятель, обнаружившій во всѣхъ сферахъ общественнаго служенія, на которыя его толкала судьба, поразительный даръ организатора, — это врачъ-безсребренникъ и благодѣтель своихъ пациентовъ, — это безкорыстный и серьезный другъ молодежи, наконецъ, это твердый, непоколебимый гражданинъ, горячо любившій Россію и высоко державшій знамя русской науки и русскаго народнаго достоинства.

Но, какъ мнѣ уже пришлось говорить однажды, не въ этомъ разнообразіи талантовъ и дѣлъ состоитъ главная своеобразность личности С. С. Корсакова. Самое любопытное и даже загадочное въ немъ—совершенно исключительный строй его нравственнаго характера. Геніальностью мы называемъ необычайно сильное развитіе положительныхъ творческихъ способностей человѣческаго духа въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи. Геніальность можетъ быть качествомъ ума, и тогда мы имѣемъ великихъ мыслителей или знаменитыхъ ученыхъ, отмѣчающихъ своими именами новыя эпохи въ исторіи человѣческой мысли. Геніальность, далѣе, можетъ быть свойствомъ творческой художественной фантазіи, и тогда мы получаемъ великія произведенія искусства. Наконецъ, геніальность можетъ быть признакомъ моральныхъ способностей человѣка, и тогда являются святые, праведные люди, съ необыкновенно яснымъ сознаниемъ долга, съ необыкновенно тонкимъ и отзывчивымъ нравственнымъ чувствомъ, съ непоколебимо твердою нравственною

волею и непобѣдимымъ господствомъ голоса совѣсти надъ всѣми низменными побужденіями и надъ всѣми обычными слабостями человѣческой природы. Геніальность, въ какой бы то ни было области, вещь очень рѣдкая въ жизни. Но я все-таки рѣшаюсь утверждать, что покойный С. С. Корсаковъ стоялъ на рубежѣ *моральной геніальности*, и въ этомъ былъ самый корень его личности и самое дорогое и незамѣнимое ея качество.

Обыкновенная человѣческая жизнь представляетъ изъ себя капризную ломаную линію, прихотливо мѣняющую самыя разнообразныя направленія и быстро переходящую отъ однихъ крайнихъ противоположностей къ другимъ; она какъ бы соткана изъ нравственныхъ подъемовъ и глубокихъ нравственныхъ паденій. Сегодняшній восторженный идеалистъ, готовый положить душу за ближнихъ своихъ, завтра превращается въ циническаго скептика, равнодушнаго ко всему на свѣтѣ, кромѣ самого себя. Кто когда-то возбуждалъ радужныя надежды своими блестящими дарованіями и возвышенными мечтами передѣлать людей и общество, потомъ нерѣдко въ теченіе всей жизни готовъ тянуть жилы изъ всякаго встрѣчнаго, если только это выгодно, или даже просто, если это льститъ мелкимъ побужденіямъ его тщеславія и грубаго властолюбія. Какую огромную роль играетъ въ этихъ нравственныхъ превращеніяхъ возрастъ, перемѣна обстановки, новое общественное положеніе! Въ натурѣ зауряднаго человѣка заключены неисчислимыя и самыя жуткія возможности, въ этомъ источникъ глубокаго трагизма человѣческой судьбы. Оттого вопросъ о воспитаніи и о той общественной средѣ, въ которой живетъ человѣкъ, получаетъ первостепенное и роковое значеніе: вѣдь, все зависитъ отъ того, что скорѣе въ немъ проснется, — человѣкъ или звѣрь, и поглотитъ въ немъ звѣрь человѣка или нѣтъ?

У такихъ людей, какимъ былъ покойный С. С. Корсаковъ, поражаетъ совсѣмъ другая черта: полная неизмѣнность ихъ нравственнаго склада во все продолженіе ихъ

жизни, какъ бы длинна она ни была. Ихъ нравственная высота не есть результатъ благопріятной случайности или независящаго отъ нихъ стеченія обстоятельствъ: она составляетъ одно съ ними, она присуща имъ, какъ нѣкоторый прирожденный даръ или талантъ. Это не значитъ, что добро владѣетъ ими, какъ нѣкоторая внѣшняя, слѣпая сила, въ которой они неповинны и неотвѣтственны и которая ихъ принудительно влечетъ, а они ей пассивно подчиняются. Напротивъ, какъ всѣ истинные таланты, такіе люди страшно работаютъ надъ собою; но они не могутъ не работать въ извѣстномъ направленіи, подобно тому, какъ прирожденный музыкантъ не можетъ не играть или прирожденный скульпторъ не можетъ не лѣпить. Оттого вопросъ о воспитаніи для такихъ прирожденно благородныхъ и возвышенныхъ натуръ не имѣетъ того значенія, какъ обыкновенно. Судьба можетъ убить ихъ, искалѣчить, но она не имѣетъ силы ихъ передѣлать, а тѣмъ болѣе превратить въ ихъ собственную противоположность. Невольно чувствуется, что такой человѣкъ, какъ покойный Корсаковъ, могъ бы родиться когда угодно и гдѣ угодно и былъ бы такимъ же, какъ бы ни перемѣнилось его одѣяніе или попріще его дѣятельности. Родись онъ въ древнемъ мірѣ, онъ былъ бы благодушнымъ и человѣколюбивымъ мудрецомъ-философомъ, высокимъ образцомъ настоящей гражданской доблести; родись онъ среди первыхъ христіанъ, онъ могъ бы явиться героемъ - мученикомъ за вѣру, раздавшимъ все имѣніе нищимъ и до мелочей устроившимъ свою жизнь сообразно свѣтлому евангельскому идеалу; родись онъ въ средніе вѣка, онъ могъ бы оказаться кроткимъ аскетомъ, беззавѣтно самоотверженнымъ слугою несчастныхъ и обездоленныхъ, горячимъ, хотя въ то же время исполненнымъ глубокаго состраданія обличителемъ общественныхъ грѣховъ и неправдъ. Это только разныя жизненные роли, но человѣкъ, въ нихъ дѣйствующій, одинъ и тотъ же. Все это легко можно вообразить себѣ, но одного никакъ нельзя вообразить: человека съ натурой Корсакова, продавшимъ душу за соблазны

міра, растоптавшимъ свою совѣсть ради чувственныхъ наслажденій, потерявшимъ жалость къ чужому страданію ради тщеславія или жажды власти, превратившимся въ поборника зла и неправды ради корысти и наживы. Этого фантазія не вмѣщаетъ, потому что это дѣйствительно противорѣчило бы всему естеству его.

Въ самомъ дѣлѣ, основныя черты характера,—необыкновенная совѣстливость и строгость къ себѣ, поразительная гуманность и чуткость къ чужой душевной жизни, безграничная доброта и ничѣмъ невозмутимая кротость, странно сочетавшаяся съ огромною силою воли и твердостью принциповъ и взглядовъ, развились въ Корсаковѣ удивительно рано. Онъ сразу явился на жизненной сценѣ вполнѣ опредѣленною, литою фигурою, къ которой дальнѣйшему духовному росту, казалось, нечего было прибавить. „Если бы я былъ Діогеномъ, то, встрѣтивъ Корсакова, потушилъ бы фонарь свой“, сказалъ одинъ его товарищъ, еще въ эпоху его студенчества. Но личность Корсакова въ своихъ наиболѣе драгоцѣнныхъ свойствахъ сложилась еще гораздо раньше студенческаго времени. Отъ него сохранилась одна рукопись, которую онъ написалъ, еще будучи одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, очень коротенькая, но въ высшей степени важная и поучительная по своему содержанию. Она озаглавлена: „правила жизни“. Вдумчивый мальчикъ пытается въ ней формулировать тѣ принципы, соотвѣтственно которымъ онъ хочетъ устроить свою жизнь. Приведу наиболѣе интересныя мѣста этой рукописи.

„Если случится поводъ что-нибудь доброе сдѣлать, старайся слѣдовать этому поводу, а отъ всякаго зла уходи или усовѣщевай его прекратить; обличай дѣлающихъ беззаконіе для того, чтобы они раскаялись, но не насмѣхайся надъ недостатками ближняго твоего; слушайся повелѣвающихъ тебѣ добро, но злу всякому препятствуй; давай добрые совѣты даже сопернику твоему, ибо Господь такъ повелѣлъ, отсовѣтывай всякое зло; помогай всегда товарищамъ въ добромъ (по очереди); не наводи брата твоего въ

грѣхъ; всякое зло прекращай, а добру вспомошествоуй. Аминь“. Въ другомъ мѣстѣ: „Будь ко всѣмъ справедливъ. Если что получишь, дѣлись и не оставляй себѣ болѣе половины; что даютъ тебѣ въ подарокъ, иногда бери“. Еще: „будь терпѣливъ и сносливъ, прошай всѣмъ и все; не будь лѣнливъ“. „Будь миротворцемъ, а не разлучителемъ. Люби всѣхъ“.

Кто рѣшится сказать, что это только фразы, только прописныя общія мѣста, которыя малолѣтній моралистъ въ припадкѣ холоднаго резонерства занесъ на бумагу? Напротивъ, какая хорошая и твердая душа сквозитъ въ этихъ предписаніяхъ, сколько въ нихъ наивной искренности, какъ трогательно звучитъ въ нихъ суровая сосредоточенность страшно чуткой совѣсти. Уже тогда, въ этомъ маленькомъ гимназистѣ, жило это неразрывное соединеніе природной доброты и постоянной готовности забыть себя съ огромной нравственной работой и напряженнымъ наблюденіемъ за собою. Какъ ярко сказывается въ этихъ заповѣдяхъ самому себѣ индивидуальность ихъ автора! Какъ характерно это „иногда“ въ предписаніи: „что даютъ тебѣ въ подарокъ, *иногда* прими“. Развѣ не виденъ уже въ этихъ словахъ будущій знаменитый московскій безсребренникъ, съ удивительно изворотливостью ума придумывавшій самые разнообразные и неожиданные поводы, чтобы не брать гонорара за свою врачебную помощь, который онъ принималъ именно только *иногда*?

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ написанія этихъ „правиль жизни“ покойный Корсаковъ опять пересмотрѣлъ ихъ и пишетъ о нихъ такъ. „Пусть эта рукопись служить мнѣ яснымъ напоминаніемъ прошлаго. Въ ней хотя и немного написано, но въ этихъ наивныхъ словахъ проявляется и высокая преданность Богу, почти безконечная любовь къ Нему и желаніе безкорыстно служить ближнимъ. Вообще, прочитавъ эту тетрадь, можетъ быть, лѣтъ пять спустя послѣ того, какъ я запечаталъ ее, я былъ удивленъ и удивленъ пріятно тѣмъ, что нашелъ въ ней: она для меня оста-

нется вѣчнымъ памятникомъ того, какъ я былъ когда-то добръ и хорошъ“. Пересталъ ли онъ однако быть добрымъ и хорошимъ? Можно ли сказать, что онъ когда-нибудь измѣнилъ правиламъ, которыя составилъ еще ребенкомъ? Въ той же позднѣйшей оцѣнкѣ этихъ „правилъ жизни“, изъ которой я сейчасъ сдѣлалъ выписку, онъ говоритъ про себя, что въ эпоху ихъ написанія онъ „былъ почти до сумашествія религиозенъ“. Впослѣдствіи эта религиозная окраска его взглядовъ на жизнь потеряла свою болѣзненную напряженность. Онъ во многомъ перемѣнился умственно; изученіе науки и философіи заставило его выработать иные взгляды и иныя убѣжденія. Но совсѣмъ ли онъ разорвалъ съ прочувствованнымъ мировоззрѣніемъ своего дѣтства? Я уже не говорю, что практически, въ дѣятельной жизни, трудно быть христіаниномъ лучше, чѣмъ былъ имъ покойный. Но мнѣ кажется, что и въ своихъ основныхъ задушевныхъ вѣрованіяхъ онъ не измѣнился, хотя и не любилъ говорить объ этомъ. За день до смерти онъ сказалъ своей сестрѣ: „передай мамѣ, что я умираю вѣрующимъ“. А вѣдь такіе люди, какъ С. С. Корсаковъ, не лгутъ никогда!

При необыкновенно цѣльной натурѣ покойнаго, у него не могло быть разлада между дѣломъ и мыслью. Поэтому вопросъ объ общемъ философскомъ міросозерцаніи С. С. Корсакова получаетъ огромное значеніе для характеристики его личности. Къ сожалѣнію, детально изложить это міросозерцаніе едва ли возможно. Онъ очень интересовался философскими вопросами, чрезвычайно много размышлялъ, но былъ очень сдержанъ въ выраженіи своихъ принципиальныхъ философскихъ мнѣній. Чтобы воспроизвести ихъ хотя бы въ самомъ блѣдномъ видѣ, приходится сопоставлять отдѣльныя мѣста его сочиненій, обыкновенно посвященныхъ совсѣмъ другимъ вопросамъ, и отрывочныя замѣчанія въ устныхъ бесѣдахъ. Съ одной стороны, С. С. Корсаковъ въ своихъ научныхъ воззрѣніяхъ былъ строгимъ реалистомъ. Реалистомъ онъ являлся и въ своемъ объясненіи фактовъ душевной жизни. Вводныя главы къ изданіямъ его „Курса

психіатріи“ представляютъ необыкновенно послѣдовательное, оригинальное и законченное приложеніе физиологическаго принципа объясненій ко всѣмъ психическимъ процессамъ во всей ихъ совокупности. Психическая дѣятельность человѣка тѣсно связана съ физиологическими процессами и составляетъ проявленіе органической жизни, вотъ убѣжденіе, которое лежитъ непоколебимой основой всѣхъ психологическихъ теорій Корсакова. Съ этой стороны на выводы Корсакова могъ бы сослаться самый рѣшительный матеріалистъ. И тѣмъ не менѣе, рѣдко у поборниковъ физиологической психологіи встрѣчается такое ясное сознание невозможности физиологически объяснить внутреннюю суть и первое возникновеніе духовной жизни, какое было у покойнаго. Въ этомъ отношеніи можно привести одну въ высшей степени любопытную страницу изъ новаго изданія его курса психіатріи ¹⁾. Признавъ, что механизмъ психической дѣятельности можетъ считаться объясненнымъ въ предшествующемъ изложеніи, онъ продолжаетъ дальше: „но спрашивается, что же пускаетъ въ ходъ этотъ сложный механизмъ, гдѣ ключъ, который его заводитъ? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно. Есть наблюденія, которыя показываютъ, что если человѣку прекращенъ доступъ всѣхъ ощущеній, то сознательная жизнь прекращается, онъ засыпаетъ. Изъ этого выводятъ, что толчокъ къ дѣятельности психическаго механизма даютъ ощущенія, т.-е. внѣшніе стимулы. Но на это можно возразить слѣдующее: уже для того, чтобы было ощущеніе, нужна *способность воспріятія этого ощущенія*; нужно, чтобы это ощущенія захватывалось, иначе внѣшній стимулъ дѣйствовалъ бы столько же, сколько онъ дѣйствуетъ на камень или дерево. Способность же схватывать ощущенія указываетъ на то, что существуетъ *стремленіе* къ этому, извѣстная степень активности. А отсюда выводъ тотъ, что только при существованіи активности, т.-е. воли, въ широкомъ смыслѣ слова, и возможна психи-

¹⁾ Стр. 97, 98.

ческая жизнь.—Но если первичный толчокъ для приведенія въ дѣйствіе психическаго механизма даетъ „воля“, понимаемая въ широкомъ смыслѣ слова, то естественнымъ является вопросъ—откуда она сама, откуда ея энергія? Есть ли она только видоизмѣненіе механической энергіи, или это энергія совсѣмъ другого порядка? Вопросъ въ высшей степени важный и глубокий, къ сожалѣнію рѣшаемый многими крайне поверхностно подъ воздействиемъ тѣхъ или другихъ случайныхъ вліяній, односторонняго направленія вниманія или пріобрѣтающаго непреодолимую силу привычки навязаннаго міросозерцанія. Для рѣшенія его недостаточно современнаго положительнаго знанія и нельзя пренебрегать, какъ совершенно ненужнымъ хламомъ, тѣмъ, что говорятъ такъ называемые метафизики. Зная, какую важную роль въ нашей душевной жизни играетъ творческая работа безсознательной идеации, и какъ нерѣдко путемъ интуиціи открываются истины, которыя разсудокъ осмышляетъ лишь впоследствии, мы не можемъ съ невѣжественной насмѣшкой относиться къ тому, что говорятъ многіе высоко-талантливые люди, считающіе себя представителями метафизики, только потому, что эта область умственныхъ изслѣдованій носить такое дразнящее названіе“.

Эти сдержанныя слова одного изъ авторитетнѣйшихъ представителей физиологической психологіи въ Россіи являются чрезвычайно важными: они до нѣкоторой степени позволяютъ заглянуть въ самую глубь его интимнаго взгляда на вещи. Искренній реалистъ въ изслѣдованіи и толкованіи изучаемыхъ явленій, Корсаковъ былъ убѣжденнымъ идеалистомъ въ своемъ общемъ пониманіи міра.

Въ этомъ отношеніи сама собой возникаетъ мысль сопоставить Корсакова съ другимъ современнымъ психологомъ, въ своихъ тонкихъ и оригинальныхъ описаніяхъ душевныхъ процессовъ нерѣдко возвышающимся до истинной геніальности: я разумѣю В. Джемса. Джемсъ также убѣжденъ, что психологія должна двигаться въ матеріалистическомъ направленіи, хотя бы ей пришлось вернуться вспять, не до-

стигнувъ цѣли. И онъ такъ же, какъ и Корсаковъ, далеко не матеріалистъ въ своемъ жизненномъ міропониманіи. Между ними можно указать и многія совпаденія въ отдѣльныхъ взглядахъ, хотя я не знаю, изучалъ ли когда-нибудь покойный С. С. Корсаковъ сочиненія Джемса внимательно. Такъ они оба полагаютъ внутреннюю сущность аффектовъ и эмоцій въ чисто физическихъ ощущеніяхъ¹⁾; они оба горячо настаиваютъ на недѣлимости психическаго процесса въ его цѣломъ и на неизбѣжномъ участіи всей личности въ каждомъ душевномъ актѣ²⁾. Въ связи съ этимъ Корсаковъ приписываетъ огромную роль личному самочувствію въ душевной жизни и строить въ высшей степени остроумную и своеобразную теорію узнаванія прошлаго по воспроизведенію въ насъ прежнихъ оттѣнковъ самочувствія³⁾.

Какъ я уже сказалъ, по задушевымъ своимъ убѣжденіямъ Корсаковъ былъ глубокой идеалистъ. Физиологическая точка зрѣнія на психическую жизнь была для него только научнымъ методомъ изслѣдованія, а не раскрытіемъ полной и окончательной истины о существѣ души: эту истину онъ чувалъ въ иной области. Онъ вѣрилъ въ присутствіе независимаго духовнаго начала во вселенной и въ его направляющее господство надъ ея стихійнымъ механизмомъ. А эта вѣра влекла за собою другую: въ непремѣнное торжество въ мірѣ добра и нравственной правды. Немногіе вѣрятъ крѣпче его въ очищеніе зла и страданій благою силою высшаго свѣта. Человѣкъ долженъ быть носителемъ этой очищающей и спасающей мощи. „Спасеніе,—говоритъ Корсаковъ въ частномъ письмѣ изъ Байрейта, написанномъ по поводу представленія Вагнеровскаго Персифаля,—спасеніе лежитъ въ душевной чистотѣ, простотѣ и въ чуткомъ воспріятіи всякаго страданія и энергіи въ достиженіи цѣли избавленія людей отъ страданія“. Наканунѣ смерти, 30 апрѣля 1900 г., С. С. Корсаковъ набросалъ стихотвореніе. Въ

1) Стр. 70.

2) Стр. 67.

3) Тамъ же.

этомъ стихотвореніи изображается, какъ бурное море, въ нетерпѣливомъ порывѣ, стремится смыгъ горе съ мрачныхъ сѣрыхъ скалъ и не можетъ достать до ихъ вершинъ. Но вотъ востокъ засіялъ яркимъ свѣтомъ: подымается солнце и шлетъ морю горячіе лучи. Согреѣтыя капли водъ возносятся къ небу, собираются въ благодатныя тучи и, пролившись дождемъ, уносятъ горе съ самыхъ отдаленныхъ высотъ. Мысль этого стихотворенія проста: самая недосыгаемая вершины страданія и мрака должны быть омыты теплыми слезами, которыя вызоветъ лучезарная сила вѣчной любви.

Что же это? Случайная свѣтлая мечта? Но умирающіе празднымъ мечтаніямъ не предаются. Когда С. С. Корсаковъ слабѣющею рукою писалъ это предсмертное стихотвореніе, ему оставалось жить только нѣсколько часовъ, и онъ зналъ объ этомъ. Скорѣе слѣдуетъ думать, что въ этихъ безхитростныхъ, трогательныхъ строкахъ вылилась самая суть его пониманія смысла жизни. Когда прочитаешь эти горячо прочувствованные стихи и подумаешь, какъ и когда они были написаны, невольно приходится сказать: онъ жилъ, какъ вѣрилъ, и вѣрилъ, какъ жилъ!

Л. Лопатинъ.

Психологическія и философскія воззрѣнія С. С. Корсакова ¹⁾.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Всѣ мы собрались сюда съ тѣмъ, чтобы почтить память человѣка, который при жизни своей былъ неоцѣнимо дорогъ всѣмъ, кто его зналъ. Тѣ очерки, воспоминанія и обзоры, которые вы слышите здѣсь, имѣютъ цѣлью не напомнить о немъ: его свѣтлый образъ живъ и теперь, и вѣчно будетъ жить въ памяти тѣхъ, кто дышалъ однимъ воздухомъ съ нимъ; мы собрались для того, чтобы вспомнить о немъ сообща, чтобы освѣтить и уяснить съ различныхъ сторонъ его свѣтлую личность, его святую жизнь, его безкорыстную дѣятельность, его творческій умъ, чтобы еще разъ непосредственно ощутить живое присутствіе его среди насъ и еще разъ оплакать невознаградимую утрату.

Слава Сергѣя Сергѣевича, какъ врача, распространялась далеко за предѣлы Москвы: къ нему стекались пациенты изъ глухихъ угловъ провинціи. Какъ человѣка, знала его вся Москва, для которой онъ былъ не профессоромъ Корсаковымъ, а по-просту „Сергѣемъ Сергѣевичемъ“. Сотни учениковъ, разсѣянныхъ по лицу Россіи, любили и уважали его, какъ учителя, цѣня въ немъ оригинальнаго наблюдателя и изслѣдователя, создателя и главу Московской психіатри-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ соединенномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества и Общества Невропатологовъ и Психіатровъ 1-го октября 1901 г.

ческой школы. Какъ „учителя жизни“, какъ „живую совѣсть“, чтили его друзья, товарищи, сотрудники, чтили всѣ тѣ, кому выпало на долю работать рядомъ съ нимъ на томъ или иномъ изъ многочисленныхъ полей его общественной дѣятельности. И только какъ психолога и философа зналъ и цѣнилъ его лишь ограниченный кружокъ людей, причастныхъ къ Московскому Психологическому Обществу, съ которымъ С. С. случилось дѣлиться плодами своихъ наблюдений и размышлений.

Близкій другъ С. С. Корсакова, нынѣ покоящійся рядомъ съ нимъ на кладбищѣ Алексѣевского монастыря, А. А. Токарскій, въ своей рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Психологическаго Общества въ субботу „Корсаковской недѣли“, усматривалъ главное значеніе С. С. для психологіи въ томъ, что „онъ зналъ человѣческую душу не такой, какъ ее описываютъ въ книжкахъ, а такой, какова она въ дѣйствительности“. ¹⁾ Мнѣ думается, что для опредѣленія заслугъ С. С. и въ психологіи, и въ психіатріи съ полнымъ правомъ можно бы сказать обратное: онъ въ книжкахъ описалъ человѣческую душу такую, какова она въ дѣйствительности.

Воззрѣнія С. С. на механизмъ нормальной психической дѣятельности, поскольку они изложены въ различныхъ его работахъ, представляютъ стройную продуманную систему, охватывающую не только основные вопросы психологіи, но и цѣлый рядъ деталей какъ спеціального, такъ и самаго общаго характера.

Психологическая система Корсакова представляетъ конгломератъ психологическихъ концепцій различныхъ школъ. Оставаясь психологомъ-эмпирикомъ и біологомъ, С. С. сочеталъ въ своей системѣ англійскую ассоціативную психологію съ ученіемъ объ апперцепціи Вундта, анатомо-физиологическую конструкцію Мейнерта и ученіе о локалізаціяхъ съ ученіями Джемса, Ланге и Рибо. Но система Корсакова

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“ 1900 г. Кн. III. Стр. XIX.

отличается отъ возрѣній другихъ психологовъ не однимъ эклектизмомъ: онъ внесъ въ нее крупный самостоятельный элементъ, истинность и законность котораго позволительно признавать или отвергать, но съ которымъ необходимо считаться.

Само собою разумѣется, что въ основѣ психологическихъ возрѣній Корсакова лежитъ положеніе, что психическая дѣятельность является функціей головного мозга и, главнымъ образомъ, его полушарій; въ нихъ локализуется душевная жизнь, ихъ конструкціей и организаціей обусловлены ея проявленія; свойствами ихъ нервныхъ тканей, расположеніемъ и взаимоотношеніемъ ихъ элементовъ, устройствомъ ихъ сосудистаго аппарата обуславливается все внѣшнее многообразіе психическихъ проявленій; внѣ ихъ нѣтъ чувства, нѣтъ воли, нѣтъ ума.

Источникомъ познанія человѣка является *ощущеніе*. Ощущеніе, проецированное во внѣшній міръ и относимое нашею психикой къ произведшему его объекту, претворяется въ *представленіе*, являющееся образомъ предмета въ человѣческой душѣ; изъ комбинаціи представленій, путемъ цѣлесообразнаго сопоставленія, создаются представленія о смыслѣ, значеніи, цѣли предметовъ, создаются *понятія*. Понятія являются сложными представленіями, отличительную черту которыхъ составляетъ то, что въ нихъ связующимъ представленія цементомъ служитъ осмысленіе; „для образованія понятій недостаточно сочетаній по смежности и одновременности, или по одному внѣшнему сходству, а должна быть связь представленій по смыслу“¹⁾.

Ощущенія, представленія и понятія образуютъ запасъ матеріала для умственной дѣятельности; сохраненіе этого запаса обусловлено особымъ душевнымъ свойствомъ—*памятью*. При ея содѣйствіи отдѣльные элементы психическаго запаса и текущаго воспріятія сочетаются между собою въ

¹⁾ Къ психологій микроцефаловъ „Вопр. Фил. и Псих.“ 1894. Кн. II. Отд. II. Стр. 190—191.

извѣстномъ порядкѣ, преслѣдуемъ, въ конечномъ результатѣ, цѣль разумности, и подчиненномъ законамъ *ассоціаціи идей*.

Анатомическую основу всѣхъ этаповъ умственной жизни составляютъ клѣтки различныхъ отдѣловъ головного мозга и соединяющіе ихъ волокнистые вѣтвящіеся отростки. Превращеніе впечатлѣній въ ощущенія совершается въ частяхъ, лежащихъ ниже коры мозговыхъ полушарій; представленія же локализируются въ различныхъ отдѣлахъ самой коры, располагаясь однородными группами; каждая категорія представленій располагается въ опредѣленныхъ участкахъ, и даже такія сложныя представленія, какъ представленіе времени и пространства, вѣроятно, сосредоточиваются въ опредѣленномъ ограниченномъ участкѣ коры головного мозга; сочетаніе представленій совершается благодаря безчисленнымъ нервнымъ волокнамъ, соединяющимъ въ неисчислимыя комбинаціяхъ элементы отдѣльныхъ областей между собою и другъ съ другомъ.

Физиологическая основа психической дѣятельности дается состояніемъ возбужденія анатомическихъ элементовъ. Нервная клѣтка, однажды возбужденная, не утрачиваетъ однако своего возбужденія, и въ этомъ заключается физиологическій субстратъ памяти. „Въ то время, когда представленіе только что образуется, возбужденіе очень интенсивно, а затѣмъ оно ослабѣваетъ, но, по всей вѣроятности, не исчезаетъ совершенно, а остается въ очень слабой степени, вслѣдствіе чего и не сознается нами. Но достаточно какого-нибудь обстоятельства, которое можетъ усилить это возбужденіе нервной клѣтки, и тогда то представленіе, которое она, такъ сказать, хранитъ, возстановится въ сознаніи“ ¹⁾. Этимъ усиливающимъ факторомъ обычно является притекающее къ клѣткѣ по соединительнымъ волокнамъ возбужденіе (иннервационный процессъ), зародившееся въ той или другой, болѣе или менѣе отдаленной, нервной

1) С. С. Корсаковъ. *Курсъ Психіатріи*. Изд. II. Стр. 42.

клѣткѣ. По мѣрѣ того, какъ возбужденіе послѣдовательно возникаетъ въ цѣломъ рядѣ сочетанныхъ между собою мозговыхъ элементовъ, — то въ томъ, то въ другомъ изъ нихъ возникаетъ или усиливается и дѣятельное состояніе, въ результатѣ чего происходитъ послѣдовательная репродукція хранимыхъ ими представленій. Въ основѣ законовъ ассоціаціи лежитъ, по всѣй вѣроятности, то, что связи, существующія между отдѣльными клѣтками мозговой коры, не одинаково тѣсны и интимны; возбужденіе, возникшее въ одной клѣткѣ или группѣ клѣтокъ, легче передается той клѣткѣ или группѣ ихъ, съ которою имѣется болѣе прямое, или болѣе проторенное, или болѣе удобное для даннаго момента сообщеніе.

Относительно сущности самого процесса, лежащаго въ основѣ дѣятельнаго состоянія психическихъ центровъ, возможны лишь предположенія; по всей вѣроятности, онъ состоитъ въ молекулярномъ измѣненіи нервныхъ клѣтокъ и волоконъ, связанномъ съ химическимъ измѣненіемъ ихъ состава; вѣроятно, измѣненія эти заключаются въ распадѣніи (дезинтеграціи) составныхъ элементовъ клѣтки подъ вліяніемъ усиленнаго притока кислорода къ тому участку коры, въ которомъ въ данный моментъ происходитъ работа. Необходимый для дѣятельнаго состоянія клѣтки кислородъ доставляется артеріальною кровью, и къ тому участку мозговой коры, который въ данную минуту работаетъ, должно притекать большее количество крови, чѣмъ къ неработающему ¹⁾. Такимъ образомъ потребленіе кислорода крови составляетъ необходимое условіе дѣятельнаго состоянія мозговой клѣтки.

Работа, происходящая въ данный моментъ въ томъ или иномъ участкѣ мозговой коры, сознается нами, какъ текущее содержаніе нашей мысли; но рядомъ съ этимъ мы обладаемъ способностью непосредственно ощущать тѣ субъективныя перемены, которыя вызываются въ насъ самихъ

¹⁾ Курсъ Психіатріи, стр. 57—58.

различными притекающими впечатлѣніями и возникающими въ насъ образами; рядомъ съ интеллектуальной сферой живеть въ насъ *эмоціональная сторона*, благодаря которой мы не только познаемъ явленія, насъ окружающія, познаемъ самихъ себя, но и непосредственно чувствуемъ ту реакцію, которую внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія вызываютъ въ нашемъ собственномъ существѣ. Какъ ни разнообразны эти чувствованія, обнимающія съ одной стороны голодь, жажду, половой инстинктъ, а съ другой—эстетическое, нравственное и религіозное чувство и т. д.,—все различіе ихъ по существу сводится къ различнымъ измѣненіямъ нашего самочувствія, сопровождающимъ появленіе въ сознаніи соотвѣтствующихъ представлений. „Очень вѣроятно, что измѣненіе въ самочувствіи сопровождается всѣмъ малѣйшимъ измѣненіемъ въ нашей личности. Очень можетъ быть, что каждая отдѣльная мысль, каждое отдѣльное влеченіе вызываютъ особый оттѣнокъ въ нашемъ самочувствіи, и по этому оттѣнку мы или различаемъ ихъ другъ отъ друга, или находимъ сходное между ними... Очень можетъ быть, что воспроизведеніе этихъ разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ въ самочувствіи и лежитъ въ основѣ узнаванія хранящихся въ „памяти“ слѣдовъ протекшихъ событій или имѣвшихъ когда-либо въ психикѣ мыслей и сужденій“ ¹⁾).

„Основной фактъ, изъ котораго вытекаетъ объясненіе физиологической подкладки эмоцій, заключается въ томъ, что раздраженія, способныя вызывать непріятное чувство, вызываютъ по рефлексу сокращеніе круговыхъ мышцъ сосудов“ ²⁾, и въ частности сосудовъ мозговой коры; суженіе сосудовъ ведетъ къ уменьшенію притока кислорода къ элементамъ послѣдней, а слѣдовательно и къ затрудненію ихъ функціи. Это затрудненіе дѣятельности корковыхъ клѣтокъ ощущается нами непосредственно, создавая то чувство психической несвободы, немощности, то основное непріятное чувство, которое составляетъ коренную

¹⁾ *Курсъ Психіатріи*, стр. 66—67.

²⁾ *Курсъ Психіатріи*, стр. 72.

сущность всѣхъ непріятныхъ чувствованій вообще. „Можно предположить, что при раздраженіяхъ пріятныхъ сосуда коры, наоборотъ, расширяются, притокъ крови и съ нею кислорода къ элементамъ коры становится изобильнѣе, вслѣдствіе чего происходитъ облегченіе функціи коры, задержекъ становится меньше; ощущеніе этой легкости психическихъ процессовъ и есть основное пріятное чувство“¹⁾.

Приведенною теоріей развитія первичнаго пріятнаго и непріятнаго чувства, принадлежащей Мейнерту, можно съ нѣкоторыми добавленіями воспользоваться и для объясненія развитія высшихъ чувствъ.

Опытъ съ достаточною убѣдительностью показываетъ, что высшія чувства въ своемъ основаніи имѣютъ въ большинствѣ случаевъ физическія чувствованія. По отношенію къ зрительнымъ образамъ, напримѣръ, симметрия нравится потому, что „глазу физически легче сдѣлать равномѣрныя движенія по сторонамъ при обзорѣннн предмета, чѣмъ разномѣрныя. Отсюда уже не трудно вывести, что въ основѣ чувства, вызываемаго красотой формъ, лежатъ чисто органическія условія пріятнаго и непріятнаго чувствованія. То же самое можно сказать и объ удовольствіи отъ ритмическихъ звуковъ и т. п.... То же самое можно сказать и о нравственномъ чувствѣ; и оно сводится къ тому, что при воспріятіи, наприм., того, что другого человѣка бьютъ, у человѣка является воспоминаніе о собственной боли при побояхъ, и это воспоминаніе сопровождается чувствомъ страданія; вслѣдствіе этого человѣкъ будетъ считать, что нанесеніе удара другому есть нѣчто непріятное, и это ляжетъ въ основу его обязанностей по отношенію къ другимъ людямъ.

„Правда, въ дѣйствительности, конечно, генезисъ высшихъ чувствъ происходитъ несравненно тоньше и сложнѣе, чѣмъ въ представленной грубой схемѣ... Нужно думать, что мало-по-малу, въ теченіе жизни, многія представленія

1) *Курсъ Психіатріи*, стр. 73.

и понятія человѣка ассоціируются съ представленіемъ о боли, о страданіи; а потому, если когда-либо одно изъ такихъ представленийъ возникнетъ въ сознаніи, то сейчасъ возникнетъ и представленіе о страданіи; а какъ скоро возникнетъ представленіе о страданіи, то сейчасъ явится и представленіе физически непріятнаго чувствованія и, по ассоціаціи, то, что такъ тѣсно связано съ физическимъ непріятнымъ чувствомъ,—сжатіе кровеносныхъ сосудовъ и обѣднѣніе кровью и кислородомъ коры полушарій; результатомъ этого будетъ заторможеніе психическихъ процессовъ, а это будетъ ощущаться какъ настоящая боль, какъ непріятное чувство. Наоборотъ, другія представленія и понятія болѣе тѣсно ассоціированы съ представленіемъ физическаго довольства, а это представленіе тѣсно связано съ функціею сосудо-расширителей; сосуды коры расширяются, кровь приливаетъ въ большемъ количествѣ, съ нею больше кислорода; отсюда облегченіе функціи мозговой коры и чувство удовольствія“ 1).

Мысли и чувствованія стремятся прорваться наружу и выразиться въ какомъ-либо соотвѣтствующемъ *волевои движении*. Проявленіе чувствъ въ движеніи замѣтно уже и въ мимикѣ, и въ измѣненіи интонаціи рѣчи; стремленіе мысли къ двигательнымъ актамъ менѣе замѣтно, но существованіе его можетъ быть подтверждено прямыми опытами, которые доказываютъ, что каждая мысль сопровождается тѣми или иными соотвѣтствующими движеніями. „Самое стремленіе душевнаго содержанія выразиться въ различныхъ актахъ сопровождается измѣненіемъ самочувствія, различнымъ по качеству и интенсивности, которое и даетъ намъ представленіе о различной интенсивности и различномъ характерѣ стремленія; смотря по этому, въ однихъ случаяхъ мы называемъ это стремленіе побужденіемъ, потребностью, въ другихъ—влеченіемъ и желаніемъ, въ третьихъ—хотѣніемъ“ 2).

1) *Курсъ Психіатріи*, стр. 73—74.

2) *Курсъ Психіатріи*, стр. 77.

Всѣ побужденія и влеченія человѣка имѣютъ конечнымъ исходомъ или *внѣшнюю дѣятельность* или *внутреннюю*. Внѣшнюю дѣятельность составляютъ движенія членовъ нашего тѣла; внутренняя выражается въ направленіи душевной жизни въ ту или иную сторону; управление мыслями производится при помощи акта *вниманія*, которое въ сущности является также своеобразнымъ мышечнымъ актомъ.

Такимъ образомъ двигательный актъ въ широкомъ смыслѣ представляетъ конечную ступень, высшую цѣль душевной дѣятельности. По аналогіи съ простымъ рефлексомъ, онъ является неизбѣжнымъ результатомъ рокового стремленія нервнаго возбужденія замкнуть рефлекторную дугу. Отличіе волевого акта отъ рефлекторнаго движенія, помимо присущаго ему оттѣнка психической субъективности, заключается въ томъ, что волевое движеніе далеко не всегда слѣдуетъ непосредственно за ощущеніемъ. Это промедленіе двигательной реакціи „въ значительной мѣрѣ обуславливается обиліемъ задерживающихъ аппаратовъ въ центрахъ психической дѣятельности, а также и тѣмъ, что на пути отъ чувствующихъ клѣтокъ къ двигательнымъ возбужденіе можетъ (благодаря обилію ассоціаціонныхъ путей) заходить во многія промежуточные нервныя клѣтки“ ¹⁾.

„Повидимому, нѣкоторые изъ элементовъ мозговой коры обладаютъ свойствомъ надолго задерживать въ себѣ ту двигательную энергію, которая должна бы выразиться въ импульсѣ къ тому или другому акту. Задерживая эту энергію на долгое время и постепенно накапливая ее, эти элементы по временамъ способны вдругъ разрядить ее, вслѣдствіе чего являются акты необыкновенной интенсивности“ ²⁾.

„Почему мысли (идеи) не такъ быстро вызываютъ двигательные акты, а чувства (эмоціи), наоборотъ, очень быстро? По всей вѣроятности, это обуславливается тѣмъ, что вслѣдствіе тѣхъ измѣненій въ кровообращеніи и питаніи элемен-

¹⁾ *Курсъ Психіатріи*, стр. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 82.

товъ, которое лежитъ въ основѣ эмоцій, способность элементовъ коры накапливать двигательную энергію и такимъ образомъ задерживать проявленіе двигательныхъ актовъ уменьшается, и потому психическій актъ при эмоціяхъ болѣе приближается къ спинномозговому рефлексу, чѣмъ при спокойной интеллектуальной работѣ, при которой тратится только небольшая часть двигательной энергіи—и то главнымъ образомъ на то, чтобы придавать теченію мыслей цѣлесообразное направленіе“ 1).

„Накопляя двигательную энергію, элементы коры могутъ регулировать какъ силу, такъ и направленіе двигательныхъ актовъ. Этимъ въ значительной мѣрѣ обуславливается разнообразіе актовъ человѣка и ихъ цѣлесообразность и систематичность. Повидимому очень большою способностью къ накопленію этой двигательной энергіи и выпусканію ея сообразно съ обстоятельствами обладаютъ тѣ элементы коры, которыхъ дѣятельность связана съ представленіемъ о собственной личности и съ понятіемъ „я“... Чѣмъ болѣе ощущаетъ человѣкъ вліяніе регулирующей силы представлений, связанныхъ съ „я“, на двигательные акты, тѣмъ акты считаются произвольнѣе, — чѣмъ менѣе ощущается участіе ихъ, тѣмъ акты автоматичнѣе, непроизвольнѣе“ 2).

Наша душевная дѣятельность сопровождается особымъ ощущеніемъ того, что происходитъ въ душѣ, особымъ чувствованіемъ смѣняющихся душевныхъ состояній. Это чувствованіе, по существу субъективное, но заключающее въ себѣ большее или меньшее объективированіе собственныхъ психическихъ актовъ, составляетъ сущность *сознанія*; интенсивностью этого ощущенія субъектъ-объекта характеризуется большая или меньшая степень ясности сознанія 3). Нельзя, однако, отождествлять сознанія съ психическою дѣятельностью вообще, такъ какъ множество психическихъ актовъ совершается въ бессознательной сферѣ,

1) *Курсъ Психіатріи*, стр. 82—83.

2) Тамъ же, стр. 82.

3) Тамъ же, стр. 83.

въ сферѣ психическаго автоматизма: въ ней происходитъ безсознательная идеация, въ ней формируются симпатіи и антипатіи, немотивированныя влеченія и творческіе акты, которые вступаютъ въ сознательную сферу въ видѣ сформированныхъ законченныхъ результатовъ ¹⁾.

Психофизиологическаго объясненія явленій сознательности въ настоящее время дать невозможно; возможно лишь отчасти указать тѣ факторы, которые вліяютъ на сознательность психическихъ процессовъ. „Первымъ факторомъ является сила и качество того химическаго процесса, который лежитъ въ основѣ функціи мозговой коры... По всей вѣроятности, при слабой степени процесса дезинтеграціи нервныхъ элементовъ, работа, совершающаяся въ корѣ, не въ состояніи вызвать того ощущенія, которое характеризуетъ сознательное состояніе; для того, чтобы она могла вызвать это ощущеніе, она должна обусловливаться такою силою процесса дезинтеграціи, которая достаточна, чтобы перешагнуть рубежъ, раздѣляющій область сознательнаго отъ безсознательнаго“ ²⁾.

Другимъ факторомъ сознательнаго состоянія являются впечатлѣнія, получаемыя нами изъ внѣшняго и изъ внутренняго міра; „однообразное и не измѣняющееся душевное состояніе ведетъ къ исчезновенію сознанія. Для сознанія нужны толчки, колеблющіе душевное содержаніе“ ³⁾.

Третій факторъ сознанія составляетъ дѣятельность воли, въ формѣ вниманія, выводящаго изъ безсознательнаго запаса тѣ или иныя представленія.

Четвертый факторъ, наконецъ, дается тѣмъ, что С. С. Корсаковъ называлъ „направляющею силою ума“ и къ чему мы сейчасъ обратимся, обнявши предварительно еще разъ общимъ взглядомъ возрѣнія С. С. на біологическую сущность нашей душевной жизни, какъ они резюмированы имъ самимъ.

¹⁾ *Курсъ Психіатріи*, стр. 89.

²⁾ Тамъ же, стр. 85.

³⁾ Тамъ же, стр. 91.

„Психическая дѣятельность челоѵка тѣсно связана съ физиологическими процессами и такимъ образомъ составляетъ проявленіе органической жизни... Организация, проявленіемъ дѣятельности которой является психика, есть субстратъ того, что мы называемъ личностью. Въ основѣ личности лежитъ своеобразная анатомическая организация, именно—совокупность нервныхъ клѣтокъ и связывающихъ ихъ соединительныхъ путей, изъ которыхъ одни, такъ сказать, болѣе проторены, другіе менѣе проторены, чѣмъ и обуславливается большая возможность однихъ комбинацій психическихъ явленій передъ другими. Этотъ анатомическій конгломератъ, притягивая къ нервнымъ элементамъ необходимую ему питательную плазму, живетъ и функционируетъ, благодаря притоку крови и съ нею кислорода, и благодаря химическимъ процессамъ въ нервныхъ элементахъ, и благодаря своевременному удаленію продуктовъ работы; жизнь его выражается въ полученіи впечатлѣній, въ переработкѣ ихъ въ ощущенія, представленія и понятія и въ храненіи и репродукціи ихъ. Храненіе впечатлѣній есть, по всей вѣроятности, постоянный тонусъ, т.-е. продолжающаяся минимальная дѣятельность тѣхъ же элементовъ, которые восприняли впечатлѣніе и были такимъ образомъ выведены изъ состоянія покоя. Нервные элементы образуютъ отдѣльныя группы, имѣющія специальную функцію (зрительныя, слуховыя, двигательныя); одни изъ нихъ имѣютъ болѣе тѣсное отношеніе къ воспріятію, другіе—къ направленію сочетаній въ извѣстномъ порядкѣ. Всѣ группы элементовъ дѣйствуютъ постоянно, можно сказать, непрерывно. Эта постоянная дѣятельность всѣхъ элементовъ психического организма, совершающаяся притомъ (у здороваго челоѵка) по законамъ правильнаго взаимодействія, коопераціи, образуетъ гармонію психическихъ явленій, которая характеризуетъ нормальный ходъ психической жизни. Если дѣятельность эта не интенсивна, то психическіе процессы происходятъ ниже уровня сознанія; если же она интенсивна, то психическіе процессы становятся со-

знательными. При этомъ пунктъ наивысшаго напряженія дѣятельности постоянно мѣняется и, соотвѣтственно этому, то то, то другое становится ясно сознательнымъ. Каждый психическій актъ есть результатъ дѣятельности всего психического организма и потому такъ или иначе отражается на всей личности. Такимъ образомъ, каждому психическому акту, какъ бы онъ ни былъ малъ, соотвѣтствуетъ совершенно особое состояніе нашей личности. Эти измѣненія въ состояніи личности, конечно, обусловливаются измѣненіями всей совокупности тончайшихъ процессовъ питанія въ томъ органѣ, который составляетъ почву для процессовъ психическихъ. Ощущенія этихъ измѣненій, органическія ощущенія, сопровождающія процессы мысли, желаній и т. п., даютъ основаніе къ измѣненіямъ въ самочувствіи, по которымъ мы и узнаемъ о томъ, что происходитъ въ насъ самихъ. Такимъ образомъ вѣчно смѣняющіеся и колеблющіеся въ своей интенсивности психическіе процессы сопровождаются смѣняющимися чувствованіями, являющимися сигналами тѣхъ физиологическихъ состояній, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ въ органѣ психической жизни и которымъ соотвѣтствуютъ колебанія въ состояніи нашей личности. Съ другой стороны, эти чувствованія, являясь могущественнѣйшимъ побудителемъ къ тому, чтобы рефлекторный актъ, по типу котораго совершаются психическіе процессы, замкнулся въ своей двигательной фазѣ, — вызываютъ наиболѣе сильныя побужденія къ дѣйствіямъ (внутреннимъ и внѣшнимъ), правильность которыхъ всецѣло зависитъ отъ того, насколько они являются выраженіемъ гармоническаго сочетанія (съ іерархическимъ могущественнымъ господствомъ высшихъ свойствъ) всѣхъ элементовъ личности“ ¹⁾.

Исключительное свойство человѣческаго интеллекта составляетъ, въ отличіе отъ интеллекта животныхъ, способность къ образованію большаго количества понятій и на-

¹⁾ *Курсъ Психіатріи*, стр. 96—97.

личность большого запаса ихъ; отсюда слѣдуетъ, что именно въ человѣческой организаціи даны наиболѣе благопріятныя условія для продуктивной умственной дѣятельности, направленной къ опредѣленной разумной цѣли; слѣдствіемъ этихъ условій является то, что психическое содержаніе выступаетъ передъ созерцающимъ его субъектомъ въ извѣстномъ іерархическомъ сочетаніи; оно является въ сознаніи сочетаннымъ по логической связи, которая устанавливается именно тѣмъ, что С. С. назвалъ „направляющею функціей ума“ и что составляетъ вполне оригинальный и наиболѣе интересный пунктъ всей его психологической системы.

Доказательству существованія этой особой психической функціи, ея психологическому опредѣленію, ея анатомо-физиологическому обоснованію посвящена С. С. его наиболѣе крупная психологическая работа, являющая въ то же время образецъ точнаго, всесторонняго клиническаго описанія, тонкаго остраго наблюденія и глубокаго анализа сложныхъ психопатологическихъ явленій. Работа эта носитъ скромное названіе: „Къ психологіи микроцефаловъ“¹⁾.

Въ предыдущемъ изложеніи мы неоднократно приближались къ необходимости принять, въ психологической системѣ Корсакова, существованіе особой душевной функціи, направляющей дѣятельность психическаго аппарата. Что способствуетъ образованію понятій? Что заставляетъ психическіе элементы располагаться и чередоваться въ порядкѣ, преслѣдующемъ цѣли разумности? Что обусловливаетъ цѣлесообразность и систематичность волевыхъ актовъ? Какая психическая функція создаетъ появленіе въ сознаніи совершенно новыхъ, въ самой душѣ зародившихся психическихъ элементовъ, появленіе вдохновенныхъ продуктовъ духовнаго творчества?

Эту разнообразную по проявленіямъ, но однородную по существу функцію С. С. называетъ *направляющею функціей*

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ 1899 г. Кн. I и II.

или направляющею силою интеллекта, или направляющею дѣятельностью ума. С. С. приписываетъ ее жизнедѣятельности особыхъ отдѣловъ мозговой коры, расположенныхъ, вѣроятно, въ лобныхъ доляхъ мозговыхъ полушарій. Отъ нервныхъ клѣтокъ этой области исходить импульсъ иннервационнаго процесса, служащаго субстратомъ сочетанія представленій по смыслу, благодаря чему и образуются понятія; направляющее вліяніе этихъ импульсовъ необходимо и для образованія конкретныхъ представленій; только имъ и можно объяснить, что и образованіе представленій изъ ощущеній совершается съ опредѣленной закономѣрностью и правильностью въ цѣляхъ, которыя ставятъ потребность познания; изъ того же источника исходятъ импульсы, „вліяющіе на направленіе иннервационнаго процесса по ассоціационной сѣти и склоняющіе его въ ту или другую сторону, смотря по тому, какая цѣль поставлена умомъ самому себѣ. Благодаря этому является послѣдовательный и болѣе или менѣе сообразный съ цѣлью рядъ сужденій и умозаключеній,—является то, что мы называемъ въ бессознательной жизни цѣлесообразной идеацией, а въ сознательной—актомъ послѣдовательнаго мышленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такимъ же путемъ являются и творческіе акты интеллектуальной дѣятельности, каковы—умственная дѣятельность геніевъ науки, поэтовъ и изобрѣтателей“¹⁾).

„Необходимость допущенія такой направляющей дѣятельности вытекаетъ уже изъ того, что мы не можемъ отрицать у людей самыхъ различныхъ національностей и различныхъ историческихъ періодовъ единства логики и единства многихъ другихъ высшихъ проявленій душевной жизни, какъ, напримѣръ, нравственнаго императива въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для объясненія этого единства недостаточно однихъ механическихъ ассоціаций смежности и одновременности и даже простыхъ ассоціаций по внѣшнему сходству,—нужны еще сочетанія по извѣстному, единому для всего

1) *Курсъ Психіатріи*, стр. 48.

рода человѣческаго, направленію. Только признавая существованіе направляющей функціи и можно объяснить высшія проявленія разума и его единство для всѣхъ нормальныхъ людей“¹⁾).

Ученіе Корсакова о направляющей функціи ума напоминаетъ нѣкоторыми своими сторонами представленіе объ активной апперцепціи Вундта; однако оба эти ученія значительно разнятся другъ отъ друга, какъ на это указалъ самъ С. С., признававшій, что Вундтовская апперцепція совмѣщаетъ въ себѣ двѣ существенно различныя функціи: направленіе сочетаній по принципу логическаго объединенія и приведеніе психическихъ актовъ въ наиболѣе ясный пунктъ сознанія. Для С. С. представлялось несомнѣннымъ, что актъ осмысленія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. „нахожденіе логическаго единства во множествѣ“²⁾, можетъ совершаться и ниже уровня сознанія и что въ виду этого представленіе о направляющей функціи разума отнюдь не совпадаетъ съ представленіемъ о высшей сознательной дѣятельности, для которой активное вниманіе является главнымъ орудіемъ; обѣ эти функціи существуютъ и проявляются самостоятельно, хотя нерѣдко онѣ дѣйствуютъ и развиваются параллельно, дополняя одна другую и помогая другъ другу. Активная апперцепція не можетъ не пользоваться услугами направляющей функціи: „для приведенія психическихъ актовъ въ ясный пунктъ сознанія необходимо чтобы была возможность активнаго произвольнаго сочетанія идей“³⁾. Съ другой стороны, активное вниманіе даетъ возможность концентрировать фізіологическія функціи на направляющей дѣятельности, и такимъ образомъ стимулировать ее, усиливать, развивать и упражнять.

Болѣе приближается представленіе о направляющей функціи С. С. Корсакова къ представленію Л. М. Лопатина о силѣ преобразующей и перераспредѣляющей психическіе

1) *Къ психологіи микроцефаловъ*, стр. 195.

2) Тамъ же, стр. 191.

3) Тамъ же, стр. 196.

элементы и создающей подвижныя ассоціаціи ¹⁾; но и здѣсь ученіе С. С. является болѣе широкимъ, болѣе затрогивающимъ основныя свойства человѣческой психики, нежели концепція Л. М. Лопатина. Для С. С. направляющая функція участвуетъ во всѣхъ психическихъ процессахъ, совершающихся въ нашемъ мозгу; безъ нея невозможны не только сочетанія по смыслу, но и элементарныя ассоціаціи низшаго качества; самая возможность образованія сочетаній предполагаетъ предсуществованіе руководящаго начала, опредѣленно направленной психической активности ²⁾; мало того, самая способность схватывать ощущенія указываетъ на то, что существуетъ стремленіе къ этому, извѣстная степень присущей психикѣ активности ³⁾. Психическіе акты высшаго порядка требуютъ лишь болѣе значительной энергіи направляющей функціи, имѣющей въ своемъ распоряженіи весь громадный запасъ простыхъ и сложныхъ психическихъ элементовъ.

Выступая съ ученіемъ о направляющей дѣятельности ума, С. С. несомнѣнно самъ придавалъ ему большое значеніе; онъ полагалъ, что признаніе направляющей функціи одинаково возможно для обоихъ психологическихъ лагерей, и метафизическаго, и эмпирическаго.

„Съ точки зрѣнія эмпирической психологіи, признаніе этой функціи находитъ себѣ основаніе въ положеніи біологіи, что для совершенствованія вида въ томъ или другомъ направленіи происходитъ развитіе спеціальныхъ органовъ для наиболѣе выгодной функціи, происходитъ дифференцированіе функціи отъ другихъ; слѣдуетъ только признать, что у человѣка изъ общей направляющей функціи нервной системы дифференцировалась функція направленія сочетаній идей и другихъ психологическихъ процессовъ.

¹⁾ Л. М. Лопатинъ. *Подвижныя ассоціаціи представленій*. „Вопр. Фил.“ 1893. Кн. IV.

²⁾ Пренія по поводу реферата Л. М. Лопатина „О подвижныхъ ассоціаціяхъ“ въ засѣданіи Психологическаго Общества 9 октября 1893 г. „Вопр. Филос.“ 1893 г. Кн. V. Отд. II, стр. 175.

³⁾ *Курсъ Психіатріи*, стр. 98.

„Съ точки зрѣнія метафизиковъ, признаніе этой функціи тоже не противорѣчитъ никакимъ основнымъ положеніямъ. Напротивъ, въ ней метафизикъ можетъ найти то орудіе, которымъ метафизическая воля или духовное „я“ вліяетъ на физическое строеніе нервныхъ центровъ и такимъ образомъ можетъ измѣнять самую основу, на которой развиваются душевныя явленія“ 1).

Однако, отдавая на общій судъ свое воззрѣніе, С. С. чувствовалъ, что со стороны эмпирическаго лагеря ему можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ уступкѣ метафизическимъ взглядамъ. И онъ парировалъ этотъ предчувствуемый упрекъ съ величайшимъ остроуміемъ: онъ выяснилъ и развилъ свое ученіе на основаніи психологическаго разбора душевной жизни идиотки-микроцефалки, психика которой характеризуется крайней инвалидностью направляющей функціи, а головной мозгъ которой отличается преимущественнымъ недоразвитіемъ лобныхъ долей полушарій, тѣхъ самыхъ долей, въ которыхъ С. С. склоненъ локализовать направляющую дѣятельность ума; свое якобы метафизическое ученіе С. С. построилъ на анатоми-физиологическихъ основаніяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ сдѣлать въ своемъ ученіи и прямую оговорку для выясненія возможности чисто эмпирическаго признанія функціи преслѣдующей цѣли разумности.

„Разумъ человѣка не есть что-либо метафизическое — пишетъ С. С. 2);—это такое свойство психической дѣятельности человѣка, съ которымъ мы имѣемъ дѣло на каждомъ шагу. Правда, мы не можемъ дать этому понятію точнаго опредѣленія, но намъ постоянно приходится дѣлать различіе того, что разумно и что нерзумно,—слѣдовательно, непосредственное пониманіе того, что такое разумъ, у насъ имѣется. Для разума, какъ свойства нормальной человѣческой организаци, мы должны предполагать и субстратъ, и вотъ, для уясненія этого механизма, является почти необ-

1) Пренія по поводу реферата Л. М. Лопатина., стр. 174.

2) *Къ психологіи микроцефаловъ*, стр. 197.

ходимымъ предположеніе направляющей сочетанія функции. Лишь опредѣленіе сущности того направленія, по которому должны происходить различныя сочетанія, ставить насъ лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми метафизическими воззрѣніями, но и оно еще не вводитъ насъ въ ихъ область, такъ какъ здѣсь мы и останавливаемся, ограничиваясь въ этомъ опредѣленіи простой символической формулой: мы говоримъ, что понятіе смысла (когда говорятъ объ осмысленныхъ сочетаніяхъ) уясняется больше всего представленіемъ о нахожденіи этимъ путемъ единого во множествѣ. Несмотря на кажущуюся метафизичность этой формулы, она однако не можетъ считаться таковой, потому что является выраженіемъ результатовъ эмпирическаго изслѣдованія и выводомъ, сдѣланнымъ изъ анализа множества проявленій душевной жизни человѣка“.

Выраженное въ этихъ строкахъ воззрѣніе въ значительной степени характеризуетъ и общій взглядъ С. С. на отношеніе метафизическихъ вопросовъ къ вопросамъ психологіи. Вопросъ о самобытности и независимости духовнаго начала, по мнѣнію С. С., не предрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ убѣжденіемъ въ полной зависимости душевныхъ явленій отъ анатомическихъ и физиологическихъ условій: вопросъ о міровомъ духовномъ началѣ вовсе и не ставится до поры до времени въ узкомъ кругѣ научнаго изученія конкретныхъ явленій психической жизни. Міръ душевныхъ явленій остается все тѣмъ же, съ какими бы взглядами на природу человѣческой души мы къ нему ни подходили ¹⁾.

Но отрицая необходимость вмѣшательства метафизики въ изученіе и объясненіе механизма психическихъ явленій, всесторонній пыливый умъ С. С., справедливый и безпристрастный не только въ области жизненной практики, но и въ сферѣ отвлеченныхъ построеній критической мысли, не находилъ возможнымъ горделиво отворачиваться отъ

¹⁾ Пренія по реферату Н. Я. Грота „О значеніи идеи параллелизма въ психологіи“. „Вопр. Филос. и Психол.“ 1894 г. Кн. II, Отд. II. Стр. 312—313.

навязывающихся основныхъ вопросовъ только потому, что они могутъ быть окрещены названіемъ метафизическихъ; съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе утверждалось въ С. С. убѣжденіе въ законности ихъ постановки, какъ единственнаго — покуда — исхода для удовлетворенія жажды основного міропониманія, для котораго недостаточны современные положительныя знанія. Уже въ первомъ изданіи своего „Курса Психіатріи“, вышедшемъ въ 1893 г., С. С. сомнѣвался въ возможности разсматривать психическую жизнь, только какъ рефлексъ головного мозга, разряжаемый поступающими извнѣ ощущеніями; уже тогда онъ указывалъ, какъ мы сейчасъ видѣли, на необходимость допускать предсуществованіе способности и стремленія къ активному схватыванію ощущеній, на необходимость постулировать предсуществованіе воли въ широкомъ смыслѣ слова; однако тогда эта точка зрѣнія приводилась имъ, какъ взглядъ философовъ-метафизиковъ и сопровождалась оговоркой о томъ, что психологамъ-эмпирикамъ нѣтъ надобности рѣшать темный вопросъ объ источникѣ душевной жизни. Во второмъ, вышедшемъ на-дняхъ, посмертномъ изданіи своего „Курса“ С. С. открыто выступаетъ на защиту метафизики, указывая какъ предѣлы ея допустимости въ біологическихъ построеніяхъ, такъ и ея психологическое обоснованіе, какъ „творческой работы безсознательной идеаци“.

Вопросъ объ источникѣ психической энергіи, признаваемый одними за проявленіе міровой воли, другими за видоизмѣненіе механической энергіи, говоритъ здѣсь С. С. ¹⁾—„вопросъ въ высшей степени важный и глубокій, къ сожалѣнію рѣшаемый многими крайне поверхностно подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ случайныхъ влияній, односторонняго направленія вниманія или пріобрѣтающаго непреодолимую силу привычки навязаннаго міросозерцанія. Для рѣшенія его недостаточно современнаго положительнаго знанія, и нельзя пренебрегать, какъ совершенно ненужнымъ хламомъ, тѣмъ,

¹⁾ *Курсъ Психіатріи*, стр. 98.

что говорить такъ называемые метафизики. Зная, какую важную роль въ нашей душевной жизни играетъ творческая работа безсознательной идеации, и какъ нерѣдко путемъ интуиціи открываются истины, которыя разсудокъ осмышляетъ лишь въ послѣдствіи, мы не можемъ съ невѣжественной насмѣшкой относиться къ тому, что говорятъ многіе высоко-талантливые люди, считающіе себя представителями метафизики, — только потому, что эта область умственныхъ изслѣдованій носить такое дразнящее названіе. “Какъ разрѣшался вопросъ объ источникѣ психической энергіи самимъ С. С., мы увидимъ ниже.

Такимъ образомъ для С. С. метафизическое рѣшеніе запросовъ нашего ума представлялось возможнымъ лишь постольку, поскольку они неразрѣшимы силою положительныхъ знаній, и лишь до той поры, покуда данныя натуралистическаго наблюденія и опыта не въ состояніи дать на нихъ окончательный рѣшительный отвѣтъ. Такое отношеніе С. С. къ философской мысли легло краеугольнымъ камнемъ въ основу воззрѣній его на тѣ философскіе вопросы, которыхъ онъ имѣлъ случай касаться; онъ вносилъ въ нихъ свое міровоззрѣніе біолога-эмпирика, и лишь въ тѣхъ случаяхъ допускалъ ссылки на свою интуицію, гдѣ для доказательства симпатичныхъ ему построеній современныя опытыя данныя оказывались недостаточными.

Я не стану пытаться воссоздавать полную картину философскаго міросозерцанія С. С. Корсакова и ограничусь лишь тою обще характеристикою его, которая была сдѣлана сейчасъ. Остановлюсь я лишь на нѣкоторыхъ изъ его философскихъ воззрѣній, иллюстрирующихъ сказанное сейчасъ и наиболѣе характерныхъ для его личности. Изъ сдѣланной сейчасъ характеристики ясно, что и самъ С. С. и психологи-натуралисты считали его эмпирикомъ въ психологіи и материалистомъ въ философіи; изъ нея ясно также, почему нѣкоторые философы-метафизики, и въ особенности психологи-спиритуалисты не во всѣхъ вопросахъ смотрѣли на него, какъ на непримиримаго противника.

Всѣ природныя явленія, какъ матеріальная, такъ и духовныя, С. С. считалъ проявленіями различныхъ состояній матеріи, измѣняющейся подъ вліяніемъ многообразныхъ модификацій дѣйствующей міровой силы (энергіи). Эта сила является то начало, которое соединяетъ физическіе атомы въ химическую единицу; она создаетъ живое органическое существо изъ совокупности физическихъ и химическихъ элементовъ; какъ „при извѣстномъ особенно удобномъ расположеніи частицъ является особое, совершенно своеобразное проявленіе силы, называемое химическимъ средством“, какъ „при извѣстномъ особенно благопріятномъ расположеніи физическихъ и химическихъ силъ является новое направленіе этихъ силъ“ въ видѣ жизненной энергіи, точно такъ на почвѣ физіологическихъ явленій органической жизни развиваются психическія явленія. Они представляютъ высшее проявленіе міровой силы, одну изъ сторонъ жизненныхъ явленій, обнаруживающую свои элементы вездѣ, гдѣ есть организованная живая матерія (по крайней въ животномъ царствѣ¹⁾). „Они начинаются тогда, когда является *въ структурѣ организмовъ* то, безъ чего невозможна психическая жизнь. Разъ это необходимое условіе появилось, тогда можетъ развиваться психическая жизнь. Спрашивается, что же оказывается первымъ явленіемъ душевной дѣятельности?.. Это первое явленіе заключается *въ сочетаніи во-едино двухъ состояній, различающихся лишь во времени*. Если субстанція соединяетъ во-едино два состоянія: одно, бывшее въ прошедшее мгновеніе, и другое, соотвѣтствующее настоящему,— и при этомъ остается единой и въ то же время противопоставленной двумъ моментамъ, то это и будетъ первичный актъ душевной жизни, такъ какъ этимъ актомъ порождается то, что можно назвать „постояннымъ субъектомъ“, котораго безъ этого нѣтъ въ органической жизни. Что необходимо для этого? Для этого нужны: 1) извѣстная

¹⁾ С. С. Корсаковъ. *По вопросу о свободѣ воли*. „Труды Моск. Психол. Общ.“ Вып. III. Стр. 227—230.

активная сила, известная энергия (может быть, имѣющая своимъ первоисточникомъ общую единую мировую энергию), и 2) известный органический субстратъ.

„Этотъ послѣдній заключается въ органическихъ условіяхъ животной жизни, главнымъ образомъ, въ условіяхъ памяти. Разъ есть условія памяти, — организованная матерія можетъ хранить въ себѣ два момента и объединить ихъ при достаточной силѣ энергии“¹⁾.

Выше индивидуальной психической силы стоитъ „коллективный разумъ“, представленіе о которомъ не было подробно развито С. С. Корсаковымъ. Повидимому, этимъ понятіемъ С. С. имѣлъ въ виду матеріализировать нѣкоторыя стороны метафизической концепціи высшаго мирового разума, духовнаго мирового начала; составляя новую ступень въ мірозданіи, „коллективный разумъ“ проявляетъ себя въ результатѣ совокупныхъ трудовъ отдѣльныхъ психическихъ индивидуальностей или въ результатѣ бессознательной общественной коопераціи, и выражается вдохновеннымъ творчествомъ мировыхъ гениевъ, свѣточей науки, вождей прогресса и наставниковъ человѣчества.

Дѣйствующая мировая сила едина, какъ едина мировая матерія. И матеріальныя, и духовныя явленія одинаково представляютъ ея различныя проявленія, въ которыхъ она составляетъ факторъ, модифицирующій и направляющій матеріальный субстратъ; оба фактора — матерія и сила — вполне равнозначны и равноправны: если нѣтъ явленія безъ движущей силы, то не можетъ быть и проявленія силы тамъ, гдѣ отсутствуетъ матерія. Психика въ такой же мѣрѣ является функціей матеріи, въ какой не можетъ быть жизни внѣ организма, въ какой не можетъ быть химическаго процесса безъ взаимнаго воздѣйствія потребныхъ атомовъ другъ на друга. Внѣ живого міра нѣтъ психической жизни; психическое начало выступаетъ какъ результатъ эволюціи и

1) Пренія по рефератамъ Н. Я. Грота „О времени“, „Вопр. фил. и псих.“ 1895 г. Кн. I. Отд. II., стр. 105.

дифференцированія міровой силы, а не какъ частичное проявленіе ея совокупныхъ свойствъ. Поэтому-то и сама дѣйствующая энергія можетъ быть признана лишь движущимъ началомъ, а не духовнымъ факторомъ; она есть сила, а не воля. Въ ней нѣтъ ничего разумнаго, всеблагаго, сверхвременнаго. Если она можетъ почитаться сверхвременной, то лишь въ отвлеченіи; если къ ней неприможимы человѣческіе критеріи нравственности, то именно потому, что ей не можетъ быть приписанъ психическій характеръ, составляющій исключительную принадлежность живой матеріи; примѣнить къ ней понятіе добра невозможно такъ же точно, какъ понятіе зла нельзя примѣнить къ матеріальнымъ явленіямъ. Добро и зло не суть понятія абсолютныя; „добромъ будетъ сознаваться то, что носить въ себѣ *задатки жизненнаго*, — того, чѣмъ держится и психика, и сознание, а зломъ — то, что противоположно этому, что подавляетъ психику, сознание, и вообще что подавляетъ жизненное, что носить въ себѣ зачатки мертвенности. Но вѣдь мертвенность въ области явленій органической жизни не есть уничтоженіе всѣхъ явленій, а потому то, что есть зло въ области органической жизни, то еще вовсе можетъ не быть зломъ въ смыслѣ болѣе широкомъ. Такимъ образомъ, понятія о добрѣ и злѣ въ обычномъ смыслѣ слова могутъ быть примѣнимы только къ одной части проявленій движущей міровой силы“, только къ психической жизни человѣка ¹⁾.

Отрицаніе благодати міровой воли и отрицаніе тождества духовнаго мірового начала съ психической жизнью человѣка такъ же мало предрѣшаетъ вопросъ о человѣческой этикѣ, какъ сверхвременность міровой силы не противорѣчитъ тому, что „въ самомъ началѣ душевной жизни мы встрѣчаемся съ процессомъ временнымъ: самое понятіе субъекта, — какъ „я“, развивавшагося отъ взаимодействія объединяющей энергіи и двухъ моментовъ во времени, — содержитъ въ себѣ элементъ времени“ ²⁾. И человѣческая нравственность

¹⁾ По вопросу о свободѣ воли, стр. 232.

²⁾ Пренія по рефератамъ Н. Я. Грота „О времени“. Стр. 105.

является не проявленіемъ міровой воли въ душѣ человѣка, а лишь результатомъ эволюціи органическихъ стремленій и побужденій, развитія альтруизма изъ эгоистическихъ началъ. Одинъ изъ путей, которымъ совершается эта эволюція, мы видѣли выше; другимъ путемъ, особенно важнымъ, является эволюція полового чувства.

„Половой инстинктъ есть инстинктъ размноженія; у него есть двѣ стороны: одна сторона чувственная, другая сторона—творческая. Эта творческая сторона проявляется въ появленіи новаго существа, которое удивительнымъ образомъ—и совмѣщаетъ въ себѣ свойства обоихъ родителей, и составляетъ нѣчто совершенно особенное, отдѣльное отъ нихъ. Появленіемъ такого чувства, въ которомъ человѣкъ, родитель, чувствуетъ въ другомъ человѣкѣ часть самого себя, обуславливается первая возможность — любить другого человѣка, какъ самого себя; это не только касается человѣка, но даже и значительной части животныхъ. Инстинктъ материнской (и отеческой) любви нужно поэтому считать мостомъ, перебрасываемымъ природой отъ чувства любви къ самому себѣ—къ чувству любви къ другимъ людемъ... Наблюденія показываютъ, что половое чувство стоить въ очень тѣсной связи съ идеями альтруистическими; тѣ бессознательныя возбужденія, которыя исходятъ изъ половой сферы на центры идеаци въ психической сферѣ, имѣютъ характеръ побужденій альтруистическихъ... Большинство состояній экзальтаци, болѣзненнаго идеализма, болѣзненнаго самопожертвованія, различныхъ религіозныхъ психозовъ связаны такъ или иначе съ возбужденіями, идущими отъ половой сферы“¹⁾. Съ этой точки зрѣнія альтруистическія стремленія въ такой же мѣрѣ создаются стремленіемъ жизни поддерживать самое себя, какъ и эгоистическія; „они отличаются отъ эгоистическихъ только большею широтою, большею цѣлесообразностью въ развитіи жизненнаго начала, большею разумностью“²⁾.

¹⁾ По вопросу о свободѣ воли. Стр. 235—236.

²⁾ Тамъ же. Стр. 238.

Изъ приведенныхъ словъ явствуетъ, что истинное глубокое пониманіе сущности біологической эволюціи далеко не приводитъ къ проповѣди пессимизма и отрицанія нравственныхъ императивовъ, какъ нерѣдко высказываются сторонники идеи крушенія натуралистическаго міропониманія.

Воззрѣніе на нравственность, какъ на элементъ относительный, подчиненный эволюціи и прогрессу, такъ же совмѣстимъ съ оптимистическимъ міросозерцаніемъ, какъ отрицаніе присущности человѣку свободной, самоопредѣляющейся воли отнюдь не связано съ безропотнымъ поклоненіемъ слѣпому детерминизму.

Послѣ всего сказаннаго само собою разумѣется, въ какую сторону склонялись воззрѣнія С. С. на свободу воли. Для него вопросъ о свободѣ воли распадался на два совершенно самостоятельныхъ вопроса; одинъ изъ нихъ—вопросъ о *свободѣ выбора*—представлялся ему по преимуществу психологическимъ; на другой—о свободѣ воли, какъ активной силы души, онъ смотрѣлъ какъ на чисто метафизическій; въ первомъ вопросѣ С. С. въ извѣстномъ смыслѣ допускалъ признаніе свободы, во второмъ—онъ ее безусловно отвергалъ.

Если принимать свободу выбора въ смыслѣ *самопричинности и независимости выбора отъ мотивовъ*, то она „есть только самообманъ, коренящийся на томъ, что мы не можемъ сознать всѣхъ мотивовъ, которые двигаютъ нашу волю“¹⁾; а такъ какъ на выборъ поступка имѣетъ большое влияніе совокупность стремленій, составляющая личность человѣка, то онъ и ощущаетъ, что на поступки его влияетъ то, что составляетъ его „я“: это ощущеніе порождаетъ въ немъ ощущеніе своей активности въ выборѣ дѣйствія, ощущеніе хотя и иллюзорное, но настолько непосредственное²⁾, что отъ него отдѣлаться не легче, чѣмъ отъ того оптическаго обмана, по которому солнцѣ на горизонтѣ кажется бѣльшимъ, чѣмъ въ зенитѣ³⁾.

Такимъ образомъ, кажущаяся свобода выбора есть не

1) По вопросу о свободѣ воли, стр. 248.

2) Курсъ Психіатріи, стр. 79.

3) По вопросу о свободѣ воли, стр. 239.

болѣ какъ иллюзія сознающаго субъекта, не болѣ какъ неисправимая ошибка сознанія, находящагося во власти непосредственнаго чувствованія.

Но если смотрѣть на свободу выбора, какъ на *отсутствіе стѣсненія въ проявленіи дѣйствія*, то въ извѣстномъ смыслѣ она оказывается психологическимъ фактомъ, и допустимымъ, и объяснимымъ. Воля, понимаемая въ психологическомъ смыслѣ, какъ проявленіе потребностей данной личности, потребностей, выражающихъ свойства ея, какъ цѣльнаго психического организма, свободна осуществлять себя, если ей не мѣшаютъ случайныя влеченія, которыя тянутъ ее въ свою сторону; у человѣка съ здоровою психикой сила стремленій, составляющихъ основу его индивидуальности, можетъ легко устранить тѣ или другія влеченія, несоотвѣтствующія интересамъ цѣльной личности, или выбирать изъ нихъ тѣ, которые этимъ интересамъ болѣе всего отвѣчаютъ. Эта возможность устранять вліяніе влеченій и будетъ составлять возможность свободы воли¹⁾. Однако и въ этомъ смыслѣ свобода воли и условна, и относительна: условна она потому, что она выражаетъ лишь „извѣстную функцію организма, находящуюся въ зависимости, какъ отъ органовъ этой функціи, такъ и отъ того, функціонируютъ ли эти органы или нѣтъ“²⁾; она относительна потому, что выборъ возможенъ лишь по отношенію къ сознаваемымъ влеченіямъ, тогда какъ влеченія безсознательныя не поддаются противодѣйствию воли.

Ставя вопросъ о свободѣ воли, какъ метафизическую задачу, С. С. и здѣсь исходилъ изъ анализа психическихъ явленій; онъ усматривалъ возможность разрѣшенія этого вопроса сообразно двоякому представленію о сущности волевыхъ проявленій.

Если смотрѣть на психическіе центры, какъ на аппаратъ, поглощающій доставляемую ощущеніями энергію; если полагать, что психика противодѣйствуетъ стремленію души проявить себя наружу, и лишь накапливаетъ центральныя

¹⁾ Тамъ же, стр. 245.

²⁾ Тамъ же, стр. 246.

возбужденія; если допускать, что лишь по своей слабости психика не может удержать въ себѣ совокупности пріобрѣтеннаго запаса, и часть возбужденія самовольно прорывается наружу; если согласиться, что проявленіе въ дѣйствіи не всегда присуще психикѣ и есть лишь признакъ слабости ея,—то придется признать, что идеально сильная психика может не дѣйствовать, то-есть другими словами, что волевая сторона может отсутствовать въ психическомъ актѣ; признать это — значить признать, что психика может быть свободна отъ воли. Въ этомъ смыслѣ всякія дѣйствія, особенно если они вредны, могутъ быть вмѣнены въ вину психикѣ, какъ проявленія ея слабости. Приводя возможность такого воззрѣнія, С. С. отвергаетъ его, при чемъ открыто заявляетъ, что не раздѣляетъ его не столько потому, что могъ бы опровергнуть его многочисленными научными данными, сколько потому, что оно не симпатично ему, т. к. не симпатично проистекающее изъ него пессимистическое міросозерцаніе, по которому идеаломъ является всепоглощающей бездѣйствующей умъ, существованіе въ себѣ и только для себя и презрѣніе къ явленіямъ внѣшняго міра ¹⁾).

Если, наоборотъ, смотрѣть на функцію центрального психическаго аппарата, какъ на временную задержку психическаго рефлекса, способствующую нарастанію притекающихъ возбужденій съ цѣлью усиленія эффекта центробѣжнаго разряда; если въ этой способности увеличивать энергію накапливаемыхъ возбужденій, видѣть начало активнаго проявленія душевной жизни, т.-е. волю,—то послѣдняя будетъ составлять непремѣнное, обязательное слѣдствіе психики, роковое конечное звено психическаго акта. „Въ идеалѣ психической силы и воля будетъ чрезвычайно велика, слѣдовательно добавокъ къ внѣшнему стимулу, вызвавшему психическій актъ, будетъ такъ великъ, что внѣшнее возбужденіе будетъ безконечно мало сравнительно съ безконечно большимъ проявленіемъ воли. Отсюда, въ идеалѣ психической силы воля должна отождествляться съ всемо-

¹⁾ По вопросу о свободѣ воли, стр. 250—254.

гуществомъ, высшимъ творчествомъ“¹⁾. Согласно этому воззрѣнію проявленіе воли не есть случайный актъ, а есть необходимое свойство души, которая не можетъ не проявлять себя наружу, не можетъ не творить, не можетъ освободить себя отъ воли; согласно этому воззрѣнію душѣ присуща воля, какъ творческій актъ. Міросозерцаніе, истекающее изъ такого рѣшенія вопроса, бодрить, возбуждаетъ энергію, перерабатываетъ міръ; идеаломъ при немъ является могучая творческая дѣятельность. Эта привлекательность оптимистическихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ признаніе воли необходимымъ проявленіемъ души, заставляетъ Корсакова держаться за него, хотя онъ и здѣсь признаетъ невозможность безспорныхъ научныхъ доказательствъ исходнаго пункта такого міросозерцанія.

Но и недоказанное оно намъ дорого. Дорого не только потому, что оно симпатично; дорого не потому, что имъ жилъ и, повинувшись ему, творилъ С. С.; дорого оно потому, что представляетъ продуктъ его интуиціи, что онъ создалъ его изъ самого себя. С. С. былъ тѣмъ, какимъ мы его знали, не потому, что онъ держался этого міросозерцанія: онъ создалъ это міросозерцаніе потому, что таковъ былъ онъ самъ, такова была организція его личности. Біологическій складъ его психической индивидуальности путемъ бессознательной идеациі заставилъ его построить именно такое представленіе о назначеніи человѣка, сотканное изъ элементовъ его собственной личности, объединяющее его свѣтлый умъ, его горячую беззавѣтную любовь къ человѣку и ко всему человѣческому, его неутолимые стремленія къ полезной активности и влеченія къ дѣятельному добру. Самъ того не сознавая, онъ въ яркомъ энергичномъ изложеніи симпатичнаго ему міросозерцанія далъ намъ самого себя, далъ намъ ключъ къ уразумѣнію основъ его личности.

Мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать о немъ, что онъ исполнилъ завѣтъ, начертанный на вратахъ древняго храма:

Онъ позналъ самого себя.

А. Бернштейнъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 255—257.

С. С. Корсаковъ, какъ клиницистъ-преподаватель ¹⁾).

Начало моего ознакомленія съ преподавательскою дѣятельностью С. С. Корсакова относится къ 1890 году. Я только что начиналъ тогда специальное изученіе нервныхъ и душевныхъ болѣзней, а онъ уже 2 года какъ велъ преподаваніе въ психіатрической клиникѣ Московскаго университета. Въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія я встрѣчаю его какъ преподавателя и руководителя въ психіатрической клиникѣ: у постели больного, на лекціяхъ для студентовъ, на клиническихъ врачебныхъ конференціяхъ; въ Преображенской больницѣ—на конференціяхъ больничныхъ врачей; изрѣдка на такихъ же конференціяхъ врачей Алексѣевской психіатрической больницы; на еженедѣльныхъ собраніяхъ кружка врачей, организованнаго имъ при психіатрической клиникѣ, и, наконецъ, на его клиническихъ разборахъ больныхъ для студентовъ и врачей.

То, что сдѣлалъ онъ въ области психіатріи, даетъ ему право считаться однимъ изъ творцовъ этой науки. Это удѣлъ немногихъ. И для этого нужно обладать способностями необыкновеннаго ума. По этому не безынтересно и небезполезно знать, какъ отражались на дѣлѣ преподаванія его творческія способности, какъ онъ образовывалъ и направлялъ умы другихъ людей...

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ соединенномъ засѣданіи Обществъ невропатологовъ и психіатровъ и Психологическаго 1-го октября 1901 г..

Я не могу представить въ этомъ очеркѣ полной характеристики его какъ клинициста и полного обзора его преподавательской дѣятельности и далекъ также отъ мысли создать конкретный образъ его какъ преподавателя. Для того и другого однихъ только личныхъ моихъ впечатлѣній и воспоминаній недостаточно. Я хотѣлъ бы отмѣтить здѣсь только нѣкоторыя черты его умственныхъ дарованій, придававшихъ устному преподаванію его творческой характеръ, и тѣмъ способствовать выясненію его личности и творческой дѣятельности.

Ему пришлось выступать преподавателемъ при условіяхъ далеко неблагоприятныхъ для успѣшнаго веденія преподаванія. Преподавательскаго дѣла для него не облегчалъ трудъ его предшественниковъ. Психіатрическая клиника, только что открытая, первымъ преподавателемъ которой ему суждено было стать, находилась въ условіяхъ вновь организуемаго учрежденія, въ которомъ необходимо было создавать все вновь, все вызывать къ жизни впервые. Были только каменные зданія, въ которыхъ нужно было, по выраженію Сергѣя Сергѣевича, „вложить душу живую“¹⁾.

Но преподаваніе психіатріи затрудняется и самымъ положеніемъ ея, какъ науки. Это наука относительно новая. Она только что начинаетъ образовываться. Очертанія ея кажутся еще смутными даже и для специалистовъ. Самая необходимость сдѣлать ее отдѣльнымъ предметомъ преподаванія признана была такъ недавно.

Какъ клиническая наука, она настолько отстала отъ другихъ отдѣловъ внутренней медицины, что возможность принимать отдѣльные болѣзненные симптомы или извѣстную группу ихъ за самую болѣзнь, возможность выдѣленія мнимыхъ болѣзненныхъ формъ остается до сихъ поръ еще неустранимой. Передъ задачей же распознаванія болѣзни и предсказанія хода ея, задачей, другими клиниками давно

¹⁾ Отчетъ о засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ, посвященномъ чествованію 25-лѣтней преподавательской дѣятельности проф. А. Я. Кожевникова, 6 марта 1894 г., стр. 18.

уже рѣшенной, она еще часто останавливается въ безсиліи. Такая медленность успѣховъ клинической психіатріи зависитъ отъ того, что предметъ ея—болѣзненные измѣненія психической дѣятельности—самъ по себѣ труденъ для познания, какъ явленіе реального въ области духа. Труденъ онъ для познания и по своей сложности. На той ступени, которой уже достигла эволюція человѣческаго духа, психическая дѣятельность является безконечно сложной и разнообразной. Отсюда чрезвычайно большая сложность и безконечное разнообразіе психическихъ индивидуальностей. Вотъ почему основная задача клиническаго изслѣдованія—опредѣленіе всей психической индивидуальности больного и его психическаго состоянія въ данный моментъ въ высшей степени трудна. Трудность эта увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что самые способы изслѣдованія психической дѣятельности только что зарождаются. И далеко еще отъ того, когда они станутъ въ уровень съ естественно научными способами изслѣдованія въ другихъ отдѣлахъ клинической медицины.

Но успѣшное преподаваніе психіатріи встрѣчаетъ еще новое затрудненіе. При преподаваніи другихъ отдѣловъ внутренней медицины можно, при желаніи, совершенно не углубляться въ изученіе матеріала ради него самого, ради цѣлей научныхъ, а сообщать изъ него слушателямъ только то, что, какъ изученное и типичное, уже хорошо извѣстно; можно задачи научной и практической подготовки слушателей ставить отдѣльно; можно вполне отграничить область преподаванія отъ области научнаго изслѣдованія. Но поступить такъ же при преподаваніи психіатріи—это значило бы преподаваніе предмета, область котораго является трудно объемлемой и чуждой всякой косности—втиснуть въ узкія, мертво неподвижныя рамки шаблона. Поэтому успѣшное преподаваніе ея сильно нуждается въ соединеніи практически-образовательныхъ цѣлей съ научными. Но объединеніе такого рода задачъ при преподаваніи по силамъ не всякому. Для этого необходимо обладать вну-

треннимъ стремленіемъ къ раскрытію истины и питать одно- временно любовь къ научному знанію и глубокой интересъ къ образовательнымъ задачамъ. Кто одаренъ такими качествами ума и влеченій, работа того только въ этой области будетъ успѣшна.

Среди этихъ трудностей есть однако одно условіе, которое преподавателю психіатріи даетъ важное преимущество. При изученіи и преподаваніи этой науки, соединяющей въ себѣ, по выраженію Сергѣя Сергѣевича, „кругъ знаній медицинскихъ съ вѣчно живыми и животворящими вопросами о человѣческомъ духѣ“¹⁾, преподаватель глубоко знакомится съ сущностью человѣческой природы, съ ходомъ развитія человѣческихъ способностей, законами мышленія и остальными функціями человѣческаго духа. Онъ приобрѣтаетъ знанія, такъ необходимыя для успѣшнаго преподаванія вообще. За исключеніемъ этого условія все остальное создаетъ для преподавателя психіатріи положеніе особенное, исключительное. Для преподаванія такого предмета — одного педагогическаго искусства, какъ бы велико оно ни было, — недостаточно.

Основные черты С. С. Корсакова, какъ преподавателя-клинициста, выступали опредѣленно при его клиническихъ разборахъ больныхъ.

При этихъ разборахъ онъ старался достигнуть самаго подробнаго ознакомленія съ болѣзненными элементами даннаго заболѣванія. Ни одинъ изъ болѣзненныхъ симптомовъ, какъ бы онъ ни казался уже хорошо извѣстнымъ, не оставался безъ выясненія его въ мельчайшихъ подробностяхъ. Разстройство ли сознанія, памяти, настроенія, аномалій ли влеченій, или неправильность поведенія больного, бредовыя ли идеи, или обманы чувствъ — ничто не оставалось безъ подробнаго анализа. И вотъ въ той сложной и пестрой картинѣ остраго разстройства психической дѣятельности, гдѣ все является безсмысленнымъ и часто спутаннымъ до

1) Ор. с., стр. 17.

чрезмѣрности, въ картинѣ полного умственного хаоса—съ первыхъ же словъ его психическіе элементы начинали мало-по-малу освобождаться отъ взаимнаго сплетенія и пронизыванія ихъ другъ другомъ, отграничивались, пріобрѣтали свое значеніе и занимали опредѣленное мѣсто въ психопатологіи. И клиническая картина даннаго болѣзненнаго состоянія была готова.

Сергѣй Сергѣевичъ обладалъ особеннымъ умѣніемъ распознавать болѣзни. При разборѣ больнаго онъ устраивалъ все, что затемняло тотъ или другой симптомъ, все это искусно отодвигая въ сторону, и умѣлымъ разпросомъ больнаго выпукло и ярко вычерчивалъ существенные элементы клинической картины.

Онъ умѣлъ стать при своихъ изслѣдованіяхъ-разспросахъ въ тѣсную связь съ больнымъ; онъ умѣлъ раскрыть мягкимъ, знающимъ, проникающимъ во всѣ изгибы души словомъ внутренній міръ больнаго, иногда тщательно и настойчиво оберегаемый имъ отъ посторонняго вмѣшательства. Онъ проникался міросозерцаніемъ больнаго и его настроеніемъ. Онъ спѣшилъ отрѣшиться отъ собственного огромнаго запаса клиническаго опыта и самостоятельно выработаннаго знанія психопатологіи, затѣмъ, чтобы каждый разъ при изслѣдованіи дѣйствительности изслѣдовать ее безъ предвзятыхъ идей.

Значеніе этихъ пріемовъ изслѣдованія и качествъ изслѣдователя осязательно давало себя знать при заключительной части работы. Эта часть работы, благодаря глубинѣ предшествовавшаго анализа, необычайной точности въ описаніи самыхъ мелкихъ чертъ болѣзни, становилась легкой. По мѣрѣ того, какъ, во время предыдущей части работы, изучаемыя явленія объективировались наиболѣе совершенно, по мѣрѣ того, какъ пониманіе ихъ достигало наибольшей ясности, по мѣрѣ того нарастала и притягательная сила логическаго объединенія этихъ нарождавшихся на глазахъ у слушателей понятій. Въ точныхъ мелочахъ, выпукло очерчиваемыхъ, сквозилъ уже истинный смыслъ изучаемыхъ явленій.

Эта часть работы выходила сжатой до крайнихъ размѣровъ. Въ ней еще разъ въ короткихъ словахъ обозрѣвались добытыя изслѣдованіемъ данныя, еще разъ въ рѣзкихъ, опредѣленныхъ чертахъ набрасывалась клиническая картина, затѣмъ, два-три штриха, два-три слова—и болѣзнь являлась распознанной. Діагностика эта, какъ бы органически выростая изъ всего предыдущаго, не нуждалась уже въ дальнѣйшихъ обоснованіяхъ и доказательствахъ. Соображенія, приводившія къ ней, не были чужды слушателямъ, не являлись соображеніями авторитетно навязанными имъ со стороны, а вытекали какъ бы изъ ихъ личныхъ изслѣдованій, изъ ихъ личныхъ логическихъ заключеній и являлись какъ бы ихъ собственными.

Это умѣніе *показывать*, умѣніе приковывать вниманіе слушателей къ сущности явленій и тѣмъ способствовать познаванію и прочному усвоенію ихъ, являясь особеннымъ дарованіемъ Сергѣя Сергѣевича, стояло въ тѣсной связи съ рѣзкой особенностью его разума.

Съ большой остротой наблюдательности онъ соединялъ ту особенную дѣятельность разума, которую онъ въ своихъ научныхъ трудахъ (черпая данныя для этого отчасти быть можетъ въ самонаблюденіи) обособлялъ какъ отдѣльную физиологическую функцію нервныхъ центровъ мозга и которую называлъ „направляющей силой ума“. По Корсакову—это способность направлять сочетанія представлений и понятій по принципу логическаго объединенія по одному опредѣленному направленію. Это функція разума, при помощи которой выполняется главная задача осмысленія—нахожденіе логическаго единства во множествѣ, и которою обуславливается гармонія высшихъ проявленій разума ¹⁾. Эта направляющая функція ума была развита у него въ высшей степени. Въ глубокой сосредоточенности ума, въ глубинѣ осмысленія—его никто не превосходилъ.

¹⁾ С. С. Корсаковъ. Къ психологіи микроцефаловъ. 1894 г. (стр. 58, 59 и слѣд.).

Въ той же высокой степени онъ обладалъ и другимъ орудіемъ ума (являющимся частью предыдущей функціи)—это произвольнымъ вниманіемъ. Благодаря очень большой силѣ этой функціи, онъ достигалъ необыкновенно яснаго и отчетливаго представленія объ изслѣдуемомъ предметѣ и потому былъ въ состояніи вычерчивать его ярко и въ сознаніи другихъ.

Сочетанная дѣятельность этихъ удивительно развитыхъ функцій его разума дѣлала его способнымъ объективировать изслѣдуемая явленія съ очень большой силой. Сила эта была такъ велика, что онъ достигалъ почти совершенно свободнаго отъ дѣятельности субъективныхъ ассоціацій отношенія къ предмету. Получалась та свобода и ясность мысли, которыя ставятъ изслѣдователя выше его собственныхъ заключеній и дѣлаютъ возможной для него безпристрастную самокритику ¹⁾).

Благодаря этимъ способностямъ и сильно развитой памяти, онъ съ успѣхомъ примѣнялъ приѣмъ сопоставленія, сличенія другъ съ другомъ клиническихъ картинъ болѣзни, теченія и исходовъ ея въ различныхъ случаяхъ. Приѣмъ, который часто прилагается къ дѣлу, и который, при недостаточномъ точномъ изученіи предмета, недостаточной силѣ объективированія и легкомъ вслѣдствіе этого доступѣ предвзятыхъ идей, приводитъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Здѣсь обыкновенно замѣтнѣе всего выступаетъ разница людей богато одаренныхъ отъ людей со средними способностями. Сергѣй Сергѣевичъ производилъ эти сопоставленія почти съ математической точностью. Въ этихъ сопоставленіяхъ онъ искалъ опоры и подтвержденія для своихъ заключеній объ изучаемомъ случаѣ. Путемъ этихъ же сопоставленій ему удавалось отмѣчать впервые и тѣ отдѣльные діагностическіе признаки, и тѣ типическія черты болѣзни, которыя ускользали отъ вниманія другихъ наблюдателей.

1) Этой же особенностью умственного склада Сергѣя Сергѣевича объясняется его обладаніе увѣренностью въ собственныхъ силахъ и непоколебимое отстаиваніе собственныхъ воззрѣній.

Этотъ же пріемъ сличенія примѣнялся имъ и при изслѣдованіи ошибокъ, допущенныхъ въ прошломъ.

Онъ не старался выставять себя непогрѣшимымъ въ ущербъ научной правдѣ, не отрицалъ вскрытыхъ временемъ и теченіемъ событій ошибокъ, не замалчивалъ ихъ, а наоборотъ стремился всесторонне изслѣдовать эти ошибки, считая такое отношеніе къ предмету истинно научнымъ отношеніемъ.

Въ пріемахъ изложенія своихъ мыслей онъ имѣлъ также свои особенности. Онъ излагалъ свои мнѣнія необычайно просто. И на профессорской кафедрѣ онъ являлся обыкновеннымъ, лишь простымъ человѣкомъ. Его научная рѣчь состояла изъ простыхъ словъ. Но ему свойственно было въ этихъ простыхъ словахъ выражать глубокія сужденія и ясныя заключенія о предметахъ, трудно усвояемыхъ. Ему чужды были внѣшніе пріемы, которые придають изложенію съ формальной стороны блестящій характеръ. Ему не нужно было прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ, возбуждающимъ и задерживающимъ вниманіе слушателей, которыми такъ богата преподавательская техника. Онъ не обладалъ краснорѣчіемъ. Онъ не былъ ораторомъ, дѣйствующимъ на умы риторикой, а мыслителемъ, оказывавшимъ могучее дѣйствіе сосредоточенностью своего ума и большими логическими способностями. Его тонкія умственные операціи, свободно образывавшія изъ цѣпи идей законченный кругъ и тѣмъ легко устранявшія тревожное чувство, вызываемое пробужденною потребностью дать отвѣты на вопросы, создавали ту внутреннюю красоту его мышленія и рѣчи, которая доставляла умственное наслажденіе его слушателямъ.

Его аудиторія была неодинакова по своей подготовкѣ, неодинакова по своему медицинскому развитію. Но его съ одинаково большимъ интересомъ слушали и студенты, и врачи. Когда онъ разбиралъ больныхъ въ присутствіи только однихъ врачей и когда онъ велъ практическія занятія со студентами, на которыхъ присутствовали также

и врачи, онъ не измѣнялъ приемовъ своего изложенія въ виду новаго состава аудиторіи. И оказывалось, что ихъ и не нужно было измѣнять. Напряженное вниманіе слушателей студентовъ, съ которымъ они добровольно слѣдили за разборомъ, показывало, что развертывающаяся передъ ними клиническая картина болѣзни и смыслъ изучаемыхъ явленій запечатлѣвались и усвоивались ими легко, что запасъ специальныхъ знаній пріобрѣтался ими богатый и прочный.

Какимъ образомъ трудныя отвлеченныя понятія онъ умѣлъ облекать въ простыя, безыскусственныя формы обыкновенной рѣчи? Какимъ образомъ его мысль не отказывалась приспособляться къ этой простой, но живой и сильной формѣ? Эта простота и безыскусственность рѣчи, это полное соотвѣтствіе слова съ содержаніемъ мысли не рождались сами собою. Они являлись результатомъ его богатой научной подготовки, результатомъ его постоянной, упорной работы, и говорили о глубокомъ знаніи предмета. Къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ готовился. Онъ предварительно внимательно изучалъ тотъ матеріалъ, который ему приходилось предъявлять своимъ слушателямъ. Изъ 16 часовъ его суточной работы онъ 6—7 часовъ посвящалъ работѣ только въ одной клиникѣ. Все, что излагалъ онъ устно, было точно обдуманно. Онъ говорилъ только то, что созрѣло уже въ его умѣ. Сказанное имъ было таково, что оно вполнѣ годилось для того, чтобы быть и написаннымъ, и такъ же, какъ и написанное имъ при внимательномъ размышленіи, становилось все болѣе и болѣе содержательнымъ.

Онъ многое могъ сказать... Онъ обладалъ богатымъ и разнообразнымъ опытнымъ знаніемъ. Онъ дѣлалъ наблюденія въ большихъ больницахъ, онъ пользовался разнообразнымъ матеріаломъ своей лѣчебницы, своей обширной домашней амбулаторіи и амбулаторіи клинической и, наконецъ, систематизированнымъ матеріаломъ клиники. Онъ наблюдалъ неусыпно и обдумывалъ глубоко. Духъ исканія истины никогда не покидалъ его. Его мысль постоянно ра-

ботала, и онъ постоянно шелъ впередъ въ своемъ осмысленіи наблюденнаго. Онъ говорилъ своимъ слушателямъ студентамъ: „врачъ никогда не можетъ сказать — я знаю довольно,—врачу всегда нужно учиться“. Его собственная работа по самообученію была изумительной по своей выдержкѣ и напряженности. Его слова, „что даже люди очень даровитые, съ обширнымъ запасомъ направляющихъ сочетанія импульсовъ должны много и активно работать, чтобы ихъ силы не растрчивались попусту“ ¹⁾, запечатлѣны его собственнымъ примѣромъ.

При огромныхъ запасахъ знанія онъ обладалъ и большой продуктивностью ума, которая была такъ велика, что устное преподаваніе его въ большей своей части представляло собою изложеніе самостоятельныхъ выводовъ его мысли, и по приѣмамъ и по своему содержанію его устное преподаваніе являлось оригинальнымъ научнымъ трудомъ. Въ то же время отъ его вниманія не ускользали всевозможныя свѣдѣнія, имѣющіяся въ столь обширной литературѣ предмета, но онъ приводилъ ихъ только въ случаѣ, если фактъ былъ провѣренъ его собственными наблюденіями, или же, если новое освѣщеніе какого-либо вопроса выдерживало его собственный глубокой анализъ.

Но при очень большомъ запасѣ знаній, пріобрѣтенныхъ и самостоятельно выработанныхъ, въ немъ не было и тѣни самодовольства и высокомѣрія ученаго. Наоборотъ, онъ не переставалъ думать о недостаткахъ и пробѣлахъ въ своихъ знаніяхъ. Въ этомъ сказались сколько его неутолимая жажда знаній, столько же и та скромность, которая проникала собою всю его натуру. Когда, въ 1892 году, мы съ глубокоуважаемымъ В. П. Сербскимъ выражали ему свое восхищеніе его талантами, какъ клинициста-преподавателя,—онъ отвѣчалъ намъ: „да, но мнѣ нужно еще много совершенствоваться“.

Всѣ эти высшія умственныя дарованія его имѣли прочную опору въ его сильной критической способности. Эта

¹⁾ Ор. С., стр. 64.

дѣятельность его разума очень замѣтно выступала при участи его въ занятіяхъ клиническаго кружка врачей. Здѣсь его руководящая роль выражалась въ критической оцѣнкѣ самостоятельныхъ работъ членовъ кружка и реферлируемыхъ имъ работъ изъ текущей литературы. Никто больше его не отмѣчалъ съ болѣе беспощадной строгостью уклоненій отъ точности въ приводимыхъ фактическихъ данныхъ, переоцѣнки этихъ данныхъ и недостаточности научной обоснованности выводовъ.

Здѣсь онъ выполнялъ задачу руководителя первостепенной важности—задачу развитія и укрѣпленія научнаго скептицизма у своихъ учениковъ. Задача нелегкая, задача, требующая вѣрнаго пониманія и очень осторожнаго выполненія ея. Здѣсь для преподавателя представляется опасность создать изъ мотивированнаго сомнѣнія тормазъ для активной, созидательной работы и довести до минимума или даже совсѣмъ уничтожить всякія побужденія къ ней. Развить скептицизмъ, переступающій нормальные предѣлы, скептицизмъ безграничный, недовѣрчиво относящійся ко всякому сколько-нибудь самостоятельному взгляду, скептицизмъ, боящійся глубокаго мышленія — это значило бы формировать умы резонирующие, во всемъ сомнѣвающіеся и потому безплодные.

Корсаковъ культивировалъ иной—истинно научный скептицизмъ,—скептицизмъ активный, побуждающій къ работѣ, къ движенію впередъ, къ исканію истины, и являющійся залогомъ успѣшнаго исканія ея скептицизмъ, рождающій болѣе глубокія воззрѣнія на вещи. Обладая самъ такимъ скептицизмомъ, онъ не допускалъ въ своихъ мысляхъ, что есть что-либо непреодолимое и ничто изъ достигнутаго усиліями человѣческаго ума не считалъ за необыкновенное. Въ этомъ сказалась его истинно философская натура.

Его самостоятельной, оригинальной личности незнакомо было духовное рабство. Онъ далекъ былъ отъ того, чтобы принимать на вѣру выводы западно-европейскихъ ученыхъ. Его пронизательный умъ легко вскрывалъ слабыя стороны

иностранныхъ работъ. Одновременно съ этимъ онъ пробуждалъ подавляемое иногда авторитетомъ Запада чувство національнаго самосознанія и старался укрѣплять его. Онъ, много способствовавшій собственными работами закрѣпленію почетнаго мѣста за именемъ русскаго ученаго среди международной семьи ученыхъ, постоянно и горячо ратовалъ противъ традиціонно установившагося мнѣнія русскихъ о бѣдности русской медицинской науки. Онъ училъ отдавать должное работамъ русскихъ изслѣдователей, постоянно отмѣчая и указывая на самостоятельное значеніе этихъ работъ. Такъ выражались его въ высшей степени развитое чувство справедливости, вѣрность критической оцѣнки и горячая любовь къ родинѣ.

Онъ, глубоко увѣренный въ собственныхъ силахъ и разившій собственную самодѣятельность до крайнихъ предѣловъ, заставлялъ вѣрить въ свои силы и другихъ. Обладая самъ большою творческою силою ума и довѣряя этой силѣ, онъ побуждалъ и мысль своихъ слушателей къ самостоятельности въ работѣ, — къ тому именно, что придаетъ ей творческій характеръ.

Въ области преподаванія считается установленнымъ фактомъ, что полужнаніе и ложный блескъ учениками быстро подмѣчаются и возбуждаютъ въ душѣ ихъ недовольство, и что также быстро они угадываютъ, когда преподаватель дѣлится съ ними плодами большой умственной работы. С. С. Корсаковъ началъ свою преподавательскую дѣятельность въ очень скромныхъ размѣрахъ. Но къ нему годъ отъ году росло довѣріе и уваженіе его аудиторіи, годъ отъ году росло его обаяніе, какъ преподавателя, и кругъ его слушателей все больше и больше расширялся. Подготовительный періодъ его преподавательской дѣятельности былъ оконченъ. Наступилъ періодъ полнаго расцвѣта ея. Для преподаванія психіатріи имъ былъ проложенъ первый путь, и на этомъ пути обозначался глубокой слѣдъ. Ознакомленіе съ отраслью знанія, приобрѣтающей, по его словамъ, „при современныхъ условіяхъ жизни все большее и

большее значеніе“¹⁾), распространялось широкой волной. Ясно становилось, что трудами его университетское преподаваніе психіатріи поставлено было въ высшей степени плодотворно и что эти труды являются новымъ лучомъ издавна покрывающей Московскій университетъ славы.

Его преподавательская дѣятельность, подобно и другимъ видамъ его дѣятельности, показывала, что въ немъ наука и знаніе переплетались неразрывно съ сочувствіемъ и любовью къ человѣку. Его сердце горѣло страстнымъ влеченіемъ къ великой и прекрасной задачѣ — служить облегченію людской доли. Онъ считалъ, „что званіе врача налагаетъ обязанность быть представителемъ науки и активного человѣколюбія.“ И онъ спѣшилъ отдать свои силы на исполненіе важнаго пробѣла въ образованіи врачей.

Въ іюль 1898 года здоровье его сильно пошатнулось. Но едва только смертельная опасность миновала, онъ снова принялся за преподавательскую работу. И въ послѣдніе 2 года тяжелаго, предсмертнаго періода его жизни онъ не могъ оставаться безъ этой работы. Ради нея и въ ней находилъ онъ духовную мощь для борьбы съ болѣзью, роковой исходъ которой былъ ему хорошо извѣстенъ. 22 марта 1900 года его клинической разборъ больныхъ былъ его послѣднимъ разборомъ, и клиника видѣла его въ послѣдній разъ. Въ концѣ этого мѣсяца и въ началѣ апрѣля сердечные припадки дали знать, что его сердце дѣлаетъ послѣднія усилія. И 1-го мая оно перестало биться навѣки.

Такъ оборвалась его преподавательская дѣятельность. Въ своемъ развитіи она не завершила полного круга. Кратокъ былъ періодъ ея. И это еще больше увеличиваетъ наше сожалѣніе.

Память о немъ, какъ о клиницистѣ-преподавателѣ, закрѣпленная на страницахъ исторіи Московскаго университета и въ психіатрической клиникѣ—учрежденіи имъ одухотво-

¹⁾ Отчетъ о засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ, 6 марта 1894, стр. 17.

ренномъ, будетъ всегда говорить послѣдующимъ поколѣніямъ о высотѣ задачъ университетскаго преподаванія.

Труды его, какъ клинициста-преподавателя были таковы, что они, оставивши въ насъ живыхъ свидѣтеляхъ его преподавательской дѣятельности неизгладимое впечатлѣніе и окруживши его имя почетомъ современниковъ, сдѣлають это имя предметомъ вниманія и уваженія и для потомства.

И мы не сомнѣваемся въ томъ, что имя Корсакова станетъ рядомъ со славными именами другихъ выразителей русскаго генія — преподавателей-клиницистовъ: Боткина и Пирогова.

Въ свои предсмертныя минуты, въ забытіи, онъ говорилъ: „счастливъ тотъ, кто можетъ сказать своему стихійному я стой, и подчиниться высшему духовному“¹⁾. Служили ли эти слова выраженіемъ ощущенія такого счастья въ собственныхъ тайникахъ его души, или же въ нихъ онъ формулировалъ только завѣтную, но трудно достижимую цѣль для человѣческихъ стремленій вообще—это отъ насъ осталось сокрытымъ. Но что онъ приносилъ въ жертву свое стихійное я, что онъ жертвовалъ своимъ здоровьемъ ради удовлетворенія высшихъ потребностей своего духовнаго я,—въ этомъ никто изъ окружавшихъ и знавшихъ его не сомнѣвался. И большая доля этой сознательной жертвы приносилась имъ ради удовлетворенія влеченія къ дѣятельности преподавательской.

Будемъ же думать, что слова эти выражали и то, и другое: и бывшее счастье, и завѣты наставника.

Если въ моемъ несовершенномъ воспроизведеніи вы, хорошо знавшіе Сергѣя Сергѣевича, узнаете знакомыя вамъ черты, то наше общее желаніе почтить его память достигнуто.

Н. Постовскій.

1) Сообщено братомъ проф. Н. С. Корсаковымъ.

Сень-Симонъ и его школа.

Соціализмъ XIX-го столѣтія существенно отличается отъ того, который возникъ въ XVIII-мъ. Тамъ онъ исходитъ изъ крайняго развитія индивидуалистическаго начала: всеобщее равенство должно было распространяться не только на право, но и на имущество. Такова была теорія Бабефа. Здѣсь, напротивъ, соціализмъ явился какъ реакція противъ индивидуализма. Разрушительнымъ стремленіямъ, которыя въ полной силѣ проявились во французской революціи, противопоставляется потребность созиданія. Организация труда становится основнымъ началомъ соціалистическихъ ученій, которыя развиваются въ цѣломъ рядѣ системъ, смѣняющихъ другъ друга.

Основателемъ этого направленія былъ графъ Сень-Симонъ, одна изъ самыхъ оригинальныхъ личностей, какія встрѣчаются въ исторіи мысли. Потомокъ знатнаго рода, онъ съ молодости считалъ себя призваннымъ къ великимъ дѣламъ. Поперемѣнно воинъ, путешественникъ, спекуляторъ, глава школы, одно время разбогатѣвшій, потомъ разорившійся, онъ постоянно искалъ новыхъ началъ общественной жизни, изучалъ различныя отрасли наукъ, входилъ въ близкія сношенія съ учеными и литераторами, наблюдалъ, проповѣдывалъ, старался проложить новые пути. Одушевленный самою горячею любовью къ человѣчеству и безграничную вѣрою въ свое призваніе, онъ умѣлъ свой пламень передавать и другимъ. Изъ его школы вышли люди съ вы-

дающимися дарованіями, игравшіе значительную роль на различныхъ общественныхъ поприщахъ: знаменитый историкъ Августинъ Тьерри, философъ Августъ Контъ, извѣстный экономистъ Мишель Шевалье, банкиръ Перейръ, не говоря о ближайшихъ послѣдователяхъ, которые образовали школу, имѣвшую значительное вліяніе на умы. Самъ Сень-Симонъ писалъ много, но отрывочно и безпорядочно, переходя отъ одной точки зрѣнія къ другой, нерѣдко вдаваясь въ односторонность, затѣмъ стараясь восполнить протекающіе отсюда недостатки другими началами. Цѣльной и связной системы у него не было. Онъ былъ больше инициаторъ, нежели систематикъ. Но главное исходило отъ него, вслѣдствіе чего онъ своими послѣдователями возведенъ былъ на степень пророка, открывшаго человѣчеству новые пути.

Первое сочиненіе, съ которымъ онъ выступилъ въ 1802 г., были *Письма женеваго учителя къ своимъ современникамъ* (Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains). Автору было тогда 42 года ¹⁾. Это было странное предложеніе, которое по самому своему характеру не могло имѣть пракческаго значенія и не обратило на себя вниманія. Сень-Симонъ предлагалъ открыть подписку передъ гробницею Ньютона. Каждый могъ подписаться на какую угодно сумму и при этомъ долженъ былъ назвать трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физиологовъ, трехъ литераторовъ, трехъ живописцевъ и трехъ музыкантовъ. Подписка должна возобновляться ежегодно, при чемъ дозволяется называть тѣхъ же самыхъ лицъ. Собранныя деньги должны дѣлиться между тремя лицами каждой категоріи, получившими наибольшее число голосовъ, при чемъ отъ нихъ требуется, чтобы они не получали ни почестей, ни мѣстъ, ни денегъ, но имъ предоставляется право упо-

¹⁾ Важнѣйшія сочиненія Сень-Симона, въ томъ числѣ и эти письма, были изданы въ 1832 г. его ученикомъ, Олендомъ Родригомъ (Olinde Rodrigues). Затѣмъ болѣе полное изданіе *Избранныхъ сочиненій* (Oeuvres choisies de C. H. de Saint-Simon) вышли въ Брюсселѣ въ 1859 г. Ссылаюсь на послѣднее.

треблять свои силы и средства, какъ имъ угодно. Этимъ способомъ, говорить Сень-Симонъ, гениальные люди получаютъ достойную награду и будутъ поставлены въ положеніе, которое дастъ имъ возможность обратить всѣ свои силы на благо человѣчества. Всѣ честолюбія будутъ возбуждены и не станутъ уже привлекаться къ путямъ вреднымъ для общества. Черезъ это всѣ работающіе на пользу прогресса и просвѣщенія получаютъ начальниковъ, пользующихся громаднымъ вліяніемъ, располагающихъ значительными денежными средствами (1° Lettre). Эти люди будутъ избранниками всего человѣчества, а потому будутъ работать на пользу всѣхъ, а не только нѣкоторыхъ, чѣмъ самымъ разрѣшается вопросъ, издавна занимавшій моралистовъ: поставить человѣка въ такое положеніе, что личный его интересъ и общій постоянно дѣйствовали бы въ одномъ направленіи (Réponse d'un ami).

Любопытны тѣ доводы, которыми Сень-Симонъ думалъ подвинуть своихъ современниковъ къ принятію его предложенія. Онъ раздѣлялъ людей на три разряда: на ученыхъ, художниковъ и вообще людей прогресса, на собственниковъ, противящихся всякому нововведенію, и не-собственниковъ, которые становятся подъ знамя равенства.

Первымъ онъ указывалъ на то, что его предложеніе согласо съ ихъ собственными интересами; противится этому только сила инерціи, которую и надобно побороть. Вторымъ онъ доказывалъ, что ихъ преимущество передъ не-собственниками основано не на избыткѣ матеріальныхъ средствъ, а единственно на превосходствѣ образованія. Поэтому прямой ихъ интересъ заключается въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону тѣхъ изъ среды не-собственниковъ, которые возвышаются надъ другими умомъ и талантомъ. Пренебреженіе къ этому правилу повело къ французской революціи. Интеллигенція соединилась съ не-собственниками, и собственники были побѣждены. И это будетъ повторяться до тѣхъ поръ, пока интеллигенція не будетъ привлечена къ собственникамъ своими интересами,

что и имѣется въ виду сдѣланнымъ предложеніемъ. Наконецъ, не-собственникамъ Сень-Симонъ внушалъ, что всякое улучшение ихъ состоянія возможно единственно вслѣдствіе центровъ наукъ и искусствъ; слѣдовательно, принявъ его предложеніе, они поставятъ во главѣ человѣчества людей, имъ наиболѣе полезныхъ. При этомъ Сень-Симонъ высказываетъ свои взгляды на научные методы. Ученый, говоритъ онъ, есть человѣкъ, который *предвидитъ*. Но предвидѣніе должно быть *оправдано опытомъ*. Только тѣ науки заслуживаютъ это названіе, которыя произвели эту провѣрку и тѣмъ самымъ устранили чистыя созданія воображенія. Такъ, астрономія изгнала астрологию, химія—алхимию; теперь надобно, чтобы фізіологъ точно также изгналъ философовъ, моралистовъ и метафизиковъ (2° Lettre). Эти положенія были усвоены основателемъ положительной философіи, Августомъ Контомъ; но самъ Сень-Симонъ, какъ увидимъ далѣе, впослѣдствіи отступилъ отъ этихъ началъ.

Стараясь убѣдить различные общественные классы въ выгодахъ, которыя принесетъ имъ его предложеніе, Сень-Симонъ обращается и ко всѣмъ имъ въ совокупности, указывая на тѣ гибельныя послѣдствія, которыя повлекло за собою приложеніе начала равенства въ революціи 1789 г. Независимо отъ ужасовъ, которые оно произвело тѣмъ, что вручило власть невѣжественной толпѣ, оно породило совершенно невозможный образъ правленія чрезмѣрнымъ умноженіемъ выборныхъ властей, которыя всѣ должны были оплачиваться для того, чтобы дать къ нимъ доступъ не-собственникамъ. Такимъ образомъ, трудъ управляемыхъ едва доставалъ для содержанія правителей, что прямо противорѣчитъ интересамъ не-собственниковъ, заключающимся въ томъ, чтобы платить какъ можно менѣе податей. По мнѣнію Сень-Симона, всѣмъ классамъ общества будетъ выгѣдна слѣдующая организація: духовная власть въ рукахъ ученыхъ, свѣтская въ рукахъ собственниковъ, наконецъ, право назначать начальствующихъ лицъ въ рукахъ всѣхъ; а въ видѣ жалованья—уваженіе (2 Lettre).

Къ этому Сень - Симонь присовокупилъ нѣчто вродѣ видѣнія, представляющаго будущее управленіе человѣческаго рода. Голосъ Бога возвѣщаетъ ему, что Римъ откажется отъ притязанія быть средоточіемъ церкви. Данная ему власть отнимется у него за то, что онъ пересталъ стоять во главѣ науки и позволилъ себя опередить свѣтскимъ людямъ. Одесную Бога будетъ сидѣть Ньютонъ, которому будетъ ввѣрено управленіе всѣми планетами. Совѣтъ 21 избранниковъ человѣчества будетъ называться его именемъ и будетъ представителемъ Бога на землѣ. Онъ раздѣлитъ человѣчество на четыре отдѣла: англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій. Каждый изъ нихъ будетъ имѣть совѣтъ, составленный такъ же, какъ и главный. Всѣ люди будутъ распредѣляться между ними, и всѣ будутъ имѣть право выбора, женщины, также какъ и мужчины. Всѣ люди будутъ трудиться; они будутъ смотрѣть на себя, какъ на работниковъ, призванныхъ приблизить человѣческій умъ къ божественному предвѣдѣнію. Главный совѣтъ Ньютона будетъ руководить этими работами; онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы понять дѣйствія всемірнаго тяготѣнія, составляющаго единственный законъ, которому подчинено мірозданіе. Всѣ совѣты Ньютона будутъ уважать границы, раздѣляющія духовную власть отъ свѣтской.

„Самъ Богъ говорилъ мнѣ“: заключаетъ Сень - Симонь; „развѣ человѣкъ могъ бы изобресть религію, превосходящую всѣ, доселѣ существовавшія?.. Посмотрите, какъ ясно предписаніе въ откровенной мнѣ религіи, и какъ вѣрно исполненіе. На cadaго возложена обязанность постоянно давать своимъ личнымъ силамъ направленіе, полезное человечеству; руки бѣднаго будутъ продолжать питать богатаго, но богатый получаетъ приказаніе заставлять работать свой мозгъ, а если его мозгъ неспособенъ къ работѣ, то онъ будетъ принужденъ работать своими руками, ибо Ньютонъ, конечно, не оставитъ на этой планетѣ, одной изъ самыхъ близкихъ къ солнцу, рабочихъ по своей волѣ бесполезныхъ въ мастерской“... „Не стану болѣе распространяться объ

этомъ предметѣ: всякій человѣкъ, вѣршій въ откровеніе, необходимо убѣдится, что одинъ Богъ могъ дать человѣчеству средство заставить каждаго своего члена слѣдовать предписанію любви къ ближнему“ (3 Lettre).

Въ этихъ нескладныхъ пророчаніяхъ высказываются уже всѣ тѣ мысли, которыя впослѣдствіи легли въ основаніе Сень-Симонизма: религіозный характеръ будущаго устройства человѣческаго рода, замѣна отсталыхъ церковныхъ властей корпораціей ученыхъ и художниковъ, обязанность труда, возложенная на всѣхъ, любовь къ ближнему, какъ руководящее начало всякой дѣятельности, призваніе женщинъ, начало, которое впослѣдствіи сдѣлалось предметомъ горячихъ споровъ и, наконецъ, разрыва въ школѣ сень-симонистовъ.

Въ постскриптумѣ Сень-Симонъ высказываетъ намѣреніе написать письмо, въ которомъ онъ будетъ разсматривать религію, какъ человѣческое изобрѣтеніе, или какъ единственное политическое учрежденіе, которое можетъ вести къ общей организаціи человѣческаго рода. При этомъ онъ излагаетъ главную мысль, которая должна лечь въ основаніе этого труда. „Предположите, — говоритъ онъ, — что вы узнали способъ распредѣленія матеріи въ какую-либо эпоху, и что вы составили планъ вселенной, обозначивъ числомъ количество матеріи, заключающееся въ каждой изъ ея частей: вамъ будетъ ясно, что, прилагая къ этому плану законъ всемірнаго тяготѣнія, вы могли бы предсказать настолько точно, насколько позволяетъ состояніе математическаго знанія, всѣ послѣдовательныя перемѣны, которыя произойдутъ въ мірозданіи. Это предположеніе поставить вашъ умъ въ такое положеніе, въ которомъ всѣ явленія представятся ему въ одинакомъ видѣ; ибо разсматривая на планѣ вселенной часть пространства, занятого вашею особою, вы не найдете никакой разницы между явленіями, которыя вы называете *нравственными*, и тѣми, которыя носятъ названіе *физическихъ*. Даннаго указанія достаточно для того, чтобы моя мысль была понята математиками“ (3 Lettre).

Эту чисто материалистическую гипотезу Сень-Симонъ развилъ въ изданномъ въ 1808 году *Введеніи къ научнымъ работамъ XIX вѣка* (*Introduction aux travaux Scientifiques du dix-neuvième siècle. Oeuvres choisies T. I*).

Человѣческій разумъ, говоритъ Сень-Симонъ, имѣеть два способа познанія предметовъ: синтезъ и анализъ. Первый идетъ отъ общаго факта къ частнымъ, второй обратно, отъ частныхъ къ общему. Первый называется также способомъ познанія а priori, второй способомъ познанія а posteriori (стр. 68). Оба равно необходимы: споры о преимуществахъ того и другого также бессмысленны, какъ если бы стали спорить о томъ, что лучше, поднимать или опускать стержень при дѣйствіи насоса: когда стержень находится наверху, его слѣдуетъ опускать, когда онъ внизу, его слѣдуетъ поднимать (стр. 77). Такъ всегда и поступали въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Основатели науки новаго времени, Бэконъ и Декартъ, шли путемъ синтеза. Декартъ провозгласилъ общимъ правиломъ, что человѣкъ долженъ вѣрить только тому, что признано разумомъ и подтверждается опытомъ. Онъ же сказалъ: „дайте мнѣ матерію и движеніе, и я построю вамъ міръ“. Созданная имъ система вихреворотовъ была первая и великая для своего времени попытка объединить всѣ явленія общимъ началомъ. Но затѣмъ оставалось подтвердить эти воззрѣнія опытомъ; отъ синтеза надобно было перейти къ анализу. Это сдѣлали въ физической области Ньютонъ, въ отношеніи къ человѣку—Локкъ. Французскіе ученые XVII вѣка, Лагранжъ и Лапласъ, въ математикѣ и астрономіи, Кондильякъ и Кондорсе, въ приложеніи къ человѣческому познанію и дѣятельности, развивали только положенныя ими начала. Рядомъ съ этимъ шло и разрушеніе отжившаго свой вѣкъ синтетическаго зданія, основаннаго на вѣрѣ. Въ этомъ отношеніи главные удары были нанесены энциклопедистами, которые однако болѣе содѣйствовали разрушенію стараго, нежели созиданію новаго. Теперь предстоитъ опять синтетическая работа; новыя открытія можно сдѣлать на пути а priori (стр. 164).

Эту работу и хочетъ предпринять Сень-Симонъ, сознавая однако, что онъ для нея еще недостаточно созрѣлъ и что ему нужно еще десять лѣтъ для написанія сочиненія, котораго очеркъ онъ представляетъ теперь своимъ соотечественникамъ, съ цѣлью дать имъ заранѣе возможность насладиться его мыслями (стр. 56). Предполагаемое сочиненіе такъ и осталось ненаписаннымъ, и все ограничилось отрывками, о значеніи которыхъ можно судить по ихъ содержанию.

Сень-Симонъ отправляется отъ положенія, что открытый Ньютономъ законъ всемірнаго тяготѣнія есть общій фактъ, изъ котораго, какъ первоначальной причины, вытекають всѣ явленія физическаго и нравственнаго міра (стр. 157, 165). Ньютонъ, будучи великимъ физикомъ, геометромъ и астрономомъ, не умѣетъ ни обобщать, ни сопоставлять свои мысли; ихъ философскій смыслъ былъ ему совершенно неизвѣстенъ (стр. 161). Между тѣмъ, этимъ общимъ фактомъ можно воспользоваться для объясненія всѣхъ существующихъ явленій; какъ общая идея, онъ можетъ служить для созданія цѣлаго воображаемаго міра. Объ этомъ воображаемомъ мірѣ Сень-Симонъ и хочетъ говорить (стр. 157).

Вселенная есть пространство, наполненное матеріей. Последняя существуетъ въ двухъ формахъ: твердой и жидкой; количество обѣихъ одинаково. Частицы матеріи попеременно переходятъ изъ одного состоянія въ другое. Всѣ явленія суть дѣйствія борьбы, существующей между жидкими тѣлами и твердыми. Вселенная дѣлится на двѣ равныя части: твердую и жидкую. Твердая часть есть та, въ которой матерія стремится къ отверженію, мягкая та, въ которой она стремится къ разрѣженію. Въ извѣстныя времена эти двѣ части смѣшиваются; тогда происходитъ всеобщая дезорганизация на тѣхъ же основаніяхъ. Вселенная есть единственное вѣчное явленіе; всѣ же второстепенныя явленія имѣють бѣольшую или мѣншую продолжительность (стр. 166—7).

Отношеніемъ твердыхъ тѣлъ къ жидкимъ Сень-Симонъ

думалъ разрѣшить и то противорѣчіе, которое онъ усматривалъ въ выводахъ астрономовъ и физиковъ. Какъ астрономъ, Ньютонъ признавалъ, что въ пространствѣ между свѣтилами нѣтъ матеріи, ибо не оказывается тренія, задерживающаго ихъ движеніе. Но какъ физикъ, онъ признавалъ существованіе наполняющей пространство матеріи, посредствомъ которой распространяется свѣтъ. По мнѣнію Сень-Симона, Ньютонъ не впалъ бы въ это противорѣчіе, если бы онъ призналъ существованіе въ пространствѣ количества жидкой матеріи, равнаго количеству твердой, составлявшей массу свѣтилъ, ибо въ такомъ случаѣ дѣйствія отъ двухъ матерій другъ на друга уравниваются и тренія не можетъ быть (стр. 162). Это объясненіе показываетъ, какъ далека была Сень-Симонъ отъ истинно-научнаго знанія, несмотря на всѣ его претензіи.

Еще болѣе фантастическимъ представляется его объясненіе происхожденія органическихъ тѣлъ, которое онъ точно такъ же производитъ изъ отношенія жидкой и твердой матеріи. Отсюда происходитъ броженіе, отъ величины котораго зависятъ величины возникающихъ изъ него организмовъ. Маленькое броженіе производитъ малые организмы, большое—большіе. Самое значительное броженіе было на землѣ при переходѣ ея изъ состоянія кометы въ состояніе планеты, то-есть, когда она начала вращаться около своей оси (стр. 167). Самые организмы представляютъ постоянную борьбу между твердыми и жидкими элементами. Весь ихъ механизмъ состоитъ въ выдѣленіи жидкостей въ мозгу и другихъ аналогическихъ органахъ, изъ которыхъ онѣ разносятся нервами по всѣмъ частямъ тѣла. Внѣшнія чувства суть выдѣленія (*épanouissements*) нервовъ черезъ отверстія, которыми нервная или жизненная жидкость сообщается съ однородными жидкостями, разлитыми въ пространствѣ. Мысль есть не что иное, какъ матеріальное притяженіе; это — результатъ движенія нервной жидкости (стр. 170). Явленія, которыя называютъ физическими, принадлежатъ къ разряду явленій твердыхъ тѣлъ; явленія, которыя назы-

ваются нравственными, принадлежать къ разряду явленій жидких тѣлъ (стр. 219).

Сообразно съ этимъ чисто-матеріалистическимъ взглядомъ Сень-Симонъ не признаетъ никакой существенной разницы между человѣкомъ и другими животными. Человѣкъ есть вселенная въ маломъ видѣ; а такъ какъ вселенная заключаетъ въ себѣ не два порядка вещей, а одинъ, физическій, то и въ человѣкѣ нѣтъ ничего, кромѣ сочетанія физическихъ элементовъ (стр. 175). Единственное его отличіе отъ другихъ животныхъ состоитъ въ томъ, что его организація болѣе приспособлена къ развитію. Отсюда и нравственное его превосходство (стр. 177). Если другія животныя не развиваются, то причина заключается въ томъ, что человѣкъ мѣшаетъ ихъ развитію, выгоняя однихъ въ пустыни и обращая другихъ въ рабство. Если бы человѣчество исчезло съ лица земли, то наилучше организованная послѣ него порода животныхъ стала бы развиваться (172—3).

Самое развитіе человѣчества слѣдуетъ развитію планеты. Сперва въ немъ преобладаютъ жидкія тѣла, а потомъ твердые. Съ первымъ связано развитіе воображенія, со вторымъ развитіе разсудка (175—6). Это одинаково проявляется въ развитіи лица и цѣлаго рода. Въ дѣтствѣ человѣкъ проявляетъ болѣе всего склонность къ механическимъ искусствамъ; въ юности онъ становится артистомъ. Съ 25 до 45 лѣтъ дѣятельныя его силы получаютъ полное развитіе: онъ является преимущественно военнымъ. Съ 45 лѣтъ дѣятельныя силы уменьшаются, а умственныя получаютъ преобладаніе: это — періодъ зрѣлаго мышленія, а вмѣстѣ и нисхожденіе по жизненному пути. То же самое мы видимъ и въ исторіи: египтяне отличаются механическими работами, греки художествомъ, римляне военною силой; сарацины, отличаясь, какъ римляне, военными доблестями, положили, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніе развитію физическихъ и математическихъ наукъ. Сравнивая исторію человѣчества съ развитіемъ отдѣльнаго лица, можно думать, что первое достигло приблизительно сорокалѣтняго возраста (177—9).

Это — самое счастливое время жизни, то, въ которомъ съ наибольшею силой проявляются обѣ способности—воображеніе и разсужденіе (183).

Исходя отъ этихъ началъ, Сень-Симонъ предлагаетъ своеобразное дѣленіе исторіи, которое однако плохо клеится съ характеристикой возрастовъ. До сихъ поръ, говорить онъ, историки обращали вниманіе только на второстепенные факты, не возвышаясь къ общимъ воззрѣніямъ. Кондорсе первый ввелъ начало совершенствованія, противопоставивъ его теоріямъ „круговыхъ“ философовъ, которые утверждали, что человѣчество всегда вращается въ одномъ кругѣ. Но въ развитіи своихъ взглядовъ онъ впалъ въ самыя грубыя ошибки. Онъ далъ намъ очеркъ не исторіи, а романа, ибо онъ видѣлъ вещи не такъ, какъ онѣ въ дѣйствительности, а такъ какъ онъ хотѣлъ ихъ видѣть (184—191). Исходя отъ общихъ взглядовъ, слѣдуетъ раздѣлить исторію на два періода: древнюю и новую. Первая, соотвѣтствуетъ дѣтству и простирается отъ начала міра до Сократа, вторая простирается отъ Сократа до нашихъ дней. До Сократа прогрессъ былъ только частный; дѣйствовавшіе на историческомъ поприщѣ народы возвышались до понятія о божествѣ, но безъ всякой системы. Сократъ первый далъ этой идеѣ характеръ единства и понялъ ее, какъ орудіе научныхъ комбинацій. Черезъ это онъ сдѣлался основателемъ общей науки. Древняя исторія, въ свою очередь, дѣлится на два періода: первый отъ начала человѣческаго рода до Моисея, второй отъ Моисея до Сократа. Все, что предшествовало Моисею, покрыто для историка непроницаемымъ мракомъ; только глазъ физиолога можетъ въ него проникнуть. Періодъ отъ Моисея до Сократа тоже освѣщенъ весьма слабымъ свѣтомъ, но онъ имѣетъ и мало интереса для мыслящаго человѣка (192—3). Моисей сочинилъ идею Бога; но только Сократъ опредѣлилъ ее точнѣе и и положилъ ее въ основаніе своей философской системы (189). Дальнѣйшее движеніе этой идеи, въ свою очередь, дѣлитъ новую исторію на два почти равныхъ періода: первый про-

стирается отъ Сократа до Магомета, второй отъ Магомета до нашихъ дней. Первый представляетъ развитіе деизма, второй его упадокъ и постепенную замѣну его физицизмомъ, который долженъ служить основаніемъ религіи будущаго, ибо религія есть ничто иное, какъ собранія приложеній общей науки, посредствомъ которыхъ просвѣщенные люди управляютъ невѣждами. Всякій возрастъ имѣетъ свой характеръ, и всякое учрежденіе свою продолжительность. Поэтому и религія старѣетъ, какъ и другія учрежденія, и по прошествіи извѣстнаго времени должна быть возобновлена. Благодѣтельная вначалѣ, она становится притѣснительною, когда отстаетъ отъ вѣка, и органы ея опережаются другими (194—5, 213). Сень-Симонъ признаетъ однако, что въ настоящее время физицизмъ еще не довольно развитъ, чтобы стать основаніемъ религіи, а такъ какъ деизмъ уже износился и не удовлетворяетъ умственнымъ потребностямъ, то приходится имѣть два ученія: физицизмъ для образованныхъ людей и деизмъ для невѣжественной массы. Поэтому онъ для виду считаетъ нужнымъ оказывать уваженіе деизму, который долго еще долженъ оставаться публичнымъ ученіемъ (214—5). Идея Бога не можетъ уже употребляться въ физическихъ наукахъ, но она долго еще будетъ служить опорой политическихъ комбинацій, ибо нѣтъ лучшаго средства дать надлежащую силу законодательнымъ мѣрамъ (214).

Возвѣщая въ будущемъ новую религію, Сень-Симонъ провозгласилъ и новое начало нравственности. На мѣсто евангельскаго правила: „не дѣлай другимъ того, что ты не хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали“, правило, которое имѣетъ чисто отрицательный и личный, а потому неприложимый къ обществу характеръ, онъ предлагаетъ поставить слѣдующее начало: „человѣкъ обязанъ трудиться“. При этомъ онъ замѣчаетъ, что понятіе о трудѣ должно быть принято въ самомъ широкомъ значеніи; никакого рода умственная работа не должна быть исключена. Только тунеядцы, пользующіеся доходами, не прилагая рукъ, являются лишнимъ

бременемъ для общества. Съ трудомъ связана и собственность, которая должна быть обезпечена закономъ; но моралистъ долженъ побуждать общественное мнѣніе наказывать празднаго собственника лишеніемъ уваженія. Католики, пожалуй, скажутъ, говорить Сень-Симонъ, что и Евангеліе осуждаетъ праздность. Но важенъ порядокъ, въ которомъ излагаются мысли, и то мѣсто, которое дается каждой изъ нихъ въ общей системѣ. Начало труда должно имѣть первенствующее значеніе въ новомъ обществѣ (220-1).

Осуществленіе своихъ плановъ Сень-Симонъ ожидалъ отъ Наполеона, передъ геніемъ котораго онъ преклонялся и котораго считалъ главою не только государства, но и работъ человѣческаго разума. Намекая на себя, онъ говоритъ, что самый сильный человѣкъ послѣ императора тотъ, кто наиболѣе глубоко ему удивляется (стр. 231). Въ тѣхъ же видахъ онъ писалъ, что императору нуженъ научный помощникъ, способный понять его планы и содѣйствовать ихъ исполненію; нуженъ второй Декартъ. При такихъ начальникахъ работы школы были бы изумительны (236).

Сень-Симонъ предсказывалъ, что Наполеонъ завоюетъ весь міръ и дастъ ему свои законы. Хотя англичане еще сопротивляются, но скоро они падутъ, и тогда кончится война, ибо не будетъ болѣе силы, способной сопротивляться волѣ императора. Когда же война будетъ кончена, его вниманіе устремится исключительно на науки. По его указаніямъ и подъ его начальствомъ ученая мастерская выработаетъ энциклопедію. Это сочиненіе организуетъ физичесизмъ, оснуетъ посредствомъ размышленія и наблюденія тѣ общія начала, которыя навѣки будутъ служить руководствомъ человѣчества. Геній императора дастъ человѣчеству и наилучшее общественное устройство. Судя по первымъ же распоряженіямъ, можно предположить, что духовная власть и свѣтская будутъ раздѣлены: первая перейдетъ въ руки физичесистскаго папы и духовенства; вторая же будетъ раздѣлена между князьями, стоящими во главѣ разныхъ частей человѣчества, при чемъ интересы этихъ частей будутъ

охраняться представителями, избранными изъ самыхъ крупныхъ собственниковъ и самыхъ видныхъ литераторовъ. Эти идеи, заключаетъ Сень-Симонъ, должны разсматриваться, какъ проявленіе свѣтозарнаго луча, исходящаго изъ фокуса императорскаго разума (стр. 243—4).

Походъ на Россію положилъ конецъ всѣмъ этимъ мечтамъ, а вмѣстѣ измѣнилъ и самая воззрѣнія Сень-Симона на личность императора. Въ 1813 году онъ представилъ ему мемуаръ о способѣ заставить англичанъ признать независимость флаговъ, но при этомъ положилъ условіемъ, чтобы Наполеонъ отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній и ограничился собственными границами Франціи. Сень-Симонъ утверждалъ, что таково единодушное желаніе его подданныхъ (II, стр. 172). Записка не содержитъ въ себѣ, впрочемъ, никакого способа заставить англичанъ уважать нейтральные флаги, а только предлагаетъ назначить 25 милліоновъ награды тому, кто изобрѣтетъ наилучшій способъ достигнуть этой цѣли. Самъ Сень-Симонъ ограничился отвлеченными философскими соображеніями, въ убѣжденіи, что только на этой почвѣ можно построить положительную политику. Поэтому записка, имѣющая въ виду заставить англичанъ уважать нейтральные флаги, носитъ заглавіе: *Работа по всемірному тяготѣнію* (Travail sur la gravitation universelle). Но и о всемірномъ тяготѣніи тутъ говорится только въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ о міровомъ законѣ, изъ котораго должны истекать всѣ остальные. Такъ же какъ и *Мемуаръ о наукѣ человека* (Mémoire sur la Science de l'homme), представленный Сень-Симономъ въ томъ же году разнымъ ученымъ обществамъ, это сочиненіе содержитъ въ себѣ только повтореніе мыслей, высказанныхъ во *Введеніи къ научнымъ работамъ XIX вѣка*, и при томъ опять совершенно отрывочно и поверхностно, ибо, по признанію самого автора, на настоящую работу потребовалось бы нѣсколько лѣтъ, а онъ стѣсненъ временемъ и не хочетъ лишить своихъ современниковъ плодовъ своихъ размышленій.

И тутъ онъ исходитъ отъ того положенія, что есть два

способа изучать предметы: а priori и а posteriori. Оба, по его мнѣнію, происходятъ отъ ощущеній. Но наши ощущенія, по мнѣнію Сень-Симона, имѣютъ разныя причины: одни происходятъ отъ дѣйствія внѣшнихъ тѣлъ на наши чувства, другія рождаются отъ дѣйствія внутренней жизненной силы на органы чувства. Первыя идутъ отъ окружности къ центру, вторыя отъ центра къ окружности. Первыя составляютъ основаніе апостериорнаго опыта, вторыя апіорнаго или умозрительнаго знанія. Вслѣдствіе этого есть цѣлый рядъ явленій, которыя мы можемъ изучать только послѣднимъ путемъ: таковы всѣ грубыя, или неорганизованныя тѣла. Напротивъ, организованныя тѣла могутъ быть изучаемы только апіори, ибо исходною точкою служить дѣятельность нашей жизненной силы, по аналогіи съ которой постигаются всѣ фізіологическія явленія. Такимъ образомъ физика, т.-е. наука, дѣлится на двѣ части: на физику неорганизованныхъ тѣлъ и на физику организованныхъ тѣлъ. Къ послѣднему разряду принадлежитъ и наука о человѣкѣ. Душа, въ физическомъ отношеніи, есть матеріальная точка, къ которой сходятся и отъ которой расходятся всѣ наши жизненные силы (стр. 178—180).

Съ этой точки зрѣнія религія есть не что иное, какъ общая научная теорія; теорія же имѣетъ цѣлью связать факты (стр. 189). Эта связь и существовала въ теченіе пятнадцати столѣтій при господствѣ христіанскаго ученія. Но нынѣ этотъ взглядъ устарѣлъ, надобно замѣнить его новой организаціей. Въ этихъ видахъ Сень-Симонъ обращается къ академіи съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Хотите ли вы организовать? Нѣтъ ничего легче. Выберите идею, къ которой вы отнесете всѣ прочія и изъ которой вы выведете всѣ начала, какъ слѣдствіе. Тогда вы будете имѣть философію. Эта философія безъ сомнѣнія будетъ основана на идеѣ всемірнаго тяготѣнія, и всѣ ваши работы съ этой минуты примутъ систематическій характеръ. Что касается до способа организовать вашу корпорацію, то онъ столь же простъ; онъ тотъ же самый. Дайте одному изъ вашихъ

классовъ философію, какъ предметъ занятій; поручите его членамъ вывести изъ идеи всемірнаго тяготѣнія, или *связать* съ нею, смотря по тому, будетъ ли она идти априори или апостериори, всѣ извѣстныя явленія, и вы будете организованы въ отношеніи *дѣятельномъ*, такъ же какъ и въ отношеніи *страдательномъ*, т.-е. въ отношеніи *идей*, такъ же какъ и въ отношеніи *корпорации*, и въ обоихъ этихъ отношеніяхъ ваша сила будетъ неисчислима“ (стр. 191—2).

Такимъ образомъ Сень-Симонъ считалъ возможнымъ и даже весьма легкимъ дѣломъ сочинить строго научную философію по порученію начальства. Изъ этого можно видѣть, какое понятіе онъ имѣлъ о наукѣ. При такихъ взглядахъ немудрено, что онъ распространялъ на ученыхъ идею духовной власти, которую онъ считалъ неподлежащей сомнѣнію, ибо раздѣленіе властей, духовной и свѣтской, непосредственно вытекаетъ изъ двоякой способности человѣка познавать вещи. „Духовная власть,—говоритъ онъ,—есть политическое приложеніе нашей способности познавать вещи а ргіогі, такъ же какъ свѣтская власть есть политическое дѣйствіе, вытекающее изъ нашей способности разсматривать вещи а posterіогі“ (стр. 197). Первая поэтому, сообразно съ своею природою, можетъ хорошо обсуждать дѣла, общія всѣмъ народамъ, но дѣятельность ея становится невѣрною и даже вредною, когда требуется опредѣлить частные интересы каждаго изъ нихъ. Вторые, напротивъ, могутъ хорошо управлять частными интересами отдѣльныхъ народовъ, но никогда не могутъ достигнуть добрыхъ результатовъ относительно общихъ дѣлъ. Съ IX по XV столѣтіе эти дѣла власти, по мнѣнію Сень-Симона, находились въ надлежащемъ равновѣсіи, вслѣдствіе чего Европа наслаждалась миромъ (стр. 198). Съ XV же вѣка организація, которая связывала европейскіе народы и полагала предѣлъ ихъ честолюбію, постепенно падала, вслѣдствіе того, что свѣтскіе люди опережали духовенство въ знаніи, а теперь, вотъ уже двадцать лѣтъ, разыгралась война, которая погубила многіе милліоны людей и грозитъ погубить

все современное поколѣніе. Этотъ кризисъ вытекаетъ изъ естественнаго хода вещей; каждая научная теорія, по самой своей природѣ, старѣетъ и поддерживавшее ее духовенство падаетъ, когда она становится недостаточною. Но въ силу той же природы вещей свѣтскіе люди, которые создали новую научную теорію, должны замѣнить прежнее духовенство и организовать въ корпораціи священнослужителей. Вслѣдствіе этого Сень-Симонъ предлагаетъ всѣмъ европейскимъ ученымъ обществамъ выбрать себѣ делегатовъ и послать ихъ въ Римъ для выбора новаго папы, который будетъ стоять во главѣ ученаго міра (стр. 247—9). Знаменитый реформаторъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что наука есть свободное, то-есть, по его теоріи, анархическое проявленіе человѣческаго духа, которое никакой регламентации не поддается и не признаетъ надъ собою никакой власти. Различіе между наукой и религіей совершенно отъ него ускользало. Всѣ его измышленія въ этомъ отношеніи свидѣтельствуютъ только о необузданной фантазіи, для которой научные приемы и данныя служили только матеріаломъ для произвольныхъ построеній. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, идея духовной власти получила въ его школѣ преобладающее значеніе.

Иной характеръ носить на себѣ брошюра *О реорганизации европейскаго общества*, изданная въ 1814 году, во время Вѣнскаго конгресса¹⁾. И тутъ преобладаетъ утопія, но рядомъ съ этимъ находятся и политическія мысли, которыя не встрѣчаются въ другихъ сочиненіяхъ Сень-Симона. Это объясняется означеннымъ на заглавіи сотрудничествомъ его ученика Августина Тьерри, которому очевидно принадлежитъ значительная часть этихъ мыслей.

Авторы обращаются съ воззваніемъ къ парламентамъ, англійскому и французскому. Они напоминаютъ, что до

¹⁾ De la Réorganisation de la Société européenne, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son indépendance nationale, par le comte de Saint-Simon et par A. Thierry, son élève. Octobre, 1814.

XVI вѣка римско-католическая религія съ стоящимъ во главѣ ея духовенствомъ служили связью всѣхъ европейскихъ народовъ. Римскій дворъ властвовалъ надъ князьями, какъ послѣдніе надъ народами. Лютеръ разорвалъ эту связь, и съ тѣхъ поръ, вмѣсто общей организаціи, водворились договорныя отношенія, установленныя Вестфальскимъ миромъ. Европа раздѣлилась на два лагеря, враждующихъ между собою. То, что называютъ системою политическаго равновѣсія, есть только состояніе постоянной напряженной энергіи, въ которомъ каждый заботится только о частныхъ своихъ интересахъ и которая ведетъ къ непрерывнымъ войнамъ. Именно на этомъ состояніи внутреннихъ раздоровъ Англія основала свое могущество. Отдѣленная отъ материка, она могло устроиться, имѣя въ виду не обычаи и предразсудки, а то, что во всѣ времена должно составлять основаніе всякой конституціи — свободу и счастье народа. Укрѣпившись такимъ образомъ внутри, она обратилась на внѣшнюю дѣятельность и сдѣлалась владычицею морей, подавляя у другихъ торговлю и мореходство, которыя она поощряла у себя. Но такое чудовищное преобладаніе не можетъ продолжаться. Не только интересъ всей Европы, но и собственный интересъ Англіи заставляетъ искать исхода изъ этого положенія. Онъ можетъ состоять только въ реорганизаціи всего европейскаго міра на новыхъ началахъ. Эта реорганизація была невозможна, пока Англія одна отрѣшилась отъ феодальнаго порядка и вступила на новый путь. Но теперь къ ней можетъ присоединиться и Франція, послѣ того какъ и она получила свободныя учрежденія. Обѣ либеральныя націи могутъ соединить свои силы для того, чтобы реорганизовать Европу. Въ чемъ должно состоять это новое устройство? (II, стр. 259—264).

Въ настоящее время въ Вѣнѣ собранъ конгрессъ, который долженъ умиротворить Европу. Но цѣль эта не будетъ достигнута; ибо каждое государство является здѣсь съ своими частными интересами, и нѣтъ никого, кто бы представлялъ интересы общіе всѣмъ. Установить миръ путемъ

трактатовъ такъ же невозможно, какъ устроить общество путемъ соглашеній, безъ высшей принудительной власти, сдерживающей частныя воли. Всякая политическая организація имѣеть свои основныя начала, безъ которыхъ она не можетъ существовать и дать то, чего отъ нея ожидаютъ. Организація, имѣющая въ виду связать разные народы, сохраняя каждому свою самостоятельность, должна быть основана на слѣдующихъ началахъ: 1) она должна быть *систематически однородна*, то-есть, всѣ учрежденія должны вытекать изъ единого понятія, а потому правительство на всѣхъ ступеняхъ должно имѣть одинакую форму. 2) Общее правительство должно быть совершенно независимо отъ національныхъ. 3) Члены общаго правительства должны быть, по самому своему положенію, принуждены заниматься спеціально общими интересами. 4) Они должны опираться на силу, лежащую въ нихъ самихъ и совершенно независимую отъ какой бы то ни было посторонней; эта сила есть общественное мнѣніе. На этихъ началахъ строилась въ средніе вѣка папская власть, и это составляло ея могущество. Но нынѣ она потеряла свое значеніе, и учрежденія, на которыя она опиралась, обнаружили коренные свои недостатки. Въ настоящее время требуется иная организація, приспособленная къ измѣнившимся потребностямъ. Чтобы достигнуть ея, нужно къ означеннымъ четыремъ началамъ присоединить слѣдующія три условія: 1) чтобы наилучшая возможная конституція была приложена и къ общему правленію и къ частнымъ; 2) чтобы члены общаго правленія принуждены были, силою вещей, работать на общую пользу; 3) чтобы сила ихъ въ общественномъ мнѣніи была основана на отношеніяхъ, которыя ничто не можетъ поколебать и которыя имѣли бы значеніе для всѣхъ мѣстъ и временъ (кн. I, 2. I—III, стр. 265—275).

Существуетъ ли образъ правленія хорошій по самой своей природѣ, основанный на началахъ достовѣрныхъ, абсолютныхъ, всемірныхъ, независимыхъ отъ времени и мѣста? Для рѣшенія этого вопроса не нужно прибѣгать къ тѣмъ или

другимъ частнымъ соображеніямъ, что ведетъ только къ нескончаемымъ спорамъ. Надобно опираться на тѣ начала, на которыхъ основана достовѣрность всякаго доказательства: на размышленіе и опытъ. Всѣ науки представляютъ рядъ вопросовъ, правильное рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ приложенія къ нимъ научной методы, то-есть общаго способа дѣйствія разума, независимаго отъ свойства предметовъ. Только черезъ это наука становится положительною и рѣшенія получаютъ характеръ достовѣрности. До сихъ поръ научная метода не примѣнялась къ политическимъ вопросамъ: отсюда шаткость рѣшеній (гл. IV, 275—6).

Если подъ именемъ конституціи разумѣть систему общественнаго порядка, направленную къ общему благу, то наилучшая будетъ та, въ которой учрежденія организованы такъ, что всякій вопросъ общаго блага обсуждается въ нихъ самымъ основательнымъ и всестороннимъ образомъ. Но вопросъ общаго блага, черезъ то самое, что это вопросъ, долженъ рѣшаться, какъ и всѣ другіе. Для рѣшенія его въ логикѣ существуютъ два метода, или, лучше сказать, одна метода, заключающая въ себѣ два дѣйствія: анализъ и синтезъ. Съ одной стороны, вопросъ разсматривается въ его совокупности, или апіори, съ другой стороны, онъ разлагается на подробности и разсматривается апостеріори. Одинъ путь служитъ провѣркою другого: результаты, полученные синтезомъ, провѣряются анализомъ и обратно. Отсюда слѣдуетъ, что наилучшая конституція будетъ та, въ которой всякій вопросъ, касающійся общихъ интересовъ, послѣдовательно разсматривается апіори и апостеріори, или, что то же самое, съ точки зрѣнія общаго интереса и частныхъ. Какъ же это устроить? Для этого нужно, чтобы существовали двѣ раздѣльныя власти, изъ которыхъ одна всегда разсматривала вопросы съ точки зрѣнія общихъ интересовъ народа, а другая съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ входящихъ въ составъ его лицъ. Первую можно назвать *властью общихъ интересовъ*, вторую *властью частныхъ или мѣстныхъ интересовъ*. Всякое рѣшеніе

тогда только получает силу, когда оно одобрено обѣими. Равновѣсіе этихъ двухъ властей составляетъ такимъ образомъ основаніе всякой правильной конституціи. Но для того, чтобы это равновѣсіе могло поддерживаться, необходима третья власть, *направляющая* или *умѣряющая*. Она, въ свою очередь, должна имѣть право разсматривать каждый вопросъ, исправлять недостатки, отвергать то, что она считаетъ вреднымъ, и предлагать новыя рѣшенія. Доброта основанной на этихъ началахъ конституціи также достовѣрна, также абсолютна и также всеобща, какъ правильный силлогизмъ (стр. 276—9).

И это построеніе не есть только плодъ фантазіи. Столѣтній опытъ подтверждаетъ эти взгляды. Этимъ способомъ одинъ изъ европейскихъ народовъ сдѣлался самымъ свободнымъ и самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ. Такова именно англійская конституція. Англія управляется парламентомъ, состоящимъ изъ трехъ властей: короля, палаты общинъ и палаты лордовъ. Король представляетъ власть общихъ интересовъ, которые, въ видахъ хорошаго управленія, должны быть сосредоточены въ однихъ рукахъ. Стоя выше всякихъ частныхъ связей, будучи заинтересованъ въ величїи и славѣ народа, которая есть его собственная, онъ можетъ имѣть въ виду только общую пользу. Въ законодательствѣ ему принадлежитъ только право инициативы и отверженія, ибо законъ долженъ быть обсужденъ всесторонне; исполненіе же принадлежитъ ему всецѣло, ибо тутъ требуется единство. Съ своей стороны палата общинъ, составленная изъ представителей различныхъ мѣстностей и корпорацій, обсуждаетъ вопросы съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ. И ей принадлежитъ право инициативы и отверженія, такъ что ни одинъ законъ не можетъ получить силы безъ содѣйствія обѣихъ властей. Наконецъ, палата лордовъ, какъ корпорація людей, имѣющихъ значительную силу въ общественномъ мнѣніи, своимъ рожденіемъ, заслугами и богатствомъ, играетъ роль умѣрителя. Она воздерживаетъ естественное стремленіе лицъ и корпорацій къ безгра-

ничной власти и тѣмъ охраняеть требуемое равновѣсіе (гл. V).

Этимъ не ограничиваются гарантіи хорошаго управленія. Королевская власть наслѣдственна, чѣмъ обезпечивается преемственный переходъ безъ потрясеній, но не обезпечивается способность лица. Для устранения этого недостатка, королевская власть раздѣлена на двѣ части, различныя по своей природѣ: одной присвоены величіе и почести, составляющія принадлежность верховной власти, другой ввѣряется управленіе дѣлами. Первая принадлежитъ царствующей династіи, вторая находится въ рукахъ перваго министра, поддержаннаго большинствомъ выборной палаты. Этимъ способомъ сочетаются выгоды наслѣдственности и выбора, безъ присущихъ имъ недостатковъ. Такова англійская конституція, которая, дѣйствуя болѣе столѣтія, сдѣлала Англию самымъ свободнымъ, самымъ богатымъ, самымъ опытнымъ въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ и самымъ могущественнымъ изъ европейскихъ народовъ (гл. VI, VII).

Эту конституцію авторъ брошюры хочетъ приложить ко всѣмъ европейскимъ государствамъ. Европа имѣла бы наилучшую возможную организацію, если бы всѣ входящія въ составъ ея народы управлялись парламентами, на подобіе англійскаго, и всѣ подчинялись бы общему парламенту, облеченному властью судить ихъ распри (кн. II, гл. I). Для этого нужны въ самомъ обществѣ двоякаго рода стремленія. Мѣстные парламенты могутъ опираться только на патріотизмъ; выводящій челоуѣка изъ ограниченной сферы частныхъ интересовъ и направляющій волю его ко благу отечества. Точно также и общій парламентъ можетъ дѣйствовать, только когда есть воля общая всѣмъ его членамъ, а таковая можетъ проистекать единственно изъ того, что можно назвать европейскимъ патріотизмомъ, то-есть, изъ взглядовъ и чувствъ, выходящихъ изъ узкихъ рамокъ національныхъ интересовъ. Поэтому въ палату депутатовъ могутъ быть допущены только лица, способныя пріобрѣсти надлежащую ширину взглядовъ. Таковы тор-

говцы, ученые, судьи, администраторы. Отъ каждого миллиона лицъ, умѣющихъ читать и писать въ Европѣ, должно быть по одному депутату, cadaго изъ этихъ частныхъ разрядовъ, при чемъ всякій членъ палаты долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, 25000 франковъ дохода съ поземельной собственности. Прочную опору всякаго правительства составляетъ собственность, но только когда она соединяется съ просвѣщеніемъ. Необходимо поэтому, чтобы государство приобщало къ собственности тѣхъ изъ несобственниковъ, которые отличаются талантами. Иначе талантъ, который есть высшая сила, скоро поработитъ собственность. Въ этихъ видахъ, при каждомъ выборѣ, двадцать изъ самыхъ талантливыхъ не-собственниковъ, принадлежащихъ къ означеннымъ выше четыремъ категоріямъ, должны быть приобщены къ палатѣ депутатовъ и надѣлены поземельною рентой въ 25000 франковъ. Точно также и въ палатѣ перовъ должны быть двадцать членовъ изъ людей или потомковъ людей, наиболѣе отличавшихся талантами и заслугами, съ надѣленіемъ ихъ соотвѣтствующею ихъ должности собственностью—члены палаты перовъ должны имѣть 500000 франковъ поземельнаго дохода. Они назначаются корлемъ безъ ограниченія числа. Званіе ихъ наследственно (гл. II и III).

Что касается до выбора короля, котораго должность предполагалась наследственною, то, сознавая, что этотъ вопросъ, по своей выдающейся важности, требуетъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія, авторы отложили обсужденіе его до другого мемуара, который долженъ былъ явиться позднѣе. По ихъ плану, король первый долженъ былъ вступить въ должность и созвать великій парламентъ (гл. IV). Однако, это новое сочиненіе не было написано, изъ чего ясно, что они своему плану не придавали практическаго значенія.

И точно, они прямо высказывали, что установленіе общеевропейскаго парламента возможно только когда всѣ европейскіе народы водворятъ у себя парламентское правленіе, а это время еще очень отдаленно. Пока же можно огра-

ничиться учрежденіемъ общаго парламента для тѣхъ народовъ, которые уже ввели у себя этотъ образъ правленія. Таковы Англія и Франція. Соединенныя эти государства превосходятъ силою всѣ остальные, которыя мало-по-малу къ нимъ примкнуть, безъ потрясеній и безъ революцій. Интересы же обоихъ народовъ побуждаютъ ихъ соединиться. Только этимъ способомъ Англія можетъ предупредить неминуемое банкротство и обезпечить спокойный переходъ правленія отъ торіевъ къ вигамъ. Франція же найдетъ въ общемъ парламентѣ опору противъ грозящей ей новой революціи, которая будетъ послѣдствіемъ неудовольствія, распространеннаго во всѣхъ концахъ. Но такъ какъ Англія при этомъ должна все-таки пожертвовать своимъ первенствующимъ положеніемъ, а съ другой стороны она имѣетъ несравненно болѣе опытности въ парламентской политикѣ, то двѣ трети выборныхъ мѣстъ должны принадлежать англичанамъ, а одна треть французамъ. Революція готовится и въ Германіи, гдѣ происходитъ сильное броженіе либеральныхъ идей. Избѣгнуть ея она можетъ только примкнувши къ двумъ первымъ державамъ, въ которыхъ она найдетъ надлежащую опору. По своему центральному положенію, а еще болѣе по возвышенному и благородному характеру народа, Германія призвана играть первую роль въ Европѣ, какъ скоро она будетъ соединена подъ либеральнымъ правленіемъ. Поэтому первую задачу англо-французскаго парламента должно быть ускореніе реорганизации Германіи на парламентскихъ началахъ (кн. III). „Воображеніе поэтовъ, — заключаютъ авторы, — положило золотой вѣкъ въ колыбели человѣческаго рода, среди не-вѣжества и грубости первыхъ временъ; туда скорѣе слѣдовало бы отнести желѣзный вѣкъ. Золотой вѣкъ человечества не позади, а впереди насъ, онъ состоитъ въ совершенствѣ общественнаго порядка. Наши отцы его не видѣли, наши дѣти когда-нибудь къ нему придутъ; наша же задача состоитъ въ томъ, чтобы пролагать имъ дорогу“ (заключеніе).

Такова странная смѣсь политическихъ взглядовъ и фантастическихъ мечтаній, которыя вышли изъ подъ пера учителя и ученика. Очевидно, ихъ союзъ не могъ долго держаться; и точно, они скоро разошлись. Сень-Симонъ продолжалъ развивать свои утопіи, а Августинъ Тьерри пошелъ своею дорогой, на которой онъ стяжалъ неувядаемую славу. Однако, слѣды сотрудничества не исчезли совершенно. У учителя и ученика осталась одна общая мысль, а именно, историческій союзъ французской монархіи съ промышленнымъ сословіемъ. Со времени возвращенія Бурбоновъ эта мысль легла въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ работъ Сень-Симона. Прежнее безграничное поклоненіе Наполеону смѣнилось совершенно противоположными взглядами. Уже въ брошюрѣ о *Реорганизации европейскаго общества* говорилось: „кто не былъ возмущенъ тиранніею, отъ которой Франція была избавлена, и кто не почувствовалъ радости, видя сыновей Людовика XII-го и Генриха IV-го, приносящихъ намъ изъ долгой ссылки вмѣстѣ съ добродѣтелями своихъ предковъ учрежденія, приспособленныя къ нашему просвѣщенію?“ (стр. 308). Въ 1815 году, при возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, Сень-Симонъ обратился съ воззваніемъ къ своимъ согражданамъ, въ которомъ онъ писалъ: „на нашихъ границахъ появился челоѣкъ, который десять лѣтъ угнеталъ Францію всѣми излишествами военнаго деспотизма; этотъ челоѣкъ былъ низвергнутъ съ престола нашею единодушною волею, и онъ осмѣливается еще хотѣть царствовать надъ нами! И онъ смѣетъ мечтать, что мы присоединимся къ нему противъ самихъ себя! Неужели онъ думаетъ, что прошедшая тираннія даетъ право на новую тираннію? Думаетъ ли онъ, что предоставленный себѣ народъ во второй разъ будетъ рисковать своею свободою? Думаетъ ли онъ, что мы забудемъ то, чѣмъ онъ былъ, то, что мы есмь, и то, чѣмъ мы хотимъ быть?“... „Первое желаніе француза то, чтобы Франція была свободна, второе, чтобы она умѣла долго быть таковою, третье, чтобы она была свободна подъ управленіемъ Бур-

боновъ. Это не дѣло династій, которое мы защищаемъ, это вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло народа, это—дѣло нашихъ правъ и нашей свободы“ (II, стр. 332, 333). Когда же Наполеонъ вступилъ въ Парижъ и созвалъ такъ называемое *Майское поле*, Сень-Симонъ, опять въ сотрудничествѣ съ Тьерри, обратился къ французскому народу съ *Мнѣніемъ на счетъ мѣръ, которыя могутъ быть приняты противъ коалиціи* (Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815. II, стр. 335 слѣд.). Единственный исходъ они видѣли въ тѣсномъ союзѣ съ Англіей, но не правительствъ, а народовъ. Они увѣщевали имѣющихъ собратъ представителей народа объявить себя учредительнымъ собраніемъ и при этомъ постановить, что они не признаютъ законнымъ никакого присоединенія къ Франціи, иначе какъ съ согласія обѣихъ сторонъ, удостовѣреннаго именными подписями. Какъ извѣстно, битва при Ватерлоо положила всему этому конецъ.

Скоро Сень-Симонъ совершенно отказался отъ англійской конституціи. Въ 1818 году, во *Взглядахъ на собственность и законодательство* (Vues sur la propriété et la législation), изданныхъ съ эпиграфомъ: „все для промышленности, все черезъ нее“¹⁾, онъ писалъ что англійская конституція могла быть предметомъ зависти и удивленія, пока французы, блуждая въ лабиринтѣ революціи или закованные въ цѣпяхъ деспотизма, неспособны были ничего видѣть и ничего произвести умѣреннаго или смѣлаго; но теперь, когда революція успокоилась и деспотизмъ исчезъ, легкомысленное преклоненіе передъ англійской конституціей, возникшей болѣе ста лѣтъ тому назадъ, было бы только новою преградой движенію впередъ. Теперь подражать Англій значило бы отодвинуться на цѣлое столѣтіе назадъ. Съ тѣхъ поръ наша собственная цивилизація значительно подвинулась; явились новыя понятія и новыя потребности. Мы можемъ благословлять хартію, которая дала намъ внутренній

¹⁾ Oeuvres de St. Simon, publiées par Olinde Rodrigues, стр. 241 и слѣд.

міръ; но мы не должны думать, что революція этимъ окончена и что всѣ вопросы этимъ разрѣшаются. Вообще, мы придаемъ слишкомъ большое значеніе формамъ правленія, между тѣмъ какъ подъ однимъ и тѣмъ же образомъ правленія положеніе управляемыхъ можетъ быть весьма различно. Достаточно въ этомъ отношеніи сравнить Турцію съ Даніей: оба эти государства находятся подъ неограниченною властью, а между тѣмъ въ Даніи народъ благоденствуетъ, въ Турціи же онъ страдаетъ подъ самымъ невыносимымъ гнетомъ. Причины этого различія нетрудно доискаться, если мы обратимъ вниманіе на то, что датскій король одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ, а султанъ самый богатый изъ всѣхъ, ибо онъ одинъ собственникъ всего имущества подданныхъ. Это доказываетъ, что образъ правленія имѣетъ гораздо меньшее вліяніе на счастье подданныхъ, нежели законъ, опредѣляющій права собственности. Это не значитъ, что первый не имѣетъ никакого значенія: безъ сомнѣнія, парламентское правленіе есть лучшее изъ всѣхъ. Но это не болѣе какъ форма; собственность же есть основа. Слѣдовательно, ея конституція служитъ основаніемъ всего общественнаго зданія. Поэтому важнѣйшій вопросъ, который требуется разрѣшить, состоитъ въ томъ: какъ должна быть установлена собственность для наибольшаго блага цѣлаго общества, въ отношеніи свободы и богатства? (стр. 253—8). Право собственности безспорно составляетъ единственную основу, на которой можно основать политическое общество; но форма этого права можетъ измѣняться и совершенствоваться сообразно съ развитіемъ челоуѣчества. Опредѣленіе этой формы вполне зависитъ отъ законодателя, ибо личное право собственности можетъ быть основано только на общественной пользѣ, а эта польза можетъ измѣняться съ теченіемъ времени (стр. 265—6).

Пока потребители, говоритъ Сень-Симонъ, будутъ составлять большинство собраній, они всегда будутъ издавать законы наиболѣе для нихъ выгодные, то-есть, несмотря на парламентскія формы, правленіе будетъ произвольное.

Напротивъ, когда промышленники, то-есть люди наиболѣе заинтересованные въ свободѣ и бережливости, будутъ одни имѣть право подавать голоса въ установленіи налоговъ, они будутъ давать только то, что хотятъ, слѣдовательно, будутъ пользоваться полнотою своихъ правъ; что же нужно сдѣлать для того, чтобы произвести этотъ переворотъ? (стр. 258—9).

Сень-Симонъ указываетъ на существенное различіе между промышленностью обрабатывающей и земледѣльческой. Въ первой, такъ же какъ и въ торговлѣ, работникъ, то-есть хозяинъ, ведущій предпріятіе, распоряжается имъ по своему усмотрѣнію, занимаетъ деньги и платитъ подати. Въ земледѣліи, напротивъ, работникъ, то-есть фермеръ, является подчиненнымъ лицомъ: онъ не можетъ распоряжаться землею и занимать подъ залогъ ея деньги; не онъ платитъ подати и пользуется сопряженными съ этимъ правами. Все это принадлежитъ праздному хозяину. Причину этой разницы Сень-Симонъ видитъ въ томъ, что право поземельной собственности, не смотря на всѣ послѣдующія измѣненія, идетъ отъ первоначальнаго завоеванія Галліи франками; право же промышленной собственности получило свое начало отъ свободнаго договора при освобожденіи общинъ. Средство уничтожить это несправедливое и вредное различіе состоитъ въ томъ, чтобы дать фермеромъ такія же права, какими пользуются фабриканты и торговцы; они должны получить право занимать деньги подъ залогъ имѣній, и если собственникъ на это не согласится, то третейскій судъ долженъ рѣшить, полезенъ ли заемъ или нѣтъ? Съ тѣмъ вмѣстѣ, законъ долженъ облегчить всякіе переходы земель изъ рукъ въ руки; поземельная собственность должна сдѣлаться столь же подвижной, какъ и движимая. Наконецъ, на фермеровъ должна быть возложена и уплата податей, на томъ основаніи, что тотъ, кто своею работою дѣлаетъ собственность производительною, есть тотъ, который исполняетъ обязанности, наложенныя на собственника общественною пользою, слѣдовательно, онъ

долженъ пользоваться и правами, вытекающими изъ собственности и даруемыми тѣмъ, которые несутъ связанныя съ нею тягости. Этимъ способомъ вся общественная власть перейдетъ въ руки промышленниковъ, и праздные люди будутъ поставлены ниже работниковъ (стр. 262—277). Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, дастъ необыкновенный подъемъ земледѣлю, котораго произведенія составляютъ семь восьмыхъ всего промышленнаго производства Франціи (гл. IV). Съ другой стороны, съ упрощеніемъ законовъ о поземельной собственности значительно сократится число тяжбъ и уменьшится значеніе юристовъ, составляющее общественное бѣдствіе для Франціи. Вмѣсто гражданскихъ судовъ установятся для всѣхъ дѣлъ суды подобныя коммерческимъ, которые несравненно дешевле и имѣютъ болѣе характеръ третейскихъ (гл. V, VI).

Сень-Симонъ подкрѣпляетъ эти выводы взглядомъ на постепенный ростъ промышленнаго класса, который нынѣ фактически составляетъ первенствующую силу въ обществѣ. Если до сихъ поръ онъ не достигъ еще политическаго владычества и находится еще въ зависимости отъ феодальной аристократіи, то причина этого явленія заключается въ томъ, что онъ не пришелъ къ сознанію своихъ началъ. Но и этотъ недостатокъ былъ наконецъ устраненъ безсмертнымъ сочиненіемъ Адама Смида, котораго изслѣдованія были восполнены работами Сея. Теперь политическая экономія стоитъ на твердой почвѣ; остается только найти законное средство перевести политическую власть въ руки промышленнаго класса. Это и достигается предложенными мѣрами (гл. VII).

Безполезно распространяться о томъ, что никакого практическаго значенія эти мѣры не могли имѣть. Приравненіе поземельной собственности къ движимой показываетъ только полное непониманіе существа той и другой. Ни Адамъ Сидтъ, ни Сей не могли предлагать ничего подобнаго. Любопытно только, что въ эту пору Сень-Симонъ не шель далѣе экономическаго индивидуализма, на которомъ была

построена вся система великихъ основателей экономической науки. Впослѣдствіи собственное его ученіе и еще болѣе ученіе его школы явились полнымъ отрицаніемъ этихъ началъ.

На этомъ Сень-Симонъ не остановился. Онъ начерталь цѣлый планъ реорганизаціи общества, предвѣщая Бурбонамъ участь Стюартовъ, если они его не примутъ, ибо это единственный способъ избавить ихъ отъ неминуемой революціи. Въ 1819 году онъ началъ издавать рядъ писемъ подъ общимъ заглавіемъ *Организаторъ*, въ которыхъ излагались его взгляды на этотъ предметъ. Онъ предпослалъ имъ общій Обзоръ, гдѣ доказывалъ, что доселѣ политическая литература ограничивалась критикою прошлаго, а потому могла продлить только разрушеніе. Истинная же задача должна состоять въ замѣнѣ старой системы, воздвигнутой во времена варварства и невѣжества, совершенно новою, основанною на наблюденіи, но вытекающей, какъ цѣльное зданіе, изъ единого начала. Такую систему намѣревается представить Сень-Симонъ.

Онъ отправляется отъ положенія, что до сихъ поръ правительства смотрѣли на народы, какъ на свое достояніе, полученное ими отъ Бога. Даже когда что-нибудь дѣлалось для пользы народа, это разсматривалось, какъ даръ правителей. Въ новѣйшее время, однако, выдвинулось другое начало, а именно, что правители суть только администраторы общества, обязанные направлять его сообразно съ интересами и волею управляемыхъ, однимъ словомъ, что счастье управляемыхъ составляетъ единственную цѣль общественной организаціи. Это начало, провозглашенное управляемыми, было признано и правителями однако лишь совмѣстно съ первымъ, и съ сихъ поръ оно не могло принести надлежащихъ плодовъ, потому что оставалось совершенно неопредѣленнымъ. Признается, что правители обязаны работать для счастья общества; но въ чемъ состоятъ средства, ведущія къ счастью, объ этомъ нѣтъ никакого опредѣленнаго мнѣнія. Самимъ правителямъ предоставляет-

ся не только вести къ этой цѣли, но и опредѣлять эту цѣль; а они, по естественной склонности человѣческой природы, считаютъ счастьемъ то, что имъ самимъ пріятно или выгодно. Такимъ образомъ, управляемые совершенно отданы во власть правителей. Между тѣмъ, всякій здравомыслящій человѣкъ понимаетъ, что счастье людей заключается въ удовлетвореніи ихъ физическихъ и нравственныхъ потребностей, а единственные къ этому пути состоятъ въ развитіи наукъ, искусствъ и ремеслъ. Поэтому, единственная полезная людямъ дѣятельность принадлежитъ къ одной изъ этихъ трехъ отраслей; внѣ этого существуютъ только паразиты и господа. Отсюда слѣдуетъ, что въ новой общественной организаціи единственная цѣль должна состоять въ развитіи научныхъ и техническихъ знаній и въ приложеніи ихъ къ удовлетворенію потребностей человѣка. Въ такомъ обществѣ опредѣленіе цѣли принадлежитъ уже самимъ управляемымъ, а не правителямъ, которыхъ задача ограничивается шествіемъ по указанному пути. Всѣ вопросы, касающіеся какихъ-либо полезныхъ предпріятій, будутъ обсуждаться съ научной точки зрѣнія свѣдущими людьми; правительству же остается только исполнять. Къ такимъ подчиненнымъ обязанностямъ принадлежитъ и охраненіе внѣшняго порядка, которое нынѣ играетъ первенствующую роль. Вообще, правленіе, въ смыслѣ повелѣнія, будетъ доведено до наименьшихъ размѣровъ, и люди будутъ наслаждаться наибольшею возможною въ общественной жизни свободою. вмѣстѣ съ тѣмъ, управленіе будетъ меньше всего стоить, когда оно будетъ ввѣрено ученымъ, художникамъ и ремесленникамъ, ибо эти разряды людей менѣе всего ищутъ богатства и менѣе всего склонны повелѣвать, предоставляя, вообще, руководство работами подчиненнымъ лицамъ (II, стр. 365—384).

Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ Сень-Симонъ публиковалъ знаменитую свою притчу, за которую онъ подвергся судебному преслѣдованію. Предположимъ, писалъ онъ, что Франція внезапно лишилась бы своихъ пятидесяти пер-

выхъ физиковъ, пятидесяти первыхъ химиковъ, пятидесяти первыхъ физиологовъ, математиковъ, поэтовъ, живописцевъ, ваятелей, музыкантовъ и литераторовъ; пятидесяти первыхъ механиковъ, инженеровъ, артиллеристовъ, архитекторовъ, медиковъ, хирурговъ, банкировъ, двухсотъ первыхъ торговцевъ, шести сотъ первыхъ сельскихъ хозяевъ, по пятидесяти первыхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ cadaго рязряда; въ итогѣ трехъ тысячъ первыхъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ Франціи. Такъ какъ эти люди суть первые производители, направляющіе самыя полезныя работы, тѣ, которые наиболѣе содѣйствуютъ славѣ и благоденствію страны, то безъ нихъ народъ остался бы, какъ тѣло безъ души; онъ немедленно понизился бы на низшую ступень въ сравненіи съ своими соперниками. Нужно было бы, по крайней мѣрѣ, цѣлое поколѣніе, чтобы поправить это бѣдствіе, ибо природа не щедра на выдающіяся способности. Но сдѣлаемъ другое предположеніе: представимъ себѣ, что Франція имѣла бы несчастіе внезапно лишиться всѣхъ принцевъ крови, всѣхъ первыхъ чиновъ Двора, всѣхъ министровъ, государственныхъ совѣтниковъ, маршаловъ, кардиналовъ, епископовъ, викаріевъ, префектовъ и подпрефектовъ, чиновниковъ министерствъ, судей и сверхъ того десяти тысячъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ. Безъ сомнѣнія, французы были бы очень огорчены, ибо они имѣютъ доброе сердце, но политическаго вреда отъ этого не произошло бы никакого, ибо всѣ эти мѣста легко могутъ быть заняты другими. Есть множество французовъ, которые съ такимъ же достоинствомъ могли бы играть роль принцевъ крови; переднія дворца наполнены придворными, готовыми занять мѣста первыхъ чиновъ; въ арміи есть множество военныхъ, столь же способныхъ, какъ и нынѣшніе маршалы, множество подчиненныхъ, которые стоятъ нынѣшнихъ министровъ, множество адвокатовъ, которые столь же хорошіе юристы, какъ и судьи, множество священниковъ столь же способныхъ, какъ кардиналы и викаріи; что касается до десяти тысячъ крупныхъ собственниковъ, то наслѣдники

ихъ не будутъ нуждаться ни въ какомъ приготовленіи, чтобы принимать въ своихъ салонахъ такъ же хорошо, какъ они. Благоденствіе Франціи зависитъ отъ успѣховъ наукъ, искусствъ и ремесль; между тѣмъ, всѣ означенныя во второмъ разрядѣ лица не только не содѣйствуютъ этимъ успѣхамъ, а, напротивъ, наносятъ имъ вредъ, ибо они всячески стараются дать гипотетическимъ теоріямъ преобладаніе надъ положительными знаніями; они лишаютъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ того первенствующаго положенія, которое по справедливости имъ принадлежитъ; они не только употребляютъ свои средства безполезнымъ образомъ, но ежегодно взимаютъ съ народа 300 или 400 милліоновъ податей въ видѣ жалованій, пенсій и проч. Эти предположенія ясно показываютъ всѣ несовершенства нынѣшней общественной организаціи, въ которой управляются еще насиліемъ и обманомъ, и человѣческій родъ погруженъ еще въ безнравственность, ибо ученые, художники и ремесленники, которыхъ труды суть единственные положительно полезные обществу, идутъ за правителями, которые вообще суть только болѣе или менѣе неспособные рутинисты; ибо распредѣлители почестей и наградъ вообще обязаны своимъ положеніемъ только рожденію, лести, интригамъ и другимъ мало уважительнымъ дѣйствіямъ; ибо тѣ, которымъ звѣрено управленіе общественными дѣлами, дѣлятъ между собою половину податей, а изъ остального не употребляютъ и трети на полезныя народу предпріятія. Нынѣшнее общество есть поистинѣ извращенный міръ, ибо бѣдныя ежедневно лишаются части необходимыхъ вещей для того, чтобы умножить избытокъ богатыхъ; ибо величайшіе сановники, крупные воры, которые притѣсняють совокупность гражданъ ежегодно и берутъ съ нихъ 300 или 400 милліоновъ, уполномочены наказывать маленькіе проступки противъ общества; ибо невѣжество, предрасудки, лѣнь и склонность къ дорогимъ удовольствіямъ составляютъ принадлежность высшихъ слоевъ общества, тогда какъ способные, бережливые и трудолюбивые люди употребляются

какъ подчиненные или орудіе; ибо, однимъ словомъ, во всѣхъ родахъ занятій неспособные начальствуютъ надъ способными; безнравственные люди должны направлять гражданъ къ добродѣтели и главнымъ виновникамъ поручается наказаніе мелкихъ проступковъ (II, стр. 395—401).

Эта притча была сочтена оскорбленіемъ особъ королевской фамилии, и Сень-Симонъ былъ преданъ суду. Тогда онъ обратился къ присяжнымъ съ письмами, въ которыхъ объяснялъ, что онъ имѣлъ въ виду вовсе не лица, а учрежденія. Онъ хотѣлъ нагляднымъ примѣромъ доказать, что старый порядокъ отжилъ свой вѣкъ, а новый еще не организовался. Къ Бурбонамъ онъ вовсе не питаетъ враждебнаго чувства, а напротивъ, вполне признаетъ историческое ихъ призваніе и готовъ всякому доказать, что въ теченіе восьми вѣковъ, отличительною чертою политическаго ихъ характера была доброта, то-есть, покровительство общинамъ противъ аристократіи. Съ Гуго Капета до Людовика XIV-го, всѣ Бурбоны опирались на вѣрныя общины; съ ихъ помощью они побороли и папскую власть и феодализмъ. Но при Людовикѣ XIV-мъ, когда королевская власть достигла высшей степени своего могущества, она измѣнила своей прежней политикѣ и соединилась съ своими старыми врагами противъ союзниковъ; она стала поддерживать дворянство и духовенство, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они признали короля источникомъ своихъ правъ и дозволили ему полновластно распоряжаться общинами. Та же система продолжалась и при преемникахъ Людовика XIV-го, и это именно вызвало революцію. И теперь тоже направленіе представляетъ главную опасность для Бурбоновъ. Кто имъ преданъ, тотъ обязанъ имъ ее указать. Къ прежней ошибкѣ присоединилась другая: король принялъ подъ свое покровительство не только старую аристократію, но и новую, созданную Бонапартомъ, между тѣмъ какъ послѣдняя стремится только къ тому, чтобы свергнуть ихъ съ престола и поставить короля изъ своей среды. Если эта политика не измѣнится, то Бурбоны падутъ, и на мѣсто ихъ водворится

владычество новой аристократіи, опирающейся на общины. Но послѣднія, въ свою очередь, извѣдаютъ, что такое военный либерализмъ и возмущаются противъ новой аристократіи; вслѣдъ за первую, произойдетъ вторая революція. Избѣгнуть всѣхъ этихъ переворотовъ можно только однимъ способомъ: надобно, чтобы король соединился съ общинами противъ обѣихъ аристократій. Для этого необходимо немедленно принять слѣдующія мѣры: 1) обратиться къ ученымъ и художникамъ, входящимъ въ составъ института, съ порученіемъ представить его величеству соображенія о тѣхъ политическихъ мѣрахъ, которыя будутъ наиболѣе полезны и пріятны трудящемуся населенію Франціи; 2) обратиться къ французскому банку и къ промышленнымъ и торговымъ палатамъ съ требованіемъ представить его величеству мнѣніе о способахъ уменьшить тяжесть податей безъ ущерба для государственнаго хозяйства, и управлять ими наиболѣе экономнымъ образомъ. Если эти мѣры будутъ приняты, говоритъ Сень-Симонъ, я ручаюсь за то, что королевская власть будетъ упрочена въ рукахъ Бурбоновъ на все время ея существованія. Иначе они не продержатся и года (II, стр. 395 и слѣд.).

Присяжные оправдали автора, и это преслѣдованіе привлекло къ нему еще большее вниманіе публики. Онъ съ еще большею ревностью принялся за разработку своихъ плановъ. Въ 1822 г. онъ обратился къ королю съ письмомъ, возвѣщая ему, что въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ сдѣлано великое открытіе, столь же важное, какъ всемірное тяготѣніе въ области наукъ естественныхъ, открытіе, которое дастъ Его Величеству возможность водворить свокоиствіе въ его державѣ, организовавъ народъ на началахъ приспособленныхъ къ состоянію его образованія (II, стр. 438). Это открытіе состояло въ противоположеніи старой системѣ новой. Первая имѣла въ виду главнымъ образомъ усиленіе власти и упроченіе владычества высшихъ классовъ надъ низшими, что и было неизбѣжно, пока послѣднія были погружены въ полное невѣ-

жество. Но нынѣ, съ развитіемъ и распространеніемъ положительныхъ знаній, когда низшіе классы доказали свою способность управлять своими дѣлами, требуется иная политика, направленная къ пользѣ всѣхъ; охраненіе внѣшняго порядка получаетъ здѣсь только второстепенное значеніе. Этого не имѣло въ виду ни одно изъ существовавшихъ до-селѣ правительствъ Франціи. Революція все низвергла и ничего не создала; она осталась при старой системѣ, и дѣйствіе правителей на управляемыхъ никогда не достигало такихъ размѣровъ, какъ именно въ эту эпоху. Истинный путь состоитъ въ содѣйствіи всѣмъ полезнымъ предпріятіямъ. Управление общественными дѣлами должно быть ввѣрено людямъ наиболѣе отличившимся въ наукахъ, въ художествахъ и въ промышленности. Такимъ образомъ, всякая произвольная власть исчезнетъ; всѣ привилегіи будутъ уничтожены и водворится полнѣйшее равенство, съ преобладаніемъ одной только способности. Съ тѣмъ вмѣстѣ Франція получитъ высшее изъ политическихъ благъ, состоящее въ томъ, чтобы быть управляемой какъ можно меньше и какъ можно дешевле. Этимъ прекратится и бесплодная борьба существующихъ партій. Мѣсто ихъ займутъ новая партія производителей, т.-е., съ одной стороны, ученыхъ и художниковъ, съ другой—земледѣльцевъ, фабрикантовъ и торговцевъ. Эти классы составляютъ истинное тѣло народа, и только ихъ совокупная дѣятельность можетъ предохранить короля и націю отъ грозящихъ имъ несчастій (II, стр. 436 и слѣд.).

Сень-Симонъ представилъ королю и проектъ указовъ, которые онъ долженъ издать для облегченія перехода отъ стараго порядка къ новому. Первымъ указомъ предписывается соединеннымъ классамъ института составить національный катехизисъ съ изложеніемъ элементарныхъ правилъ общественного устройства, а также и главныхъ законовъ матеріальнаго міра. Этотъ катехизисъ долженъ быть составленъ такъ, чтобы онъ могъ преподаваться по способу взаимнаго обученія. Съ этою цѣлью должно быть устроено

достаточное количество элементарныхъ школь, для чего ассигнуется примѣрно двадцать миллионѣвъ франковъ ежегодно. Вторымъ указомъ, въ виду того, что самую крѣпкою связью общества служить общность признаваемыхъ началъ и знаній, что можетъ установиться только общностью преподаванія, институту ввѣряется общій надзоръ за народнымъ образованіемъ. Въ школахъ воспрещается преподавать что-либо противное національному катехизису. Этотъ надзоръ распространяется и на проповѣди служителей различныхъ вѣроисповѣданій. Всякій французъ можетъ пользоваться гражданскими правами, только выдержавъ экзаменъ въ катехизисѣ. Третьимъ указомъ, въ виду того, что изъ всѣхъ гражданъ главы промышленныхъ предпріятій наиболѣе заинтересованы въ охраненіи, а также и въ уменьшеніи податей и ихъ полезномъ употребленіи, такъ какъ притомъ веденіемъ своихъ дѣлъ они дали доказательства своей высшей административной способности, предписывается составленіе промышленнаго совѣта изъ торговой палаты, изъ общаго совѣта мануфактуръ, изъ директоровъ банка и изъ двѣнадцати важнѣйшихъ сельскихъ хозяевъ, входящихъ въ составъ земледѣльческаго совѣта; имъ поручается составленіе проекта государственнаго бюджета на слѣдующій годъ. Этотъ проектъ долженъ имѣть въ виду интересы большинства націи и клониться къ улучшенію его состоянія развитіемъ промышленности. Первые двѣ его статьи будутъ касаться народнаго образованія и обезпеченія работы тѣмъ, которые не имѣютъ другихъ средствъ существованія. Четвертымъ указомъ уничтожаются всѣ титулы и привилегіи дворянства. Пятымъ распускаются военные, домъ короля; служба его замѣняется національною гвардіей съ выборными начальниками. Наконецъ, шестымъ указомъ распускается палата депутатовъ и предписывается произвести новые выборы на основаніи отмѣненнаго закона 5-го февраля 1817 года. При этомъ король долженъ издать прокламацію къ народу, въ которой будетъ сказано, что „величайшая услуга, которую можетъ оказать народу ко-

ролевская власть въ настоящихъ обстоятельствахъ, состоитъ въ томъ, чтобы облечь себя диктатурой, съ цѣлью уничтожить синодальный и богословскій порядокъ и установить научный и промышленный строй. Временное сосредоточеніе всѣхъ политическихъ властей въ однихъ рукахъ есть мѣра, съ помощью которой всего скорѣе и легче можетъ совершиться этотъ переходъ. Радикальная перемѣна общественной системы можетъ произойти либо путемъ возмущеній, либо черезъ диктатуру; но несомнѣнно, что диктатура есть меньшее зло, нежели возмущеніе. Дѣйствіе неограниченной власти, при настоящихъ условіяхъ, принесетъ значительныя выгоды и не представляетъ большой опасности. Такъ какъ цѣль, къ которой диктаторъ долженъ направлять общество, ясно опредѣлена, то общественное мнѣніе не дозволяетъ ему уклоняться отъ намѣченного пути“ (III, стр. 43—58).

Спрашивается: зачѣмъ нужна диктатура, если общественное мнѣніе такъ сильно, что не дозволяется уклоненіе въ сторону? Но всѣ эти предложенія, очевидно, не болѣе какъ политическія фантазіи, лишены всякаго практическаго значенія.

Сень-Симонъ не ограничивался планами для будущаго общественнаго устройства. Сознвая, что такое общество, о какомъ онъ мечталъ, немислимо безъ полнаго единенія мыслей и чувствъ, онъ въ это время болѣе и болѣе убѣждался въ необходимости новой религіи, основанной уже не на законѣ всемірнаго тяготѣнія, а на нравственныхъ началахъ. Онъ хотѣлъ создать новое христіанство, приспособленное къ современному просвѣщенію.

Впервые эта мысль высказывается въ *Воззваніи къ филантропамъ* (*Adresse aux philanthropes*), напечатанномъ въ 1821 году. Одушевляющая васъ страсть, говорилъ онъ имъ, ставитъ васъ въ первые ряды христіанъ; она даетъ вамъ право и налагаетъ на васъ обязанность бороться съ дурными страстями, какъ монарховъ такъ и народовъ. Ваши предшественники, первые христіане, основа-

ли общую нравственность, провозглашая божественный принципъ, что *всѣ люди друзья и должны любить и помогать другъ другу*. Но основанное на этомъ началѣ ученіе оставалось у нихъ отвлеченнымъ; вамъ принадлежитъ честь организовать согласно съ нимъ и свѣтскую власть, доказавъ князьямъ ихъ интересъ, такъ же какъ и долгъ, дать своимъ подданнымъ учрежденія, способствующія улучшенію быта многочисленнѣйшаго класса общества. Такъ поступали первые христіане. Въ силу ихъ убѣжденій христіанская религія сдѣлалась господствующею въ римской имперіи, и новый порядокъ заступилъ мѣсто разрушающагося древняго общества. Они совершили великій подвигъ, который долженъ служить примѣромъ. Нынѣ положеніе совершенно такое же, какъ и въ тѣ времена. Старыя учрежденія извратились, уклонившись отъ первоначальнаго своего назначенія. И духовенство, и аристократія, и королевская власть, и судьи, вмѣсто того, чтобы заботиться о судьбѣ обездоленной массы, думаютъ только о сохраненіи своего привилегированнаго положенія и вытягиваютъ изъ народа всѣ его соки. Тѣ ученія, которыми они руководятся, потеряли свое прежнее значеніе. Въ массахъ распространился эгоизмъ, составляющій послѣдствія духа завоеваній. Руководящіе государственными дѣлами политическіе метафизики въ лицѣ юристовъ, держатся законовъ изобрѣтенныхъ во времена варварства и невѣжества. Нынѣ предстоитъ возрожденіе христіанства, возвращеніе къ чистой его морали, съ устраненіемъ всѣхъ вызванныхъ невѣжествомъ суевѣрій. Это и составляетъ вашу задачу въ будущемъ. Воздвигнется новая духовная власть, составленная первоначально изъ всѣхъ ученыхъ корпорацій; ей будетъ ввѣрено преподаваніе, основанное на чистой морали Евангелія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, совмѣщающее въ себѣ всѣ пріобрѣтенныя челоуѣчествомъ положительныя знанія. Рядомъ съ нею управленіе свѣтскими дѣлами перейдетъ въ руки предпринимателей мирныхъ работъ, которые будутъ заботиться объ охраненіи всеобщаго мира и о возможномъ уменьшеніи тяже-

стей. Такой порядокъ непременно водворится, ибо, составляя послѣдствія провозглашеннаго Евангеліемъ братства людей, онъ отвѣчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересамъ многочисленнаго класса, а потому воля Божія, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы христіанскій міръ устроился на этихъ началахъ. Съ чисто человѣческой точки зрѣнія, этотъ порядокъ составляетъ естественное послѣдствіе уничтоженія рабства и преобладанія положительныхъ наукъ надъ богословіемъ и метафизикой. Къ этому ведетъ весь ходъ цивилизаціи, ибо умственныя и матеріальныя силы находятся уже нынѣ въ рукахъ ученыхъ и промышленниковъ; аристократы же и богословы являются только остатками стараго быта, которые будутъ уничтожены дальнѣйшимъ движеніемъ. Этотъ переворотъ совершится не внѣшнимъ насиліемъ, а нравственною силой убѣжденія, руководителями которой будутъ филантропы. Они, такъ же, какъ и при основаніи христіанства, явятся непосредственными орудіями Всевышняго. Они убѣдятъ королей употребить данную имъ власть для произведенія нужныхъ политическихъ перемѣнъ и будутъ побуждать народы выразить князьямъ единодушное желаніе, чтобы общественныя дѣла были ввѣрены лицамъ, наиболѣе способнымъ направлять ихъ въ видахъ общей пользы (III, стр. 7 и слѣд.).

Такова была точка зрѣнія, на которой Сень-Симонъ окончательно остановился. Тутъ очевидно была двойственность направленія. Соудѣйствіе промышленности восполнялось развитіемъ нравственныхъ началъ. Разработкѣ этихъ двухъ сторонъ предполагаемаго новаго общественнаго быта посвящены два послѣднія сочиненія Сень-Симона: *Катехизисъ промышленниковъ* и *Новое христіанство*. Въ нихъ его ученіе достигаетъ наибольшей полноты.

Катехизисъ промышленниковъ (Catéchisme des industriels), издавался отдѣльными тетрадями въ 1823 и 1824 гг. Изъ нихъ Сень-Симону принадлежатъ первая, вторая и четвертая; третья же, касающаяся воспитанія, написана Огюстомъ Контомъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существенно укло-

няется отъ взглядовъ учителя. Изложеніе имѣеть форму разговора. Оно начинается съ опредѣленія: Что такое промышленникъ? „Промышленникъ есть человекъ, который работаетъ надъ производствомъ или доставленіемъ различнымъ членамъ общества одного или нѣсколькихъ матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія ихъ физическихъ потребностей или вкусовъ“. Промышленники составляютъ три большихъ класса: землевладѣльцы, фабриканты и торговцы. Какую степень должны они занимать въ обществѣ? „Промышленный классъ долженъ занимать первую степень, ибо онъ самый важный изъ всѣхъ; потому что онъ можетъ обходиться безъ всѣхъ другихъ, а другіе не могутъ безъ него обходиться; потому что онъ существуетъ собственною силою, своимъ личнымъ трудомъ. Остальные классы должны для него трудиться, потому что они его креатуры, и онъ поддерживаетъ ихъ существованіе; однимъ словомъ, такъ какъ все дѣлается черезъ промышленность, то все должно дѣлаться черезъ нее“. Какую степень занимаютъ промышленники въ обществѣ? „При настоящей организациі общества, промышленный классъ стоитъ послѣднимъ изъ всѣхъ. Общественный порядокъ предоставляетъ болѣе почета и власти второстепеннымъ трудамъ и даже праздности, нежели трудамъ самымъ важнымъ, приносящимъ ближайшую пользу“ (III, стр. 67—8).

Въ этихъ положеніяхъ, которыя напоминаютъ знаменитую брошюру Сіеса, о третьемъ сословіи, обнаруживается вся односторонность взглядовъ Сень-Симона на общественное устройство. Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей является главною задачей общества; вся духовная жизнь становится въ ней въ служебное отношеніе. Сень-Симонъ хочетъ показать промышленникамъ, какимъ образомъ они могутъ достигнуть первой степени почета и власти. Это не должно совершаться путемъ насилія и возмущенія. Напротивъ, единственное средство предупредить перевороты состоитъ въ предоставленіи важнѣйшимъ промышленникамъ управленія общественнымъ хозяйствомъ. Это явствуетъ изъ

того, что желаніе огромнаго большинства народа состоитъ въ томъ, чтобы общество управлялось какъ можно дешевле и какъ можно менѣе, людьми наиболѣе способными и съ полнѣйшимъ обезпеченіемъ общественнаго спокойствія. Единственное же средство удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ состоитъ въ предоставленіи управленія государственнымъ хозяйствомъ важнѣйшимъ промышленникамъ, ибо они наиболѣе заинтересованы въ общественномъ спокойствіи, въ экономіи и въ ограниченіи произвола; они же веденіемъ своихъ частныхъ дѣлъ показали себя наиболѣе способными къ администраціи. Въ настоящее время общественному спокойствію грозитъ постоянная опасность, потому что стремленія правительства находятся въ полномъ противорѣчій съ желаніями народа. вмѣсто экономіи, общественныя тяжести все растутъ. До революціи народъ раздѣлялся на три класса: на дворянъ, разночинцевъ (буржуа) и промышленниковъ; первые властвовали, а остальные имъ платили. Теперь разночинцы, которые произвели революцію, уничтожили различіе между собою и дворянами; но они вмѣстѣ живутъ на счетъ промышленниковъ, которые должны платить вдвое болѣе, нежели прежде. Положить конецъ такому порядку вещей можно не новою революціей, ибо революціи могутъ только разрушать; создать же можно только мирными средствами, а предоставленіе важнѣйшимъ промышленникамъ высшаго управленія государственнымъ хозяйствомъ есть актъ созиданія. Этимъ завершится революція и предупредятся всякія дальнѣйшія потрясенія (стр. 69—74).

Какимъ же однако образомъ могутъ промышленники произвести подобную перемѣну безъ переворота? Очень просто, отвѣчаетъ Сень-Симонъ. Промышленники составляютъ 24/25 народа, слѣдовательно, они обладаютъ физическимъ превосходствомъ. Они производятъ всѣ богатства, слѣдовательно, въ ихъ рукахъ денежныя силы. Они имѣютъ первенство и въ умственномъ отношеніи, ибо ихъ расчетъ всего болѣе содѣйствуетъ общественному благосостоянію.

Наконецъ, такъ какъ они наиболѣе способны управлять хозяйственными дѣлами, то и человѣческая, и божественная нравственность требуютъ, чтобы имъ было ввѣрено управленіе финансами. Такимъ образомъ, они имѣютъ въ рукахъ всѣ необходимыя, и при томъ неотразимыя средства перевести одинъ общественный порядокъ въ другой, изъ управляемыхъ сдѣлаться управляющими (стр. 74—5).

Но если такъ, то отчего же до сихъ поръ промышленники не соединились для пріобрѣтенія первенствующаго положенія, а позволяли другимъ классамъ владычествовать надъ собою? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Сень-Симонъ представляетъ очеркъ всей исторіи Франціи. Первая эпоха, отъ завоеванія Галліи франками до перваго крестоваго похода представляетъ приготовительную работу сліянія побѣдителей и побѣжденныхъ въ одну французскую націю. Во вторую эпоху, отъ перваго крестоваго похода до Людовика XI-го, аристократы, разорявшіеся на крестовые походы, продавали галламъ скоть и земли, и промышленность постоянно росла. Третья эпоха характеризуется союзомъ окрѣпшихъ промышленныхъ силъ съ королевскою властью. Людовикъ XI возымѣлъ сильную мысль сосредоточить всю власть въ рукахъ короля и уничтожить феодальную систему, основанную на превосходствѣ франковъ надъ галлами. Для этого ему нужна была опора въ классѣ достаточно сильномъ, чтобы обезпечить успѣхъ его предпріятія. Онъ соединился съ промышленниками, которые пріобрѣли черезъ это болѣе выгодное общественное положеніе. Они внесли въ общественную жизнь и новыя начала: доселѣ были только повелители и подчиненные; они же стали входить въ свободныя соглашенія, какъ съ высшими, такъ и съ низшими, не признавая надъ собою иной власти, кромѣ сочетанія интересовъ договаривающихся сторонъ. Доселѣ, однако, они образовали только отдѣльныя корпораціи; съ конца царствованія Людовика XIV-го наступаетъ для промышленнаго класса четвертая эпоха, въ которой разрозненныя силы связываются общею системою кредита, что

повело не только къ значительному умноженію богатства, но и къ тому, что промышленный классъ получилъ несравненно большую денежную силу, нежели всѣ остальные классы вмѣстѣ и даже нежели само правительство. Въ этомъ отношеніи остальные классы не только не двигались впередъ, а напротивъ шли назадъ; они теряли и способности, и значеніе и дѣйствительное могущество; а между тѣмъ королевская власть продолжала брать изъ нихъ правителей общественнаго достоянія. Такимъ образомъ, Франція очутилась въ совершенно ненормальномъ положеніи: народъ сдѣлался существенно промышленнымъ, а правительство осталось существенно феодальнымъ. Эта двойственность противоборствующихъ началъ, составляющая источникъ беспорядка, не устраняется существованіемъ класса средняго между дворянствомъ и промышленниками и могущаго, повидимому, служить между ними связью. Этотъ классъ составляется изъ юристовъ, изъ военныхъ, не принадлежащихъ къ дворянству, наконецъ, изъ землевладѣльцевъ, вышедшихъ изъ простолюдиновъ, но не занимающихся земледѣліемъ. Онъ побудилъ народъ возстать противъ дворянства въ 1789 году; черезъ это онъ занялъ въ обществѣ первенствующее мѣсто. Но вмѣсто того, чтобы слиться съ промышленниками, онъ создалъ новый феодализмъ въ свою пользу, возстановивъ и титулы и маіораты. Теперь промышленники имѣютъ такой же интересъ избавиться отъ этого класса, какъ и отъ дворянства. Единственный для нихъ прочный союзъ есть старый союзъ съ королевскою властью; онъ одинъ можетъ вести къ водворенію новаго промышленнаго порядка, обезпечивъ имъ первенствующее положеніе въ обществѣ (стр. 76—94).

Въ этомъ порядкѣ промышленники будутъ занимать первое мѣсто. Важнѣйшіе изъ нихъ будутъ безвозмездно управлять общественнымъ достояніемъ; они будутъ устанавливать законъ; они опредѣлятъ положеніе остальныхъ классовъ въ обществѣ, придавая каждому изъ нихъ значеніе соразмѣрное съ тѣми заслугами, которыя онъ будетъ оказывать про-

мышленности. Таковъ неизбежно будетъ окончательный результатъ нынѣшняго переворота, и когда этотъ результатъ получится, спокойствіе будетъ вполне обезпечено, общественное благосостояніе будетъ расти съ возможною скоростью, и общество будетъ пользоваться всѣмъ личнымъ и коллективнымъ счастіемъ, къ какому только способна человѣческая природа. Этотъ выводъ вытекаетъ изъ всего предшествующаго хода исторіи. Она доказываетъ, что промышленники все болѣе и болѣе выдвигались впередъ, такъ какъ остальные классы теряли свое значеніе. Самый здравый смыслъ указываетъ намъ, что такъ какъ люди постоянно заботятся объ улучшеніи своего состоянія, то цѣль ихъ всегда состояла въ томъ, чтобы дать первенство классу наиболѣе полезному въ этомъ отношеніи, и эта цѣль непремѣнно должна быть достигнута. Точно такъ же и нравственность, божественная и человѣческая, доказываетъ, что трудъ составляетъ источникъ всѣхъ добродѣтелей, а потому трудящійся классъ долженъ быть первымъ изъ всѣхъ. Это явствуетъ и изъ развитія личнаго разума, который слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, какъ и разумъ общественный. Въ воспитаніи человѣка первоначально всего сильнѣе дѣйствіе власти или управленіе, но постепенно оно уступаетъ мѣсто преподаванію; точно также и въ воспитаніи общества, первоначально всего сильнѣе дѣйствіе военной или феодальной власти; но затѣмъ она постепенно уменьшается и уступаетъ мѣсто дѣйствію административному. Такимъ образомъ, военные и юристы должны окончательно подчиниться людямъ наиболѣе способнымъ въ администраціи, а таковы именно промышленники, которые вслѣдствіе этого должны получить первое мѣсто (стр. 96—7).

Сень-Симонъ былъ увѣренъ, что для того, чтобы этотъ переворотъ совершился мирнымъ и правильнымъ образомъ, нужно только выяснитъ промышленникамъ истинное ихъ положеніе и ихъ общественное значеніе. Это и есть та задача, которую онъ себѣ поставилъ, и разрѣшеніе которой составляетъ плодъ сорокапятилѣтнихъ трудовъ. Созданіе такой

системы не могло быть дѣломъ случая, или рутины; она могла быть постигнута только апріори, какъ цѣльное зданіе. Но разъ это сдѣлано и программа начертана, промышленникамъ нужно только соединиться, чтобы привести ее въ исполненіе. Они составляютъ громадное большинство народа, а потому отжившіе свой вѣкъ остатки феодализма падутъ передъ ними безъ всякаго усилія. Королевская же власть не только отъ этого не потерпитъ ущерба, но, напротивъ, получить новую силу отъ возобновленія своего историческаго союза съ промышленнымъ классомъ (стр. 98—103, 110—117)

Въ другомъ разговорѣ Сень-Симонъ старался устранить возраженіе, которое могло быть внушено примѣромъ Англіи. Опытъ, по общему признанію, служить лучшимъ руководителемъ для народовъ, такъ же какъ и для отдѣльныхъ лицъ, а опытъ говорить въ пользу англійской конституціи, которая возвела Англію на высшую степень могущества и славы, и которая, однако, существенно отличается отъ общественнаго устройства, предлагаемаго Сень-Симонъ. На это возраженіе Сень-Симонъ отвѣчаетъ, что англійская конституція носить двойственный, переходный характеръ, частью феодальный, частью промышленный; это произошло оттого, что англійская революція, которая дала ей бытіе, произошла въ такое время, когда промышленный классъ не былъ еще достаточно развитъ. Французская же революція, низвергшая феодализмъ, произошла на цѣлое столѣтіе позднѣе, а потому промышленному классу можно дать гораздо большее значеніе. Между Англіей и Франціей есть и то существенное различіе, что въ послѣдней общественное развитіе было дѣйствіемъ союза короля съ промышленнымъ классомъ, тогда какъ въ Англіи въ союзъ съ промышленниками дѣйствовала не королевская власть, а аристократія, которая вслѣдствіе этого и пріобрѣла парвенствующее положеніе. Но именно поэтому переходъ къ чисто-промышленному порядку гораздо легче можетъ совершиться во Франціи: король ничего отъ этого не потеряетъ, тогда какъ аристократія должна отка-

заться отъ всѣхъ своихъ привилегій. А потому нѣтъ сомнѣнія, что Франція первая достигнетъ истинной цѣли человеческого развитія; Англія же будетъ слѣдовать за нею (стр. 121 и слѣд.).

Въ приложеніи ко второй тетради, озаглавленномъ: *Либерализмъ и индустриализмъ*, Сень-Симонъ выражаетъ, что Франція первая вступитъ на путь индустриализма, потому что главы промышленныхъ работъ въ политическомъ отношеніи составить одно съ рабочими, тогда какъ въ Англіи они состоятъ въ союзѣ съ лордами, чтобы держать рабочихъ въ подчиненіи скорѣе силою, нежели началами положительной нравственности. По мнѣнію Сень-Симона, если англійскіе рабочіе разрушаютъ машины, то это происходитъ единственно отъ того, что фабриканты, надѣясь на военную силу, оставляютъ ихъ въ полномъ невѣдѣніи относительно истинныхъ ихъ интересовъ и тѣмъ отдаютъ ихъ на жертву интриганамъ, которые изъ личныхъ видовъ побуждаютъ ихъ къ революціямъ. Между тѣмъ, хозяева фабрикъ суть прирожденные руководители рабочаго класса; вмѣстѣ съ ними они должны образовать новую партію *индустриалистовъ*, совершенно отличную отъ всѣхъ существующихъ, и въ особенности отъ либераловъ, которыхъ предводители имѣютъ въ виду только ниспроверженіе существующей власти, для того, чтобы занять ея мѣсто. Къ этой партіи должны примкнуть и публицисты, раздѣляющіе эти взгляды ¹⁾.

Сень-Симонъ обратился съ воззваніемъ къ новымъ промышленникамъ, убѣждая ихъ подписаться на его изданія и проникнуться его взглядами. Онъ предполагалъ составить два комитета, одинъ изъ публицистовъ, другой изъ промышленниковъ. Первый будетъ разсматривать въ первой инстанціи всѣ научныя работы, имѣющія въ виду установленіе промышленнаго порядка; одобренныя имъ сочиненія будутъ представляться для окончательнаго сужденія въ

1) Le Libéralisme et l'Industrialisme; Oeuvres de Saint-Simon, publiées par Olinde Rodrigues, стр. 205 и слѣд.

комитетъ промышленниковъ, въ рукахъ котораго будутъ находиться денежные средства и отъ котораго будетъ зависѣть разрѣшеніе изданія ¹⁾).

Въ четвертой тетради *Катехизиса промышленниковъ* Сень-Симонъ изложилъ и общій планъ государственнаго устройства, сообразнаго съ новыми началами. Вся финансовая и административная часть должна быть, какъ сказано, ввѣрена промышленному классу, который есть кормилецъ всего общества; ученый же классъ долженъ занимать второстепенное мѣсто. Однако и онъ долженъ имѣть свою организацію, подчиненную первому. Онъ долженъ образовать двѣ академіи: академію разсужденій и академію чувствъ. Первая существуетъ ужъ нынѣ подъ именемъ академіи наукъ, къ которой надобно прибавить главнымъ образомъ отдѣлъ политической экономіи. Вторая же, составленная изъ моралистовъ, богослововъ, юристовъ и художниковъ, должна имѣть въ виду развитіе нравственныхъ началъ. Для согласованія дѣйствій обѣихъ корпорацій надъ ними должна возвышаться верховная или королевская коллегія, составленная изъ лицъ, свѣдущихъ въ обѣихъ отрасляхъ знанія и избранныхъ академіями; къ нимъ слѣдуетъ присоединить и самыхъ способныхъ юристовъ, съ цѣлью дать ученію характеръ регламентации, а также и практическихъ политиковъ, которые могутъ дать хорошіе совѣты. Эта верховная коллегія будетъ совѣтомъ короля для инициативы всякихъ мѣръ. Составленные ею проекты должны разсматриваться въ академіяхъ чувствъ и разсужденій; отъ послѣднихъ они должны поступать въ верховный административный Совѣтъ, составленный изъ важнѣйшихъ промышленниковъ, и имѣющій задачею составленіе ежегоднаго бюджета и надзоръ за правильнымъ расходованіемъ суммъ. Этотъ Совѣтъ разсматриваетъ предложенные ему проекты и вноситъ въ бюджетъ нужныя суммы для тѣхъ, которые онъ считаетъ полезными. Составленный такимъ образомъ проектъ бюджета

1) Тамъ же, стр. 259.

передается въ Совѣтъ министровъ, который, по повелѣнію короля, представляетъ его палатамъ и заботится объ исполненіи его во всѣхъ подробностяхъ. Когда всѣ эти учрежденія будутъ такимъ образомъ устроены, говоритъ Сень-Симонъ, общество будетъ организовано не только сообразно съ настоящимъ состояніемъ своего просвѣщенія, но и вообще, наилучшимъ способомъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ физическихъ и нравственныхъ потребностей, ибо означенныя учрежденія представляютъ основной распорядокъ общественнаго строя наиболѣе благопріятнаго для производства и координаціи всего, что можетъ быть наиболѣе полезно человѣчеству въ отношеніяхъ нравственныхъ и физическихъ. Когда во Франціи установится эта организація, тогда исполнится предсказаніе отцовъ церкви: одно ученіе сдѣлается общимъ всему человѣческому роду; всѣ народы одинъ за другимъ примутъ начала, провозглашенныя и осуществленныя французами. (*Oeuvres choisies*, III, стр. 195 и слѣд.). Золотой вѣкъ лежитъ не позади, а впереди насъ, говоритъ Сень-Симонъ (стр. 215).

Изъ этого можно видѣть, до какой степени смутны и поверхностны были взгляды Сень-Симона на предлагаемое имъ *общественное устройство*. Мнимый пророкъ, воображавшій, что онъ сдѣлалъ величайшее открытіе и явилъ новый свѣтъ человѣчеству, не подозрѣвалъ, что промышленный классъ, которому онъ хотѣлъ ввѣрить все общественное управленіе, самъ внутри себя распадается на противоборствующие интересы, и что не пройдетъ дватцати пяти лѣтъ, какъ столкновеніе этихъ интересовъ разразится страшными междоусобіями. Онъ не думалъ, что разрѣшеніе этихъ столкновеній вызоветъ вмѣшательство государства, котораго вѣдомство черезъ это расширится, и что именно вслѣдствіе этого къ государственной власти должны быть призваны лица, независимыя отъ промышленныхъ партій, главнымъ образомъ юристы, которыхъ существенная задача состоитъ не въ регламентированіи академическихъ проектовъ, а въ точномъ опредѣленіи правъ и обязанностей, на основаніи глу-

бокаго изученія началъ частной и государственной жизни. Вообще, о правѣ, составляющемъ первую основу всякаго общественнаго быта, Сенъ-Симонъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Онъ считалъ это пустою метафизикой, принадлежащей къ области прошлаго. Но столь же поверхностны были и его понятія о нравственности. Созданіе академіи чувствъ, которая должна объединить весь человѣческій родъ общимъ ученіемъ, составляетъ одно изъ самыхъ уродливыхъ произведеній теряющейся въ утопіяхъ фантазіи. Чувство есть самое субъективное, что только существуетъ на свѣтѣ. Подчинить его распорядкамъ ученой академіи — мысль поистинѣ изумительная. Сенъ-Симонъ хотѣлъ этимъ замѣнить средневѣковую церковь, историческая роль которой представлялась ему идеаломъ нравственнаго вліянія на умъ. Но это показываетъ только, какъ мало онъ понималъ и существо религіи, и самое значеніе христіанства, которое онъ хотѣлъ обновить, извлекиши изъ него чисто нравственное начало и подчиняя послѣднему, какъ догматы, такъ и богослуженіе.

Своему *Новому христіанству* Сенъ-Симонъ предпослалъ историческій взглядъ на его развитіе. До сихъ поръ, говоритъ онъ, философы относились чисто критически къ богословской и феодальной системѣ, господствовавшей въ средніе вѣка, ибо цѣль ихъ состояла въ разрушеніи этой системы, не соотвѣтствовавшей болѣе новымъ требованіямъ и прогрессу человѣчества. Но теперь, когда мы имѣемъ въ виду несравненно высшій порядокъ, мы можемъ смотрѣть на нее безпристрастнѣе и показать все ея превосходство надъ учрежденіями древняго міра. Никто не станетъ отрицать, что наилучшимъ устройствомъ общества слѣдуетъ считать то, которое: 1) приносить наиболѣе счастья большинству гражданъ, доставляя ему наиболѣе средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей; 2) даетъ способнѣйшимъ людямъ наибольшую возможность достигнуть высшихъ ступеней; 3) соединяетъ наибольшее количество населенія и даетъ ему наибольшую возможность сопроти-

вляться врагамъ; 4) содѣйствуетъ важнѣйшимъ открытіямъ и наибольшему прогрессу просвѣщенія. Но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ средневѣковое общество имѣло преимущество передъ древними. Послѣднія были основаны на рабствѣ, тогда какъ въ первомъ крѣпостное право было смягчено, и всѣ люди были объявлены братьями передъ Богомъ. Въ древнихъ государствахъ управленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ аристократіи, которой присвоивались всѣ преимущества; въ средніе вѣка, напротивъ, во главѣ высшей, духовной власти постоянно стояли люди изъ низшихъ, возвысившіеся по своимъ способностямъ. Римъ, завоевавшій весь міръ, никогда не имѣлъ болѣе 500.000 гражданъ, вслѣдствіе чего онъ наконецъ былъ поглощенъ варварскими народами; средневѣковое общество, соединенное подъ духовною властью папъ, простиралось до 60 милліоновъ людей, и въ силу начала всеобщаго братства, оно присоединяло къ себѣ всѣ обращаемые въ христіанство народы. Наконецъ, если древнимъ грекамъ принадлежитъ первенство въ отношеніи искусства, то въ изслѣдованіи природы они были совершенными младенцами, а на промышленность они смотрѣли, какъ на занятіе недостойное гражданина. Въ области нравственной высшимъ ихъ дѣломъ было подготовленіе христіанства; но они не дѣлали никакого пракческаго приложенія провозглашенныхъ имъ высокихъ нравственныхъ правилъ; въ средніе вѣка, напротивъ, весь общественный порядокъ построенъ былъ на христіанскихъ началахъ, которыя получили однако узкую форму католицизма, для того чтобы приспособить ихъ къ невѣжеству покорившихъ Римскую Имперію варварскихъ народовъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ духовенство стояло во главѣ просвѣщенія и руководило человѣчествомъ на пути развитія. Результатомъ его дѣятельности были великія открытія пятнадцатаго вѣка, которыя поставили новые народы безконечно выше древнихъ (III, стр. 219—241). Съ тѣмъ вмѣстѣ однако явились новые взгляды и новыя потребности, которые вели къ дезорганизаціи средневѣковой системы. Свѣт-

скіе ученые опередили духовенство въ знаніи и трудѣ. Началась критическая работа, которая привела наконецъ къ Французской революціи. Съ тѣхъ поръ явились попытки построить европейскій міръ на новыхъ началахъ; но всѣ онѣ были неудачны, потому что были основаны на ложныхъ началахъ. Революціонеры пытались воскресить нравы и учрежденія древнихъ, что было нелѣпо, ибо человѣчество не возвращается вспять. По той же причинѣ не могла удасться и попытка Бонапарта, который хотѣлъ возвратиться къ временамъ Карла Великаго. Стремясь къ порабощенію Европы, онъ возстановилъ ее противъ себя, а во Франціи онъ создалъ новое дворянство, чѣмъ оскорблялось чувство равенства. Гораздо выше этихъ мимолетныхъ построеній стоитъ третья попытка, состоящая въ перенесеніи на материкъ англійской конституціи; однако и она основана на ложныхъ началахъ; а потому не можетъ вести къ цѣли. Англійская конституція возникла болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда не было еще тѣхъ громадныхъ успѣховъ въ знаніи и просвѣщеніи, которые ведутъ къ несравненно высшимъ понятіямъ объ общественной организаціи. Совершившійся въ Англійи переворотъ поставилъ аристократію на мѣсто королевской власти, что составляетъ попятный шагъ въ прогрессѣ человѣчества, ибо аристократія есть средне-вѣковое учрежденіе, а королевская власть, опираясь на низшіе классы, стремилась и уничтожить, и пролагать новые пути. Англійская конституція была созданиемъ островитянъ для ихъ собственнаго употребленія, а островитяне неспособны подняться на высоту пониманія, необходимую для того, чтобы окинуть общимъ взглядомъ интересы всѣхъ народовъ. Они могли создать только сдѣлку между феодализмомъ и потребностями новаго времени. Наконецъ, несравненно выше всѣхъ этихъ ложныхъ попытокъ и полумѣръ стоитъ четвертый опытъ, а именно, устройство Священнаго Союза, который обращаетъ Европу не назадъ, а впередъ. Онъ далъ ей величайшее благо—миръ; онъ поддерживаетъ королевскую власть, которая съ самаго своего

возникновенія постоянно боролась противъ притязаній аристократіи и духовенства; онъ создалъ въ Европѣ общую власть, стоящую выше всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Наконецъ, благодаря ему, Европа можетъ реорганизоваться мирно и безъ потрясеній перейти отъ феодальнаго устройства къ промышленному. Для этого нужно только, чтобы общественное мнѣніе проникалось здравыми понятіями, ибо общественное мнѣніе есть владыка міра и ни одна земная власть не можетъ ему противостоять (стр. 242—256).

Ни Священный Союзъ, ни королевская власть не отвѣчали однако ожиданіямъ Сень-Симона, и скоро этотъ крайне подвижный умъ высказалъ относительно ихъ совершенно иные взгляды. Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, въ *Новомъ христіанствѣ*, онъ выступилъ съ рѣзкой критикой не только всѣхъ существующихъ вѣроисповѣданій, но и свѣтскихъ властей.

И это сочиненіе писано въ формѣ разговора между консерваторомъ и новаторомъ. „Вѣрите ли вы въ Бога?“ спрашиваетъ консерваторъ.—„Вѣрю.“—„Вѣрите ли вы въ божественное происхожденіе христіанской религіи?—Вѣрю.—Но если она божественнаго происхожденія, то она не можетъ совершенствоваться; между тѣмъ, вы своими сочиненіями побуждаете художниковъ, промышленниковъ и ученыхъ совершенствовать эту религію; слѣдовательно, вы находитесь въ противорѣчій съ самимъ собою.“—На это возраженіе новаторъ отвѣчаетъ, что противорѣчіе тутъ только кажущееся, ибо надобно отличать въ религіи то, что идетъ прямо отъ Бога и что неспособно къ совершенствованію, и то, что духовенство говоритъ отъ Его имени. Послѣднее можетъ совершенствоваться, какъ и всѣ челоувѣческія науки; богословіе нуждается иногда въ обновленіи, такъ же какъ и физика, химія и физиологія.

Что же въ религіи идетъ отъ Бога и что есть дѣло челоувѣческое? Богъ сказалъ: „люди должны относиться другъ къ другу какъ братья“; это возвышенное начало, говоритъ

новаторъ, заключаетъ въ себѣ все, что есть божественнаго въ христіанской религіи. И этому нечего удивляться. „Богъ необходимо все свелъ къ одному началу, безъ чего его воля въ отношеніи къ людямъ не была бы систематична. Было бы кощунствомъ утверждать, что Богъ основалъ свою религію на нѣсколькихъ началахъ. Но въ силу этого начала, даннаго Богомъ людямъ, какъ правило ихъ поведенія, они должны устроить свое общество такъ, чтобы оно было наиболѣе выгодно большому числу; они должны поставить себѣ цѣлью всѣхъ своихъ трудовъ и всѣхъ своихъ дѣйствій самымъ возможно скорымъ и полнымъ образомъ улучшить нравственное и физическое существованіе самаго многочисленнаго класса. Въ этомъ и только въ этомъ состоитъ божественная часть христіанской религіи“.

Однако, возражаетъ консерваторъ, Христось, удаляясь на небо, оставилъ людямъ не только ученіе, но и руководителей въ ихъ поведеніи. Вѣрите ли вы въ церковь?—„Я вѣрю,—отвѣчаетъ новаторъ,—что Богъ Сынъ основалъ христіанскую церковь; я проникнуть глубочайшимъ уваженіемъ и удивленіемъ къ поведенію отцовъ этой церкви. Эти начальники первобытной церкви искренно проповѣдывали единеніе всѣмъ народамъ; они побуждали ихъ жить между собою въ мирѣ; они положительно и съ величайшею энергіей объявляли могучимъ людямъ, что первая ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы употребить всѣ свои средства на скорѣйшее возможное улучшеніе нравственнаго и физическаго быта бѣдныхъ. Эти начальники первобытной церкви сочинили лучшую изъ когда-либо изданныхъ книгъ, *Первоначальный катехизисъ*, въ которомъ они раздѣлили всѣ дѣйствія людей на два разряда, на добрыя и дурныя, то-есть тѣ, которыя сообразны съ основнымъ началомъ божественной нравственности, и тѣ, которыя ему противорѣчатъ“.

Думаете ли послѣ этого, что церковь непогрѣшима? спрашиваетъ консерваторъ: „Когда церковь имѣетъ во главѣ своей людей наиболѣе способныхъ направлять общество къ божественной цѣли, я думаю, что она можетъ безъ ущер-

ба считаться непогрѣшимою,—отвѣчаетъ новаторъ,—и что общество разумно поступаетъ, слѣдуя ея руководству. Я признаю, что отцы церкви были непогрѣшимы для эпохи, въ которую они жили; тогда какъ въ настоящее время духовенство кажется мнѣ изъ всѣхъ учреждений тѣмъ, которое впадаетъ въ наибольшія заблужденія, наиболее вредныя обществу, тѣмъ, котораго поведеніе состоитъ въ наибольшемъ противорѣчii съ основнымъ началомъ божественной нравственности“. И теперь еще, говоритъ новаторъ, есть множество добрыхъ христіанъ; никогда еще ихъ не было столько; но почти всѣ они принадлежатъ къ свѣтскимъ людямъ. Съ XV вѣка христіанская церковь утратила свое единство, и различныя духовенства впади въ ересь, ибо ихъ мнѣнія, ихъ нравственность, ихъ догматы и богослуженія состоятъ болѣе или менѣе въ противорѣчii съ верховнымъ началомъ божественной нравственности.

Но какова же будетъ судьба христіанства, если таково нынѣшнее его положеніе? спрашиваетъ консерваторъ. Христіанство, отвѣчаетъ новаторъ, сдѣлается всемірною и единственною религіею, обнимающею всѣ народы. Истинное ученіе христіанства, то, которое вытекаетъ изъ начала божественной нравственности; оно появится на свѣтъ, и тотчасъ исчезнутъ всѣ различія религіозныхъ мнѣній. Первоначальное христіанское ученіе дало обществу только частное и весьма несовершенное устройство. Права Кесаря остались независимы отъ правъ, присвоенныхъ церкви. „Воздадите Кесарево Кесареви“; таково было знаменитое правило, раздѣлившее эти двѣ власти. Свѣтская власть продолжала основывать свое могущество на правѣ сильнаго, между тѣмъ какъ церковь проповѣдывала, что общество должно признавать законными только учрежденія, имѣющія цѣлью улучшение быта бѣднѣйшаго класса. „Новая христіанская организація выведетъ свѣтскія учрежденія, такъ же какъ и церковныя, изъ начала, что всѣ люди должны относиться другъ къ другу, какъ братья. Она будетъ направлять всѣ учрежденія, какова бы ни была ихъ природа, къ увеличенію

благосостоянія бѣднѣйшаго класса... Самая божественная нравственность должна сдѣлаться единственною нравственностью; это составляетъ послѣдствіе ея природы и ея происхожденія“ (III, стр. 321—326).

Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ новаторъ подвергаетъ критикѣ существующія вѣроисповѣданія, католическое и протестантское. Онъ обвиняетъ въ ереси папу и его духовенство: 1) потому что все ихъ ученіе направлено не къ улучшенію быта бѣднѣйшаго класса, а къ подчиненію свѣтскихъ людей руководству духовенства; 2) потому что они не имѣютъ достаточныхъ знаній для того, чтобы быть руководителями паствы: все ихъ вниманіе обращено на богословскія науки, имѣющія совершенно второстепенное значеніе, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ ихъ далеко опередили свѣтскіе люди; 3) потому что, какъ правители, они менѣе заботятся о физическихъ и нравственныхъ интересахъ бѣднаго класса, нежели какой-либо свѣтскій владыка, чему доказательствомъ служитъ плохое управленіе и состояніе Папской области; 4) потому что они покровительствуютъ двумъ учрежденіямъ, наиболѣе противнымъ духу христіанства, и именно, инквизиціи и іезуитамъ, изъ которыхъ первое основано на насиліи и жестокости, а второе на эгоизмѣ и лжи. До XV вѣка римская церковь слѣдовала довольно точно предписаніямъ Христа: она заботилась о благѣ низшихъ классовъ и возвышала изъ нихъ людей наиболѣе способныхъ. Но съ конца XV вѣка ея поведеніе совершенно измѣняется: ея политика становится чисто свѣтскою; она перестаетъ бороться съ свѣтскою властью; она не отождествляется болѣе съ низшими классами и не старается возвысить аристократію талантовъ надъ аристократію рожденія. Предметомъ всѣхъ ея заботъ становится сохраненіе пріобрѣтеннаго предшественниками положенія и богатства и пользованія ими безъ всякаго труда, не дѣлая ничего существенно полезнаго для общества. Съ этою цѣлью римское духовенство поставило себя подъ покровительство свѣтской власти и заключило съ князьями нече-

стивый договоръ такого рода: „мы употребимъ все свое вліяніе на вѣрующихъ, чтобы установить въ вашу пользу произвольную власть; мы объявимъ васъ королемъ милостью Божіей; мы будемъ проповѣдовать догматъ страдательнаго повиновенія; мы установимъ инквизицію, посредствомъ которой вы будете имѣть въ своемъ распоряженіи судилище, не связанное никакими формальностями; мы установимъ новый религіозный орденъ, которому мы дадимъ имя общества Іисуса. Этотъ орденъ установитъ догматъ діаметрально противоположный христіанскому; онъ возьметъ на себя, заступничество передъ Богомъ за интересы богатыхъ и знатныхъ преимущественно передъ интересами бѣдныхъ. Въ замѣнъ этихъ оказанныхъ вамъ услугъ, въ замѣнъ той зависимости, въ которую мы соглашаемся поставить себя въ отношеніи къ вашей свѣтской власти (которой происхожденіе нечестиво, ибо ея права были первоначально основаны на правѣ силы), и въ видѣ награды за нашу измѣну бѣднѣйшему классу, котораго интересы и права нашъ Божественный основатель поручилъ намъ защищать, мы просимъ васъ сохранить намъ имущество, которое было плодомъ апостольской дѣятельности воинствующей церкви, и оставить за нами пользованіе почетными и денежными привилегіями, которыя даны ей вашими предшественниками“ (стр. 329—342).

Противъ всѣхъ этихъ ересей римской церкви возсталъ Лютеръ. Своею критикой онъ оказалъ огромную услугу цивилизаціи. Ему человѣчество обязано паденіемъ духовной власти, которая не стояла уже на уровнѣ своего призванія. Но когда онъ на мѣсто разрушеннаго зданія хотѣлъ построить новое, онъ, въ свою очередь, впалъ въ ересь. Первый упрекъ, который можно ему сдѣлать, состоитъ въ томъ, что онъ усвоилъ себѣ мораль, несравненно низшую противъ той, которая приличествуетъ христіанамъ въ настоящемъ положеніи цивилизаціи. Когда Христосъ поручалъ апостоламъ организовать человѣчество въ интересахъ бѣднѣйшаго класса, цивилизація была еще въ колыбели; рабство господ-

ствовало всюду; не было еще ни общей нравственной, ни общей религіозной системы; одинъ народъ властвовалъ надъ всѣми деспотически. Такимъ образомъ христіанство, съ его догматомъ, моралью и духовенствомъ, находилось внѣ окружающаго его языческаго міра. Напротивъ, во времена Лютера, рабство было почти уничтожено; всѣ народы подчинялись общей нравственно религіозной системѣ; аристократія талантовъ возвышалась надъ аристократіей богатства и рожденія; филантропія получила первенство надъ патриотизмомъ. Если бы Лютеръ былъ на высотѣ своего призванія, онъ сказалъ бы папѣ и духовенству: „теперь задача иная, нежели прежде: ваши предшественники распространили и утвердили христіанское ученіе; теперь надобно прилагать его къ жизни. Поэтому недостаточно указывать христіанамъ на небо, обѣщать имъ тамъ всевозможныя блага; истинное христіанство должно сдѣлать людей счастливыми не на небѣ, а на землѣ. Теперь нельзя ограничиваться отвлеченными идеями; надобно умѣть сочетать идеи чувственныя такъ, чтобы все подчинялось единому началу христіанской нравственности — улучшенію быта бѣднѣйшаго и многочисленнѣйшаго класса. Апостолы принуждены были признавать власть Кесаря и держаться правила: *Воздадите Кесарево Кесареви*, ибо они не имѣли средствъ съ нимъ бороться и не должны были дѣлать его себѣ врагомъ. Теперь же отношеніе духовной власти и свѣтской совершенно иное, и вы должны объявить наслѣдникамъ Кесаря, что христіанство не признаетъ за ними права властвовать надъ людьми, права, основаннаго на насиліи и завоеваніи; вы должны сказать имъ, что единственное средство узаконить ихъ власть состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать ее какъ учрежденіе, призванное защищать слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ; что единственная ихъ обязанность—улучшить нравственный и физическій бытъ многочисленнѣйшаго класса, и что всякая трата общественныхъ денегъ, которая не строго необходима, есть съ ихъ стороны преступленіе, которое дѣлаетъ ихъ врагами Божьими. И вы можете это сдѣлать,

если вы соединитесь съ тремя новыми силами, возникшими въ мірѣ: съ наукой, искусствомъ и промышленностью. Тогда власть Кесаря, нечестивая въ своемъ основаніи, будетъ совершенно уничтожена. Если же, напротивъ, вы эти новыя силы будете считать противными Богу; если вы будете продолжать считать мистическія идеи важнѣйшими изъ всѣхъ и указывать вѣрующимъ на метафизическую цѣль—небесное блаженство, предписывая имъ средства, приличныя только младенческому состоянію религіи, какъ-то: самобичеваніе, посты, колѣнопреклоненія, то всѣ новыя силы соединятся противъ васъ съ Кесаремъ; онѣ раскроютъ людямъ глаза на счетъ безмыслицы вашего ученія и злоупотребленій вашей власти, и тогда вамъ останется только подчиниться власти Кесаря и вмѣстѣ съ ними противиться прогрессу цивилизаціи, стараясь направить народъ на мистическія цѣли и удерживать его въ предрассудкахъ“. Вотъ, что Лютеръ долженъ былъ бы сказать папѣ и духовенству. Но способный къ критикѣ, Лютеръ лишенъ былъ таланта созиданія. Вмѣсто того, чтобы увеличить общественное значеніе христіанства, онъ вернулъ его къ точкѣ исхода и вновь поставилъ внѣ общественной организаціи. Этимъ онъ призналъ верховную власть Кесаря, а за духовенствомъ оставилъ только право покорнаго прошенія. Такимъ образомъ мирныя способности были обречены на вѣчную зависимость отъ людей съ сильными страстями и военными дарованіями (стр. 345—357).

Протестантамъ слѣдуетъ сдѣлать и другой упрекъ; они искажили богослуженіе. Задача послѣдняго, хотя и второстепенная, состоитъ въ томъ, чтобы привлекать вниманіе вѣрующихъ къ предметамъ, составляющихъ для нихъ общій интересъ. Чѣмъ болѣе развивается общество, тѣмъ болѣе и богослуженіе должно совершенствоваться. Что же сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Лютеръ? Онъ выкинулъ изъ храмовъ все, что говоритъ воображенію, и низвелъ христіанскія чувства до чистѣйшей прозы, что менѣе всего можетъ способствовать возбужденію въ сердцахъ вѣрующихъ страсти къ общему благу (стр. 358—362).

Наконецъ, Лютеръ впалъ въ ересь тѣмъ, что усвоилъ себѣ плохой догматъ. Въмѣсто того, чтобы совершенствовать христіанское ученіе сообразно съ развитіемъ жизни, онъ предписалъ протестантамъ изучать христіанство въ книгахъ, написанныхъ въ самомъ началѣ его появленія, особенно въ Библии. Онъ объявилъ, что не признаетъ иныхъ догматовъ, кромѣ тѣхъ, которые заключаются въ этихъ книгахъ. Это все равно, что если бы математики, физики, химики и другіе ученые стали требовать, чтобы эти науки изучались въ первыхъ книгахъ, писанныхъ по этимъ предметамъ. Этимъ не отрицается божественное происхожденіе христіанства. Христосъ могъ говорить людямъ только то, что могло быть понятно имъ на той степени просвѣщенія, на которой они находились. Онъ передалъ своимъ ученикамъ лишь зачатки христіанства и поручилъ церкви развивать это драгоценное сѣмя: онъ поручилъ ей уничтожить всѣ политическія права, основанныя лишь на правѣ силы, и всѣ учрежденія, препятствующія улучшенію физическаго и нравственнаго быта бѣднѣйшаго класса. Но именно эти задачи совершенно упускаются* изъ виду протестантами. Обращая вѣрующіхъ къ изученію Библии, Лютеръ далъ умамъ вредное метафизическое направленіе. Въ нихъ возбуждаются политическія стремленія, противныя общему благу: управляемые мечтаютъ о невозможномъ равенствѣ и отвлекаются отъ работъ, имѣющихъ въ виду созданіе наилучшей политической системы, въ которой общественные интересы управлялись бы людьми, наиболѣе способными въ наукахъ, искусствахъ и промышленности. Изучая Библию, протестанты считаютъ это знаніе важнѣйшимъ изъ всѣхъ. Въмѣсто разработки ученія, приспособленнаго къ современному состоянію общества, возбуждаются только ложныя филантропическія чувства. Думая содѣйствовать прогрессу, это направленіе подвинуло бы человѣчество назадъ, если бы это было возможно (стр. 362—7).

Поэтому новое христіанство не должно разсматриваться только какъ усовершенствованіе протестантизма. Оно

стоитъ совершенно внѣ всѣхъ существующихъ вѣроисповѣданій. Цѣль его — построить общую систему, опираясь на всѣ открытія и совершенствованія, сдѣланныя въ области наукъ, искусствъ и промышленности, съ XV вѣка, задача, которою пренебрегали учителя христіанства. Но и свѣтскіе люди, съ своей стороны, впали въ односторонность, занимаясь исключительно разработкой частныхъ и упуская изъ виду общія начала и общіе интересы. Это и повело къ развитію эгоизма, который сдѣлался господствующимъ во всѣхъ классахъ. Мы, конечно, значительно подвинулись впередъ въ математическихъ и физическихъ наукахъ; но есть наука, которая несравненно важнѣе ихъ всѣхъ: это — наука объ обществѣ, основаніемъ которой служить мораль. Тутъ движеніе является совершенно обратное: основное начало этой науки было провозглашено тысячу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ въ этой области не только не произошло никакого совершенствованія, но и самое начало было совершенно потеряно изъ вида. Это именно, доказываетъ, что умъ, провозгласившій это начало за пятнадцать столѣтій до важнѣйшихъ успѣховъ математическихъ и физическихъ наукъ, былъ умъ сверхчеловѣческой; поэтому мы не можемъ не признать христіанскую религію откровенною свыше (стр. 367—379).

Убѣжденный, что самъ онъ исполняетъ божественное призваніе, напоминая князьямъ и народамъ истинныя начала христіанства, Сень-Симонъ, въ заключеніе, обращается съ увѣщаніемъ къ государямъ, составившимъ Священный Союзъ. „Вы считаете себя христіанами, — говоритъ онъ имъ, — а между тѣмъ вы основываете свою власть на правѣ силы; вы все еще наслѣдники Кесаря, и вы забываете, что истинные христіане полагаютъ себѣ конечною цѣлью совершенно уничтожить власть меча, которая, по своей природѣ, имѣетъ чисто-временный характеръ. И именно эту власть вы хотите положить въ основаніе всего общественаго устройства? Ей одной, по вашему мнѣнію, принадлежитъ инициатива всѣхъ улучшеній. вызываемыхъ успѣ-

хами просвѣщенія. Чтобы поддержать эту чудовишную систему, вы держите два милліона человѣкъ подъ оружіемъ; вы заставили всѣ суды признать ваши начала; вы побудили всѣ духовенства, римское, протестантское и греческое, проповѣдывать еретическое ученіе, что власть Кесаря есть направляющая власть въ христіанскомъ обществѣ“. Вслѣдствіе этого, всѣ народы отъ васъ отвернулись, хотя вы прикрываетесь христіанскими началами, но ваши личные интересы слишкомъ тутъ явны. Всѣ принимаемая вами мѣры ведутъ не къ улучшенію судьбы, а къ вѣщему отягощенію бѣднѣйшаго класса. Вы увеличили подати, и увеличиваете ихъ ежегодно для поддержанія вашихъ наемныхъ армій и роскоши вашихъ придворныхъ. Тотъ классъ общества, которому вы оказываете особенное покровительство, есть дворянство, котораго права, также какъ и ваши, основаны единственно на мечѣ. „Князья, — восклицаетъ Сень-Симонъ, — послушайте голосъ Бога, говорящаго вамъ моими устами; будьте вновь добрыми христіанами; перестаньте видѣть главную свою опору въ наемныхъ войскахъ, въ дворянствѣ, въ еретическихъ духовенствахъ и въ развращенныхъ судьяхъ; соединенные во имя христіанства, умѣйте исполнять тѣ обязанности, которыя оно налагаетъ на сильныхъ; вспомните, что оно предписываетъ имъ употреблять всѣ свои силы къ возможно скорому увеличенію общественного счастья бѣдныхъ“ (стр. 380—383).

Такимъ образомъ, Сень-Симонъ окончательно обратился не только противъ Священнаго Союза, но и противъ самой королевской власти, на которую онъ недавно еще возлагалъ самую твердую надежду. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ хотѣлъ доказать научное превосходство новаго христіанства надъ существующими ученіями и вмѣстѣ развить его мораль, его богослуженіе и его догму (стр. 377); но смерть не дала ему исполнить эту работу. Вмѣсто новой религіи, все ограничилось провозглашеніемъ давно извѣстнаго нравственного начала, котораго практическое приложеніе осталось въ полномъ туманѣ.

Можно быть увѣреннымъ, что если бы Сень-Симонъ успѣлъ привести свой трудъ къ окончанію, то этимъ обнаружилась бы только полная несостоятельность его ученія. Его новое христіанство является не развитіемъ, а рзвращеніемъ стараго. Христось обращался къ человѣческой совѣсти; онъ указывалъ людямъ заграничную цѣль — вѣчное блаженство въ единеніи съ Богомъ; но онъ не выступалъ реформаторомъ человѣческихъ обществъ. Онъ не поручалъ апостоламъ объявлять власть Кесаря нечестивою и низвергнуть его во имя принесенныхъ имъ началъ, какъ увѣряетъ Сень-Симонъ; напротивъ, онъ говорилъ, что царство его не отъ міра сего, но требовалъ, чтобы Кесарю воздавалось то, что ему принадлежитъ. И это дѣлалось не изъ политическихъ видовъ, потому что въ то время съ Кесаремъ трудно было бороться, а потому, что это требовалось самымъ существомъ нравственности, которое есть начало свободное, а не принудительное. Та метафизическая область, о которой Сень-Симонъ говоритъ съ такимъ презрѣніемъ, есть именно нравственный міръ, составляющій существенное содержаніе христіанства. Общественное же устройство основано на принудительномъ началѣ, то-есть на правѣ, которое имѣетъ иное происхожденіе, нежели нравственность. Основать общество на нравственномъ началѣ можно только насилуя человѣческую совѣсть, что представляетъ извращеніе нравственности. Въ этомъ именно состоялъ великій грѣхъ средневѣковой церкви. Папы не хотѣли довольствоваться принадлежащею имъ нравственною областью; они хотѣли, во имя нравственности, подчинить себѣ и всю свѣтскую область, а это повело къ борьбѣ, въ которой они окончательно были побѣждены, ибо исполненіе этой задачи было невозможно. Инквизиція, которую папы установили для поддержанія своей власти, представляла самое вопіющее противорѣчіе съ самыми основными началами христіанской нравственности. Этимъ осуждалась навѣки всякая попытка основать принудительный порядокъ на чисто нравственномъ началѣ. Мы увидимъ ниже дальнѣйшее развитіе этого ученія.

Несмотря однако на эти коренные недостатки взглядовъ Сень-Симона, въ его ученіи были начала, которыя должны были сильно дѣйствовать на современниковъ. Горячая вѣра въ прогрессъ человѣчества, стремленіе на мѣсто разрушительныхъ теорій XVIII вѣка вызвать къ жизни созидающія начала, раздоры замѣнить единеніемъ, вмѣсто умноженія военной силы направить общество къ мирнымъ занятіямъ, наконецъ, указаніе обществу высшей нравственной цѣли—заботы объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго быта бѣднѣйшихъ классовъ, все это не могло не увлекать умы, стремившіеся къ высшему идеалу. Это была искра, которая, падая на горючіе матеріалы, могла произвести цѣлый пожаръ. И точно, Сень-Симонъ едва закрылъ глаза, какъ школа его проявилась въ новомъ блескѣ и стала привлекать къ себѣ большее и большее число послѣдователей. Это сдѣлалось, главнымъ образомъ, благодаря двумъ даровитымъ людямъ, ставшимъ во главѣ ея. То были Базаръ (Bazard) и Анфантенъ (Enfantin).

Задача состояла въ томъ, чтобы отрывочныя и нерѣдко противорѣчивыя мысли Сень-Симона связать въ цѣльную систему, обнимающую всѣ стороны человѣческой жизни. Это и предпринялъ Базаръ, сперва въ журналѣ, который издавался подъ именемъ *Производителя* (Le Producteur), а затѣмъ въ публичныхъ лекціяхъ, которыя онъ читалъ въ 1829 году. Онѣ были изданы подъ заглавіемъ: *Ученіе Сень-Симона* (Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année 1829).

Въ основаніе полагается философскій взглядъ на развитіе человѣчества. До сихъ поръ исторія разсматривалась только какъ собраніе фактовъ и событій, въ которыхъ дѣятелями являлись индивидуумы. Думали, что одни и тѣ же факты могутъ повторяться въ разныя эпохи, и старались извлечь изъ прошлаго уроки для настоящаго. Даже тѣ мыслители, которые пришли къ идеѣ совершенствованія, не умѣли ее опредѣлить, показать ея содержаніе и на этомъ основаніи классифицировать факты и связать ихъ въ одно цѣлое. Сень-

Симонъ понялъ человѣчество, какъ собирательное существо, которое растетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе по при-
сущему ему физиологическому закону развитія, такъ же
какъ единичная особь растетъ въ послѣдовательности воз-
растовъ. Фактъ, опредѣляющій это движеніе, есть *нрав-
ственная* идея, въ силу которой человѣкъ сознаетъ въ себѣ
общественное призваніе. Политическое устройство есть осу-
ществленіе этой идеи, приложеніе ея къ сохраненію и про-
грессу общественныхъ отношеній. Эта идея выражается
въ тройкой формѣ: какъ чувство, какъ знаніе и какъ дѣя-
тельность. Въ области чувства прогрессъ состоитъ въ по-
степенной замѣнѣ взаимной ненависти связью любви, въ
области знанія—въ искорененіи предразсудковъ положитель-
ною наукой, въ области матеріальной дѣятельности—въ за-
мѣнѣ военной силы промышленностью. Цѣлью всего этого
движенія является *всемірная ассоціація*. Опираясь на этотъ
законъ, мы можемъ точно опредѣлить всѣ фазы развитія и
на основаніи прошлаго предсказывать будущее (2-е Séance,
стр. 43—53).

Этотъ процессъ не идетъ однако однообразнымъ поряд-
комъ. Въ исторіи замѣчаются эпохи *органическія* и эпохи
критическія. Въ первыя все сводится къ одному началу,
устанавливается общая система, исходящая изъ центра и
которой всѣ подчиняются. Управляющіе и управляемые
связаны другъ съ другомъ узами любви; все направлено къ
единой цѣли. Въ эти эпохи ставятся и получаютъ, по
крайней мѣрѣ, частное рѣшеніе высшіе вопросы, занимаю-
щіе человѣческой умъ: каково назначеніе въ отношеніи къ
себѣ подобнымъ и къ Богу. Самое начало, которому всѣ
подчиняются, связываетъ человѣка съ Божествомъ. Поэтому
органическія эпохи носятъ на себѣ характеръ преимуще-
ственно религіозный. Въ критическія эпохи, напротивъ,
господствующая система подвергается разложенію; первен-
ствующее значеніе получаетъ отрицательная критика. Люди
тянутъ врозь, каждый на свою сторону; вмѣсто любви въ
обществѣ водворяется эгоизмъ, а вслѣдствіе того, вну-

тренняя борьба. Религія падаетъ; поэзія исчезаетъ; въ наукѣ, вмѣсто общихъ взглядовъ, является стремленіе къ изученію частныхъ. Общество, во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ картину полной анархіи. (3-й Séance, стр. 71—75).

Критическія эпохи настаютъ тогда, когда господствующая система перестаетъ удовлетворять требованіямъ прогрессирующаго человѣчества. Являются новыя силы, которыя вступаютъ въ борьбу со старыми и, наконецъ, разрушаютъ обветшавшее зданіе, которое не въ состояніи себя защитить. До сихъ поръ мы видимъ въ исторіи двѣ органическихъ эпохи и двѣ критическихъ. Первая органическая эпоха предшествовала развитію греческой философіи. Она была основана на многобожии и рабствѣ. Первое было сведеніемъ къ общей системѣ разсѣянныхъ вѣрованій; второе было первою формою эксплуатаціи человѣка человекомъ. Это былъ значительный шагъ впередъ противъ варварскаго истребленія враговъ. Рабы приучались къ труду, а господа получали досугъ для умственнаго образованія. Но на такой системѣ человѣчество не могло остановиться. Греческая философія нанесла смертельный ударъ многобожію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и основанному на немъ порядку. Сошли со сцены и самыя народы, которые были его носителями. Нужны были новыя созидающія начала, и они явились въ христіанствѣ. Оно уничтожило древнее рабство, провозгласивъ, что всѣ люди братья и равны передъ Богомъ. Изъ низшихъ слоевъ выдвигались способнѣйшіе люди, которые становились во главѣ церковнаго управленія. Европейскіе народы связаны были общею системою, которою руководила духовная власть. Это была вторая органическая эпоха въ развитіи человѣчества. Но и эта система, въ свою очередь, отжила свой вѣкъ. Она не могла удовлетворить потребности всеобщей ассоціаціи. Христіанскія начала держались въ отвлеченной области и не проникали всѣ общественныя отношенія. Въ свѣтской области всюду кипѣла вражда. Свѣтская власть была основана на военной силѣ, что вело къ притѣсненію слабыхъ. Самое раздѣленіе вла-

стей, духовной и свѣтской, было основано не на различіи призваній, а на соперничествѣ за преобладаніе, а это порождало непрерывныя столкновения. Находясь въ постоянной борьбѣ, духовенство заражалось пороками того общества, среди котораго оно дѣйствовало; отсюда злоупотребленія, которыя неминуемо должны были вести къ паденію католической церкви. Съ реформаціи начинается вторая критическая эпоха, которая привела наконецъ къ Французской революціи и среди которой мы и теперь живемъ (5-й Séance).

Въ критическія эпохи можно различать два періода: въ первый совершается дѣло разрушенія порядка, ставшаго всѣмъ ненавистнымъ; второй простирается отъ разрушенія стараго до созиданія новаго. Въ послѣднемъ анархія потеряла свой насильственный характеръ, но ощущается общій разладъ чувствъ, явленій и дѣйствій. Это и есть современное наше состояніе. Напрасно провозвѣстники свободы смотрятъ на это, какъ на преходящее зло, и видятъ совершенство человѣчества въ системѣ гарантій, узаконяющихъ взаимное недоверіе. Не для такихъ ничтожныхъ результатовъ цѣлые вѣка работало человѣчество. Если мы взглянемъ на существенное содержаніе общественной жизни, на развитіе наукъ, промышленности, искусства, мы всюду видимъ только разлагающія, а не созидающія начала. Въ наукахъ накаплиются изслѣдованія частныхъ, но нѣтъ связующаго взгляда. Это—не болѣе какъ собраніе фактовъ, безъ всякой философской мысли. Анархія тутъ полная. То же замѣчается и въ промышленной области. Все тутъ основано на личномъ интересѣ, то-есть на эгоизмѣ, который работаетъ за себя и для себя. Это возводится даже въ теорію: вмѣсто разумной организаціи труда, экономисты проповѣдуютъ полную свободу промышленности, какъ будто предполагая, что начальники невѣжественнѣе подчиненныхъ, и вмѣсто содѣйствія промышленности стараются полагать ей всякія препятствія, видя въ производителяхъ прирожденнымъ своихъ враговъ. Отсюда необузданная кон-

куренція, которая ведетъ къ нескончаемой борьбѣ, къ погибели слабѣйшихъ и къ торжеству хитрости и обмана. Наконецъ, въ области искусства поэзія исчезла и осталась только техника. Единственныя формы, въ которыхъ проявляется одушевленіе, суть сатира и элегія, выражающія противоположенныя чувства. Когда въ обществѣ нѣтъ любви, поэзія исчезаетъ: она не можетъ быть выраженіемъ эгоизма.

Все это доказываетъ, что настало время для провозглашенія новаго ученія, которое вмѣсто анархической свободы должно положить созидающія начала. Не ограничиваясь политическими гарантіями, оно должно обнимать всего человѣка, всѣ стороны его жизни. Вмѣсто господствующаго нынѣ эгоизма должна быть поставлена *любовь въ общей семьѣ человечества*. Это ученіе принесъ Сень-Симонъ (1-й Séance).

Такова историческая теорія Сень-Симонистовъ. Нельзя не признать, что въ ней есть много глубокаго и вѣрнаго. Это—тоже возрѣніе, которое одновременно развивалось въ нѣмецкой философіи и нашло высшаго своего представителя въ Гегель, —доказательство, что оно вытекало изъ общаго движенія мысли и было плодомъ всего предшествующаго развитія. Но у Сень-Симона этотъ взглядъ явился какъ бы инстинктивно; у Гегеля же онъ связанъ былъ съ цѣлою строго обдуманною системою, обнимавшею все мірозданіе. Поэтому и пониманіе было гораздо глубже: исторія представлялась какъ развитіе духа по присущему ему діалектическому закону, вытекающему изъ самаго разума. У Сень-Симонистовъ это философское пониманіе историческаго закона совершенно отсутствуетъ; различныя міросозерцанія смѣняють другъ друга безъ ясной раціональной связи. Ниже мы увидимъ, что и у нихъ проглядывало понятіе о средневѣковомъ дуализмѣ; но оно не было развито у нихъ въ систематическое возрѣніе. Съ другой стороны, однако, мы видѣли, что и у Гегеля приложеніе діалектическаго закона къ историческимъ явленіямъ было неправильно: онъ понималъ средневѣковую міръ не какъ явленіе

дуализма, а какъ начало высшаго синтеза. Въ этомъ отношеніи Сень-Симонисты, съ ихъ живымъ взглядомъ на исторію, имѣютъ важное преимущество: смѣна органическихъ эпохъ и критическихъ есть мысль блестящая, которая существенно восполняетъ воззрѣнія Гегеля.

Нѣмецкій философъ имѣлъ и другое важное преимущество передъ французскими публицистами. Въ нѣмецкихъ теоріяхъ прогресса, начиная съ Канта, цѣлью развитія, такъ же какъ у французовъ, полагается совершенное общественное устройство. Но у Гегеля въ особенности, центральнымъ пунктомъ этого развитія является идея государства, какъ верховнаго союза, стоящаго во главѣ всѣхъ остальныхъ. Философія права Гегеля, представляющая глубокомысленное развитіе началъ, присущихъ всѣмъ челоувѣческимъ союзамъ и истинное пониманіе ихъ взаимныхъ отношеній, освѣщаетъ существенныя стороны философіи исторіи, а потому составляетъ драгоцѣнное ея восполненіе. У Сень-Симонистовъ же, какъ и у основателя школы, мы находимъ полное отсутствіе понятія о правѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объ основанныхъ на правѣ общественныхъ союзахъ. Наука, искусство, религія, промышленность, вотъ что, въ глазахъ Сень-Симона, составляло содержаніе всей общественной жизни. Потребность началъ, объединяющихъ и связывающихъ различныя стороны общественной жизни въ одно живое цѣлое, отъ него ускользала. Онъ воображалъ, что можно довольствоваться одною нравственностью и подчинять ей все остальное. Ученики его, какъ увидимъ, пришли къ потребности государства; но такъ какъ ни идея государства, ни отношеніе его къ другимъ союзамъ не были ими развиты, то все у нихъ смѣшалось въ одно хаотическое представленіе, изъ котораго ничего не могло выйти, кромѣ утопіи.

Сень-Симонисты возвѣщали уже не преходящую, а *окончательную* организацію челоувѣчества, всемірную ассоціацію, устроенную исключительно въ виду *прогресса*, т.-е. непрерывнаго улучшенія нравственнаго, физическаго и умствен-

наго состоянія человѣческаго рода (стр. 90, 100). Что же за устройство? На какихъ началахъ оно должно быть основано?

Ассоціаціи, или единенію, противопоставляется *антагонизмъ*. Послѣдній ведетъ къ господству сильнѣйшаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ *эксплуатаціи челоуька челоуькомъ*. Это и есть то явленіе, которое характеризуетъ всѣ предшествующія ступени развитія. Прогрессъ состоитъ въ томъ, что антагонизмъ постепенно ослабѣваетъ, а начало ассоціаціи постепенно растетъ. Въ древнемъ мірѣ эта эксплуатація является въ видѣ рабства, которое замѣнило прежнее истребленіе враговъ. У раба нѣтъ никакихъ правъ; онъ низводится на степень вещи. Христіанство положило конецъ этому порядку вещей; оно связало господина и раба узами религіи; оно признало ихъ равными передъ Богомъ. Рабство замѣнилось крѣпостнымъ состояніемъ; крѣпостной привязанъ уже не къ господину, а къ землѣ; у него есть семья; присвоенное ему имущество охраняется закономъ. Однако и это только полусвобода: эксплуатація продолжается въ видѣ лежащихъ на крѣпостныхъ многообразныхъ повинностей въ пользу господина. Наконецъ, и эта связь исчезаетъ; крѣпостные становятся свободными и договариваются съ хозяевами, какъ равные съ равными. Но исчезаетъ ли черезъ это антагонизмъ? Свобода и равенство тутъ только кажущіяся, и эксплуатація продолжается, хотя въ менѣе рѣзкой формѣ. Рабочій все еще потомокъ древняго раба; договоръ его съ хозяиномъ не свободенъ, ибо онъ заключается подъ гнетомъ нужды. Стоитъ взглянуть на то, что происходитъ вокругъ насъ, чтобы убѣдиться, что рабочій эксплуатируется матеріально, умственно и нравственно, такъ же какъ древній рабъ. Онъ весь поглощенъ физическимъ трудомъ, доставляющимъ ему только скудныя средства существованія, и не имѣетъ возможности развивать ни свои умственные способности, ни свои нравственные стремленія (4 Séance, 6 Séance, стр. 103—105).

Гдѣ же кроется причина такого неестественнаго порядка

вещей, обрекающаго огромное большинство человѣческаго рода на постоянную нищету? Она лежитъ въ идущемъ отъ завоеванія устройствѣ *собственности*, сосредоточивающемъ всѣ орудія производства въ рукахъ немногихъ лицъ, которыя могутъ пользоваться ими для своихъ выгодъ, даже безъ всякаго труда. Собственность безспорно составляетъ основаніе всякаго политическаго быта; но, также какъ и всѣ общественныя учрежденія, она подлежитъ закону прогресса, а потому въ разныя эпохи можетъ получить различное устройство. Было время, когда собственностью считались и люди; теперь эта форма собственности исчезла. Законъ измѣняетъ и способы ея передачи: сперва собственникъ имѣлъ право произвольно завѣщать свое имущество, кому хотѣлъ; затѣмъ учреждено было право первородства; наконецъ, установленъ равный раздѣлъ имущества между наслѣдниками. Съ тѣмъ вмѣстѣ фактически уменьшалась и доходность собственности, то-есть право взимать извѣстную плату съ чужого труда въ видѣ аренды или процента. Привилегія жить въ праздности пріобрѣтается и сохраняется съ большимъ трудомъ. Тѣмъ не менѣе она существуетъ, и это составляетъ корень всѣхъ современныхъ золъ. Между тѣмъ какъ другія привилегіи уничтожены, осталась одна—владѣніе имуществомъ не по праву способности, а по праву рожденія; эта привилегія есть наслѣдство. Прогрессъ человѣчества ведетъ къ его уничтоженію; это—единственное средство установить всемірную ассоціацію, уничтоживъ антагонизмъ, возникающій изъ раздѣленія людей на праздныхъ и работающихъ. Не семейство, а *государство*, которое становится *ассоціаціей работающихъ*, должно наслѣдовать накопленное имущество, составляющее *средства производства* (стр. 108—111, 115, 143).

Мы видимъ, какой громаднй шагъ сдѣлали Сень-Симонисты противъ ученія главы школы. Ратуя противъ класса праздныхъ людей и противопоставляя имъ работающихъ, Сень-Симонъ не касался началъ собственности; мы видѣли, что относительно организаціи промышленной области онъ раз-

дѣлялъ взгляды Адама Смита и Сея. Очевидно однако, что это была непослѣдовательность мысли; нельзя заставить всѣхъ людей работать, не уничтоживъ собственности, которая даетъ возможность жить въ праздности. Это хорошо поняли послѣдователи Сень-Симона; они смѣло приложили руку къ самому корню предполагаемаго зла. Но съ уничтоженіемъ наслѣдства исчезалъ весь существующій общественный строй. вмѣсто частной дѣятельности, которой держался еще Сень-Симонъ, воздвигалось новое юридическое лицо, государство, какъ распредѣлитель всѣхъ вещественныхъ благъ; вмѣсто наименьшаго управленія, являлась всеохватывающая общественная организація.

Сень-Симонисты строго отличали однако этотъ порядокъ отъ общенія имуществъ. Въ послѣднемъ полагается общее равенство, такъ что тунеядецъ пользуется тѣми же правами, какъ и работникъ; въ будущей же организаціи человечества каждый получаетъ сообразно съ тѣмъ, что онъ заслужилъ. Распредѣленіе благъ совершается по формулѣ: „каждому по способности и каждой способности по ея дѣламъ“. Это и есть то нравственное начало, которое должно связывать умственный порядокъ съ матеріальнымъ, общій интересъ съ частнымъ. вмѣсто силы, основаніемъ собственности становится мирный трудъ, вмѣсто случайности рожденія—способность. Прекращается праздная жизнь на чужой счетъ, а масса освобождается отъ рабства, въ которое ввергаетъ ее безысходная нищета. Этотъ порядокъ, удовлетворяющій высшимъ требованіямъ права, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ, который приноситъ обществу наибольшую пользу. И въ настоящее время собственники должны разсматриваться, какъ хранители (*dépositaires*) орудій производства, обязанные распредѣлять ихъ между работниками. Но такъ какъ эти орудія достаются имъ случайно, въ силу рожденія, то и распредѣленіе совершается случайно людьми разобщенными, незнающими ни потребности промышленности, ни средствъ ихъ удовлетворить, что прямо противорѣчитъ общественной пользѣ. Въ новомъ порядкѣ, напро-

тивъ, распредѣленіе будетъ совершаться общественнымъ учрежденіемъ, во главѣ котораго стоятъ способнѣйшіе люди. Имѣя развѣтвленія всюду, оно знаетъ всѣ потребности какъ общія, такъ и личныя, и сообразно съ этимъ даетъ направленіе всему производству, соразмѣряя его съ потребленіемъ. Такимъ образомъ, въ этомъ новомъ мірѣ умственныя и нравственныя гарантіи существуютъ такъ же, какъ матеріальныя; кругъ людей, изъ которыхъ берутся *начальники* или *князья* промышленности, простирается на все человѣчество, чѣмъ обезпечивается выборъ способнѣйшихъ; беспорядокъ, приистекающій отъ недостатка общаго соглашенія и слѣпота распредѣленія орудій производства исчезаетъ; трудъ организуется; раздѣленіе занятій совершенствуется и соединеніе силъ становится ежедневно болѣе могущественнымъ (стр. 111—122).

Таковъ переходъ отъ критической эпохи къ органической. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка, разсѣянные и борющіеся другъ съ другомъ военныя силы были связаны феодальною системою, въ настоящее время предстоитъ систематическая организація мирныхъ промышленныхъ силъ. Критическая эпоха разрушила всѣ прежнія корпоративныя связи, которыя оказались недостаточными; но она замѣнила ихъ чисто отрицательнымъ началомъ, *безграничной конкуренціей*, которая есть ничто иное, какъ постоянная война между лицами и народами. Каждый старается подорвать соперниковъ, вслѣдствіе чего обманъ становится главнымъ орудіемъ успѣха. Безпрерывныя катастрофы и разоренія постигаютъ промышленный міръ. Это узаконеніе беспорядка и всѣхъ приистекающихъ изъ него бѣдствій и пороковъ, между тѣмъ какъ люди призваны не враждовать, а помогать другъ другу. Однако и въ этомъ хаосѣ проявляются ужъ инстинктивныя стремленія къ организаціи. Таково учрежденіе *банковъ*, которые становятся посредниками между работниками, нуждающимися въ средствахъ производства, и владѣльцами этихъ средствъ, которые не знаютъ, что съ ними дѣлать. Банки исполняютъ должность распредѣлителей; но это не

болѣе какъ грубый зачатокъ надлежащаго устройства. И тутъ собственники стараются взимать какъ можно большую подать съ работниковъ. Притомъ, дѣятельность ихъ случайна и разрознена, а потому не соотвѣтствуетъ потребностямъ промышленности. Ихъ надобно организовать въ общую централизованную систему, развѣтвляющуюся на все человѣчество. Центральный банкъ будетъ представлять правительство въ матеріальной области; въ его рукахъ будутъ находиться всѣ орудія производства, которыя черезъ подчиненные ему банки будутъ распредѣляться по всѣмъ странамъ земного шара. Къ этому центральному учрежденію стекаются всѣ потребности и отъ него исходятъ всѣ распоряженія. Оно даетъ кредитъ мѣстнымъ банкамъ по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, а послѣдніе уже распредѣляютъ кредитъ между отдѣльными лицами. Въ центральномъ банкѣ сосредоточивается и совокупность ежегодныхъ произведеній промышленности. Часть ихъ выдѣляется на содержаніе двухъ другихъ общественныхъ классовъ, призванныхъ развивать умъ и чувства людей. Остальное распредѣляется между работниками сообразно съ должностью каждаго, не въ видѣ дохода, а въ видѣ жалованія или пенсіи. Ибо въ этой системѣ работники являются такими же должностными лицами, какъ офицеры въ полку. Отъ высшихъ начальниковъ зависитъ опредѣленіе каждаго на то мѣсто, которое приходится ему по способностямъ. Отъ нихъ же зависитъ и открытіе ему кредита на средства производства. Если онъ не получаетъ того, что просить, то это значить, что *компетентное* начальство сочло его болѣе способнымъ къ другому дѣлу. Конечно, тутъ могутъ быть и ошибки, но шансы ихъ меньше тамъ, гдѣ распредѣленіе совершается людьми съ высшими способностями, становящимися на общую точку зрѣнія и изъятыми отъ всякой узкой специальности (стр. 123—135).

Такая система, по увѣренію сень-симонистовъ, не является ниспроверженіемъ существующаго порядка; она должна водвориться не насиліемъ, а путемъ *эволюціи*, посте-

пеннымъ превращеніемъ господствующаго нынѣ безпорядка въ организованную систему. И это непременно должно совершиться. Прошлая исторія человѣчества даетъ намъ возможность предсказывать будущее (стр. 137—9).

Сень-Симонисты понимали, однако, что такая строгая организація промышленнаго міра, простирающаяся на все человѣчество, немислима безъ общаго оживляющаго ее духа. Надобно, чтобы всѣ мысли и чувства направлялись къ единой цѣли, а главное, чтобы распоряжающіеся всѣмъ власти были предметомъ общей любви и уваженія. Только это и дѣлаетъ власть законною. Иначе, вмѣсто единенія водворится вящій антагонизмъ. Достиженію этой цѣли содѣйствуетъ, прежде всего, *воспитаніе*. Оно не должно ограничиваться, какъ теперь, однимъ дѣтскимъ возрастомъ, но должно простираться и на послѣдующую жизнь, развивая всѣ три стороны человѣка: чувства, разумъ и матеріальную дѣятельность, подъ руководствомъ людей самыхъ нравственныхъ самыхъ просвѣщенныхъ и наиболѣе заинтересованныхъ въ умноженіи богатства. По самому существу дѣла, воспитаніе имѣетъ двоякую задачу: съ одной стороны, оно должно развить въ людяхъ чувства и мысли общія всѣмъ, внушить каждому любовь ко всѣмъ, связать всѣ воли въ единую волю и направить ихъ къ общей цѣли; съ другой стороны оно должно передать лицамъ тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы для спеціального ихъ мѣста и назначенія въ общемъ устройствѣ. Первое есть воспитаніе общее, или нравственное, второе—спеціальное, или профессиональное (9 Séance, стр. 169—172).

Первое, безспорно, есть самое важное, ибо отъ него зависитъ общее направленіе ассоціацій; а между тѣмъ, въ настоящее время оно находится въ полномъ пренебреженіи. Только въ ученіи католической церкви сохранились еще кой-какія правила морали, превратившіяся въ чистую рутину; свѣтская мораль въ теоріяхъ самыхъ видныхъ ея представителей, сводится къ началу хорошо понятаго интереса, то-есть, къ *эгоизму* лица, которое все относитъ къ себѣ, какъ

къ центру всѣхъ своихъ отношеній. Съ этимъ связано и господствующее нынѣ мнѣніе, что въ воспитаніи разумъ долженъ имѣть первенство надъ чувствомъ. Между тѣмъ, не разумъ полагаетъ цѣли, а чувство; задача разума состоитъ лишь въ томъ, чтобы изслѣдованіемъ фактовъ *проверить* эти указанія; задача, безпорно, весьма важная, но доступная лишь немногимъ. Для того, чтобы усвоить себѣ всю цѣпь разумныхъ доказательствъ, надобно осилить всю науку, а это недоступно массѣ, которая всегда будетъ руководствоваться болѣе чувствомъ, нежели разумомъ. Даже для избранныхъ, посвятившихъ себя изученію науки, одного убѣжденія недостаточно для того, чтобы внушить имъ *любовь* къ общему дѣлу; это опять дѣло чувства. Оно возбуждается людьми, способными сообщить другимъ одушевляющій ихъ энтузіазмъ, а это и есть главная пружина общественнаго единенія и развитія (стр. 172--194).

Отъ общаго направленія зависитъ и спеціальное воспитаніе. При прежнихъ системахъ распредѣленіе людей по разнымъ профессіямъ совершалось главнымъ образомъ въ силу случайности рожденія, что вело къ раздѣленію классовъ на привилегированныхъ и непривилегированныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ эксплуатаціи человѣка человекомъ. Въ будущемъ обществѣ, гдѣ всякая привилегія и эксплуатація устраняются, это распредѣленіе должно совершаться по способностямъ и призванію каждаго. Это можетъ быть только результатомъ общественнаго *предвидѣнія*, а потому должно составлять предметъ *политической* функціи. Предоставленіе этой классификаціи свободной конкуренціи способно породить только полную анархію. Однако не слѣдуетъ думать, что она основана на насиліи. Получаемое всѣми нравственное воспитаніе превращаетъ въ *домъ* и въ предметъ *любви* и обязанности, налагаемыя *истинными* правителями общества, *законными* его начальниками (II Séance, стр. 194—7).

При всемъ томъ, всегда могутъ быть уклоненія отъ требуемаго обществомъ распорядка. Поэтому воспитаніе дол-

жно восполняться *законодательствомъ*. Послѣднее имѣть въ виду *охраненіе* нравственнаго закона и *преподаваніе* его въ извѣстной формѣ, въ приложеніи къ *исключительнымъ* явленіямъ общественной жизни, какъ нравственнымъ, такъ и безнравственнымъ, заслуживающимъ поэтому похвалы или порицанія. Въ настоящее время, когда затмились нравственные начала, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли великія нравственные способы, посредствомъ которыхъ общество дѣйствуетъ на лица, система наградъ не существуетъ; все ограничивается насильственнымъ подавленіемъ дѣйствій вредныхъ для общества. Самая магистратура, которой ввѣряется судъ, потеряла свой нравственный характеръ и сдѣлалась предметомъ недовѣрія. Это ясно изъ того, что высшею гарантіей правильнаго суда считается институтъ присяжныхъ, то-есть, предоставленіе случайности жребія высшаго суда надъ человѣческими поступками. Не такъ было въ средніе вѣка, когда существовала высшая правительственная власть; она имѣла въ рукахъ и могучія нравственные средства: съ одной стороны отлученіе отъ церкви, съ другой стороны канонизацію, наконецъ, индульгенціи, прежде нежели онѣ стали предметомъ постыдной торговли. Съ паденіемъ церковнаго авторитета нравственную санкцію ищутъ въ темной глубинѣ личной совѣсти и въ шаткомъ общественномъ мнѣніи. Въ обществѣ будущаго эти печальныя созданія индивидуализма замѣнятся властью, любимою и уважаемою всѣми. Система наказаній будетъ имѣть въ виду не мечь, а *исправленіе* уклоняющихся отъ общественной цѣли; оно будетъ средствомъ нравственнаго *воспитанія*. Приложеніе ихъ будетъ ввѣрено не случайности жребія, а людямъ, стоящимъ во главѣ различныхъ отраслей дѣятельности, а потому знающихъ, что вредно и что полезно, что есть законъ и что уклоненіе. Сообразно съ троякимъ раздѣленіемъ общества, приговоры будутъ приноситься руководителями чувствъ, разума и матеріальной дѣятельности. Имъ должна принадлежать и законодательная власть. Она будетъ опредѣляться высшею способ-

ностью, а не такъ какъ нынѣ, обладаніемъ извѣстнаго имущества, то-есть признакомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ знаніемъ и способностью и отдающимъ власть въ руки тунеядцевъ. Съ уничтоженіемъ наслѣдства отпадутъ и всѣ процессы, возникающіе изъ личной собственности. Иерархически организованная власть, распредѣляющая имущества между лицами, будетъ и естественнымъ судьей всѣхъ возможныхъ столкновеній и недоразумѣній. И эта всѣмъ завѣдующая и все распредѣляющая власть, соединяющая въ себѣ законодателя и судью, не будетъ, какъ нынѣ, предметомъ недовѣрія и вражды. Съ переменною чувствъ люди возвратятся къ высшей добродѣтели людей, имѣющихъ одну цѣль,—къ повиновенію во имя любви (12 Séance).

Но для того, чтобы совершить эту переменную чувствъ, отъ которой зависитъ вся организація, необходимо высшее начало: нужна *религія*. Сень-Симонисты крѣпко стояли за религиозную будущность человѣчества. Они доказывали, что распространенное нынѣ безвѣріе есть только плодъ критической эпохи, въ которой старое зданіе разрушено, а новое еще не воздвиглось. Они опровергали и появившіяся въ то время ученія бывшаго послѣдователя Сень-Симона Огюста Конта, который всю исторію человѣчества распредѣлялъ на три слѣдующія другъ за другомъ эпохи: богословскую, метафизическую и положительную. Эти эпохи, говорилъ Базаръ, представляютъ только переходы отъ органической эпохи къ критической; но это вовсе не исключаетъ явленія новой органической эпохи съ религиознымъ характеромъ. Положительныя науки, изслѣдующія частныя сферы, ничего не говорятъ противъ основаній всякой религіи: идеи Бога и общаго плана Провидѣнія. Въ настоящее время это не болѣе какъ отрывки знанія, лишеныя всякой общей связи. Но какъ скоро стать на болѣе возвышенную точку зрѣнія, связать разсѣянные факты въ цѣльное зданіе, понять отношенія человѣка къ окружающему его міру и его назначеніе, такъ мы неизбѣжно приходимъ къ общему міровому плану, а слѣдовательно и къ признанію, что Богъ

управляетъ вселенной. Таково было всегда инстинктивное убѣжденіе человѣческаго рода. Религія есть міровой фактъ, и наука призвана его подтвердить. Она разрушаетъ системы, не соотвѣтствующія болѣе успѣхамъ просвѣщенія, но на мѣсто стараго зданія воздвигается новое. Нынѣ средне-вѣковая система потеряла свою власть надъ умами; но мы имѣемъ уже зачатки новой религіи: Сень-Симонъ явился (13-ème et 14-ème Séances).

Такимъ образомъ, ключомъ къ возвѣщаемой организаціи человѣческаго рода является созданіе новой религіи. Но именно на этомъ Сень-Симонизмъ рушился. Недостаточно было проповѣдовать, какъ нѣчто новое, давно извѣстное начало любви, какъ дѣлалъ Сень-Симонъ. Надобно было выработать догму и приложить ее къ различнымъ сторонамъ человѣческой жизни, а для этого у Сень-Симонистовъ не доставало глубины религіознаго пониманія и чувства. Вожатаемъ школы по этому пути явился уже не болѣе или менѣе трезвый Базарь, а пламенный Анфантенъ. Одаренный пылкимъ воображеніемъ и безграничною самоувѣренностью, способный сообщать свой энтузіазмъ окружающимъ его сектантамъ, онъ смѣло пошелъ по новой дорогѣ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ; но именно это привело школу сперва къ распаденію, а потомъ къ окончательному крушенію.

Сообразно съ полнымъ внутреннимъ единствомъ, которое представлялось имъ идеаломъ будущей организаціи, понятіе о Богѣ, которое развивали Сень-Симонисты, было чисто пантеистическое. „Богъ есть все, что есть; все въ Немъ и все черезъ Него; никто изъ насъ не находится внѣ Его, но никто изъ насъ не есть Онъ. Каждый изъ насъ живетъ Его жизнью и всѣ мы приобщаемся въ немъ, ибо онъ есть все, что есть“ ¹⁾. Такова была формула, провозглашенная Анфантенемъ. Съ этой точки зрѣнія, Богъ являлся вмѣстѣ и матеріею и духомъ, въ противоположность чисто духов-

¹⁾ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin 1865. III. стр. 187.

ному пониманію христіанства. „Мы прославляемъ его въ его *плоти*, такъ же какъ въ его *духу*“, говорилъ Анфантенъ (II, стр. 137). Понятіе о *Богъ-матеріи* (Dieu-matière) сдѣлалось однимъ изъ коренныхъ вопросовъ Сень-Симонизма (II, стр. 72).

Можно сказать, что и это воззрѣніе было плодомъ духа времени. Оно являлось однимъ изъ фазисовъ идеализма, стремившагося сочетать противоположности въ конечномъ единствѣ. Въ Германіи въ то же время пантеизмъ находилъ самое широкое примѣненіе и въ первоначальной школѣ Шеллинга и частью въ школѣ Гегеля. Шеллингъ опредѣлялъ божество, какъ абсолютное тождество или какъ субъектъ-объектъ. Но діалектическій законъ, который лежалъ въ основаніи системъ этихъ мыслителей, велъ къ пониманію мірового бытія въ видѣ ряда ступеней, идущихъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ. Въ этомъ рядѣ матеріальный міръ являлся только приготовительною ступеню къ высшему развитію духа, представляющему полное выраженіе конечнаго единства. У Сень-Симонистовъ же матерія являлась равноправною духу. Будучи явленіемъ божества, она такъ же свята, какъ духъ (V, стр. 40). „Возстановленіе плоти“ (la réhabilitation de la chair), отверженной средневѣковою церковью, сдѣлалось однимъ изъ основныхъ догматовъ сень-симонизма. Съ этимъ связывалось поставленіе промышленности наряду съ наукою и признаніе женщины во всемъ равною съ мужчиною (IV, стр. 36, V, стр. 125—129). Отвергая плоть, средневѣковая церковь осуждала и женщину; она требовала безбрачія священниковъ. Новая религія, напротивъ, возстановляя женщину во всѣхъ ея правахъ, связываетъ ее съ мужчиною во всѣхъ сферахъ его жизни: въ храмѣ, въ государствѣ и въ семьѣ. Во главѣ челоуѣчества должна стоять *цета священниковъ* (le couple prêtre), облеченная верховною властью (IV, стр. 123, 126, 186 и др.).

При этомъ естественно возникалъ вопросъ объ отношеніи мужчины къ женщинѣ. На этомъ мнѣніе Сень-Симони-

стовъ разошлось. Базаръ крѣпко стоялъ за нерасторжимость брака; другіе допускали разводъ. Но Анфантенъ шель далѣе: онъ указывалъ на то, что въ человѣческой природѣ, кромѣ постоянного элемента, есть и измѣнчивый, и требовалъ для женщины свободы. Можно думать, что не безъ вліянія на него осталась теорія Фурье, которую онъ внимательно изучалъ. Онъ признавалъ, впрочемъ, что этотъ вопросъ окончательно можетъ быть рѣшенъ только женщиной, которая станетъ во главѣ союза. Но эта женщина не являлась, а между тѣмъ онъ настойчиво проводилъ свои мысли. И точно, начало возстановленія плоти послѣдовательно вело къ освященію плотскихъ влеченій. Въ школѣ происходили ожесточенные споры. Наконецъ, Базаръ вышелъ изъ союза и вскорѣ умеръ отъ огорченія. За нимъ послѣдовали и другіе. Анфантенъ остался во главѣ тѣснаго круга его рьяныхъ послѣдователей. Онъ провозгласилъ себя не только верховнымъ отцомъ союза (*père suprême*), но и отцомъ человѣчества (*père de l'humanité*, IV, стр. 192), при чемъ онъ приписывалъ себѣ неограниченную власть (IV, стр. 175). вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ хотѣлъ отъ теоріи перейти къ практикѣ, основать рабочіе союзы на началахъ сень-симонизма. Но эти замыслы оказались неосуществимыми. Широко развѣтвившаяся пропаганда падала; средства скудѣли. Вскорѣ Анфантенъ съ небольшимъ числомъ послѣдователей удалился въ полученное имъ отъ отца имѣніе въ Менильмонтанѣ, недалеко отъ Парижа. Тамъ онъ устроилъ общину, занимался сельскохозяйственными работами, придумалъ себѣ новый костюмъ. Но тутъ ихъ постигло судебное преслѣдованіе: ихъ обвинили въ составленіи общества противнаго закону. Несмотря на горячую защиту, судъ присяжныхъ ихъ обвинилъ. Анфантенъ и трое изъ его послѣдователей подверглись тюремному заключенію¹⁾. Послѣ этого союзъ окончательно распался. Нѣкоторые изъ его

¹⁾ Подробности см. у Raybaud: *Etudes sur les réformateurs contemporains.* и Louis Blanc: *Histoire de dix ans.*

членовъ, между прочимъ, самъ Анфантенъ, поѣхали въ качествѣ инженеровъ въ Египетъ, гдѣ въ это время Мегметъ-Али затѣвалъ обширныя предпріятія. Другіе пошли своею дорогою. Просіявъ мгновеннымъ блескомъ, занявъ современный міръ шумомъ своихъ новыхъ теорій, сенъсимонизмъ окончательно сошелъ со сцены. Скоро о немъ совершенно забыли.

Иного исхода онъ не могъ имѣть, ибо предлагаемая имъ организація человечества была основана на совершенно ложныхъ началахъ. Сильный въ критикѣ, нерѣдко и въ оцѣнкѣ явленій, онъ былъ безсиленъ въ построеніи. Сведеніе въ общую систему разсѣянныхъ мыслей Сень-Симона обнаружило только всю ея несостоятельность. Источникъ этихъ недостатковъ лежитъ въ самомъ коренномъ началѣ, отъ котораго исходили Сень-Симонъ и его послѣдователи. Вѣрно указывая на существующій разладъ въ мысляхъ и въ жизни, они искали высшаго, окончательнаго единенія разрозненныхъ элементовъ. Но это единеніе они понимали, какъ полное уничтоженіе всякаго антагонизма, что возможно только при поглощеніи частнаго общимъ, а это противорѣчить существу человеческой природы и самымъ свойствомъ міровыхъ силъ. Конечное единство, которое призвано связать противоположности въ стройную систему, не должно поглощать ихъ въ себѣ, а должно оставлять имъ относительную самостоятельность. Въ этомъ состоитъ законъ развитія. Вся природа представляетъ борьбу частныхъ силъ, несмотря на высшую гармонію вселенной. Въ приложеніи же къ человѣку поглощеніе частнаго общимъ есть отрицаніе личной свободы, составляющей самый корень духовнаго его естества. Къ этому именно ведетъ организація, предложенная Сень-Симонистами, какъ признавали сами приверженцы этого ученія¹⁾. Уничтоженіе наслѣдства есть въ сущности отрицаніе собственности, то-есть личнаго

¹⁾ „La théorie que le père Enfantin professe sur la femme, n'est qu'un détail de l'ensemble de sa théorie sur l'humanité. Je crois que cette théorie abolit toute la liberté humaine“. Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin IV стр. 179.

начала въ приложеніи къ матеріальному міру. Въмѣстѣ съ тѣмъ, это—отрицаніе первоначальнаго союза, на которомъ строится весь общественный бытъ, а именно, семейства, котораго необходимую принадлежность составляетъ наслѣдство. Въ системѣ Сень-Симонистовъ человѣкъ отрывается отъ своего корня, отъ почвы, его произведшей, каждый начинаетъ съ самого себя. Но это уничтоженіе лежащей въ самой природѣ преемственности поколѣній ведетъ не къ свободѣ, а къ подчиненію, охватывающему всѣ стороны человѣческаго естества. На все человѣчество распространяется всесильная власть, которая опредѣляетъ способности каждаго и даетъ ему соотвѣтствующее этому мѣсто и назначеніе въ общемъ организмѣ. Въмѣсто свободнаго отношенія частныхъ силъ водворяется всемогущая бюрократія, обнимающая желѣзною цѣпью всѣ народы земли. Тщетно Сень-Симонисты ссылались на то, что въ ихъ системѣ власть и подчиненіе будутъ связаны узами любви. Любовь есть чувство свободное, и тотъ внутренній духъ, который оживляетъ общество и ведетъ его къ высшему единенію, есть духъ свободы, а не бюрократическаго подчиненія. Повиновеніе тогда только является добровольнымъ, когда лицо всегда можетъ отъ него отрѣшиться, а не тамъ, гдѣ для него нѣтъ иного исхода. Сень-Симонисты восторгались средневѣковой системою, но они просмотрѣли въ ней главную ея причину, а именно, что она могла держаться только истребленіемъ еретиковъ. Это было то внутреннее противорѣчіе, которое окончательно привело ее къ крушенію. Въмѣсто того, чтобы выяснить эту коренную неправду, Сень-Симонисты упрекали средневѣковый католицизмъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ ограничивался отвлеченно-общою сферой, а не простирался на всю человѣческую жизнь. Они хотѣли ту же систему, очищенную отъ того, что они называли предрасудками, но что въ сущности составляетъ религіозную связь, распространить на всѣ стороны человѣческой жизни, подчинить ей всю промышленную область, по существу своему требующую сво-

боды. И такъ мало они понимали истинный характеръ общественныхъ отношеній, что всю эту всеобъемлющую организацію, простирающуюся на весь земной шаръ, они считали возможнымъ осуществить посредствомъ всемірной системы банковъ, распредѣляющихъ всѣ имущественныя блага и распоряжающихся судьбою всѣхъ и каждаго. О государствѣ, объ его задачахъ и объ отличіи его отъ гражданскаго общества они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Начала права были имъ совершенно неизвѣстны. По теоріи Сень - Симонистовъ, государство, какъ всеобщій наслѣдникъ, должно было замѣнять семейство. Но что такое было сень-симонистское государство? Союзъ работниковъ, простирающійся на все человѣчество и подчиняющійся всемірной власти банкировъ — іереевъ во имя всеобщей любви. Это было совершенно фантастическое представленіе, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительностью. Въ результатѣ сень-симонизмъ пришелъ къ чистой утопіи. Не мудрено, что онъ рушился такъ же быстро, какъ возникъ.

Б. Чичеринъ.

Январь, 1901 г.

Объ апріорныхъ элементахъ познанія ¹⁾).

(Понятіе времени, причинности, пространства.)

Понятіе времени также является очень хорошимъ примѣромъ апріорныхъ понятій, въ особенности, если мы условимся называть апріорными понятіями такія, которыя не могутъ быть получены непосредственно изъ впечатлѣній внѣшняго міра, но которыя въ то же время являются необходимыми условіями опыта. Таково именно понятіе времени.

Въ объективномъ мірѣ нѣтъ ничего такого, чему время соотвѣтствовало бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напр., понятію „цвѣта“ соотвѣтствуютъ реально-существующія цвѣта, понятію „дерева“ соотвѣтствуютъ деревья и т. п.

На первый взглядъ понятіе времени является *копией* реальныхъ отношеній или явленій. Но едва ли это такъ.

Что время въ нашемъ сознаніи существуетъ реально, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но также несомнѣнно, что въ природѣ, объективно, оно не существуетъ, и между вещами и явленіями въ природѣ его указать нельзя. Объективно въ природѣ существуютъ событія или явленія, воспріятіе которыхъ является только поводомъ для возникновенія понятія времени. Отсюда выводъ очевидный. Если понятію времени соотвѣтствуетъ въ объективномъ мірѣ не время объективно существующее, а нѣчто другое, то ясно, что время является порожденіемъ самого нашего сознанія, что оно есть продуктъ своеобразной дѣятельности самого нашего сознанія.

1) № 59 „Вопр. Фил. и Псих.“

Вопросы философіи, кн. 60.

Что время имѣетъ исключительно *субъективный* характеръ, т.-е. что оно существуетъ только въ нашемъ сознаниі, это можно сдѣлать понятнымъ при помощи слѣдующаго примѣра. Предположимъ, что существуетъ такой міръ, въ которомъ все неподвижно, въ которомъ нѣтъ никакихъ процессовъ, никакихъ измѣненій. Допустимъ далѣе, что въ этомъ мірѣ находятся живыя существа. Можетъ ли у такихъ существъ возникнуть идея времени? Нужно думать, что нѣтъ. Времени просто не существуетъ. Оно рождается изъ воспріятія измѣненій, событій, которымъ, какъ мы увидимъ ниже, наше сознание отъ себя придаетъ опредѣленный порядокъ. Поэтому можно сказать, что существованіе времени обуславливается главнымъ образомъ дѣятельностью самого сознания, внѣшнія же событія и измѣненія являются только поводомъ для образования этого понятія.

Для насъ въ вопросѣ объ апріорности времени самымъ важнымъ является рѣшеніе вопроса о степени *объективности* понятія времени. Для этой цѣли намъ слѣдуетъ прежде всего рѣшить, какіе элементы объективнаго міра даютъ начало понятію времени и какимъ образомъ это понятіе создается?

Мы знаемъ, что оперированіе со временемъ въ нашемъ сознаниі между прочимъ сводится къ оцѣнкѣ величины или продолжительности его, къ признанію его бѣльшимъ или меньшимъ.

Оцѣнка же времени, какъ извѣстно изъ психологіи, находится въ зависимости отъ количества образовъ или представленій, т.-е. продолжительность времени намъ кажется тѣмъ бѣльшей, чѣмъ бѣльшее количество образовъ или представленій перебивало въ нашемъ сознаниі. Если намъ кажется, что мы пережили бѣльшій промежутокъ, то это оттого, что этому переживанію фактически соотвѣтствуетъ бѣльшее количество представленій и наоборотъ.

Представленія, вызываемыя смѣной событій, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго міра, и составляютъ тотъ матеріаль, изъ котораго создается понятіе времени. Но если бы смѣна

событій происходила неправильно, т.-е. такъ, чтобы мы были не въ состояніи подмѣтить повторяющагося возвращенія одного какого-либо событія, то понятія времени въ собственномъ смыслѣ не могло бы возникнуть. Для возникновенія его необходимо, чтобы смѣна событій которая даетъ начало понятію времени, повторялась или вообще носила періодическій характеръ. Различіе между этими двумя случаями смѣны впечатлѣній можно пояснить при помощи слѣдующаго примѣра. Представимъ себѣ существо, которое стоитъ передъ цилиндромъ, вполнѣ равномерно окрашеннымъ и производящимъ равномерныя вращательныя движенія, такъ что означенное существо получаетъ болѣе или менѣе однородныя впечатлѣнія. Легко допустить, что такое существо могло бы имѣть идею времени, такъ какъ оно могло бы имѣть тотъ рядъ представленій, который обуславливаетъ возникновеніе идеи времени; представленія смѣнялись бы, слѣдуя другъ за другомъ, послѣдовательности же смѣняющихся впечатлѣній было бы вполнѣ достаточно для возникновенія идеи времени. Но идея времени, которая могла бы возникнуть при такихъ условіяхъ, носила бы очень неопредѣленный характеръ. Въ этомъ случаѣ могла бы возникнуть собственно только лишь идея *послѣдовательности*. Для возникновенія понятія времени въ собственномъ смыслѣ необходимо, чтобы что-нибудь вносило опредѣленность, а это именно можетъ быть въ томъ случаѣ, когда въ ряду смѣняющихся впечатлѣній есть такія, которыя *повторяются* и при томъ повторяются при одинаковыхъ условіяхъ. Положимъ, что мы желаемъ опредѣлить представленія, которыя даютъ начало идеѣ продолжительности дня. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что эта идея является результатомъ воспріятія смѣны впечатлѣній. Въ этомъ ряду впечатлѣній, которыя могутъ наполнить дневное существованіе человѣка, періодически повторяется представленіе солнца, дающаго свѣтъ, представленіе, смѣняющееся представленіемъ наступленія темноты. Такимъ образомъ, въ ряду представленій есть одно какое-нибудь

представленіе, которое особенно привлекаетъ вниманіе и которое въ то же время періодически возвращается. Появленіе солнца на горизонтѣ въ ряду прочихъ смѣняющихся впечатлѣній есть явленіе, которое повторяется при одинаковыхъ условіяхъ. То же самое можетъ быть въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ періодическими явленіями вообще, напр., движеніями луны, движеніемъ часовой стрѣлки и т. п. Такимъ образомъ, въ смѣнѣ явленій, дающихъ начало идеѣ времени, всегда должны быть такія, которыя особенно привлекаютъ наше вниманіе, и въ этомъ смыслѣ становятся отмѣтными пунктами, отдѣляющими одинъ родъ представлений отъ другихъ, и благодаря этому даютъ возможность оцѣнки длительности или продолжительности, а это есть необходимый элементъ понятія времени.

Теперь ясно, каковы суть тѣ элементы, которые даютъ начало понятію времени. Это суть извѣстныя событія, процессы, движенія, смѣна которыхъ вызываетъ различныя *представленія*. Мы можемъ сказать, что эти представленія суть въ извѣстномъ смыслѣ копии внѣшнихъ событій, явленій, процессовъ и т. п.

Но эти представленія, или образы, сами по себѣ не даютъ идеи времени; нужно еще, чтобы между ними установилась опредѣленная *связь*. Какого рода связь можетъ установиться между ними, можно сдѣлать яснымъ при помощи примѣра.

Положимъ, что мы слышимъ три, другъ за другомъ слѣдующихъ, удара маятника. Мы говоримъ, что сначала раздался одинъ ударъ, потомъ другой, потомъ третій. Мы распредѣляемъ эти удары во времени, такъ какъ одинъ ударъ мы считаемъ происходящимъ сначала, а другой потомъ. Если мы говоримъ, что событіе совершается *сначала*, *потомъ*, или вообще въ какой-нибудь послѣдовательности, то мы локализуемъ событія во времени.

Мы видимъ такимъ образомъ, что самымъ характернымъ для понятія времени является то обстоятельство, что мы извѣстныя представленія или элементы считаемъ послѣдо-

вательными, мы считаемъ, что они возникаютъ одно за другимъ. Если мы обозначимъ три элемента, слѣдующихъ другъ за другомъ, посредствомъ А, В и С и если мы допустимъ, что представляя В, мы будемъ представлять въ то же время и А, и С, но такъ, что В будетъ мыслиться нами, какъ нѣчто неподвижное, но въ то же время намъ будетъ казаться, что наше сознание возвращается къ А, а затѣмъ отъ А направляется къ С, то такого рода движеніе мысли будетъ именно то характерное въ понятіи времени, что мы называемъ представленіемъ послѣдовательности.

Такимъ образомъ, самой характерной чертой временныхъ отношеній является представленіе послѣдовательности; именно то обстоятельство, что мы представляемъ себѣ событія слѣдующими другъ за другомъ. Но для такого представленія необходимо выполненіе только что приведеннаго условія.

Чтобы видѣть, что время не есть просто копія чего-либо, существующаго объективно, намъ достаточно предложить вопросъ, откуда получается послѣдовательность; существуетъ ли послѣдняя объективно или нѣтъ. Мы получаемъ идею послѣдовательности, когда, напр., воспринимаемъ удары маятника. Но гдѣ же въ нихъ, въ звуковыхъ ощущеніяхъ, получающихся отъ ударовъ маятника, собственно послѣдовательность. Вѣдь, когда раздаются удары маятника, то на самомъ дѣлѣ мы ощущаемъ только звуки.

Эмпирикъ, предполагающій, что время есть просто копія чего-либо объективно существующаго, долженъ былъ бы утверждать, что достаточно воспринять звуковыя ощущенія для того, чтобы получить также и идею послѣдовательности. Но уже Юмъ, эмпирикъ, этотъ взглядъ отрицаетъ.

„Идею времени,—говоритъ Юмъ,—мы образуемъ изъ послѣдовательности идей и впечатлѣній. Если бы мы не имѣли послѣдовательныхъ воспріятій, то мы не имѣли бы и идеи времени. Идея времени возникаетъ не изъ какого-либо частнаго впечатлѣнія, соединяющагося съ другими и вполнѣ

отличаемаго отъ нихъ, но она возникаетъ отъ того *способа* (manner), въ которомъ впечатлѣнія представляются нашему сознанию, не входя однако въ число этихъ послѣднихъ“. Идея времени, слѣдовательно, совсѣмъ не имѣетъ соотвѣтствующаго впечатлѣнія. „Пять тоновъ, которые мы проигрываемъ на флейтѣ, даютъ намъ впечатлѣніе и идею времени, хотя время и не есть шестое впечатлѣніе, которое представлялось бы само по себѣ слуху или какому-нибудь другому чувству. Это не есть также шестое ощущение, которое душа находила бы въ самой себѣ посредствомъ рефлексіи“. Сознывая время, „душа сознаетъ только лишь тотъ *способъ*, которымъ различные звуки представляются нашему сознанию и каковой *способъ* она впослѣдствіи можетъ разсматривать, не привлекая къ разсмотрѣнію этихъ частныхъ звуковъ, но можетъ этотъ *способъ* или порядокъ соединить съ какими-нибудь другими предметами или впечатлѣніями“¹⁾. Мысль Юма очень ясна. Не самыя впечатлѣнія даютъ намъ идею времени, не во впечатлѣніяхъ слѣдуетъ искать источникъ идеи времени, а въ извѣстномъ *способѣ соединенія* ихъ. Собственно, по Юму, это есть извѣстная форма, или извѣстный *порядокъ*, въ которомъ складываются впечатлѣнія, что видно изъ словъ Юма, гдѣ онъ говоритъ, что тотъ порядокъ, который даетъ поводъ для возникновенія идеи времени, можетъ быть полученъ изъ какихъ угодно впечатлѣній; какія угодно впечатлѣнія можно расположить въ этомъ порядкѣ. Безъ какихъ-либо впечатлѣній, конечно, не можетъ получиться идея времени, но сама идея времени не можетъ быть особымъ впечатлѣніемъ. Она есть не что иное, какъ впечатлѣнія, расположенныя извѣстнымъ образомъ, т.-е. слѣдующія другъ за другомъ.

Эти указанія Юма имѣютъ для насъ громадное значеніе, такъ какъ они показываютъ, что чистый эмпиризмъ въ этомъ пунктѣ не можетъ быть послѣдовательно доведенъ до конца. По чистому эмпиризму, идеи всегда являются копией пред-

¹⁾ См. Hume. Treatise of human nature. стр. 37 (изд. Selby-Bigge).

метовъ или впечатлѣній. Но это несправедливо именно по отношенію къ идеѣ времени, для которой нельзя указать ни одного впечатлѣнія, изъ котораго она могла бы возникнуть, но она возникаетъ вслѣдствіе того, что сознание воспринимаетъ именно тотъ способъ, которымъ намъ представляются тѣ или другія впечатлѣнія, когда мы воспринимаемъ явленія въ ихъ послѣдовательности.

Такимъ образомъ, по Юму, времени какъ чего-либо особеннаго на ряду съ другими ощущеніями не имѣется. Оно создается изъ ощущеній или впечатлѣній вслѣдствіе того, что имъ придается особый распорядокъ или между ними устанавливается извѣстное *отношеніе*.

По эмпирической точкѣ зрѣнія, послѣдовательность въ сознаниіи должна была бы быть копіей того, что существуетъ въ объективномъ мірѣ. Она должна была бы находиться въ вещахъ такъ, какъ въ нихъ находятся цвѣта, звуки и т. п. Но это неправильно потому, что въ объективномъ мірѣ нѣтъ послѣдовательности, а есть только звуки, цвѣта и т. п., послѣдовательность же мы сами создаемъ. Послѣдовательность есть нѣчто нами самими приносимое въ познаніе вещей; какъ это принято выражать, „*послѣдовательность ощущеній не есть ощущеніе послѣдовательности*“. Эта послѣдняя должна быть создана самимъ сознаниемъ.

Послѣдовательности самой по себѣ въ вещахъ нѣтъ. Если бы наше сознание восприняло только пять тоновъ и отъ себя ничего не приносило, то у насъ не могло бы получиться идеи послѣдовательности. Для созиданія этой послѣдней нужно въ воспріятіе внести еще нѣчто, что внѣшними впечатлѣніями не дается. Это легко видѣть изъ слѣдующихъ соображеній. Предположимъ, что намъ даны эти же пять звуковъ, но такимъ образомъ, что какъ только мы услышимъ первый звукъ, то мы тотчасъ же забываемъ о немъ, онъ уходитъ изъ нашего сознанія. Пусть затѣмъ намъ дано другое звуковое ощущеніе, которое точно такъ же послѣ его воспріятія удаляется изъ нашего сознанія и

т. д. Можетъ ли при такихъ условіяхъ возникнуть идея послѣдовательности? Конечно, не можетъ. Изъ совершенно разрозненныхъ впечатлѣній не можетъ получиться идеи времени. Для этого послѣдняго необходимо, чтобы существовала *связь* между отдѣльными образами. Если бы связи между отдѣльными впечатлѣніями не было, то и идеи послѣдовательности не могло бы быть.

Для возникновенія идеи времени необходимо, чтобы послѣдовательныя впечатлѣнія были соединены другъ съ другомъ и при томъ вполне опредѣленнымъ образомъ. Для объясненія этой связи положимъ, что въ нашемъ сознаніи слѣдуютъ другъ за другомъ три впечатлѣнія А, В, С. Если мы допустимъ, что они слѣдуютъ другъ за другомъ такимъ образомъ, что между ними нѣтъ никакой связи, то въ такомъ случаѣ окажется, что когда въ нашемъ сознаніи будетъ находиться одно впечатлѣніе, напр., В, то другихъ впечатлѣній въ немъ не будетъ. Если же мы пожелаемъ бы представить себѣ, что эти три элемента слѣдуютъ другъ за другомъ во времени, т.-е., другими словами, если бы мы пожелаемъ представить себѣ ихъ послѣдовательными, то въ сознаніи должны одновременно находиться налицо и А, и В, и С. Прошедшее, настоящее, будущее суть различные моменты времени, но въ сознаніи все то, что соотвѣтствуетъ этимъ различіямъ, должно находиться одновременно. То, что нами мыслится прошлымъ, можетъ мыслиться таковымъ только въ томъ случаѣ, если оно находится въ сознаніи одновременно съ настоящимъ. Т. е. три момента времени, или три элемента, три представленія или три разнородныхъ группы представленій, изъ которыхъ мы одну считаемъ отошедшей въ прошлое, другую—ожидаемой, одну мы считаемъ уже не существующей, а другую еще не существующей, должны въ сознаніи находиться *одновременно*¹⁾. Мы беремъ исходнымъ пунктомъ настоящее, которое мы символически изобразимъ при помощи В. Всѣ три

¹⁾ James. Principles of Psychology Vol. II.

момента времени должны быть сравниваемы, а процессъ сравненія можетъ осуществляться только въ томъ случаѣ, когда всѣ три элемента находятся одновременно въ сознаниіи. Сравненіе, которое нужно для того, чтобы установить отношеніе послѣдовательности, можетъ осуществиться только потому, что сознание обладаетъ *единствомъ*, или способностью связывать прошлыя и ожидаемыя состоянія съ настоящими.

Какимъ образомъ происходитъ это связываніе и какого рода эта связь, мы разбирать не станемъ, это собственно есть дѣло психологіи. Для насъ важно только замѣтить, что это связываніе, какъ и всякое связываніе, есть нѣчто субъективное, производимое сознаниемъ независимо отъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Для образованія идеи послѣдовательности сознание не только должно получить рядъ представленій, но оно должно *соединить* ихъ особеннымъ образомъ, именно исходя отъ того, что называется „настоящимъ“, соединить съ нимъ прошедшіе и будущіе моменты. Для этой цѣли сознание, оставаясь на представленіяхъ настоящаго, должно обращаться къ прошедшему и будущему. Словомъ, оно должно производить своеобразныя перестановки, а вслѣдствіе этого созидать такой порядокъ, котораго не дается внѣшнимъ міромъ. Результатомъ этихъ перестановокъ и является идея послѣдовательности. Слѣдовательно, идея послѣдовательности есть просто копія внѣшнихъ впечатлѣній. Для того, чтобы получилась идея послѣдовательности, нужно, чтобы къ тѣмъ представленіямъ, которыя мы получаемъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній, присоединился особый *синтезъ*, который именно есть дѣло сознанія.

Мы видѣли, что соединеніе представленій происходитъ такимъ образомъ, что въ нашемъ сознаниіи удерживается одинъ элементъ, который является исходнымъ пунктомъ для сравненія, именно тотъ элементъ, который мы называемъ настоящимъ. Онъ представляетъ собою, такъ сказать, неподвижный пунктъ, около котораго концентрируются

другіе элементы ощущенія, образы или представленія, изъ опредѣленнаго соединенія которыхъ и создается представленіе послѣдовательности.

Такимъ образомъ ясно, что въ представленіи послѣдовательности мы имѣемъ реконструкцію ощущеній, данныхъ намъ въ дѣйствительномъ опытѣ. Это есть, такъ сказать, особенная форма связи ощущеній. Опытъ намъ даетъ только извѣстное число ощущеній или представленій, а связь, и при томъ особенную связь, даетъ имъ сознание.

Само собою разумѣется, что, говоря о томъ, что сознание творитъ представленіе послѣдовательности, я не желаю утверждать, что сознание можетъ творить безъ всякаго повода. Конечно, внѣшній опытъ необходимъ, но онъ не есть то, что главнымъ образомъ опредѣляетъ представленіе послѣдовательности.

До сихъ поръ мы рассматривали представленіе времени съ одной спеціальной точки зрѣнія, именно съ точки зрѣнія соответствія его съ впечатлѣніями дѣйствительности, и видѣли, что главный характерный признакъ времени, именно идея послѣдовательности, не есть элементъ, заимствуемый просто изъ объективнаго міра, а есть результатъ дѣятельности самого субъекта.

Что касается логически обработаннаго *понятія времени*, то, чтобы понять его возникновеніе, слѣдуетъ обратиться къ тому источнику, который мы рассмотрѣли въ прошлой статьѣ. Понятіе времени именно является результатомъ рефлексіи.

Такое понятіе времени именно создается такимъ образомъ, что мы представляемъ себѣ тотъ *способъ*, которымъ связываются представленія, когда у насъ бываетъ идея послѣдовательности. Мы представляемъ себѣ въ этомъ случаѣ не какіе-нибудь опредѣленные образы, а только лишь извѣстную *форму*, или *схему*, безъ какого бы то ни было содержанія.

Эту схему временной послѣдовательности мы можемъ получить, только лишь наблюдая процессы нашего собствен-

наго сознанія. Такимъ образомъ понятіе времени есть продуктъ рефлексіи. Если мы это признаемъ, то для насъ сдѣлаются понятными и всѣ основныя свойства времени.

Разсмотримъ, наприм., такой признакъ времени, какъ *единичность*. Намъ именно кажется, что время едино, что отдѣльные моменты времени суть части или подраздѣленія этого единого времени. Благодаря такому свойству времени Канту и казалось, что время не есть понятіе, а есть интуиція (*Anschauung*), т.-е. такое умственное построеніе, которое относится къ единичному предмету. Когда мы мыслимъ какое-нибудь понятіе въ собственномъ смыслѣ, напр., понятіе дерева, то мы непременно представляемъ себѣ, что есть множество деревьевъ или множество экземпляровъ деревьевъ; когда же мыслимъ понятіе времени, то мы мыслимъ не о нѣсколькихъ экземплярахъ времени, а единичное время; оно представляется намъ чѣмъ-то единымъ. Изъ этого дѣлается яснымъ, что понятіе времени не можетъ быть эмпирическимъ понятіемъ, подобно другимъ понятіямъ, которыя создаются изъ сравненія однородныхъ предметовъ или явленій.

Представленіе единичности времени создается самимъ сознаніемъ, независимо отъ воздѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній, приблизительно слѣдующимъ образомъ. Благодаря тождеству сознанія, все переживаемое нами относится къ одному и тому же сознанію, т.-е. къ одному и тому же центру. Если мы какой-нибудь промежутокъ времени мыслимъ по вышесказанной схемѣ АВС, въ которой В есть настоящее, А прошедшее и С—будущее и въ которой эти элементы мыслятся нами слѣдующими другъ за другомъ, то вполне естественно, что мы то время, которое можетъ обнимать очень большой промежутокъ, наприм., значительную часть нашей жизни, мыслимъ по той же самой схемѣ, но только подъ А мы будемъ мыслить не какую-нибудь небольшую группу представленій, а всю ту совокупность представленій, которыя составляютъ наше прошедшее. Отсюда ясно, что время намъ кажется единымъ потому, что

въ мышленіи о немъ мы пользуемся вышеуказанной схемой, въ центрѣ которой находится сознание нашего „я“ просто, а не какая-нибудь *частная* группа представлений, какъ это бываетъ тогда, когда мы мыслимъ просто отношенія послѣдовательности.

Такимъ же образомъ, т.-е. изъ свойствъ самого сознанія объясняются и другія свойства времени, именно его *однородность, непрерывность и безконечность*.

Подъ однородностью времени мы понимаемъ то свойство его, по которому одинъ отрѣзокъ времени обладаетъ совершенно тѣми же самыми свойствами, какими обладаетъ и другой. Но откуда можетъ получиться представленіе однородности времени, если въ тѣхъ объективныхъ возбужденіяхъ: движеніяхъ, процессахъ, измѣненіяхъ и т. п., которыя являются причиной представленія времени, нѣтъ поводовъ для созиданія признака однородности? Если въ объективномъ мірѣ нѣтъ того, что содержится въ понятіи, то это есть ясное доказательство того, что этотъ элементъ есть продуктъ синтезирующаго ума, а не результатъ воздѣйствія извнѣ. Слѣдовательно, однородность есть нѣчто, привносимое нашимъ умомъ и это привнесеніе происходитъ отъ того, что мы въ нашемъ процессѣ мышленія времени думаемъ не о данныхъ, являющихся поводомъ для образованія времени, а о той *формѣ движенія мысли*, которая осуществляется въ самомъ процессѣ мышленія послѣдовательности.

Въ понятіи времени мы отрѣщаемся отъ всякаго содержанія, отъ всякаго представленія внѣшнихъ событій или явленій. У насъ въ сознаніи остается только форма движенія мысли. Мы, говоря о времени, употребляемъ, напр., въ математикѣ, никогда не имѣемъ въ виду тѣхъ частныхъ событій, которыя даютъ начало идеѣ послѣдовательности, мы имѣемъ въ виду только лишь *схему* или *форму* послѣдовательности, въ которой вообще представленія могутъ слѣдовать другъ за другомъ. Мы, слѣдовательно, отрѣщаемся отъ какого бы то ни было частнаго содержанія. Если я,

напр., могу сказать, что подъ временнымъ теченіемъ я понимаю такую-то схему, то вполне естественно, что это должно быть справедливо относительно *всякаго* момента времени. Содержаніе можетъ измѣняться, форма же остается неизмѣнной, а потому и время намъ кажется однороднымъ.

Точно такъ же можно объяснить и *непрерывность* времени. Это свойство не можетъ быть получено изъ внѣшнихъ впечатлѣній, такъ какъ непрерывности въ объективномъ мірѣ нѣтъ. Психологически непрерывность времени объясняется именно тѣмъ, что мы при мышленіи объ этомъ свойствѣ имѣемъ въ виду опять только схему послѣдовательности, отвлекаясь отъ какихъ бы то ни было частныхъ событій, являющихся поводомъ для представленія времени. Всего вѣроятнѣе, что идея непрерывности возникаетъ вслѣдствіе того, что мы теченіе времени символизуемъ при помощи идеи движенія просто, а эта послѣдняя идея обладаетъ именно такимъ характеромъ. Понятіе же непрерывности движенія является результатомъ употребленія математически идеальныхъ элементовъ, какъ-то: абсолютно прямой линіи, линіи безъ ширины и толщины, точки безъ протяженности и т. п. Непрерывность, которая содержится въ понятіи линіи и является собственно символомъ для непрерывности времени, т.-е. того представленія, что время нигдѣ не прерывается, что нѣтъ такого момента, когда время прекращалось бы, чтобы послѣ пустого промежутка вновь начать свое существованіе. По всей вѣроятности, не только въ математическомъ сознаніи, но и въ обычномъ сознаніи непрерывность времени символизуется при помощи непрерывности линіи.

Безконечность времени есть также только форма мышленія. Мы находимъ, рефлектируя надъ формами нашего мышленія, что оно обладаетъ способностью синтезировать отдѣльные моменты времени, не прерывая этой работы синтезирования, т.-е. мы находимъ, что сознаніе обладаетъ способностью присоединять отдѣльные моменты времени другъ къ другу произвольно, сколько угодно разъ. Потому намъ

время кажется безконечнымъ. Эту способность синтезирования мы объективируемъ, и простую *возможность* синтеза превращаемъ въ истинную реальность, и думаемъ, что безконечное время существуетъ реально.

Обратимъ вниманіе на то, что время имѣетъ *формальный* характеръ, т.-е. не существуетъ какой-либо опредѣленной группы впечатлѣній, которая единственно опредѣляла бы возникновеніе идеи времени въ нашемъ сознаніи. Все, что существуетъ объективно, всѣ объективные процессы и событія могутъ быть причиной возникновенія идеи времени, такимъ же свойствомъ обладаютъ и всѣ внутреннія явленія, а это и указываетъ на формальный характеръ этой идеи, который еще болѣе отчетливо обнаруживается въ томъ случаѣ, когда мы обратимъ вниманіе на то, что мы въ этой идеѣ мыслимъ не какое-либо опредѣленное содержаніе, а просто возможный порядокъ, который, какъ мы видѣли, не дается намъ внѣшнимъ міромъ, а является продуктомъ синтезирующей дѣятельности нашего ума. Такъ какъ въ идеѣ времени мы не имѣемъ никакого содержанія, а имѣемъ только порядокъ, то мы съ полнымъ основаніемъ можемъ признать, что это понятіе происходитъ изъ наблюденія надъ нашими собственными состояніями, надъ тѣмъ, что мы дѣлаемъ, когда мы опредѣляемъ временныя отношенія. Слѣдовательно, идея времени получается не изъ внѣшняго опыта, а изъ внутренняго, изъ рефлексіи.

Такимъ образомъ ясно, что идея времени не есть простая копія объективной дѣйствительности. Воспріятіе простой послѣдовательности необходимо предполагаетъ видоизмѣненіе, реконструкцію, перестройку впечатлѣній, полученныхъ изъ объективнаго міра. Однихъ ощущеній для созданія понятія времени было бы совершенно недостаточно. Понятіе времени происходитъ не изъ внѣшняго опыта, подобно объективнымъ эмпирическимъ понятіямъ, а является результатомъ рефлексіи и вносится во внѣшній опытъ, и въ этомъ смыслѣ должна считаться апріорной. Но употребляя слово *опытъ* и утверждая, что понятіе времени не получается изъ

опыта, я отличаю это понятіе отъ понятія *испытыванія*, потому что и по защищаемой мною теоріи мы не можемъ имѣть никакой идеи, никакого понятія безъ испытыванія, безъ переживанія, безъ развитія. Я не допускаю, чтобы какая бы то ни было идея могла явиться сама собою, безъ какого-либо повода извнѣ, и понятіе времени, конечно, является продуктомъ продолжительнаго развитія, результатомъ наблюденія. Отрицая же эмпирическое толкованіе, я хотѣлъ выразить ту мысль, что объективный, физическій опытъ не содержитъ достаточно данныхъ для возникновенія априорныхъ элементовъ познанія, а они получаются изъ другихъ источниковъ. Я не отрицаю опыта въ созиданіи понятія времени, а только думаю, что въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не тотъ опытъ, который признаетъ эмпирическая школа.

Такимъ образомъ понятіе времени, какъ такое понятіе, которое не получается изъ внѣшняго опыта, должно быть признано понятіемъ априорнымъ, и именно априорнымъ въ *психологическомъ* смыслѣ. Но априорность понятія времени обнаруживается и въ другомъ отношеніи, и это уже будетъ априорностью въ *гносеологическомъ* смыслѣ. Между психологической и гносеологической априорностями есть слѣдующее различіе.

Априорнымъ въ психологическомъ смыслѣ мы можемъ называть все то въ нашемъ познаніи, что имѣетъ характеръ *субъективный*, что не можетъ быть получено изъ объективнаго міра. Въ этомъ смыслѣ связь, извѣстный синтезъ, есть субъективное. Это есть то, что субъектъ отъ себя привноситъ, чего онъ изъ непосредственнаго воспріятія не могъ бы получить.

Подъ априорнымъ понятіемъ въ гносеологическомъ смыслѣ называется то понятіе, которое составляетъ логическую *предпосылку* опыта, познанія или вообще воспріятія. Время какъ разъ удовлетворяетъ и этому послѣднему условію. Мы знаемъ, что мы ничего не можемъ воспринять изъ того, что совершается во внутреннемъ или во внѣшнемъ мірѣ безъ того, чтобы оно намъ не представлялось въ формѣ

времени, чтобы оно не представлялось совершающимся сначала, послѣ и т. д., чтобы оно не казалось намъ занимающимъ какую-либо часть времени. Безъ этого понятія мы не можемъ мыслить совершеніе какого-либо событія. Понятіе времени въ этомъ смыслѣ есть необходимое условіе воспріятія внѣшнихъ и внутреннихъ явленій. Поэтому можно сказать, что время есть необходимое *условіе*, предпосылка опыта, познанія. Когда мы говоримъ, что время есть предпосылка нашего познанія, то это нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что оно находится готовымъ въ нашемъ сознаниі до всякаго воспріятія. Понятіе времени не предшествуетъ воспріятію въ *хронологическомъ* смыслѣ, а оно является только лишь логическимъ условіемъ, оно обуславливаетъ такъ, какъ вообще одно понятіе можетъ обуславливать другое понятіе.

Слѣдуетъ обратить также вниманіе на то обстоятельство, что это понятіе времени, являющееся предпосылкой познанія, обладаетъ такими свойствами, которыя не могутъ быть получены изъ внѣшняго опыта, именно оно обладаетъ непрерывностью, однородностью и т. п. Время съ указанными свойствами необходимо также для того, чтобы обосновать науку о движеніи. Механика была бы невозможна, если бы мы не приписывали времени этихъ свойствъ.

Такимъ образомъ понятіе времени апріорно въ двоякомъ смыслѣ—и въ психологическомъ и въ гносеологическомъ.

Но здѣсь можно видѣть также, что точка зрѣнія психологическаго апріоризма и гносеологическаго совпа даютъ. Именно логической предпосылкой познанія является такое понятіе, которое представляетъ собою нѣчто субъективное, не могущее получиться изъ внѣшняго опыта. Поэтому, несмотря на существенное различіе между точками зрѣніями психологической и гносеологической, они въ концѣ концовъ совпадаютъ.

Мы видѣли, что апріорность въ понятіи времени обнаруживается въ томъ, что оно является продуктомъ перестройки того, что намъ доставляется непосредственнымъ

чувственнымъ опытомъ. Кромѣ того, понятіе времени априорно и въ томъ смыслѣ, что оно является предпосылкою познанія.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ априорно и понятіе *причинности*. Въ примѣненіи закона причинности въ нашемъ познаніи априорность обнаруживается въ томъ, что оно употребляется какъ постулатъ, какъ предпосылка, безъ которой невозможно познаніе, хотя бы этотъ постулатъ представлялъ положеніе, которое не можетъ быть доказано опытомъ.

Разборъ априорности понятія причинности или закона причинности затрудняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что смыслъ закона причинности различными авторами различно истолковывается, или, вѣрнѣе сказать, различно формулируется.

Чаще всего подъ закономъ причинности понимаютъ убѣжденіе, по которому „никакое событіе не можетъ возникнуть безъ какой-либо причины“, или что „всякое измѣненіе въ мірѣ имѣетъ свою соотвѣтствующую причину“. Другіе подъ закономъ причинности понимаютъ законъ *однообразія* природы и отождествляютъ съ убѣжденіемъ, по которому законы природы постоянны или „будущее похоже на настоящее“. По этому толкованію, если мы высказываемъ какое-нибудь положеніе, имѣющее общій характеръ, т.-е. положеніе, которое относится къ цѣлому классу однородныхъ явленій, а не къ какому-либо частному индивидуальному явленію, то мы его высказываемъ съ убѣжденіемъ, что оно справедливо не только для того момента, въ которомъ мы его высказываемъ, но и для будущаго. Это обыкновенно такъ формулируется: „природа однообразна“, „будущее должно быть сходно съ прошедшимъ“, „природа имѣетъ опредѣленные законы“, т.-е. если я высказываю какой-нибудь законъ, который я констатировалъ относительно какой-либо группы однородныхъ явленій, то я высказываю этотъ законъ съ увѣренностью, что и на будущее время природа въ ея цѣломъ не измѣнитъ своихъ законовъ ¹⁾.

¹⁾ См. *Vain. Logic. I, 227.*

Въ дѣйствительности между этими двумя формулами закона причинности, т.-е. между признаніемъ, что *нѣтъ дѣйствія безъ причины*, и между признаніемъ закона *однообразія природы*, есть несомнѣнная связь. Бэнъ говоритъ: „однообразіе послѣдовательностей, существующее въ природѣ, подчиняется обширному однообразію, именно закону причинности“. Здѣсь однообразіе природы просто отождествляется съ закономъ причинности. Этотъ послѣдній можетъ быть, по Бэну, выраженъ такъ. „Во всякомъ измѣненіи существуетъ однообразіе между предыдущимъ и послѣдующимъ. Каждое событіе, имѣющее мѣсто, вполне опредѣленно (definitely) и однообразно связано съ какимъ-либо событіемъ или событіями. Когда эти послѣднія наступаютъ, то наступаютъ и тѣ: когда они отсутствуютъ, то отсутствуютъ и тѣ...“ „Законъ причинности отрицаетъ двѣ вещи. Во-1-хъ, чистую спонтанность или самопроизвольность начала дѣйствія. Если этотъ законъ правиленъ, то никакое дѣйствіе не можетъ возникнуть изъ пустоты. Въ-2-хъ, законъ отрицаетъ, чтобы одни событія слѣдовали бы за другими неправильно. Онъ именно утверждаетъ однообразіе въ послѣдовательности событій“.

Такимъ образомъ, Бэнъ соединяетъ въ одно два возможныхъ пониманія причинности, именно то положеніе, что „никакое дѣйствіе не можетъ возникнуть безъ причины“, и то положеніе, по которому связь между причиной и дѣйствіемъ постоянна. То же самое дѣлаетъ и Милль въ слѣдующемъ опредѣленіи¹⁾. „Всякое явленіе или начало какого-либо явленія должно имѣть какую-нибудь причину, какое-нибудь предшествующее, за возникновеніемъ котораго оно слѣдуетъ неизмѣнно и безусловно“.

Такимъ образомъ при всемъ кажущемся различіи между вышеприведенными двумя формулами причинности, между ними есть несомнѣнная связь, которую можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Если мы говоримъ, что всякое дѣй-

¹⁾ Logic. 369.

ствіе имѣть соотвѣтствующую причину, то мы причину называемъ причиной только потому, что мы увѣрены, что она *всегда* есть причина даннаго дѣйствія, что именно она порождаетъ данное дѣйствіе. Если мы подъ причиной будемъ понимать то, что находится въ *постоянной* связи съ соотвѣтствующимъ ему дѣйствіемъ, то намъ будетъ представляться, что субстанціи, между которыми происходитъ взаимодействіе, сохраняютъ тожество и постоянство, а потому и связь между ними должна представлять нѣчто постоянное, а это равносильно признанію, что причинныя связи вообще постоянны, т.-е. что законы природы, которые именно и выражаются при помощи причинныхъ связей, постоянны или однообразны ¹⁾.

Но откуда получается то *убѣжденіе*, которое получаетъ свое выраженіе въ законѣ причинности, или, другими словами, откуда получается убѣжденіе, что законы природы постоянны? Достоувѣрно ли это убѣжденіе или вообще, какова степень его достовѣрности?

Прежде всего кажется, что законъ причинности не можетъ имѣть эмпирическаго происхожденія, ибо въ такомъ случаѣ онъ не обладалъ бы аподиктической достовѣрностью, мы не могли бы о немъ сказать, что онъ обладаетъ абсолютной достовѣрностью. Мы могли бы о немъ сказать что онъ обладаетъ относительной достовѣрностью, а между тѣмъ, повидимому, законъ этотъ обладаетъ аподиктической достовѣрностью. Кажется, что онъ не допускаетъ никакихъ исключеній. Если бы этотъ законъ спустился на сте-

¹⁾ Эту связь между формулами причинности мы находимъ уже у Юмъ. Исслѣдованіе причинности онъ предваряетъ слѣдующими двумя вопросами:

1) Почему мы считаемъ необходимымъ, чтобы каждая вещь, существованіе которой имѣетъ начало, имѣла также и причину?

2) Почему мы заключаемъ, что такая-то частная причина должна по необходимости имѣть такія то частныя дѣйствія, и какова природа того убѣжденія, которое мы въ этомъ случаѣ имѣемъ? Эту вторую формулу Юмъ дальше формулируетъ какъ предположеніе, по которому будущее похоже на прошедшее и находить, что это предположеніе совсѣмъ не доказано какими-нибудь аргументами, и покоится исключительно на привычкѣ. (См. Treatise of human nature стр. 82).

пень обыкновеннаго закона, т.-е. если бы онъ обладалъ только относительной достовѣрностью, то наука должна была бы прекратить свое существованіе, потому что у насъ перестала бы существовать увѣренность въ томъ, что законы, которые мы созидаемъ сегодня, будутъ имѣть также значеніе и завтра. Такимъ образомъ при предположеніи эмпирическаго происхожденія закона причинности мы пришли бы къ скептицизму. Но въ законѣ причинности содержится убѣжденіе въ абсолютномъ постоянствѣ. Откуда это убѣжденіе берется?

Обратимъ вниманіе на связь, которая существуетъ между закономъ причинности и законами природы. Связь между ними та, что такъ называемые законы природы, которые существуютъ въ нашей наукѣ, суть именно выраженія причинныхъ отношеній явленій, а для причиннаго отношенія явленій существенны такіе признаки, какъ *неизмѣнность* и *необходимость*. Въ нашемъ мышленіи причина А необходимо связана съ слѣдствіемъ В; по нашему представленію появленіе А необходимо влечетъ за собою появленіе В. Если бы А не производило и не созидало В необходимо, то мы А не называли бы причиной. Легко понять, что „необходимость“ связи причины и дѣйствія и „постоянство законовъ природы“ одно и то же.

Даже, по мнѣнію эмпирика Юма, простая послѣдовательность явленій еще не есть причинность. Между ними должна быть *необходимая* связь. Но Юмъ думаетъ, что эта необходимость не находится въ вещахъ, что она не имѣетъ объективнаго характера, что если бы необходимость имѣла объективный характеръ, то мы были бы въ состояніи показать то впечатлѣніе или впечатлѣнія, отъ которыхъ эта идея происходитъ.

Юмъ именно думаетъ, что такого впечатлѣнія, которое могло бы дать начало идеѣ необходимости, нѣтъ.

Поэтому слѣдуетъ сказать, что необходимость реально не существуетъ. Она имѣетъ субъективный характеръ. Необходимость есть нѣчто, что существуетъ въ душѣ,

а не въ предметахъ. Если мы говоримъ, что А необходимо вызываетъ В, то это нужно понимать только такимъ образомъ, что А въ нашемъ опытѣ часто связывалось съ В, такъ что когда является А, то за нимъ въ слѣдъ является В; при появленіи А мы привыкли ожидать В. Другими словами, у насъ установилась настолько прочная связь между А и В, что когда въ сознаніи возникаетъ мысль объ А, то въ немъ тотчасъ же возникаетъ и представленіе В. Вслѣдствіе быстрого перехода мысли отъ А къ В, намъ кажется, что А необходимо вызываетъ В. По-этому не слѣдуетъ говорить, что А созидаетъ необходимо В, а слѣдуетъ говорить, что намъ *кажется*, что А необходимо созидаетъ В.

Изъ этого ясно, что мы вообще не можемъ быть увѣрены, что между вещами существуетъ необходимая причинная связь; а изъ этого вытекаютъ слѣдующія важныя послѣдствія.

Распространимъ мы это сомнѣніе на всѣ причинныя связи и скажемъ, что вообще нельзя утверждать, что какая бы то ни была причина необходимо вызываетъ какое-нибудь дѣйствіе, а это, другими словами, означаетъ, что вообще убѣжденіе въ однообразіи законовъ природы не можетъ быть признано достовѣрнымъ. Можно даже подвергнуть сомнѣнію законъ причинности, по которому все, что начинаетъ существовать, должно имѣть причину существованія т.-е., по мнѣнію Юма, вполне мыслимо, что что-либо, начинающее существовать, можетъ получить существованіе безъ причины.

Такимъ образомъ наше убѣжденіе въ достовѣрности закона причинности совершенно не доказано.

Взглядъ Юма защищался и новѣйшими эмпиристами. Милль¹⁾ не признаетъ, чтобы между причиной и дѣйствіемъ существовала необходимая связь.

Милль, подобно Юму, думаетъ, что если намъ кажется, что А необходимо вызываетъ В, то это есть только ре-

1) Logic, стр. 370.

зультатъ привычки. Въ дѣйствительности для нашего сознанія не представляется никакой трудности въ мышленіи, что „дѣйствіе можетъ возникнуть и безъ причины“. Въ подтвержденіе этого взгляда, т.-е. мыслимости дѣйствія безъ причины, Милль ссылается на то обстоятельство, что, напр., нѣкоторые философы признаютъ свободу воли, а признаніе свободы воли, по его мнѣнію, равносильно признанію, что существуютъ явленія, которыя могутъ возникать безъ какой бы то ни было причины. Древніе философы признавали, что явленія могутъ возникать случайно. Такимъ образомъ, по мнѣнію Милля, вполне мыслимо дѣйствіе безъ причины. Мы не можемъ доказать, что въ природѣ вообще существуютъ законы. Наоборотъ, мыслимъ такой міръ, въ которомъ одни событія слѣдуютъ за другими не по какимъ-нибудь опредѣленнымъ законамъ, а случайно, какъ попало. Если мы и утверждаемъ, что существуетъ однообразіе природы, то доказать этого мы никакъ не можемъ. Въ этомъ смыслѣ законъ однообразія есть не больше, какъ *inductio per enumerationem simplicem*, т.-е. достовѣрность его такова, какъ и всякой индукціи черезъ простое перечисленіе. Вслѣдствіе такого характера закона причинности мы не гарантированы, что завтра возникнетъ явленіе, которое будетъ находиться въ совершенномъ противорѣчій съ выражаемымъ нами общимъ положеніемъ. Мы признаемъ законъ причинности достовѣрнымъ только потому, что до сихъ поръ не встрѣчалось исключенія изъ этого закона. Но, разумѣется, это не доставляетъ намъ убѣжденія, что этотъ законъ имѣетъ безусловно достовѣрный характеръ. Поэтому мы никакъ не можемъ утверждать, что причинности присуща необходимость. Если же причинной связи не присуща необходимость, то вполне понятно, что понятіе причинности не можетъ имѣть происхожденія отличнаго отъ происхожденія обыкновенныхъ эмпирическихъ положеній. Правда, что законъ причинности, благодаря тому, что до сихъ поръ не встрѣчалось никакихъ исключеній, пріобрѣтаетъ очень большую достовѣрность, онъ именно пріобрѣ-

таетъ высшую достовѣрность, достижимую для человѣческаго познанія. Законъ причинности есть эмпирический законъ, сопряженный со всѣмъ человѣческимъ опытомъ, а такіе законы занимаютъ мѣсто между наиболѣе прочно установленными положеніями науки. Но тѣмъ не менѣе этому положенію не присуща абсолютная достовѣрность.

Отсюда слѣдуетъ, что вообще мы не можемъ утверждать, что въ природѣ существуетъ однообразіе, мы не имѣемъ достовѣрныхъ доказательствъ того, что наши положенія о причинныхъ отношеніяхъ вещей безусловно достовѣрны, потому что причинныя положенія, правильныя въ настоящее время, могутъ оказаться неправильными въ послѣдствіи.

Легко понять, почему Милль это утверждаетъ. По его мнѣнію, законъ однообразія природы, какъ и всякій законъ, есть продуктъ опыта, а потому абсолютной достовѣрности въ себѣ не содержитъ. Всѣ законы, получающіеся изъ опыта, носятъ такой характеръ, что всегда мыслимо и имъ противоположное. Поэтому и относительно закона причинности слѣдуетъ сказать, что въ немъ нѣтъ ничего необходимаго, т.-е. мыслимо обратное тому, что утверждается въ этомъ законѣ. Намъ только *кажется*, что въ причинной связи усматривается необходимое отношеніе. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ вполне мыслимо, что явленіе возникаетъ безъ причины. Если намъ кажется, что въ природѣ существуютъ однообразныя законы, то это убѣжденіе есть результатъ привычки и при томъ убѣжденіе, которое возникаетъ только на высшихъ ступеняхъ культуры.

Этотъ взглядъ защищаетъ также и *Паульсенъ*, который для доказательства опытнаго происхожденія закона причинности указываетъ на недавнее его происхожденіе. „Аристотелевская философія довольствуется пониманіемъ причинности, допускающимъ и недоступныя для контроля исключенія...“ „Лишь новѣйшая физика отчетливо провела понятіе естественной законѣрности. Законы механики сдѣлались типическимъ примѣромъ законѣрности вообще.

На основаніи ихъ была впервые развита мысль о строго всеобщей и не имѣющей исключеній закономерности явленій вездѣ, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ мірѣ. Декартъ дѣлаетъ этотъ выводъ для внѣшняго міра, въ частности и для области біологіи, а Гоббсъ и Спиноза также и для внутренняго міра¹⁾.

Такимъ образомъ создается слѣдующее положеніе: съ одной стороны въ нашемъ научномъ познаніи допускается, что законъ однообразія обладаетъ абсолютнымъ характеромъ, а съ другой стороны этотъ законъ не можетъ быть доказанъ. По какому же праву въ такомъ случаѣ онъ примѣняется? Отвѣтить на этотъ вопросъ, значить объяснить функцію закона причинности въ познаніи.

Изъ ощущеній, изъ опыта нельзя получить понятія абсолютнаго однообразія. Изъ опыта мы можемъ получить понятіе только объ относительномъ однообразіи, а между тѣмъ въ нашемъ научномъ познаніи предполагается понятіе объ абсолютномъ однообразіи.

Ясно, что оно привносится нашимъ умомъ. Ясно также, что только благодаря этому привнесенію со стороны нашего ума и существуетъ научное познаніе. Безъ предположенія, что въ природѣ существуетъ абсолютное однообразіе, не могло бы быть научнаго познанія. Наука можетъ быть наукой только въ томъ случаѣ, если будетъ признано однообразіе природы, въ противномъ случаѣ ни одно положеніе не можетъ претендовать на то, чтобы считаться общеобязательнымъ. Если я формулирую какой-нибудь законъ, то я всегда исхожу изъ убѣжденія, что въ будущемъ будутъ дѣйствовать тѣ же законы, которые дѣйствуютъ въ настоящее время.

Слѣдовательно, однообразіе природы есть необходимое предположеніе, безъ котораго наука не можетъ существовать. Въ этомъ смыслѣ понятіе причинности является

¹⁾ Паульсенъ. Введеніе въ философію. М. 1899, стр. 423 и д. Ср. Liebmann, Klimax d. Theorien. 1884, стр. 86.

двойко - априорнымъ и въ смыслѣ гносеологическомъ, и въ смыслѣ психологическомъ какъ положеніе, которое не можетъ быть получено изъ чувственнаго опыта, и какъ необходимая предпосылка познанія.

Обыкновенно принято думать, что если априористы признаютъ неопытное происхожденіе закона причинности, то это значить, что, по ихъ мнѣнію, безусловно доказано, что въ природѣ дѣйствительно существуетъ однообразіе, и что измѣненія безъ какого-либо плана, т.-е. измѣненія, совершающіяся какъ попало, невозможны, какъ это признавалъ Милль. На самомъ дѣлѣ для априористовъ такой взглядъ совсѣмъ не обязателенъ.

Нельзя въ самомъ дѣлѣ доказать, что безпланная и незаконномѣрная событія невозможны. Нельзя, съ другой стороны, доказать абсолютной закономѣрности явленій. Нѣтъ такого опыта, который могъ бы обнаружить постоянную закономѣрность. Никакая метафизика не можетъ доказать, что такая закономѣрность необходимо должна существовать. Когда априористы признаютъ априорность понятія причинности, то они этимъ хотятъ только сказать, что „идеальное сознаніе совершенной науки было бы невозможно безъ усмотрѣнія необходимости всякаго событія. Они не признаютъ принципа причинности, который заранѣе въ готовомъ видѣ, какимъ-то образомъ существуетъ въ нашемъ сознаніи, принципъ причинности, по ихъ мнѣнію, есть только лишь „постулатъ стремленія къ совершенному познанію“.

Эту мысль *Зивартъ*¹⁾ разъясняетъ слѣдующимъ образомъ. „Тѣ общія предположенія, которыя составляютъ очерки нашего идеала науки, суть не столько законы, которые разумъ предписываетъ природѣ, или нашимъ чувственнымъ воспріятіямъ, сколько законы, которые онъ самъ себѣ даетъ въ изслѣдованіи и логической обработкѣ природы; они априорны потому, что нѣтъ никакого опыта, который

1) Logik. В. II, стр. 23.

могъ бы обнаружить или подтвердить ихъ во всей ихъ безусловной общности; они априорны не въ смыслѣ само собою понятныхъ истинъ, но только въ смыслѣ предположений, безъ которыхъ мы не могли бы ожидать никакого успѣха и должны были бы дѣйствовать наудачу. Въ это положеніе мы должны вѣрить, чтобы наше стремленіе къ познанію не было бессмысленнымъ, они суть постулаты и родственны основоположеніямъ въ этической области⁴. Мы должны признать, что въ вещахъ находится необходимое отношеніе, что, такъ сказать, между субстанціями есть необходимое отношеніе. Мы должны признавать, что законы взаимодѣйствія имѣютъ не только субъективное, но и объективное значеніе. Если бы мы этого не дѣлали, то нашъ идеаль совершеннаго познанія не могъ бы осуществиться. Мы стояли бы передъ совершенно безсвязнымъ хаосомъ. Вотъ единственный смыслъ априорности понятія причинности.

Такимъ образомъ утвержденіе всеобщности причинности не есть положеніе, которое *можетъ* быть доказано изъ опыта. Это не есть также положеніе, которое *должно* быть доказано, это есть не больше, какъ необходимое требованіе, какъ постулатъ, какъ извѣстная предпосылка, безъ котораго невозможно научное познаніе.

Чтобы сдѣлать понятнымъ, что понятіе причинности можетъ играть роль постулата, мы возьмемъ въ примѣръ другія понятія, которыя также играютъ роль постулатовъ и въ которыхъ эта ихъ роль значительно яснѣе, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ ихъ объективно реальными. Напримѣръ, принципъ *реальной тождества и непрерывности существованія*. Смыслъ этихъ правилъ заключается въ томъ, что мы получить ихъ изъ опыта, изъ непосредственнаго воспріятія не можемъ, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ ихъ объективно реальными.

Эмпирикъ увѣренъ, что все, что мы ни познаемъ, мы познаемъ благодаря непосредственному воспріятію при помощи органовъ чувствъ, между тѣмъ въ нашемъ познаніи

есть элементы, которые не получаются изъ дѣятельности органовъ чувствъ. Напримѣръ, въ извѣстный моментъ времени я воспринимаю предметъ А. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, я вновь обращаюсь къ воспріятію того же предмета; у меня является убѣжденіе, что я воспринимаю тотъ же предметъ, который я воспринималъ незадолго до этого, между тѣмъ доказать при помощи непосредственнаго воспріятія, что это тотъ же предметъ, который я воспринималъ раньше, я не могу, потому что въ тотъ промежутокъ времени, въ который я не наблюдалъ его, могло произойти то, что этотъ предметъ могъ какимъ-нибудь образомъ замѣниться другимъ. Если такое предположеніе и не вѣроятно, то все-таки я не имѣю возможности доказать, что это тотъ же предметъ, который я созерцалъ за минуту до этого. Но тѣмъ не менѣе я предполагаю, безъ достаточныхъ однако фактическихъ основаній, что это тотъ же самый предметъ, который я раньше воспринималъ, потому что если я этого не буду дѣлать, то мое познаніе окажется невозможнымъ: оно должно будетъ разрушиться. Это легко понять, если принять въ соображеніе, что я тѣ или другіе предикаты приписывалъ предмету А. Если у меня нѣтъ увѣренности, что это тотъ же предметъ А, который я воспринималъ раньше, то легко понять, что и мои сужденія совершенно утратятъ реальное значеніе. Такимъ образомъ ясно, что реальное тожество признается, потому что безъ него невозможно познаніе. Въ этомъ смыслѣ оно является необходимымъ постулатомъ познанія.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно принципа *непрерывности существованія*. Мы предполагаемъ, что предметъ, который мы наблюдали, существовалъ и въ тотъ моментъ, когда мы его не наблюдали, хотя возможно, что во время паузы ненаблюдения онъ и не существовалъ и вновь началъ существовать только въ моментъ новаго наблюденія. Однако мы признаемъ, что предметъ продолжалъ существовать и въ это время, потому что безъ такого признанія познаніе не могло бы осуществиться. Такимъ

образомъ въ нашемъ познаніи есть элементы, которые мы признаемъ, не будучи въ состояніи воспринимать ихъ непосредственно¹⁾).

Это суть предпосылки, условія, постулаты, которые мы допускаемъ, потому что безъ нихъ не было бы возможно познание. Такой же характеръ имѣетъ и принципъ причинности. Принципъ причинности изъ опыта недоказуемъ, но онъ тѣмъ не менѣе долженъ быть допущенъ, ибо безъ такого допущенія невозможно наше познание.

Для выясненія функціи закона причинности въ нашемъ познаніи надо обратить вниманіе еще на элементъ, именно элементъ *соціальности*, который обусловливаетъ сущность этого понятія.

Весьма сомнительно, могли ли бы существовать апріорныя идеи, если бы въ мірѣ былъ только лишь одинъ субъектъ, который со своимъ мышленіемъ и познаніемъ стоялъ бы особнякомъ. Въ научномъ познаніи дѣло идетъ о познаніяхъ *общаго* характера, именно о познаніяхъ, получающихъ свое выраженіе въ *понятіяхъ*. Можно думать, что человѣческія понятія получаются главнымъ образомъ изъ общенія съ себѣ подобными. „Что касается нашихъ сужденій,—говоритъ Зигвартъ,—то они въ значительной мѣрѣ опредѣляются традиціей. Отдѣльный индивидуумъ большинству того, въ чемъ онъ убѣжденъ, научается отъ другихъ и въ своемъ сужденіи находится въ зависимости отъ того или другого состоянія взглядовъ, убѣжденій, которые господствуютъ въ окружающей его средѣ и которые очень далеки отъ того, чтобы быть обоснованными, обоснованіе которыхъ, по крайней мѣрѣ, для отдѣльныхъ индивидуумовъ, отсутствуетъ. Этой рецептивности соотвѣтствуетъ, съ другой стороны, повсюду существующее побужденіе, стремленіе умножить, повторить свою собственную мысль въ умахъ другихъ, упрочить и усилить свое собственное убѣжденіе посредствомъ признанія его другими“. Отсюда возникаетъ задача обра-

¹⁾ *Liebmann*. Klimax d. Theorien, стр. 77.

щать вниманіе на все то, что въ представленіяхъ и предложеніяхъ воспринимается черезъ посредство усвоенія языка. Для цѣлей общенія создается языкъ, который и воплощаетъ общія предложенія. Общія же предложенія имѣютъ тотъ смыслъ, что они предполагаютъ *общеобязательность* для всѣхъ другихъ, понимающихъ рѣчь. Они составляютъ такую сферу мыслей, которая должна имѣть общее значеніе, т.-е. должна имѣть значеніе не только для даннаго момента и для даннаго индивидуума, но вообще для всѣхъ мыслящихъ индивидуумовъ. Человѣкъ въ процессѣ созиданія общихъ сужденій имѣетъ въ виду не только себя лично, но и всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ предполагаетъ имѣть умственное общеніе.

„Пока не пробудилась потребность сообщенія воспріятій и представленій изъ нихъ выведенныхъ,—говоритъ *Риль*¹⁾),—до тѣхъ поръ существуетъ только индивидуальное созерцаніе (*Anschauung*) и неопредѣленно осязаемый предметъ для столь же исключительно индивидуальнаго сознанія“. Потребность умственнаго общенія пробуждается соціальной жизнью. Въ „соціальной жизни именно и заготавливается почва для настоящаго опыта, для общаго всѣмъ познаванія общихъ всѣмъ объектов“.

Само собою разумѣется, что простой наличности соціальной жизни совсѣмъ недостаточно для того, чтобы создать опытъ въ собственномъ смыслѣ. Для этого послѣдняго необходимо сознаніе тѣхъ правилъ, которымъ мысль подчиняется въ соціальной жизни и котораго, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни у одного животнаго налицо.

Созидая сужденія, человѣкъ имѣетъ въ виду общее мышленіе. Разумѣется, такая мысль должна подчиняться такимъ законамъ, которые могутъ сдѣлать ее общеобязательной. Человѣкъ можетъ свою индивидуальную мысль связать съ общею или коллективною и подчинить ее нормамъ этой послѣдней“. Какимъ образомъ это дѣлается, мы можемъ

1) *Riehl*. Der philosophische Kriticismus B. II.

понять, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что эти логическія нормы аналогичны этическимъ нормамъ. Человѣкъ, какъ членъ соціальной жизни, долженъ подчиняться въ своей дѣятельности не только своимъ личнымъ хотѣніямъ, но и общей волѣ, получающей свое выраженіе въ этическихъ нормахъ. Точно такимъ же образомъ мысль человѣка должна подчиняться извѣстнымъ логическимъ нормамъ для того, чтобы сдѣлаться общеобязательной. Законъ причинности собственно и служитъ этой цѣли. Только при предположеніи закона причинности и можетъ образоваться у насъ общеобязательное познаніе. Онъ есть необходимое предположеніе или постулатъ научнаго познанія.

Такимъ образомъ понятіе причинности необходимо для цѣлей соціальнаго общенія мысли. Оно является только лишь выраженіемъ того, какимъ условіямъ должно удовлетворять наше построеніе, чтобы мы могли имѣть науку, удовлетворяющую потребности общенія мысли.

Мы рассмотрѣли понятія времени и причинности и нашли, что они обладаютъ апріорнымъ характеромъ. Оба эти понятія представляютъ такія умственныя построенія, которыя не суть просто копія дѣйствительности. При построеніи ихъ наше сознаніе такъ или иначе видоизмѣняетъ дѣйствительность, или вноситъ элементы, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности.

Время есть такое отношеніе или порядокъ, которое приносится самимъ сознаніемъ, но при этомъ понятіе времени является необходимымъ условіемъ опыта.

Въ причинности мы имѣемъ элементъ познанія, который изъ опыта никакъ полученъ быть не можетъ, но который тѣмъ не менѣе составляетъ необходимое предположеніе нашего познанія.

Такимъ образомъ эти понятія оказываются апріорными.

Теперь рассмотримъ, въ какомъ смыслѣ понятіе пространства можетъ быть названо апріорнымъ. Для этой цѣли мы сначала рассмотримъ, какими признаками характеризуется понятіе пространства. Самымъ характернымъ для простран-

ства является то свойство его, которое можно было бы назвать „внѣположностью“. Подъ этимъ нужно понимать то, что пространство представляется для насъ состоящимъ изъ отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый находится *вне* другого и въ то же время *одновременно* съ другими, т.-е. вмѣстѣ съ другими.

Очевидно, что то, что мы называемъ *внѣположностью*, не можетъ быть получено изъ внѣшняго опыта. Внѣшній опытъ даетъ намъ тѣ или другіе элементы ощущенія, но эти элементы, которые мы называемъ внѣположными, даются намъ чувственнымъ опытомъ не въ какомъ-либо порядкѣ. Они даются намъ просто. Порядокъ же создается самимъ нашимъ сознаниемъ.

Этотъ особенный порядокъ создается сознаниемъ благодаря тому, что оно обладаетъ способностью удерживать нѣсколько элементовъ одновременно, при томъ такъ, что оно можетъ проходить ихъ въ одномъ и въ противоположномъ направленіи съ одинаковой легкостью. Если мы назовемъ два конечныхъ пункта какой-либо протяженности посредствомъ *A* и *Z*, то сознание можетъ съ такою же легкостью проходить отъ *A* къ *Z*, какъ и наоборотъ, отъ *Z* къ *A*. Очевидно, что этотъ порядокъ внѣшнимъ міромъ не данъ, потому что мы можемъ легко представить себѣ такое сознание, для котораго элементы пространства могли бы представляться въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ за другимъ, подобно тому, какъ это мы имѣемъ въ воспріятіи времени, а не одновременно. Это соображеніе ясно показываетъ, что пространственный порядокъ или внѣположность есть именно функція нашего сознанія.

Внѣположность создается при помощи синтетической дѣятельности нашего ума, благодаря которой происходитъ связываніе и расположеніе элементовъ, извнѣ данныхъ, въ одно определенное цѣлое.

Поэтому можно сказать, что порядокъ внѣположности или, что собственно одно и то же, протяженность вообще, не является продуктомъ воздѣйствія внѣшняго міра, но есть

продуктъ дѣятельности нашего сознанія и въ этомъ смыслѣ она представляетъ апріорный элементъ нашего познанія, такъ какъ мы условились называть апріорнымъ все то въ нашемъ познаніи, что получается не изъ внѣшняго міра, а привносится самимъ сознаніемъ. Конечно, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ только лишь о психологической апріорности, сущность которой сводится къ слѣдующему. Внѣположность происходитъ благодаря синтетической дѣятельности, присущей нашему сознанію. Синтетическая дѣятельность есть свойство, которое мы приписываемъ нашему сознанію. Это есть психологическая или субъективная „способность“ созидать порядокъ внѣположности. Внѣположность есть нѣчто субъективное, созидаемое сознаніемъ. Все субъективное, что въ насъ существуетъ въ видѣ опредѣленной способности, мы называемъ психологически апріорнымъ. Апріорнымъ же въ специально гносеологическомъ смыслѣ мы называемъ только то, что въ качествѣ опредѣленно сознаннаго или могущаго быть сознаннымъ *положенія* привносится въ наше познаніе внѣшняго міра, въ качествѣ предпосылки или логическаго предположенія воспріятія.

Но, кажется, что въ данномъ случаѣ у насъ опять получается такой пунктъ, въ которомъ точка зрѣнія психологическая совпадаетъ съ точкой зрѣнія гносеологической. Съ точки зрѣнія психологической внѣположность есть извѣстный синтезъ, извѣстный способъ соединенія: съ точки зрѣнія гносеологической это есть извѣстнаго рода форма, въ которую располагаются тѣ или другія ощущенія. Мы не можемъ воспринимать вещей иначе, какъ только въ пространственной формѣ. Понятіе пространства есть необходимое логическое условіе воспріятія внѣшнихъ вещей. Но основнымъ признакомъ понятія пространства является именно внѣположность, которая, какъ мы только что видѣли, есть продуктъ синтетической дѣятельности. Такимъ образомъ ясно, что пространство апріорно въ двоякомъ смыслѣ, и въ психологическомъ, и въ гносеологическомъ.

Но обратимъ вниманіе на другія свойства пространства и посмотримъ, можно ли, приписывая ихъ пространству, допустить, что понятіе пространства получается изъ чувственного опыта, при помощи сравненія впечатлѣній отъ различныхъ видовъ протяженностей. По эмпирическому толкованію, мы воспринимаемъ различныя протяженности, внѣ насъ находящіяся, и то общее, что мы въ нихъ находимъ и даетъ начало понятію пространства. Въ этомъ случаѣ мы дѣлаемъ то же самое, что мы дѣлаемъ, когда мы созидаемъ обыкновенныя эмпирическія понятія при помощи процесса абстракціи и обобщенія. По этому пониманію протяженность находится въ вещахъ подобно тому, какъ въ нихъ находятся другія свойства, наприм., цвѣта, твердость, шероховатость и т. п.

Но стоитъ только ближе разсмотрѣть содержаніе понятія пространства, чтобы убѣдиться въ томъ, что это сужденіе не основательно.

Какъ мы себѣ представляемъ пространство? Оно представляется намъ чѣмъ-то единичнымъ, въ видѣ вмѣстилища, въ которомъ находятся отдѣльныя протяженныя вещи. Оно представляется намъ въ то же время непрерывнымъ, однороднымъ, въ извѣстномъ смыслѣ безконечнымъ. Можно ли понятіе съ такими свойствами получить изъ опыта?

Правда, мы воспринимаемъ различныя протяженныя вещи и казалось бы, что понятіе пространства есть именно абстракція изъ воспріятія частныхъ протяженностей. Но если бы это было такъ, то можно было бы показать, какимъ образомъ въ содержаніи понятія пространства оказываются такіе признаки, какъ единичность, однородность, непрерывность, безконечность и т. под. Но именно этого показать никакъ нельзя. Изъ воспріятія отдѣльныхъ частныхъ протяженностей никакъ нельзя получить понятіе пространства, какъ чего-то единого. Я воспринимаю эту линію, эту поверхность, этотъ столбъ, это дерево, эту стѣну. Они всѣ настолько отличаются другъ отъ друга, они имѣютъ настолько отличное другъ отъ друга направленіе, что въ

нихъ невозможно найти то общее, что даетъ начало только что указанному понятію пространства. Какимъ образомъ изъ воспріятія частныхъ, разъединенныхъ протяженностей можно было бы получить понятіе *единого* пространства?

Далѣе, если бы дѣйствительно только тѣ вещи, которыя представляются намъ въ нашемъ чувственномъ воспріятіи, давали начало нашему понятію пространства, то было бы непонятно, отчего воздухъ, напр., считается нами протяженностью, вѣдь онъ на нашъ глазъ не производитъ никакого впечатлѣнія. Кромѣ того, если бы чувственные впечатлѣнія были причиной созданія понятія пространства, то у насъ не могло бы быть понятія пустого, ничѣмъ не занятого пространства, какимъ пространство дѣйствительно намъ и представляется. Вѣдь мыслимое нами пространство именно состоитъ изъ пустого пространства, въ которомъ находятся отдѣльныя вещи. Такимъ образомъ при эмпирическомъ толкованіи нельзя было бы объяснить, почему въ содержаніе понятія пространства входитъ именно представление пустого пространства ¹⁾).

Попробуемъ далѣе объяснить, откуда получается, напр., такое свойство пространства, какъ *непрерывность*. Изъ чувственного опыта этого понятія нельзя получить потому, что въ опытѣ фактически непрерывности просто не существуетъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, что въ природѣ вещи существуютъ непрерывно, такъ, чтобы между ними не было никакого промежутка. Конечно, этого представить себѣ никакъ нельзя. Пространства сплошь заполненнаго ощущеніями для нашего воспріятія не существуетъ (разумѣется въ абсолютномъ смыслѣ). Тѣ вещи, изъ созерцанія которыхъ создается пространство, въ концѣ концовъ представляютъ нѣчто прерывистое. Если бы были правы тѣ, которые считаютъ понятіе пространства продуктомъ абстракціи, продуктомъ воспріятія протяженныхъ вещей, то пространство должно было бы намъ представлять-

1) Sigwart. Logic. В. II. § 67.

ся состоящимъ изъ отдѣльныхъ, разъединенныхъ другъ отъ друга частей, потому что протяженныя вещи, воспріятіе которыхъ должно было бы давать намъ воспріятіе пространства, именно таковы. Изъ этого ясно, что непрерывность создается не внѣшними впечатлѣніями. Но такъ ^{какъ} въ нашемъ понятіи пространства это свойство создается, то ясно, что сознаніе привноситъ это свойство отъ ^{себя} себя. Какъ оно создаетъ это понятіе, для насъ въ настоящій моментъ не представляетъ интереса.

Слѣдующее свойство пространства, которое нуждается въ объясненіи — это его *однородность*, т.-е. именно то свойство, въ силу котораго мы считаемъ его состоящимъ изъ такихъ частей, изъ которыхъ одна по своимъ свойствамъ совершенно тождественна съ другой. Въ силу этого свойства пространство не измѣняется, когда мы изъ одной его части переходимъ въ другую. Такой однородности, имѣющей опять-таки абсолютный характеръ, мы не можемъ приписать никакой другой вещи, существующей въ нашемъ чувственномъ опытѣ. Какъ бы однородной вещь намъ ни казалась, мы всегда скажемъ, что одна ея часть не похожа на другую абсолютно, т.-е. именно то, что мы утверждаемъ о пространствѣ.

Поэтому, мы собственно не можемъ сказать, что реальныя вещи съ ихъ свойствами протяженности могутъ дать начало такому представленію. Очевидно поэтому, что и въ этомъ отношеніи пространство не есть копія вещей, а что это свойство однородности мы привносимъ отъ себя.

Есть еще одно свойство пространства, съ которымъ должна считаться эмпирическаго теорія, это именно *безконечность* или *безграничность* его.

Когда мы говоримъ о пространствѣ, то, какъ мы уже видѣли выше, мы подъ нимъ разумѣемъ то пространство, которое мы могли бы назвать безконечнымъ міровымъ пространствомъ, которое мы заполняемъ различными вещами. Протяженность каждой отдѣльной вещи мы считаемъ частью этого пространства. Такое пространство, конечно, необхо-

димо отличать отъ протяженности просто. Между ними несомнѣнно есть существенное различіе.

Кантъ говорить, что мы вообще представляемъ себѣ пространство безконечнымъ, что всякую протяженность мы представляемъ себѣ, какъ часть одного безконечнаго пространства, что представленіе безконечнаго пространства предшествуетъ воспріятію отдѣльныхъ частныхъ протяженностей. Но это утвержденіе нуждается въ ограниченіи. Едва ли будетъ правильно, если мы просто скажемъ, что мы пространство представляемъ безконечнымъ.

Справедливо, конечно, что мы не можемъ себѣ представить какую-нибудь частную протяженность безъ того, чтобы не представлять ее себѣ составляющей часть какой-нибудь протяженности, мы не можемъ ее представлять безъ того, чтобы не представлять себя того общаго пространственнаго вмѣстилища, въ которомъ мы помѣщаемъ эту частную протяженность. Мы не можемъ себѣ также представить протяженности безъ того, чтобы не представлять себѣ какихъ-нибудь пространственныхъ элементовъ, находящихся внѣ данной протяженности, въ силу того обстоятельства, что протяженность всегда представляетъ собою внѣположность. Мы къ этой частной протяженности примышаемъ еще протяженность, а затѣмъ примышаемъ и еще протяженность и т. д. до безконечности. Въ этомъ смыслѣ представленіе безконечнаго пространства является для насъ чѣмъ-то потенциальнымъ, т.-е. мы не можемъ представить себѣ какой-нибудь части протяженности безъ того, чтобы у насъ въ то же время не являлось сознанія, что процессъ присоединенія протяженностей къ этой данной протяженности или синтезированіе можетъ не прекращаться.

Вотъ единственный смыслъ понятія безконечности.

Мы не можемъ, конечно, сказать, что мы безконечность пространства представляемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы представляемъ себѣ какую-нибудь единичную вещь, т.-е. что о ней мы имѣемъ опредѣленное представленіе, что мы можемъ ей придавать какое-нибудь опредѣленное содер-

жаніе. Въ мышленіи безконечности пространства мы имѣемъ то же самое, что мы имѣемъ въ мышленіи безконечнаго числового ряда. Когда мы мыслимъ о числовомъ рядѣ, то у насъ является ясное сознаніе того, что процессъ созиданія чиселъ мы можемъ продолжать сколько угодно, и это сознаніе, что процессъ созиданія числового ряда мы можемъ продолжать сколько угодно, мы выражаемъ, говоря, что „числовой рядъ безконеченъ“. То же самое относительно протяженности. Здѣсь внѣположность создается при помощи синтетической дѣятельности нашего ума, и у насъ есть сознаніе того, что эта синтетическая дѣятельность можетъ повторяться сколько угодно, а это мы выражаемъ говоря, что пространство безконечно.

Слѣдовательно, идея безконечности носить точно такъ же, какъ и признакъ внѣположности, характеръ субъективный. Безконечность точно такъ же носить въ себѣ слѣды того, что она есть продуктъ дѣятельности нашего сознанія. Или, другими словами, само наше сознаніе привноситъ его въ познаніе внѣшняго міра, а не получаетъ изъ него.

Такимъ образомъ по отношенію къ понятію пространства мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Изъ опыта, изъ непосредственнаго воспріятія мы не можемъ получить тѣхъ элементовъ, которыми понятіе пространства въ дѣйствительности обладаетъ. Пространство намъ представляется единымъ, непрерывнымъ, однороднымъ, въ то время какъ во внѣшнемъ опытѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для введенія такихъ свойствъ. Ни одно изъ этихъ свойствъ не можетъ быть получено нами изъ внѣшняго міра, потому что во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ образчиковъ для этой идеи. Въ этомъ смыслѣ мы должны сказать, что понятіе пространства съ этими свойствами есть субъективное построеніе. Какимъ образомъ создается это понятіе, мы разбирать не станемъ, потому что это есть задача психологии. Для теории познанія важно отмѣтить, что понятіе пространства обладаетъ такими свойствами, которыя изъ внѣшняго опыта *выведены* быть не могутъ. Само собою ра-

зумѣется, что это понятіе не находится готовымъ въ сознаніи, оно есть продуктъ психологической работы, но совершенно особенной.

Вторая задача гносеологии заключается въ опредѣленіи *функции* этого понятія. Самая главная функція этого понятія заключается въ томъ, что оно обуславливаетъ воспріятія внѣшняго міра. Мы не можемъ мыслить о какихъ бы то ни было пространственныхъ отношеніяхъ безъ того, чтобы не мыслить объ этомъ единомъ, однородномъ, непрерывномъ пространствѣ. Понятіе пространства является необходимымъ условіемъ воспріятія внѣшнихъ вещей и частныхъ пространственныхъ отношеній. Мы не можемъ мыслить о вещахъ или о какихъ бы то ни было событіяхъ безъ того, чтобы не мыслить пространства. Я, напр., не могу мыслить о звукѣ, если я приэтомъ не думаю, что онъ исходитъ изъ извѣстной части пространства. Вслѣдствіе этого понятіе пространства съ вышеуказаннымъ содержаніемъ является апіорнымъ и именно въ гносеологическомъ смыслѣ, потому что оно оказывается понятіемъ, обуславливающимъ воспріятіе или познаніе внѣшнихъ явленій; оно оказывается необходимой предпосылкой внѣшняго воспріятія.

Теперь послѣ разсмотрѣнія пространства вообще перейдемъ къ разсмотрѣнію геометрическихъ опредѣленій пространственныхъ элементовъ: прямой линіи, точки и т. п. или къ понятіямъ прямой линіи, точки и т. д. Эмпирическая школа, должна, конечно, и эти понятія выводить непосредственно изъ опыта; они также суть копіи реальныхъ прямыхъ и точекъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ построеніе этихъ понятій дѣлаетъ яснымъ ихъ неопытное происхожденіе.

Милль, напр., говоритъ: „Точки линіи, круги, квадраты, которые кто-либо имѣетъ въ своемъ умѣ, суть, какъ я думаю, просто копіи точекъ, линій, круговъ, квадратовъ, которые намъ извѣстны изъ нашего опыта. Идея точки, по моему мнѣнію, есть просто наша идея о *minimum visibile*, т.-е о наименьшей части поверхности, какую только мы

можемъ видѣть. Линія, какъ ее опредѣляетъ геометрія, совершенно непредставима“. Линія, съ которой оперируетъ геометрія, суть линіи, обладающія шириной. Поэтому понятія прямой, точки и т. п., какъ они употребляются въ геометрії, суть не больше, какъ *копіи* реальныхъ линій, точекъ, подобно тому, какъ другія понятія суть копіи реальныхъ вещей.

Но едва ли можно признать вмѣстѣ съ Миллемъ, что понятія прямой линіи, точки и т. д. представляютъ просто копіи реальныхъ вещей, потому что такой прямой линіи, такой точки и т. д., которая соотвѣтствовала бы опредѣленію геометрической прямой, точки, въ дѣйствительности не существуетъ.

На первый взглядъ дѣйствительно кажется, что въ природѣ существуетъ нѣчто, изъ созерцанія чего можетъ получиться понятіе прямой линіи въ геометрическомъ смыслѣ, что у насъ въ опытѣ существуетъ очень много образцовъ, которые могли дать начало понятію прямой въ геометрическомъ смыслѣ, напр., прямизна натянутой веревки, ребро кристалла, стволъ дерева, солнечный лучъ и т. п. Но на самомъ дѣлѣ это едва ли такъ, потому что эти все-таки несовершенные образцы могли бы служить только лишь *поводомъ* для созданія понятія прямой линіи, но не могли бы быть такимъ образчикомъ, для которой геометрическая прямая служила бы только копіей. Можно сказать, наоборотъ, идеальная прямая служить нормой для обсуждения прямизны прямой линіи, т.-е. когда мы говоримъ о прямизнѣ указанныхъ прямыхъ, то мы въ умѣ имѣемъ идеальную прямую. На это нѣкоторые сторонники эмпиризма обыкновенно говорятъ, что въ дѣйствительности та идеальная прямая, съ которой оперируетъ геометрія, по своему совершенству не выше той прямой, которую намъ доставляетъ опытъ, а потому та прямая, которая имѣется у насъ въ опытѣ, можетъ служить образчикомъ для созиданія геометрической прямой. Разберемъ ближе это разсужденіе.

Противники эмпирическаго происхожденія понятія пря-

мой линіи говорятъ, что въ природѣ, нѣтъ геометрической прямой, слѣдовательно, прямая линія есть продуктъ нашего субъективнаго построенія. Эмпирики на это, повидимому, совершенно справедливо отвѣчаютъ: „Въ природѣ есть такія прямыя линіи, которыя могутъ дать начало понятію прямой, наприм., солнечный лучъ. Правда, онъ тоже не абсолютно прямой, но только въ томъ случаѣ, если бы мы стали его разсматривать при большемъ увеличеніи. Вообще же онъ совершенно прямой, а этого вполне достаточно для того, чтобы у насъ возникло понятіе геометрической прямой“. Я думаю, что въ этомъ разсужденіи заключается слѣдующая ошибка. Та или другая прямая линія, существующая въ природѣ, намъ только *кажется* прямой, а абсолютно прямая все-таки будетъ болѣе совершенная линія, чѣмъ та, которая существуетъ реально. Другими словами, идеальная геометрическая прямая всегда болѣе совершенна, чѣмъ какая бы то ни была реальная прямая, какъ бы эта послѣдняя ни была совершенна. Слѣдовательно, она не можетъ и быть копіей этой послѣдней.

Если мы попытаемся *психологически* объяснить происхожденіе понятія прямой линіи, то можетъ быть для насъ сдѣлается болѣе ясной природа этого понятія. *Зивартъ* разъясняетъ происхожденіе этого понятія изъ рефлексіи надъ нашими собственными процессами воспріятія слѣдующимъ образомъ. При воспріятіи пространственныхъ отношеній вещей мы знаемъ, что вещи находятся внѣ насъ въ томъ или въ другомъ направленіи. Если же мы желаемъ болѣе или менѣе точно опредѣлить направленіе этихъ вещей, или то положеніе, въ которомъ они находятся, то для этой цѣли мы должны протянуть руку, какъ если бы мы хотѣли достать эту вещь. Но при этомъ мы стремимся произвести это движеніе такимъ образомъ, чтобы совершить наиболѣе короткій путь для скорѣйшаго достиженія цѣли. Тотъ путь, который нужно совершить для достиженія указанной цѣли, и есть прямая линія. Само собою разумѣется, что этотъ кратчайшій путь можно и не совер-

шать. Можетъ быть въ дѣйствительности мы его никогда и не совершаемъ, но зато онъ существуетъ въ идеалѣ. Этотъ *идеальный путь*, по мнѣнію Зигварта, *и есть прототипъ прямой линіи*. Онъ собственно и служитъ образчикомъ для созиданія геометрической прямой. Когда мы говоримъ о прямой линіи, то мы имѣемъ въ виду не тѣ несовершенныя линіи, которыя существуютъ въ природѣ, но о томъ кратчайшемъ пути, который необходимъ для достиженія того или другого предмета, внѣ насъ находящагося. Такимъ образомъ геометрическая прямая есть идеаль, который мы созидаемъ, наблюдая надъ нашими собственными процессами локализации. Наша геометрическая прямая не есть продуктъ отвлеченія изъ внѣшнихъ впечатлѣній, но получается изъ наблюденія надъ процессами локализации ¹⁾.

Я нахожу, что взглядъ Зигварта, по которому понятіе геометрической прямой является продуктомъ рефлексіи надъ нашимъ процессомъ локализации, нуждается въ слѣдующей поправкѣ. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, что понятіе прямой вытекаетъ изъ наблюденія процесса локализации. Невѣроятность его взгляда, мнѣ кажется, вытекаетъ изъ того, что процессъ локализации самъ по себѣ не даетъ повода подмѣтить, что мы имѣемъ дѣло съ прохожденіемъ кратчайшаго разстоянія. Онъ правъ, что это понятіе возникаетъ изъ наблюденій процесса воспріятія; но только кажется, что это есть продуктъ наблюденія не просто процесса локализации, но процесса устанавливанія отношенія, которое возникаетъ тогда, когда совершается измѣреніе. Когда мы занимаемся измѣреніемъ, то у насъ можетъ явиться необходимость устанавливанія отношенія между двумя точками, которое потребууетъ прохожденія наиболѣе короткаго разстоянія въ наименьшій промежутокъ времени.

Попытка опредѣлить *отношеніе* между двумя точками, по моему мнѣнію, и приводитъ къ тому пониманію прямой, которое мы въ настоящее время имѣемъ. Разсмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣляется прямая линія.

¹⁾ Sigwart Logik. В. II, § 67. 10 и д.

Обыкновенно прямую линію опредѣляютъ, какъ кратчайшую между двумя точками, или какъ линію постоянного направленія. Какъ я только что сказалъ, понятіе линіи, по всей вѣроятности, получается вслѣдствіе того, что мы устанавливаемъ отношеніе между двумя точками, а для этого мы должны ихъ мыслить совмѣстно. Для совмѣстнаго мышленія точекъ мы должны совершить движеніе: мы должны пойти отъ одной точки къ другой. Для того, чтобы придти отъ одной точки къ другой, мы должны совершить возможно кратчайшій путь. Для этого мы должны также держаться одного направленія. Совершить кратчайшій путь и держаться одного и того же направленія на самомъ дѣлѣ тождественныя понятія. Мы знаемъ изъ нашего повседневнаго опыта, что значить дѣлать *не* кратчайшее движеніе, мы знаемъ также, что значить *не* удерживать разъ принятаго направленія. Для устанавливанія отношенія между двумя точками ни то, ни другое не можетъ быть желательно; потому мы и выставляемъ въ качествѣ *требованія*, что для установленія отношенія между двумя точками мы должны двигаться по возможно кратчайшему пути, не уклоняясь отъ разъ принятаго направленія. Такой линіи или такого пути мы не можемъ имѣть въ дѣйствительности. Этотъ путь является *идеаломъ*, къ которому мы можемъ только стремиться, никогда его не достигая.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ процессѣ установленія отношенія необходимо соблюденіе извѣстнаго условія для того, чтобы мы могли достигнуть опредѣленныхъ результатовъ. Но такъ какъ въ дѣйствительности этихъ условій нѣтъ возможности соблюсти, то мы можемъ считать понятіе прямой линіи постулатомъ, требованіемъ или идеаломъ.

Поэтому нельзя считать правильнымъ то выраженіе, что прямая линія есть копія реально существующихъ прямыхъ линій. Если бы это было такъ, то мы должны были бы признать, что, образуя понятіе прямой линіи, мы просто абстрагируемъ отъ того, что существуетъ въ природѣ, и

такимъ образомъ мы создаемъ понятіе вещи болѣе совершенной, чѣмъ она существуетъ въ дѣйствительности. Поэтому въ процессѣ абстракціи мы, такъ сказать, улучшаемъ дѣйствительность. Но изъ воспріятія реально существующихъ прямыхъ линій нельзя получить понятія прямой линіи въ геометрическомъ смыслѣ. Реально существующія прямая для этого слишкомъ несовершенны. Гораздо лучше объясняется происхожденіе понятія прямой, если мы источникомъ этого понятія будемъ считать рефлексію. Мы наблюдаемъ нашъ собственный процессъ воспріятія и находимъ, что нужно соблюденіе опредѣленныхъ условій для того, чтобы было достигнуто установленіе отношеній между двумя точками. Эти условія въ качествѣ признаковъ мы и приписываемъ прямой линіи.

Возьмемъ другой пространственный элементъ, который является такимъ же основнымъ, какъ и прямая линія, именно *точку*. Что такое точка, по опредѣленію геометріи? Это есть граница линіи, это есть нѣчто, не имѣющее ни толщины, ни ширины, ни протяжности вообще. Такое опредѣленіе приводитъ мысль рѣшительно въ затрудненіе.

Но откуда получается такое понятіе?

Можно прямо сказать, что точка не есть продуктъ обыкновенной физической абстракціи, потому что въ такомъ случаѣ она имѣла бы и ширину, и толщину; но такъ какъ математическая точка этого не имѣетъ, то слѣдуетъ думать, что она является продуктомъ совершенно особенной абстракціи, во всякомъ случаѣ не физической. Происхожденіе понятія точки можно объяснить слѣдующимъ образомъ.

Мы, говоря о математической точкѣ, желаемъ опредѣлить не протяженность, а элементъ протяженности, просто *мѣсто*. Если мы возьмемъ пространственный элементъ, какъ онъ намъ представляется въ дѣйствительности, то этотъ элементъ или это мѣсто должно быть непременно протяженнымъ, а мы именно отрѣшаемся отъ протяженности. Сознаніе въ этомъ случаѣ какъ бы говорить себѣ: „возьму

просто мѣсто, какъ исходный элементъ, отъ котораго я исхожу, въ процессѣ локализаціи. Это не есть протяженность, потому что протяженность, по самому существу своему, предполагаетъ, что есть еще нѣчто, отъ чего можно исходить. Мнѣ нужно мѣсто, отъ котораго я долженъ исходить, какъ отъ чего-то такого, что даетъ начало протяженности. Протяженность для меня всегда составляется изъ частей, я же долженъ исходить изъ того, что не имѣетъ частей. Поэтому я и мыслю точку не имѣющей протяженности; но мысля ее, я вовсе не забочусь о томъ, чтобы конкретно ее представить. Для меня въ этомъ не имѣется никакой надобности. Точка безъ протяженности есть для меня постулатъ, требованіе. При неисполненіи этого требованія, не возможно математическое мышленіе. Но поставляя подобный постулатъ, я, очевидно, отвлекаю не отъ физическихъ свойствъ вещей, но отъ моей дѣятельности локализованія.

Такимъ образомъ и понятіе точки не даетъ намъ права сказать, что оно есть продуктъ физической абстракціи; оно не есть изображеніе вещей и не имѣетъ никакой тенденции быть таковымъ или вообще приближаться къ такому. Она есть абстракція изъ нашей локализирующей дѣятельности и, какъ таковая, является результатомъ наблюденія надъ процессами сознанія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ нашемъ воспріятіи геометрическаго пространства мы имѣемъ не только эмпирическіе элементы, но равнымъ образомъ и элементы апіорные. Называя представленія геометрическаго пространства апіорнымъ, я не желаю этимъ сказать, что мы могли бы воспринимать пространство, даже если бы во внѣшнемъ мірѣ ничего не существовало; само собою разумѣется, что внѣшній опытъ необходимъ, но онъ не имѣетъ опредѣляющаго значенія. Конечно, наше понятіе пространства создается по поводу воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, но въ него входятъ элементы, которыхъ не было въ чувственномъ опытѣ. Это именно и есть апіорные элементы въ

понятіи пространства. Они получаютъ тѣмъ же путемъ, которымъ получается и понятіе числа, т.-е. путемъ рефлексіи надъ собственными процессами воспріятія. Отсюда слѣдуетъ, что въ оперированіи надъ пространствомъ, съ точки зрѣнія геометріи, мы собственно оперируемъ не надъ нашими реальными пространственными отношеніями, но надъ нашими априорными построеніями, которыя мы приносимъ въ нашъ опытъ.

Мы видѣли, что непрерывное, однородное пространство есть необходимое условіе воспріятія внѣшняго міра; оно есть *форма* или *субъективная форма*. Точно такимъ же образомъ, когда мы мыслимъ о геометрическихъ элементахъ (прямой и т. п.), то мы оперируемъ въ дѣйствительности не съ реальными линіями, а съ нашими субъективными построеніями. Вслѣдствіе этого обстоятельства геометрія приобрѣтаетъ аподиктически достовѣрный характеръ. Она имѣетъ дѣло не съ измѣнчивыми, въ опытѣ данными образованіями, а съ неизмѣнными формами сознанія.

Эмпирики этого не признаютъ, а потому и думаютъ, что геометрія, подобно физическимъ наукамъ, вовсе не есть абсолютно достовѣрная наука; если уже и говорить о ея достовѣрности, то слѣдуетъ сказать, что она *условно* достовѣрна, потому что она основывается на рядѣ опредѣленій, которыя гипотетически признаются достовѣрными. Математика стала бы совершенно недостовѣрной наукой, если бы мы позволили себѣ усомниться въ томъ, что ея опредѣленія вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. По мнѣнію Милля, дѣло такъ и обстоитъ. Въ дѣйствительности нѣтъ линій безъ ширины, нѣтъ точекъ безъ толщины, нѣтъ линій въ точности прямыхъ, нѣтъ круговъ, радиусы которыхъ были бы въ точности равны, нѣтъ квадратовъ съ совершенно равными углами. Ни въ природѣ, ни въ чело-вѣческомъ духѣ нѣтъ вещей вполнѣ соотвѣтствующихъ опредѣленіямъ геометріи. „Опредѣленія геометріи предна-мѣренно уклоняются отъ истины“.

Такимъ образомъ математика достовѣрна, но только если

мы примемъ, что ея основныя положенія, т.-е. въ данномъ случаѣ ея опредѣленія, достовѣрны. Въ противномъ случаѣ она не достовѣрна.

Возможность двойственнаго рѣшенія вопроса о достовѣрности математики привела къ раздѣленію математики на *чистую* и *прикладную*. Именно предполагается, что чистая математика обладает абсолютной достовѣрностью, между тѣмъ какъ прикладная носить на себѣ слѣды несовершенства физическихъ наукъ.

Построенія чистой математики относятся къ геометрическому пространству, въ то время какъ построенія прикладной математики относятся къ реальному пространству или къ реальнымъ предметамъ. Оттого въ построеніяхъ чистой математики получается несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью.

Подъ прикладной математикой нужно понимать, напр., астрономію, физику, механику. Всякая геометрія, которая относится только къ нарисованнымъ или дѣйствительно представляемымъ фигурамъ, должна считаться прикладной геометріей. Чистой геометріей нужно считать ту геометрію, которая не заботится о дѣйствительной представимости фигуръ, а оперируетъ съ чисто логическими построеніями. Чистая математика отличается отъ прикладной тѣмъ, что ея построеніямъ присуща абсолютная точность, между тѣмъ какъ прикладная математика довольствуется ограниченной точностью.

Мнѣ кажется, что это раздѣленіе математики на чистую и прикладную въ особенности, когда приходится разрѣшать вопросъ объ апріорности пространства, совсѣмъ не правильно.

То, что обыкновенно называется прикладной математикой въ сущности даже вовсе не есть математика, а просто приложеніе математики къ реальнымъ явленіямъ, съ тою неточностью, которая характеризуетъ реальныя измѣренія вообще. Чистая же математика, т.-е. математика въ собственномъ смыслѣ, имѣетъ дѣло съ построеніями, кото-

рымъ въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ ничего реального. Собственно *чистая математика только и есть математика*. Чистая геометрія оперируетъ только лишь съ пространствомъ, обладающимъ абсолютной непрерывностью и однородностью; такое пространство есть форма сознанія. Точно такъ же и тѣ пространственные элементы, съ которыми она оперируетъ, имѣютъ идеальный характеръ, т.-е. вѣрнѣе они также представляютъ только формы сознанія, какъ, напр., понятіе линіи и точки. Отсюда понятно, что положенія геометрії, какъ не относящіяся ко внѣшнему міру, а только лишь къ субъективнымъ формамъ, обладаютъ абсолютно достовѣрнымъ характеромъ. Поэтому дѣйствительно есть разница въ томъ случаѣ, когда мы говоримъ о геометрическихъ отношеніяхъ пространственныхъ вещей просто, или объ отношеніяхъ геометрическихъ образовъ. Между тѣмъ какъ положеніямъ геометрії и тригонометрії присуща абсолютная достовѣрность, положенія астрономіи абсолютной достовѣрности достигнуть не могутъ. Объ астрономіи можно сказать, что она есть прикладная математика, о тригонометрії, что она есть чистая математика. Объ этой математикѣ собственно и можетъ быть рѣчь, когда мы говоримъ объ априорности математики.

Поэтому нельзя согласиться съ эмпириками, когда они говорятъ, что математика по своей достовѣрности просто приближается къ эмпирическимъ наукамъ.

Милль говорить, что въ природѣ нѣтъ прямыхъ линій, нѣтъ круговъ, нѣтъ точекъ въ геометрическомъ смыслѣ, что, поэтому, геометрія оперируетъ съ такими точками и линіями, которыя суть копіи реальныхъ точекъ и линій; но это невѣрно, потому что геометрія имѣетъ дѣло не съ точками, занимающими какую-либо часть пространства; она имѣетъ дѣло съ точками, не занимающими пространства; геометрія имѣетъ дѣло именно съ идеальными линіями и точками, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности. Это объясняется тѣмъ, что эти линіи и точки мы сами создаемъ и то, что мы создаемъ, мы переносимъ въ объек-

тивный міръ. Такимъ образомъ наше субъективное построение пріобрѣтаетъ руководящее значеніе при обсужденіи дѣйствительности; а такіе элементы мы называемъ апріорными.

Слѣдовательно, въ геометріи мы дѣйствительно имѣемъ дѣло не съ тѣмъ, что заимствовано нами изъ природы, а съ субъективнымъ построениемъ, но что тѣмъ не мѣнѣе имѣетъ значеніе для оцѣнки дѣйствительности. Вслѣдствіе этого геометрія и пріобрѣтаетъ аподиктическій характеръ.

Если же Милль говоритъ, что математическимъ положеніямъ присуща достовѣрность обыкновенныхъ физическихъ положеній, то едва ли это утвержденіе заслуживаетъ разбора, потому что неправильность его ясна для cadaго, кто знаетъ, что математическія положенія обладаютъ характеромъ, который не присущъ физическимъ положеніямъ.

Я не стану разбирать вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ необходимо было бы при разсмотрѣніи вопроса объ апріорности пространства привлечь къ разсмотрѣнію геометрическія аксіомы. Извѣстно, что эмпирики считаютъ ихъ продуктомъ опыта. Апріористы думаютъ, что они представляютъ апріорныя положенія. Я согласенъ съ тѣмъ, что разсмотрѣніе природы геометрическихъ аксіомъ можетъ способствовать разъясненію вопроса объ апріорности пространства, но, съ другой стороны, я думаю, что оно можетъ также и усложнить его, такъ какъ при разборѣ вопроса о генезисѣ геометрическихъ аксіомъ можно понятіе пространства считать апріорнымъ въ то время, какъ геометрическія аксіомы считать эмпирическими. Мнѣ кажется, что то, что мы получили изъ анализа понятія пространства, вполне отчетливо разъясняетъ апріорность понятія пространства.

Такимъ образомъ мы въ понятіи пространства находимъ двоякаго рода апріорность.

Во-1-хъ, апріорность *психологическую*, именно внѣположенность пространства, которая изъ внѣшняго опыта полу-

чена быть не можетъ, но которая составляетъ функцію самаго сознанія.

Во-2-хъ, апріорность *гносеологическую*, такъ какъ пространство представляетъ собою извѣстное понятіе, которое составляетъ необходимое предположеніе или предпосылку внѣшняго воспріятія, или опыта. Гносеологическая апріорность обнаруживается также и въ понятіи пространственныхъ элементовъ, линіи и точки. Эти послѣднія, являются результатомъ отвлеченія надъ процессами самаго сознанія, и въ качествѣ таковыхъ привносятся во внѣшній опытъ.

Г. Челпановъ.

Ницшеанецъ сороковыхъ годовъ.

Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма ¹⁾.

IV.

Если бы нужно было однимъ словомъ охарактеризовать сущность ученія Штирнера, то можно было бы сказать, что онъ анти-идеалистъ по преимуществу. Это опредѣленіе указываетъ не только на основной тонъ и главное направленіе его мышленія, но и устанавливаетъ историческое значеніе его ученія, въ качествѣ рѣшительной реакціи противъ господствовавшаго въ первую половину вѣка въ области философіи идеализма. Нашъ Хомяковъ весьма мѣтко назвалъ въ свое время философію Фейербаха „свирѣпѣйшей имманенціей“. Съ еще большимъ правомъ можно было бы примѣнить это опредѣленіе къ характеристикѣ міровоззрѣнія Штирнера. Міровоззрѣніе это представляетъ собой съ внутренней стороны нѣчто вполне цѣльное и законченное, чѣмъ оно отличается отъ блестящихъ афоризмовъ Ницше, среди которыхъ логическія противорѣчія сглаживаются только единствомъ общаго настроенія. При одинаковой парадоксальности посылокъ и выводовъ, ученіе Штирнера отличается отъ проповѣди Ницше своей систематичностью и логическимъ единствомъ. Внимательный и непредубѣжденный читатель, изучающій книгу Штирнера, очень скоро замѣчаетъ, что въ ней онъ имѣетъ дѣло съ

¹⁾ См. № 59.

цѣлымъ рядомъ приведенныхъ въ систему парадоксовъ, или точнѣе съ системой, въ основу которой положенъ парадоксъ. Парадоксальная мысль, лежащая въ основѣ всего ученія Штирнера, представляетъ собою утрировку и доведение до крайности основнаго положенія философіи Фихте: „Ich ist Alles“. Въ парафразѣ Штирнера это положеніе Фихте получаетъ иную формулировку: Ich bin Alles. Абсолютное „я“ Фихте превращается у него въ индивидуальное, конечное „я“ и отождествляется съ эмпирической личностью, получающей путемъ такого превращенія значеніе единственной и абсолютной реальности.

Если задать себѣ вопросъ, чѣмъ было вызвано такое измѣненіе въ формулѣ Фихте и каковы были тѣ внутреннія побужденія, которыя опредѣлили собой направленіе мысли Штирнера и привели его къ тому крайнему субъективизму, на почвѣ котораго онъ построилъ свою философскую систему, то прежде всего намъ придется искать отвѣта на этотъ вопросъ въ опредѣленіи отношенія Штирнера къ господствовавшей въ то время въ Германіи философской системѣ Гегеля, въ ея различныхъ развѣтвленіяхъ.

Вліяніе одной философской системы на другую можетъ быть двухъ родовъ: или оно заключается въ передачѣ и дальнѣйшемъ развитіи какой-нибудь идеи, при чемъ отдѣльные мыслители приходятъ къ выясненію ея содержанія съ разныхъ сторонъ; они могутъ въ своихъ выводахъ весьма далеко расходиться другъ отъ друга, и при всемъ томъ между ними сохраняется извѣстная преемственная связь, обусловливаемая тѣмъ обстоятельствомъ, что главная задача ихъ заключается не столько въ разрушеніи предшествующей философской системы, сколько въ ея перестройкѣ въ дальнѣйшей разработкѣ положенныхъ въ ея основаніе идей; таково напримѣръ отношеніе Платона къ Сократу, Спинозы къ Декарту, современныхъ англійскихъ мыслителей къ Бэкону и Локку. Но возможно и вліяніе другого рода, — вліяніе, такъ сказать, отрицательнаго характера когда главной задачей философа и главнымъ мотивомъ,

опредѣляющимъ направленіе его мыслей, становится борьба противъ той философской школы, изъ которой самъ онъ вышелъ, въ которой воспиталась его мысль и подъ вліяніемъ которой находится онъ даже тогда, когда изъ ученика и продолжателя становится противникомъ и отрицателемъ. Такая переменна въ убѣжденіяхъ никому не дается даромъ, а покупается цѣною тяжелой внутренней борьбы, и эта борьба, особенно если она была упорна и продолжительна, придаетъ особенный характеръ отношенію ученика къ своему бывшему учителю, характеръ чисто *личный*, чуждый того отвлеченнаго, логическаго интереса, съ какимъ мы относимся къ такимъ философскимъ взглядамъ, которые мы только изучали, а не переживали. Таково отношеніе Аристотеля къ Платону, или, если взять болѣе близкій примѣръ, отношеніе Ницше къ Шопенгауэру; проповѣдь Заратустры есть горячій протестъ противъ мрачныхъ выводовъ Шопенгауэровскаго пессимизма, призывъ къ жизни и оправданіе той извѣчной космической силы, которая изъ слѣпой и бессмысленной „воли къ жизни“ превратилась у Ницше въ непреклонную и жестокую, но дающую человѣку высшее счастье „волю къ могуществу“ (*Wille zur Macht*). Таково же и отношеніе Штирнера къ нѣмецкому идеализму гегелевской школы.

Во время своего пребыванія въ университетѣ Штирнеръ, какъ видно изъ его біографіи, слушалъ лекціи самого Гегеля и его ближайшихъ учениковъ. Затѣмъ, послѣ своего окончательнаго переселенія въ Берлинъ, онъ сблизился съ представителями такъ называемой крайней лѣвой гегелианства, съ Фейербахомъ, братьями Бауеръ и др., и примкнулъ къ этому радикальному теченію въ области философской мысли. Отрывочность и неполнота біографическихъ извѣстій не позволяютъ намъ возстановить сколько-нибудь подробно послѣдовательный ходъ развитія его мысли и установить отдѣльные фазисы этого развитія. Хотя у насъ не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ изъ эпохи его подчиненія идеалистической философіи, однако мы имѣемъ полное

право предположить, что вліяніе ея на Штирнера было очень значительно и только путемъ долгой внутренней борьбы онъ освободился отъ него, пришелъ къ выводамъ противоположнаго характера. Это особенно ясно видно изъ его отношенія къ тому мыслителю, къ которому онъ стоялъ ближе всего и который оказалъ на него наибольшее вліяніе, — къ Фейербаху. Большая половина его сочиненія посвящена полемикѣ противъ Фейербаха; даже тогда, когда онъ не называетъ прямо этого философа, онъ постоянно возвращается къ разбору его идей, къ критикѣ его основныхъ взглядовъ, и даже самый тонъ многихъ страницъ его книги ясно показываетъ, что его отношеніе къ Фейербаху не было чисто отвлеченнымъ, рефлексивнымъ, и что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то лично пережитымъ, со вчерашнимъ увлеченіемъ, вызвавшимъ сегодня горячій протестъ и осужденіе. Для Штирнера Фейербахъ является прежде всего представителемъ того идеалистическаго теченія, къ которому и самъ онъ примыкалъ вначалѣ; для него Фейербахъ былъ, можетъ быть, именно „последнею любовью“ въ области философскаго идеализма, любовью, за которой наступило разочарованіе и отчужденіе, но которая все-таки наложила неизгладимый отпечатокъ на его отношеніе къ своему бывшему учителю. Мы не можемъ указать съ точностью моментъ, когда произошелъ у Штирнера разрывъ съ его идеалистическимъ прошлымъ, послѣдней ступеню котораго было его увлеченіе Фейербахомъ. Но когда этотъ моментъ наступилъ, ему нужно было подыскать новую формулу, которая съ достаточной точностью и краткостью опредѣляла бы его измѣнившуюся точку зрѣнія. Эту формулу Штирнеръ нашелъ въ основномъ положеніи философіи Фихте: „Я есть все“; онъ продумалъ до конца эту мысль Фихте, сдѣлалъ изъ нея крайніе выводы и такимъ путемъ дошелъ до такой „свирѣпѣйшей имманенціи“, которая возмущала Хомякова въ философской системѣ Фейербаха.

Эта—видоизмѣненная формула и есть тотъ парадоксъ, который лежитъ въ основаніи всего міровоззрѣнія Штир-

нера: „Я *есть* все“. Она же представляет собой ту метафизическую и гносеологическую предпосылку, безъ которой все ученіе Штирнера превращается въ сплошной абсурдъ и теряетъ всякое серьезное значеніе. Другой вопросъ, имѣлъ ли онъ право дѣлать изъ субъективнаго идеализма Фихте такой радикальный выводъ, который неизбѣжно приводилъ его къ отрицанію всякаго идеализма; но разъ этотъ выводъ сдѣланъ и принятъ въ качествѣ предпосылки, то все остальное уже вытекало изъ него съ логической необходимостью.

Кантъ, какъ извѣстно, предполагалъ, что человѣческій опытъ, въ широкомъ смыслѣ слова, создается путемъ наложенія опредѣленныхъ апріорныхъ формъ чувственности и мышленія на тотъ матеріалъ, который дается извнѣ и независимо отъ субъекта. Фихте сдѣлалъ шагъ впередъ въ сторону субъективнаго идеализма, предположивши, что не только формы познанія принадлежать субъекту, но и что матеріалъ познанія создается имъ-же, такъ что „не-я“ не есть что-либо дѣйствительно сущее, не есть какая-либо независимая реальность, а является только созданіемъ человѣческаго „я“, которое путемъ этого противопоставленія доходить до самосознанія. Штирнеръ сдѣлалъ изъ этого положенія окончательный выводъ: на мѣсто абсолютнаго „я“ Фихте онъ подставилъ индивидуальное, личное „я“, которое такимъ образомъ сдѣлалось не только мѣриломъ бытія, но и единственной, абсолютной реальностью, по отношенію къ которой весь міръ является простымъ созданіемъ, „принадлежностью“ (Eigenthum), призракомъ, и внѣ котораго ничего не существуетъ.

Такимъ образомъ создалась система *субъективнаго ниллизма*, система, которой, при всей ея парадоксальности, нельзя отказать въ логической законченности. Остается рѣшить, каковы были тѣ внутреннія побужденія, которыя привели Штирнера къ созданію его доктрины.

Мы назвали Штирнера анти-идеалистомъ по преимуществу, указывая этимъ опредѣленіемъ на его отношеніе къ

современному ему философскому движенію. Съ такимъ же правомъ можно было бы назвать его ультра-индивидуалистомъ, въ качествѣ яркаго представителя того направленія въ области отвлеченной мысли и общественной жизни, центральнымъ понятіемъ котораго является понятіе *личности*.

Если разсматривать доктрину Штирнера въ ея историческомъ контекстѣ, то можно характеризовать ее въ качествѣ логическаго антитезиса къ гегелевскому идеализму, антитезиса, законность котораго не сталъ бы оспаривать и самъ создатель діалектическаго метода. Мы, конечно, не думаемъ сравнивать величественную систему Гегеля, имѣющую громадное вліяніе на все дальнѣйшее теченіе философской мысли, съ парадоксальной теоріей одного изъ его непокорныхъ учениковъ,—мы хотимъ только указать на одну черту, въ значительной степени объясняющую намъ происхожденіе этой теоріи.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о происхожденіи доктрины Штирнера значительно упрощается, если предположить, что она является естественной реакціей противъ панлогистической системы Гегеля, системы, въ которой отвлеченный раціонализмъ нашелъ свое совершеннѣйшее воплощеніе. Въ философіи Гегеля, собственно говоря, нѣтъ мѣста для личности, для индивидуальнаго „я“, и живая личность, во всей ея особности, какъ величина не поддающаяся абстрактному опредѣленію и отвлеченной классификаціи, является въ ней чѣмъ-то совершенно непонятнымъ, какимъ-то страннымъ нарушеніемъ логической законѣрности. Повидимому, самъ Гегель чувствовалъ это и поэтому онъ положилъ много старанія на разработку ученія о „субъективномъ духѣ“, которое однако же осталось одной изъ слабѣйшихъ сторонъ его системы во всемъ, что касается вопроса о личности ¹⁾.

1) Arthur Drews. Das Ich als Grundproblem der Metaphysik. Freiburg. 1897. S. 91.

Личность всегда была камнем преткновения для философских систем чистаго рационализма, въ качествѣ элемента, не поддающагося рационализаци, не укладываемаясь цѣликомъ въ рамки отвлеченнаго понятія. Поэтому роль, которая отводилась ей въ этихъ системахъ, была чисто служебная, и самое существованіе ея оказывалось призрачнымъ, лишеннымъ дѣйствительной реальности, присущей только идеѣ, или „объективному духу“. Такое отношеніе должно было вызвать реакцію. Штирнеръ не стоитъ въ этомъ отношеніи одиноко. Остроумный наблюдатель умственной жизни Западной Европы сороковыхъ годовъ, самъ пережившій въ свое время увлеченіе гегеліанствомъ, А. И. Герценъ, формулируя съ своей стороны свой протестъ противъ господства абстрактнаго идеализма, заявляетъ, что назначеніе человѣка вовсе не заключается въ томъ, чтобы „выстрадать прогрессъ или воплотить какую-то бездомную идею“; что личность не есть только пассивный матеріалъ исторіи, средство для реализаціи какой-нибудь идеи, что значеніе ея заключается въ ней самой. „Гордиться должны мы тѣмъ, что мы не нитки и не иголки въ рукахъ фатума, шьющаго пеструю ткань исторіи; мы знаемъ, что ткань эта не безъ насъ шьется, но это не цѣль наша, не назначеніе, не заданный урокъ, а послѣдствіе той сложной круговой поруки, которая связываетъ все сущее концами и началами, причинами и слѣдствіями... Если же вся исторія есть только развитіе какого-то доисторическаго заговора и сводится на одно его выполненіе, на одну *mise en scène*,—возьмите, по крайней мѣрѣ, и мы деревянные мечи и щиты изъ латуни. Неужели намъ лить настоящую кровь и настоящія слезы для представленія провиденціальной шарады. Съ предопредѣленнымъ планомъ, исторія сводится на вставку чиселъ въ алгебраическую формулу, будущее отдано въ кабалу до рожденія. Не проще ли понять, что человѣкъ живетъ не для совершенія судебъ, не для воплощенія идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился (какъ ни дурно это слово) для настоящаго, что вовсе

не мѣшаетъ ему ни получить наслѣдство отъ прошедшаго, ни оставить кое-что по завѣщанію. Но, —прибавляетъ Герценъ,—все это кажется идеалистамъ грубымъ и унижительнымъ“. Я нарочно привожу слова Герцена, чрезвычайно отзывчиваго на всѣ движенія современной мысли, въ качествѣ свидѣтельства сторонняго наблюдателя о возникновеніи опредѣленнаго индивидуалистическаго теченія, исходящаго изъ понятія личности и стремившагося возвратить ей то реальное значеніе, котораго она была лишена въ системѣ отвлеченнаго рационализма.

Къ этому же направленію примыкаетъ и вышедшее черезъ годъ послѣ книги Штирнера сочиненіе Карла Шмидта: „Das Verstandesthum und das Individuum“. Сочиненіе это, впрочемъ, не имѣетъ серьезнаго значенія и важно для насъ только въ качествѣ свидѣтельства, что попытка Штирнера не является чѣмъ-то совершенно изолированнымъ, простою прихотью эксцентрическаго воображенія, а представляетъ собой проявленіе извѣстнаго движенія общественной мысли. Впослѣдствіи Карль Шмидтъ отказался отъ изложенныхъ въ его юношеской книгѣ взглядовъ, вернулся къ своимъ официальнымъ ученымъ занятіямъ и приобрѣлъ заслуженную извѣстность, благодаря своей многотомной „Исторіи педагогики“, переведенной между прочимъ и на русскій языкъ.

Въ этой исторической обстановкѣ получаетъ свое должное освѣщеніе и книга Штирнера. Она является только наиболѣе яркимъ выраженіемъ реакціи, направленной противъ гегелевскаго панлогизма. Въ лицѣ Штирнера долго порабощенная личность встала мятежомъ противъ господства абстрактнаго идеализма.

Какъ это всегда бываетъ съ новыми системами, вырабатывающимися путемъ борьбы съ предшествующими ученіями, Штирнеръ, освободившись отъ вліянія идеалистической философіи, немедленно впалъ въ противоположную крайность. Онъ провозгласилъ, что существуетъ только данное, индивидуальное „я“, что только къ этому „я“ съ полнымъ пра-

вомъ приложимъ предикать бытія, и что все остальное есть только созданіе этого „я“, которое есть *единственная* реальность.

Штирнеръ не признаетъ ничего трансцендентнаго, ничего независимаго отъ субъекта. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія солипсизма, т.-е. признаетъ, что всѣ вещи и понятія, весь міръ существуетъ только во *мнѣ* и черезъ *меня*, весь міръ есть мое представленіе и моя собственность (Eigenthum), по отношенію къ которой „я“ являюсь полнымъ господиномъ (Eigenthümer). Идеи суть только продукты моего „я“, мои созданія, которымъ „я“ даю смыслъ и значеніе. Я является единственнымъ критеріемъ бытія и единственнымъ критеріемъ истины, такъ какъ внѣ меня все сущее превращается въ призракъ, въ ничто, и такъ какъ всякая истина есть всегда моя истина, мое созданіе. „Die Wahrheit ist meine Creatur“ — въ этомъ положеніи субъективный нигилизмъ достигъ своего полного завершенія, дальше идти уже некуда; но возможно ли и оставаться на этой точкѣ зрѣнія?

Сомнѣніе въ реальности внѣшняго міра не является новостью въ философіи и повторялось не разъ съ древнѣйшихъ временъ вплоть до нашихъ дней; но никто изъ мыслителей не могъ до конца оставаться вѣрнымъ своему сомнѣнію, и всѣ подобныя системы въ концѣ-концовъ основаны на скрытомъ (иногда и безсознательномъ) компромиссѣ между отвлеченнымъ скептицизмомъ и реальными фактами сознанія. Въ концѣ-концовъ въ каждой изъ такихъ скептическихъ системъ возможно отыскать элементы, присутствіе которыхъ допустимо только въ случаѣ признанія, хотя бы безсознательнаго, реальности фактовъ внѣшняго опыта. Это невольно наводитъ на мысль, что та точка зрѣнія, на которую становятся въ данномъ случаѣ скептики, не даетъ имъ достаточной опоры для построенія философской системы. Скептики, рѣшая проблему реальности внѣшняго міра въ отрицательномъ смыслѣ, указываютъ обыкновенно на *логическую* недоказуемость нашего вѣрованія въ

бытіе объективной дѣйствительности. Но тотъ фактъ, что скептики никогда не могли до конца остаться вѣрными своему сомнѣнію, уже показываетъ, что существуетъ нѣкоторая *психологическая* необходимость, въ силу которой данная проблема неизбежно рѣшается человѣческимъ сознаниемъ въ положительномъ смыслѣ. Въ частности же противъ положенія, занятаго въ этомъ вопросѣ Штирнеромъ, можно возразить, что его противопоставленіе индивидуальнаго „я“, какъ единственной и безусловной реальности, всей совокупности внѣшняго опыта, какъ ложному призраку, не можетъ быть до конца поддерживаемо, если остаться на почвѣ послѣдовательнаго скептицизма, такъ какъ съ этой точки зрѣнія можно заявить сомнѣніе и въ реальности нашего „я“. Въ глазахъ послѣдовательнаго скептика само „я“ становится простымъ отвлеченіемъ, идеей, психологической иллюзіей. Въ такомъ случаѣ это „я“ есть только идеальная точка пересѣченія для различныхъ рядовъ состояній сознанія, съ весьма слабою и непостоянною связью между отдѣльными психологическими моментами. Этимъ отдѣльнымъ мгновеннымъ состояніемъ сознанія и придется съ этой точки зрѣнія приписать высшую реальность и такимъ образомъ стать на почву психологическаго атомизма, соответствующаго метафизическому атомизму Демокрита, для котораго единственною реальностью являлись атомы и—пустота.

Но Штирнеръ не остается послѣдовательнымъ въ своемъ скептицизмѣ и для него реальность индивидуальнаго „я“, по видимому, стоитъ внѣ сомнѣнія. Это „я“ есть единственная реальность, создатель и критерій всякой реальности, и такимъ образомъ является внѣ всякой законмѣрности и послѣдовательности, какъ начало, не только самодовлѣющее, но и самоопредѣляющееся. Такой взглядъ на личность, конечно, есть историческая фикція и психологическая невозможность, подобно взгляду Руссо на „естественнаго чловѣка“. Индивидуумъ является всегда въ извѣстной исторической обстановкѣ, соответствующей данному историческому моменту. Онъ есть продуктъ нѣкотораго законмѣрнаго раз-

витія, звено въ цѣпи явленій нѣкотораго надъ-индивидуальнаго процесса и въ то же время дѣйствующій факторъ этого процесса. Человѣкъ, какъ живая индивидуальная единица сложнаго цѣлаго, есть представитель опредѣленной расы, опредѣленной общественной группы, опредѣленнаго историческаго момента. Онъ является носителемъ всего прошлаго, всего пережитого человѣческимъ родомъ, и создателемъ будущаго. Только остановившійся въ своемъ развитіи идіотъ, вся жизнь котораго ограничивается удовлетвореніемъ первичныхъ инстинктовъ, стоитъ внѣ связи съ этою коллективною жизнью человѣчества. Въ нормальномъ же положеніи человѣкъ такъ или иначе чувствуетъ эту связь и подчиняется ей, хотя бы и безсознательно.

Результатомъ этой коллективной жизни и являются понятія права, долга, свободы, человѣчности, которыя служатъ нормирующими принципами, опредѣляющими собой поведение отдѣльныхъ индивидовъ. Штирнеръ, вѣрный своему основному анти-идеалистическому положенію, ожесточенно нападаетъ не только на гипостазированіе этихъ идей, но и на всякое признаніе за ними дѣйствительнаго значенія, при чемъ главный его аргументъ заключается въ утвержденіи, что идеи эти лишены всякой реальности и являются простыми созданіями нашего „я“. Но на это необходимо возразить, что данныя понятія вовсе не суть произвольныя созданія индивидуальнаго „я“, но что они представляютъ собой необходимые продукты долгаго культурнаго развитія, долгаго воспитанія ума, чувства и воли человѣка въ теченіе его исторической и доисторической жизни. Конечно, нельзя гипостазировать эти идеи, приписывать имъ объективную реальность, абсолютную устойчивость и неизмѣнность, но отсюда еще не должно дѣлать заключенія о ихъ недѣйствительности. Штирнеръ, повидимому, смѣшиваетъ здѣсь понятія *реальности* и *субстанціальности*. Если напр., „государство“, какъ понятіе, не имѣетъ субстанціальнаго бытія, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно было миеомъ, произвольнымъ продуктомъ воображенія людей, вѣ-

рящихъ въ его существованіе (Staatsgläubige, по выраженію Штирнера). Право, законъ, нравственность и пр., конечно, идеи, но такія идеи, которыя необходимымъ образомъ соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ фактамъ человѣческаго общежитія и въ этихъ фактахъ получаютъ свое осуществленіе. Конечно, сами по себѣ онѣ не имѣютъ субстанціального бытія; но это не лишаетъ ихъ дѣйствительной реальности въ томъ смыслѣ, въ какомъ реальна равнодѣйствующая, слагающаяся изъ нѣсколькихъ силъ, дѣйствующихъ подъ разными углами.

Тотъ фактъ, что понятія эти необходимымъ образомъ возникаютъ даже въ самомъ примитивномъ общежитіи, служить лучшимъ доказательствомъ ихъ дѣйствительнаго значенія. Измѣняются *формы* права, нравственности и пр., но остается идея, *идеаль*, къ осуществленію котораго, сознательно или безсознательно, стремится человѣчество въ своей исторической жизни и дѣятельности.

Помимо вышеприведенныхъ соображеній, теорія Штирнера должна вызвать возраженія и со стороны психолога. Основная тенденція его книги есть борьба противъ идеализма, въ его разнообразныхъ формахъ; господство идеализма представляется ему полнымъ порабощеніемъ личности ею же созданными идеями, отказъ отъ своей свободы въ пользу какой-либо *idée-fixe*, признаніе надъ собою господства отвлеченныхъ сущностей, не имѣющихъ никакой реальности. Этому подчиненію отвлеченному раціонализму Штирнеръ противопоставляетъ—и это весьма характерно въ устахъ ученика Гегеля — живую *волю* личности, волю, не знающую для себя никакого стѣсненія. На это слѣдуетъ возразить, что всякій волевой процессъ представляетъ собой нѣчто сложное, состоящее, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, изъ представленія цѣли, на которую она направлена, и, во-вторыхъ, изъ проявленія нѣкоторой внутренней активности, обуславливающей возможность осуществленія этого представленія. Такимъ образомъ, волевой актъ всегда связанъ съ актомъ интеллектуальнымъ

въ одно неразрывное, единое цѣлое. „Воля“ въ чистомъ видѣ, безъ отношенія къ опредѣленному конкретному содержанию, не существуетъ вовсе; въ такой отвлеченной формѣ она является психологическою фикціей, классификаціонною рубрикой для опредѣленія извѣстныхъ фактовъ душевной жизни. Въ конкретныхъ же проявленіяхъ она всегда тѣсно связана съ актами представленія, идеациі, и внѣ этой связи является совершенно слѣпой, безсодержательной и импульсивной силой чисто стихійнаго характера. Такую слѣпую, импульсивную волю — если только возможно констатировать ея проявленіе — можно уподобить тѣмъ скандинавскимъ берсеркерамъ, о которыхъ говорится въ сѣверныхъ сагахъ и которые, впадая въ ярость, рубили вокругъ себя безъ всякой цѣли и представленія, не сознавая, падаютъ ли ихъ удары на враговъ, на друзей или на неодушевленные предметы. Смысль и значеніе всякій волевой актъ получаетъ только въ связи съ опредѣленнымъ представленіемъ, которое одно даетъ ему содержаніе. Эти представленія, направляющія волю, могутъ быть весьма разнообразны, какъ по своему происхожденію и внутреннему содержанію, такъ и по своей интенсивности, которая располагается степенями отъ полной сознательности до совершеннаго затмѣнія въ сознаніи цѣли и средства какого-либо дѣйствія — какъ это бываетъ, напр., при привычныхъ, такъ называемыхъ вторично-автоматическихъ движеніяхъ. Но и въ этихъ послѣднихъ психологическій анализъ открываетъ присутствіе нѣкотораго интеллектуальнаго фактора, только остающагося подъ порогомъ сознанія. Поэтому нѣкоторые психологи, напр., Джемсъ, съ полнымъ правомъ рассматриваютъ такіа дѣйствія, которыя обусловлены какимъ-нибудь направляющимъ представленіемъ и которыя получили у нихъ названіе „идео-моторныхъ дѣйствій“ (ideo-motor action) въ качествѣ прототипа всякаго волевого акта.

Съ психологической точки зрѣнія всякое дѣйствіе есть реализація какой-либо идеи, съ различною степенью сознательности, и только въ качествѣ такой реализаціи оно вхо-

дить въ кругъ вѣдѣнія психолога, компетентность котораго прекращается тамъ, гдѣ начинается область чисто импульсивныхъ физиологическихъ процессовъ; но тамъ уже не можетъ быть рѣчи ни о волѣ, ни о представленіяхъ, ни о сознаниіи вообще, а есть только закономѣрное взаимодействіе слѣпыхъ и безсознательныхъ силъ природы. Тамъ же, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ фактами психической жизни, мы всегда въ концѣ анализа встрѣчаемся съ процессами представленія, идеациі, безъ которыхъ проявленія чувства и воли оставались для насъ безсознательными.

Эти соображенія указываютъ на несостоятельность ученія Штирнера съ психологической точки зрѣнія. Борьба противъ идеализма, сводящаяся для него къ борьбѣ противъ господства идей, основана у него на невѣрномъ пониманіи значенія идей въ психической жизни человѣка.

Идеи суть реальныя силы, а не китайскія тѣни, мелькающія въ зрительномъ полѣ сознанія. Направленіе дѣйствующей воли всегда опредѣляется извѣстнымъ представленіемъ, или же слагается въ видѣ равнодѣйствующей нѣкотораго числа наличныхъ представленій различнаго характера и интенсивности.

Поэтому представленія, идеи являются движущею силой, безъ которой немислимо никакое сознательное дѣйствіе; вмѣстѣ съ тѣмъ наша власть надъ идеями далеко не безгранична, и человѣкъ отнюдь не можетъ считать себя, какъ это дѣлаетъ Штирнеръ, полновластнымъ господиномъ и создателемъ своихъ представленій. Существуютъ извѣстные психологическіе законы, управляющіе смѣной представленій, обуславливающіе зарожденіе и разложеніе тѣхъ или иныхъ идей. Законы эти отчасти уже установлены научной психологіей, какъ, напримѣръ, простѣйшіе законы ассоціациі и апперцепціи представленій, отчасти еще ожидаютъ ближайшихъ изслѣдованій.

Закономѣрности господствующей въ духовной жизни отдѣльнаго человѣка соотвѣтствуетъ такая же закономѣрность въ духовной жизни всего человѣчества. Смѣна философ-

скихъ системъ и общественныхъ настроеній, смѣна господствующихъ идей и представленій совершается въ силу извѣстной логической и психологической необходимости, а не по произволу отдѣльныхъ лицъ, мыслителей и общественныхъ дѣятелей. Было бы крайне наивно думать, что великія философскія системы являются исключительно личнымъ идейнымъ созданіемъ отдѣльныхъ мыслителей, ихъ произвольнымъ порожденіемъ; каждая изъ нихъ имѣетъ своихъ предшественниковъ и своихъ потомковъ, каждая является только составнымъ звеномъ въ процессѣ развивающейся человѣческой мысли. Съ этой точки зрѣнія получается свое истинное значаніе и философія Штирнера, несмотря на всю ея кажущуюся произвольность и независимость. Для вѣрнаго пониманія ея смысла необходимо всегда имѣть въ виду ея отношенія къ ученіямъ Фихте, Гегеля и Фейербаха, поставить ее въ ряду преемственно смѣнявшихся философскихъ системъ. Съ этой, исторической точки зрѣнія она представится намъ въ качествѣ крайняго антитеза всей идеалистической философіи, господствовавшей въ Германіи въ теченіе первой половины XIX вѣка.

Штирнеръ создалъ свою систему чистаго субъективизма не по прихоти личной воли, не по капризу творческаго воображенія, а въ силу нѣкоторой логической необходимости; борясь противъ идеализма, онъ являлся поправкой къ его односторонности, являлся представителемъ противоположныхъ умственныхъ теченій: въ этомъ для насъ заключается истинный смыслъ и интересъ его философскихъ взглядовъ.

V.

Мы назвали Штирнера „нищепанцемъ сороковыхъ годовъ“ и, какъ надѣемся, сдѣлали это съ полнымъ правомъ. Дѣйствительно, сопоставленіе этихъ двухъ именъ невольно приводитъ на мысль всякому, знакомому съ Ницше, при чтеніи „Единственнаго“,—такъ много общаго въ мысляхъ и настроеніяхъ встрѣчаемъ мы въ произведеніяхъ обоихъ авторовъ. Это сходство идей достигаетъ иногда въ отдѣльныхъ

афоризмахъ буквального тождества. Тѣмъ страннѣе является тотъ фактъ, что Ницше нигдѣ не называетъ Штирнера, словно этотъ мыслитель остался ему совершенно неизвѣстенъ. Послѣднее предположеніе представляется маловѣроятнымъ, такъ какъ Ницше могъ познакомиться съ общей характеристикой философіи Штирнера, напр., изъ „Исторіи материализма“ Ланге, которую онъ цитируетъ въ своихъ произведеніяхъ и которая слѣдовательно была ему хорошо извѣстна. Трудно предположить, чтобы онъ не обратилъ вниманія на мыслителя, съ которымъ у него было столько точекъ соприкосновенія. Тѣмъ не менѣе ни о какомъ вліяніи со стороны Штирнера не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ развитіе взглядовъ Ницше шло своимъ особымъ путемъ и совершалось въ силу своей внутренней необходимости. Однако полное молчаніе Ницше объ его отдаленномъ предшественникѣ является весьма страннымъ и, быть можетъ, объясняется лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что Ницше очень ревниво оберегалъ свои права на полную оригинальность и поэтому считалъ неудобнымъ указывать на философа, съ которымъ у него было такъ много общаго.

Хотя указаніе на это сходство основныхъ идей и тенденцій обоихъ мыслителей дѣлалось уже неоднократно, напр., въ сочиненіяхъ Гартмана¹⁾, Шельвина²⁾ и Рудольфа Штейнера³⁾, однако ни одинъ изъ названныхъ авторовъ не остановился подробнѣе на разсмотрѣніи этихъ чертъ сходства и различія; между тѣмъ такое внимательное сопоставленіе далеко не лишено значенія, такъ какъ параллельное изученіе двухъ сходныхъ писателей обыкновенно даетъ весьма благодарный матеріалъ для выясненія характерныхъ особенностей cadaго изъ нихъ. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ нѣсколько подробнѣе остановиться на указанныхъ

1) E. von Hartmann. Ethische Studien. Leipzig, 1898. S. 60—61.

2) Schellwien. Max Stirner und Friedrich Nietzsche, Erscheinungen des modernen Geistes. Leipzig, 1892. S. 23 ff.

3) R. Steiner. Friedrich Nietzsche, ein Kämpfer gegen seine Zeit. Weimar, 1895. S. 96—100.

чертахъ, сближающихъ философскіе взгляды обоихъ мыслителей, и выяснить ихъ взаимное отношеніе.

Наиболѣе важной характерной чертой, сближающей обоихъ мыслителей, является крайній *индивидуализмъ*, проникающій всѣ ихъ философскіе и социальныя взгляды.

Оба они послѣдовательные и рѣшительные индивидуалисты какъ въ области отвлеченной мысли, такъ и въ вопросахъ морали и общественной жизни. Понятіе личности лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ разсужденій; полная и безграничная свобода ея самоопредѣленія является ихъ лозунгомъ и боевымъ знаменемъ. Правда, по своему происхожденію индивидуализмъ обоихъ мыслителей представляетъ довольно существенныя различія: въ то время какъ у Штирнера онъ явился въ качествѣ крайняго вывода изъ отвлеченныхъ разсужденій, созданъ путемъ чисто *логической* работы ума, у Ницше главную роль сыграли въ этомъ отношеніи его внутреннія симпатіи и антипатіи, стоящія внѣ контроля отвлеченнаго мышленія и, по его собственному убѣжденію, опредѣляющія направленіе этого мышленія¹⁾; такимъ образомъ индивидуализмъ Ницше имѣетъ *психологическую* подкладку и находитъ свое объясненіе въ особенностяхъ его личности, его духовной организаціи. Но будучи различенъ по своему происхожденію, индивидуализмъ обоихъ мыслителей вполнѣ однороденъ по своему существу. Оба они являются сторонниками безусловной свободы личности, не признавая для нея никакихъ ограниченій, откуда бы эти ограниченія не происходили. Для обоихъ личность вполнѣ довлѣетъ себѣ и не имѣетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ окружающимъ. У обоихъ отвлеченный „культъ личности“ поднимается на степень стоящаго выше всѣхъ сомнѣній догмата, изъ котораго истекаютъ всѣ остальные взгляды на жизнь и на міръ.

Именно эти индивидуалистическія тенденціи философіи Ницше и создали ему такую громадную популярность среди

¹⁾ Jenseits von Gut und Böse; Werke, B. VI, S. 14.

современнаго общества; но тѣ же самыя тенденціи обрекли въ свое время проповѣдь Штирнера на полную неудачу. Выступивъ съ своей книгой за нѣсколько лѣтъ до февральской революціи, въ эпоху долгой и упорной борьбы западно-европейскаго общества за политическія права, въ эпоху всеобщаго увлеченія утопическими социальными теоріями и увѣренности въ близкомъ торжествѣ идеаловъ свободы, равенства и братства, Штирнеръ оказался въ полномъ противорѣчій съ господствующимъ настроеніемъ своего времени и имя его безслѣдно исчезло въ бурномъ потокѣ 48-го года. Сорокъ лѣтъ спустя, когда выступилъ со своей проповѣдью Ницше, многое измѣнилось какъ въ условіяхъ жизни, такъ и въ настроеніи европейскаго общества. Многое изъ того, во имя чего велась нѣкогда упорная борьба, стало привычнымъ приобрѣтеніемъ, во многомъ другомъ, что одушевляло прежнихъ борцовъ, пришлось жестоко разочароваться. Жизнь стала сложнѣй и многостороннѣй, и соотвѣтственно этому усложнились ея запросы къ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Обострившаяся борьба за существованіе вызвала усиленную конкуренцію между личностями на всѣхъ поприщахъ жизни, заставила личность собрать всѣ свои силы и, такъ сказать, внутренне подтянуться. Вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее увлеченіе утопическимъ социализмомъ смѣнилось реакціей противъ его идеаловъ, такъ какъ въ торжествѣ социальнаго принципа стали видѣть опасность для свободнаго развитія личности. Все это создало удобную почву для успѣха индивидуалистическаго ученія Ницше. Не должно забывать также, что въ этомъ индивидуалистическомъ теченіи Ницше вовсе не стоитъ особнякомъ: къ этому же теченію примыкають и такіе выдающіеся писатели, какъ Ибсенъ, Стриндбергъ, Киплингъ, д'Аннунціо, являющіеся также проповѣдниками „сильной личности“, стоящей въ рѣшительномъ конфликтѣ съ обществомъ.— Глубокимъ индивидуализмомъ проникнуто также и такъ называемое „новое искусство“, несмотря на все различіе школь и партій, развившихся въ его средѣ. Теоретикомъ

индивидуализма въ искусствѣ явился Лангбень, книга котораго: „Rembrandt als Erzieher“, вышедшая въ 1890 году, въ короткое время выдержала болѣе сорока изданій. Въ области литературы это индивидуалистическое теченіе выразилось сильнымъ подъемомъ лирическаго творчества, въ которомъ по преимуществу находятъ себѣ выраженіе личность поэта. Самое современное „декадентство“, во всѣхъ его подраздѣленіяхъ, всецѣло примыкаетъ къ этому же теченію, по крайней мѣрѣ въ лицѣ его наиболѣе серьезныхъ и талантливыхъ представителей. Въ своемъ стремленіи сполна выразить въ лирическомъ творествѣ свою индивидуальность, поэты этого направленія вступаютъ въ тщетную борьбу съ затрудненіями, зависящими отъ той причины, что личность сама по себѣ, въ своей единичности и исключительности, невыразима при помощи тѣхъ отвлеченныхъ знаковъ, какими являются слова какого-либо языка. Отсюда проистекаетъ тотъ фактъ, что произведенія этихъ поэтовъ часто бываютъ понятны лишь ограниченной группѣ лицъ, одаренныхъ аналогичной душевной организаціей, а на остальныхъ производятъ впечатлѣніе простого набора словъ, лишенныхъ содержанія. Конечно, такіе „кружковые поэты“ представляютъ своего рода крайность, но самое появленіе ихъ стало возможнымъ лишь на почвѣ общаго индивидуалистическаго теченія, господствующаго въ современной литературѣ.

Упрекъ современной культурѣ, что она стремится ко всеобщей нивеллировкѣ, что, способствуя духовному развитію массъ, она вредно отзывается на свободномъ развитіи отдѣльныхъ выдающихся особей, этотъ упрекъ былъ еще въ 70-хъ годахъ высказанъ другимъ нѣмецкимъ философомъ-публицистомъ Полемъ де Лагардомъ¹⁾, который въ этомъ отношеніи является прямымъ предшественникомъ Ницше. Въ своихъ сочиненіяхъ: „Deutsche Schriften“ и „Religion

¹⁾ О немъ смотри въ книгѣ Лео Бегра: *Der Übermensch in der modernen Litteratur*, S. 59—66.

der Zukunft“, Лагардъ выступаетъ яримъ сторонникомъ принципа индивидуализма. Сила націи, по его мнѣнію, заключается не въ народной массѣ, а въ ея высшихъ представителяхъ. Прогрессъ историческаго развитія совершается лишь черезъ посредство отдѣльныхъ личностей: задача массъ заключается именно въ томъ, чтобы выдвигать изъ своей среды этихъ исключительныхъ представителей, героевъ, и расчищать имъ дорогу. Между тѣмъ современная культура производитъ лишь дюжинныхъ людей; въ этомъ заключается громадная опасность для будущаго, и поэтому всѣ, кто сознаетъ эту опасность, должны всѣми силами содѣйствовать развитію личности, такъ какъ только въ сильной личности заключается залогъ процвѣтанія всего народа: „Прочь все, что способствуетъ воспитанію посредственности“, — восклицаетъ Лагардъ. „Лучше рубить дрова, чѣмъ продолжать дольше жить этой ничтожной, цивилизованной и благовоспитанной жизнью: поэтому уйдемъ назадъ, къ вѣчнымъ источникамъ, уйдемъ въ высь, въ уединенныя горы, гдѣ мы — не только потомки, но и родоначальники будущаго“. Идеаломъ Лагарда является созданіе новой аристократіи, которая была бы руководительницей общества: въ существованіи этой отборной аристократіи и заключается смыслъ существованія всего народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и залогъ его дальнѣшаго развитія.

Нетрудно видѣть, насколько близко соприкасаются приведенные нами взгляды Лагарда съ господствующими идеями Ницше. Оба они принадлежатъ одному и тому же теченію общественной мысли, являются носителями однихъ и тѣхъ же идеаловъ. Такимъ образомъ Ницше въ качествѣ теоретика индивидуализма вовсе не стоитъ совершенно одиноко. Американецъ Эмерсонъ, датчанинъ Киркегоръ, шотландецъ Карлайль также являлись адвокатами личности; но замѣчательный художественный талантъ, въ связи съ большой доступностью, обезпечили Ницше громадную популярность сравнительно съ его предшественниками и единомышленниками. Книга Штирнера, несмотря на то, что по философ-

ской глубинѣ и систематичности она неизмѣримо превосходить разрозненные и противорѣчивые, хотя и блестящіе афоризмы Ницше, прошла въ свое время безъ всякаго замѣтнаго слѣда, между тѣмъ какъ Ницше въ короткое время пріобрѣлъ себѣ всемірную извѣстность. Этотъ фактъ можетъ быть объясненъ лишь тѣмъ, что проповѣдникъ „сверхчеловѣка“ выступилъ какъ разъ въ такой моментъ когда общество по своему преобладающему настроенію, оказалось чрезвычайно отзывчивымъ и подготовленнымъ къ его проповѣди. Поэтому такъ скоро собралась вокругъ его знамени толпа ярыхъ поклонниковъ и послѣдователей, и самое имя его стало для нихъ боевымъ кличемъ. Особенную популярность онъ пріобрѣлъ у нѣкоторыхъ литературныхъ группъ такъ называемой „юнѣйшей Германіи“, которая въ его лицѣ увидала своего призваннаго философа-теоретика. Нео-романтическое движеніе, которому заплатилъ свою дань даже такой независимый писатель, какъ Гауптманъ, въ своемъ „Потонувшемъ колоколѣ“, всецѣло проникнуто идеями Ницше. Этому впрочемъ не должно удивляться, такъ какъ по самому существу своему это движеніе является лишь литературнымъ выраженіемъ общаго индивидуалистическаго теченія современной мысли. Романтики первой половины XIX вѣка такъ же увлекались культомъ сильной личности, такъ же требовали для нея безусловной свободы, такъ же ставили ея произволь выше традиціонной морали, какъ и ихъ современные преемники. Съ этой точки зрѣнія самого Ницше по справедливости можно назвать романтикомъ философіи, хотя, конечно, никакой преемственной связи между нимъ и прежними романтиками не существуетъ: связываетъ ихъ лишь общность руководящихъ идей и господствующаго настроенія.

Возвращаясь къ разсмотрѣнію точекъ соприкосновенія между философскими взглядами Ницше и Штирнера, мы, кромѣ общихъ индивидуалистическихъ тенденцій, должны указать еще на другую важную характерную черту, сближающую обоихъ мыслителей, на ихъ вражду къ отвлечен-

ному рационализму. Для Ницше, какъ и для Штирнера, инстинкты и воля конкретной личности стоятъ безконечно выше объективнаго разума, являются рѣшающими инстанціями даже въ вопросахъ познанія. У Штирнера это отрицательное отношеніе къ дѣятельности разума объясняется реакціей противъ односторонняго рационализма Гегеля, разрѣшавшаго всю дѣйствительность въ стройную систему взаимно-обусловленныхъ идей. Вся дѣятельность Штирнера сводится къ борьбѣ съ тѣмъ, что онъ называлъ „гіерархіей“, къ борьбѣ противъ господства идей и идеаловъ и въ защиту независимости личности отъ ихъ власти. „Эгоистъ“ долженъ сознавать, что всѣ идеи и идеалы суть его созданія, что онъ стоитъ выше ихъ и что онъ одинъ является критеріемъ ихъ истинности. „Истина есть твое созданіе,—говоритъ Штирнеръ.—До тѣхъ поръ, пока ты вѣришь въ истину, ты не вѣришь въ себя и остаешься слугою, религіознымъ человѣкомъ. Ты одинъ—истина, или, лучше сказать, ты—болѣе чѣмъ истина, которая безъ тебя—ничто“. Ницше также всецѣло проникнутъ анти-раціоналистическимъ настроеніемъ, которое онъ, быть можетъ, унаслѣдовалъ еще отъ своего учителя Шопенгауэра ¹⁾. Въ его глазахъ дѣятельность разума играетъ лишь служебную роль, а главное значеніе принадлежитъ инстинктамъ и волѣ. Оттого съ такою ненавистью относится Ницше къ Сократу, котораго онъ считаетъ родоначальникомъ современнаго рационализма: его онъ упрекаетъ въ томъ, что онъ положилъ основаніе „раціонализаціи инстинктовъ“, и притомъ инстинктовъ нисшаго порядка, свойственныхъ личности слабой и не жизнеспособной. Дѣятельность разума лишь тогда является плодотворной, если она способствуетъ поднятію жизненной энергіи личности; въ противномъ случаѣ, если она ослабляетъ волю, извращаетъ инстинкты, уменьшаетъ въ человѣкѣ спо-

1) Ницше видитъ крупнѣйшую ошибку философовъ-раціоналистовъ въ ихъ недоувѣрїи къ показаніямъ чувствъ: не чувство, а разумъ искажаетъ дѣйствительность, подводя ее подъ отвлеченныя понятія. (*Götzendämmerung*; VIII, S. 77).

способность къ дѣятельности и къ борьбѣ, она является безусловно вредной. Въ этомъ заключается единственный критерій для оцѣнки дѣятельности разума: никакого отвлеченнаго „критерія истинности“ Ницше не признаетъ. Въ сочиненіи „Jenseits von Gut und Böse“ онъ ставитъ ребромъ вопросъ о цѣнности истины. „Ложность какого-нибудь утвержденія,—пишетъ онъ,—вовсе не является аргументомъ противъ даннаго утвержденія; весь вопросъ заключается лишь въ томъ, насколько оно содѣйствуетъ процвѣтанію жизни“¹⁾. Съ этой точки зрѣнія „насъ возвышающій обманъ“ долженъ имѣть всегда болѣе цѣнности, чѣмъ „тмы низкихъ истинъ“. Поэтому Ницше ставитъ людей, дѣятельность которыхъ направлена на теоретическое познаніе: философовъ и ученыхъ, гораздо ниже практическихъ дѣятелей. „Эти люди еще далеко не свободные мыслители, такъ какъ они еще *вѣрятъ въ истину*“, говоритъ онъ въ „Genealogie der Moral“, противопоставляя западнымъ философамъ членовъ ордена Ассасиновъ, тайнымъ лозунгомъ которыхъ было: „ничего нѣтъ истиннаго, все дозволено“. Такимъ образомъ Ницше становится по ту сторону истины и лжи. Для него, такъ же какъ и для Штирнера, какъ и для греческихъ софистовъ, мѣрою истины является человекъ, и при томъ не какъ genus, а какъ индивидъ. Сильная личность создаетъ „истину“, заставляя другихъ вѣрить въ ея непреложность. Поэтому Ницше называетъ философовъ „законодателями“, налагающими печать своего генія на цѣлыя эпохи мышленія: То, что сами они называютъ „стремленіемъ къ истинѣ“ (Wille zur Wahrheit), есть въ сущности лишь проявленіе скрытаго „стремленія къ власти“ (Wille zur Macht), только власть ихъ выражается въ болѣе тонкой, интеллектуальной формѣ, въ формѣ власти надъ умами²⁾.

Такимъ философомъ-законодателемъ хотѣлъ быть самъ Ницше, поставивъ себѣ грандіозную задачу „переоцѣнки

¹⁾ Jenseits von Gut und Böse; Werke, B. VII, S. 12.

²⁾ Ibid., S. 162.

всѣхъ цѣнностей“ и бросивъ гордый вызовъ всѣмъ нашимъ исконнымъ вѣрованіямъ и вѣками воспитаннымъ чувствамъ; но задача эта, конечно, оказалась ему не по силамъ, и онъ погибъ подъ ея бременемъ.

Не признавая объективнаго критерія истины въ области мышленія, Ницше естественно не признавалъ его и въ области морали. Въ его глазахъ личность являлась единственнымъ мѣриломъ добра и зла, творцомъ всѣхъ нравственныхъ цѣнностей. Весь вопросъ заключался для него лишь въ томъ, какова эта личность по своей природѣ, т.-е. принадлежитъ ли она къ сильному или слабому человѣческому типу. Сильная личность, въ которой съ наибольшей полнотой проявляется лежащая въ основѣ всей нашей душевной жизни „воля къ власти“ (*Wille zur Macht*), ставитъ въ центрѣ всего міропониманія самое себя и дѣйствуетъ только во имя своего „я“. Съ этой стороны *Wille zur Macht* Ницше близко соприкасается съ „эгоизмомъ“ Штирнера. Ницше даже прямо выступаетъ поборникомъ эгоизма, напр., въ „Сумеркахъ кумировъ“ въ главѣ: *Naturwerth des Egoismus*. „Недостаетъ самага главнаго, если обнаруживается недостатокъ себялюбія (*Selbstsucht*), пишетъ онъ. Не искать *своей* пользы, это только моральный фиговый листъ, прикрывающій другой, чисто физиологическій фактъ, именно неспособность *найти* свою пользу. Въ этомъ выражается разложеніе инстинктовъ: человѣку приходитъ конецъ, когда онъ становится альтруистомъ“ ¹⁾.

Что касается до слабой личности, то послѣдняя кладетъ въ основу своей морали чувства противоположнаго порядка: смиреніе, состраданіе, самопожертвованіе и т. д. Такова, напр., христіанская мораль съ ея аскетическими идеалами и съ ея безусловнымъ осужденіемъ эгоизма и себялюбія. Ницше совершенно отрицательно относится къ христіанской этикѣ, считая ее построенной на извращенныхъ инстинктахъ слабой и поработченной личности; въ его глазахъ перемѣна

1) *Götzendämmerung*; Werke, VШ, 143.

внесенная христіанствомъ въ область нравственности, переоцѣнка языческихъ нравственныхъ цѣнностей, есть настоящее „возстаніе рабовъ въ морали“ (Sklavenaufstand in der Moral). Точно такъ же отрицательно относился къ христіанской этикѣ и Штирнеръ, при чемъ взгляды его въ этомъ отношеніи даже по своей формулировкѣ близко напоминаютъ воззрѣнія Ницше. Подобно ему, Штирнеръ также видитъ въ христіанствѣ прежде всего „соціальную теорію“, религію обездоленныхъ классовъ, и говоря о переоцѣнкѣ, перевооротѣ, произведенномъ христіанствомъ, выражается почти тѣми же словами, какъ Ницше: „die christliche Anschauung hat ehrliche Wörter zu unehrlichen umgestempelt“¹⁾. При этомъ однако не должно упускать изъ виду, что вражда къ христіанству происходитъ у обоихъ философовъ изъ различныхъ источниковъ: у Штирнера она является слѣдствіемъ его общаго анти-идеалистическаго настроенія, такъ что для него и Фейербахъ, и „критическая критика“ представляютъ собой лишь завершеніе христіанскаго цикла идей, — между тѣмъ какъ враждебность Ницше обусловлена преимущественно его *соціальными* симпатіями и антипатіями: христіанство является для него прежде всего „религіей рабовъ“ и онъ отвергаетъ его именно съ точки зрѣнія своего аристократическаго міросозерцанія.

Христіанство даетъ объективный критерій для различенія добра и зла. Но Ницше не признаетъ этого критерія, предполагая, что сильная личность, „сверхъ-человѣкъ“, создаетъ свой собственный критерій, становясь *jenseits von Gut und Böse*. Точно такъ же и Штирнеръ не признаетъ для своего „владыки“ (Eigner) никакой нравственной сдержки и съ пренебреженіемъ отзывается о „старомодномъ различіи добра и зла“ (*altfränkischer Gegensatz zwischen Gut und Böse*). Сильная личность, каковъ бы ни былъ ея нравственный обликъ, вызываетъ въ нихъ обоихъ восторженное преклоненіе: такъ, напримѣръ, личность Наполеона, котораго

¹⁾ Der Einzige und sein Eigenthum, S. 173.

Ницше называетъ *ens realissimum*. Не признавая никакихъ нравственныхъ нормъ и критеріевъ, Штирнеръ и Ницше одинаково отрицательно относятся къ явленію *совѣсти*; для Ницше совѣсть есть „вошедшая внутрь болѣзнь“ слабаго человѣка, инстинктъ, жестокость, обращенный на него самого. Штирнеръ же называетъ ее шпиономъ и соглядатаемъ, говорить, что совѣсть представляетъ собой тайную полицію человѣка.

Можно указать еще нѣсколько другихъ не менѣ важныхъ точекъ соприкосновенія между взглядами обоихъ мыслителей, напр., въ ихъ отношеніи къ французской революціи, въ которой Штирнеръ видѣлъ торжество „средняго человѣка“ и которую Ницше называлъ „кровавымъ фарсомъ“; но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду также и весьма существенныхъ различій между ними. Въ сравненіи со Штирнеромъ Ницше долженъ быть названъ идеалистомъ, по крайней мѣрѣ въ эпоху созданія „Заратустры“. Штирнеръ писалъ между прочимъ: „религіозное чувство заключается въ недовольствѣ современнымъ человѣкомъ, т.-е. въ поставленіи какого-нибудь *идеала*, какъ цѣли для совершенствованія“ ¹⁾. Но для Ницше именно и характерно его недовольство современнымъ человѣкомъ. Его „Заратустра“ выступаетъ проповѣдникомъ идеала грядущаго сверхъ-человѣка: реализацію этого идеала Ницше считаетъ цѣлью всей исторической жизни человѣчества, поэтому съ точки зрѣнія Штирнера онъ самъ является „религіознымъ человѣкомъ“, идеалистомъ. „Сверхъ-человѣкъ“ Ницше былъ бы въ глазахъ Штирнера *ein erhabener Spuk*, нѣчто призрачное, недѣйствительное, потустороннее; вѣра въ сверхъ-человѣка и стремленіе къ его воплощенію была бы для него такимъ же фетишизмомъ, какъ и вѣра во всякую иную идею, во всякую иную отвлеченную сущность. Ницше-Заратустра всецѣло находится подъ обаяніемъ своего идеала сверхъ-человѣка, но онъ провидитъ его реализацію лишь въ очень

¹⁾ Der Einzige, S. 299.

отдаленномъ будущемъ, а задачей настоящаго считаетъ лишь подготовку почвы для появленія сверхъ-человѣка, призывая людей стать „святителями будущаго“, свою „любовь къ ближнему“ подчинить болѣе глубокой „любви къ дальнему, къ отдаленнѣйшему“ (höher als die Liebe zum Nächsten steht die Liebe zum Fernsten und Künftigen). Сообразно этому все міросозерцаніе Ницше въ эту эпоху носитъ телеологическую окраску: борясь за полную свободу личности, онъ считаетъ цѣлью этой борьбы не свободу *отъ* чего-либо (frei von), а свободу *для* чего-либо (frei wozu); грядущій идеаль долженъ всегда находиться передъ нашими глазами, и мы должны всѣми силами стремиться къ его осуществленію, такъ какъ въ немъ одномъ заключается цѣль, смыслъ и оправданіе нашего существованія. „Человѣкъ есть только канатъ между животнымъ и сверхъ-человѣкомъ, канатъ, протянутый надъ пропастью. Самое великое въ человѣкѣ есть то, что онъ не цѣль, а только мостъ къ цѣли“, говоритъ Заратустра. Къ сожалѣнію, Ницше однако не удержался на достигнутой высотѣ, когда онъ съ полнымъ правомъ могъ говорить о себѣ и о своихъ предполагаемыхъ союзникахъ: wir, Argonauten des Ideals. Уже въ послѣдней части „Заратустры“ замѣчаются первые признаки поворота на новую дорогу, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ эпоху созданія „По ту сторону добра и зла“ и „Генеалогіи морали“, идеаль *сверхъ-человѣка*, совершенно отходить на задній планъ и его мѣсто занимаетъ „человѣкъ силы“ (Machtmensch). Недовольство современнымъ человѣкомъ и современной культурой попрежнему остается преобладающимъ настроеніемъ; но идеалы свои Ницше ищетъ уже не въ будущемъ, а скорѣе склоненъ видѣть ихъ въ далекомъ прошломъ, въ эпохахъ господства дикой силы. Раньше онъ видѣлъ достоинство человѣка въ томъ, чтобы подготовить почву для сверхъ-человѣка, требовалъ отъ личности сознательнаго служенія нѣкоторому *объективному* идеалу, хотя и весьма неопредѣленному и туманному; теперь же личность становится самодовлѣющей единицей; съ нея снимается всякій

долгъ, всякая обязанность по отношенію къ чему-нибудь постороннему и предоставляется полная свобода въ развитіи присущей ей мощи, при чемъ степень этой мощи является единственнымъ мѣриломъ при оцѣнкѣ личности. Такая освобожденная отъ всякихъ нравственныхъ стѣсненій личность близко напоминаетъ Штирнеровскаго „эгоиста“; разница заключается лишь въ томъ, что Штирнеръ поступаетъ гораздо откровеннѣе и честнѣе, называя вещи ихъ собственными именами, между тѣмъ какъ Ницше старается замаскировать и прикрасить ихъ громкими словами, вродѣ „Wille zur Macht“, поль которыми мы въ сущности не находимъ никакого опредѣленнаго понятія.

Другое важное различіе въ характерѣ ученія обоихъ мыслителей обусловлено различіемъ ихъ генезиса. Система Штирнера возникла изъ критики разложившагося гегеліанства; являясь прямымъ антиподомъ Гегеля, Штирнеръ однако кое-что заимствовалъ у великаго философа: наприм., знаменитую формулу, что все дѣйствительное разумно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокій оптимизмъ, проникающій все міросозерцаніе Гегеля. Что касается до Ницше, то его учителемъ былъ Шопенгауэръ, подъ обаяніемъ котораго онъ въ сущности остался до конца, несмотря на свое отпаденіе. Пессимизмъ Шопенгауэра отразился у Ницше въ его отрицательномъ отношеніи ко всей современной культурѣ, въ которой онъ не видитъ ничего отраднаго и высокаго, а одни только признаки упадка и разложенія. Борясь противъ своего пессимистическаго настроенія, онъ создалъ себѣ идеаль „сверхъ-человѣка“, который долженъ служить не только высокой цѣлью стремленія для человѣка, но и *оправданіемъ* всей современной „александрійской“ культуры, оправданіемъ всей жизни вообще. Другимъ результатомъ реакціи противъ Шопенгауэровскаго пессимизма явилась у Ницше идея „вѣчнаго возвращенія“, которую самъ онъ по какому-то странному недоразумѣнію считалъ наиболѣе глубокой и оригинальной мыслью всей своей фило-

софіи; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, идея эта далеко не нова, такъ какъ она входила въ составъ ученія древнихъ пифагорейцевъ, логически недоказуема и сверхъ того стоитъ въ явномъ противорѣчїи съ идеей сверхъ-человѣка, какъ высшей цѣли существованія. Эта идея „вѣчнаго возвращенія“ возникла у Ницше изъ его стремленія къ безусловному „утвержденію жизни“ (das heilige Ja-sagen), въ противоположность ея отрицанію у Шопенгауэра. И при томъ это „утвержденіе“ относится не къ какой-либо идеальной жизни, а ко всей дѣйствительности вообще, со всѣми присущими ей недостатками, со всѣмъ ея зломъ и страданіемъ. Всю дѣйствительность, во всей ея совокупности, Ницше признаетъ безусловнымъ благомъ, и при томъ столь совершеннымъ, что мы можемъ желать не ея измѣненія или исправленія, а только ея вѣчнаго повторенія, въ той же самой формѣ, со всѣми мельчайшими подробностями. Такимъ *утрированнымъ оптимизмомъ* Ницше пытался бороться противъ пессимистическаго настроенія, вынесеннаго имъ изъ школы Шопенгауэра; но внимательный читатель, умѣющий вскрывать за философскими утвержденіями ихъ психологическую мотивацію, безъ труда увидитъ, сколько тайнаго страданія скрывалось за гордыми фразами Ницше. Оптимистическое самоутвержденіе личности было для него лишь предметомъ страстнаго желанія, неосуществимаго въ дѣйствительности, и, быть можетъ, весь фейерверкъ его парадоксовъ имѣлъ цѣлью заглушить въ немъ самомъ голосъ сомнѣнія и отчаянія.

Кромѣ Шопенгауэра на Ницше несомнѣнное вліяніе оказали Дарвинъ, въ эпоху его увлеченія позитивизмомъ, хотя впрочемъ не должно преувеличивать степень этого вліянія, какъ это дѣлаетъ Тилле ¹⁾. Идея „сверхъ-человѣка“ возникла у Ницше, несомнѣнно, на почвѣ эволюціоннаго ученія, въ качествѣ его логическаго слѣдствія. Поэтому Ниц-

¹⁾ A. Tille. Von Darwin bis Nietzsche. Ein Buch Entwicklungsethik. Leipzig, 1895.

ше придавалъ громадное значеніе принципу наслѣдственности и полагалъ, что только путемъ вѣковаго отбора могутъ быть воспитаны въ человѣкѣ свойства, необходимыя для возникновенія высшаго типа. Изъ этого убѣжденія происходятъ у Ницше его аристократическія тенденціи, совершенно отсутствующія у Штирнера, такъ же какъ чужда послѣднему идея преемственнаго развитія вообще. Для Ницше человѣкъ есть переходъ отъ предковъ къ потомкамъ, звено въ непрерывной цѣпи развитія; общій характеръ предковъ, сложившійся въ теченіе вѣковъ, опредѣляетъ отношеніе человѣка къ жизни и весь его нравственный обликъ. „Все хорошее есть наслѣдство“ (Alles Gute ist Erbschaft) говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Поэтому, въ противоположность интеллектуальному аристократизму Ренана, у Ницше главную роль играетъ именно аристократизмъ крови, происхожденія. Отсюда его ожесточенная вражда противъ современнаго демократическаго движенія, противъ либеральныхъ учреждений и парламентаризма. Всѣ его социальныя взгляды, несомнѣнно, проникнуты аристократическими симпатіями: характернымъ для него въ этомъ отношеніи является тотъ фактъ, что еще въ молодости онъ увлекался такимъ мыслителемъ, какъ Теогнисъ, которому посвящена его первая научная работа. Напротивъ того, Штирнеръ—рѣшительный демократъ. Его „автономная личность“ не признаетъ никакихъ правъ происхожденія или воспитанія: только присущая ей лично сила опредѣляетъ ея положеніе въ жизни. Ничего не наслѣдуя изъ прошлаго, она является „своимъ собственнымъ предкомъ“, подобно тому, какъ Наполеонъ, по его классическому изреченію, былъ своимъ собственнымъ предкомъ. На мѣсто „сувереннаго народа“, Штирнеръ ставитъ „суверенное я“, вмѣстѣ съ принципомъ: *bellum omnium contra omnes*. Это неизбежно приводитъ къ отрицанію всякой государственности вообще, къ анархизму. Напротивъ того, Ницше—сторонникъ сильной государственной власти; поэтому въ русскомъ самодержавіи онъ видитъ залогъ великой будущно-

сти Россіи ¹⁾). Что же касается до анархистовъ, то тѣхъ онъ прямо называлъ „собаками“ (die anarchistischen Hunde).

Нельзя обойти безъ вниманія крупную разницу въ характерѣ мышленія у Штирнера и у Ницше, впрочемъ, уже отмѣченную Шельвиномъ ²⁾). Штирнеръ — скептикъ; его сильная сторона заключается въ критикѣ установившихся понятій, въ беспощадномъ анализѣ. Напротивъ того, Ницше—догматикъ; въ его душѣ постоянно жила неугасимая потребность вѣры, унаслѣдованная имъ, быть можетъ, отъ его ближайшихъ предковъ, благочестивыхъ лютеранскихъ пасторовъ, по остроумному предположенію одного критика ³⁾).

Ницше разрушалъ только для того, чтобы созидать; передъ его глазами всегда стояла положительная задача, между тѣмъ какъ Штирнеръ всецѣло поглощенъ дѣломъ разрушенія, не давая замѣнъ ничего положительнаго.

Наконецъ, весьма важной характерной особенностью Ницше является его *эстетизмъ*, котораго слѣда нѣтъ у Штирнера. Всѣ критики, даже самые неблагоклонные, признаютъ въ Ницше высоко-талантливаго и даже геніальнаго художника слова. Дѣйствительно, даже не сочувствуя его философскимъ взглядамъ, весьма трудно не поддаться невольно обаянію его роскошнаго поэтическаго языка, полного прекрасныхъ художественныхъ образовъ и „мраморныхъ изреченій“, по выраженію одного критика. Но Ницше былъ не только художникомъ-творцомъ, но и теоретикомъ искусства: вопросы искусства постоянно привлекали къ себѣ его вниманіе, и въ его произведеніяхъ разбросана масса замѣчаній по вопросамъ эстетики. Болѣе того: все его міросозерцаніе проникнуто эстетизмомъ, какъ это съ большой убѣдительностью доказываетъ Цейтлеръ, авторъ одного изъ новѣйшихъ сочиненій о Ницше ⁴⁾). По его мнѣнію, мысли-

¹⁾ Götzendämmerung, Werke, VIII, 151.

²⁾ R. Schellwien. Op. cit., p. 23.

³⁾ W. Weigand. Friedrich Nietzsche. Ein psychologischer Versuch. München, 1893. S. 87.

⁴⁾ Julius Zeitler. Nietzsches Aesthetik. Leipzig, 1900.

тель Ницше всецѣло подчиненъ художнику, такъ какъ оцѣниваетъ всѣ явленія дѣйствительности съ эстетической точки зрѣнія. Страстное увлеченіе музыкой Вагнера ясно показываетъ, какъ сильна была въ немъ эстетическая потребность. Какъ художникъ онъ возмущается современной будничной и бѣдной дѣйствительностью, и порывается отъ нея прочь въ страну будущаго. Какъ художникъ, онъ мечтаетъ о созданіи новой прекрасной жизни, воплощая свою грезу въ идеалъ сверхъ-человѣка. Его занимаетъ не столько искусство художественныхъ произведеній (Kunst der Kunstwerke), сколько *искусство жизни* (Kunst des Lebens): сама жизнь должна проникнуться красотой, подняться на степень художественнаго совершенства. Поэтому эстетическое мѣрило повсюду у Ницше играетъ рѣшающую роль. Штирнеръ же столь же мало уважаетъ принципъ красоты, какъ и всѣ другіе принципы. Повидимому, въ его натурѣ эстетическія потребности вовсе не были развиты. Его сочиненіе поражаетъ своей діалектической силой; но оно совершенно прозаично, поэтому не производитъ на читателя того неотразимаго обаянія, которое присуще произведеніямъ Ницше, въ силу ихъ художественной красоты. Вообще, Ницше, несмотря на причудливую форму своего изложеніе, гораздо болѣе доступенъ пониманію большой публики, чѣмъ его предшественникъ. Поэтому Штирнеръ никогда не будетъ пользоваться такой популярностью, какую пріобрѣлъ теперь Ницше. Между тѣмъ его философская система отличается гораздо большею продуманностью и цѣльностью, и не представляетъ тѣхъ многочисленныхъ противорѣчій, которыми изобилуетъ міросозерцаніе Ницше. Если только допустить законность его основной точки зрѣнія и стать вмѣстѣ съ нимъ на почву солипсизма, то мы принуждены будемъ принять и всѣ остальные его взгляды, въ качествѣ законнаго слѣдствія. Солипсическая теорія сильна именно тѣмъ, что она неопровержима логически, такъ что противъ нея говоритъ лишь психологическая вѣроятность, какъ это уже было замѣчено нами. У Ницше же вовсе нѣтъ

такого фундамента, и потому его блестящіе парадоксы не обобщены, не приведены въ систему и единственнымъ связующимъ элементомъ является для нихъ общность настроенія, изъ котораго они вытекли.

Назвавъ свою систему „философіей эгоизма“, Штирнеръ допустилъ, по справедливому замѣчанію Крейбига ¹⁾, весьма существенную формальную ошибку. Эгоизмъ есть понятіе этическое, между тѣмъ какъ у него оно получаетъ значеніе метафизическаго принципа. Такое произвольное расширеніе понятія, конечно, является недопустимымъ. У Штирнера „эгоизмъ“ совпадаетъ съ субъективизмомъ. Но освободившись отъ господства „священныхъ идей“ или „призраковъ“, Штирнеръ на ихъ мѣсто поставилъ, какъ это замѣтилъ еще Арнольдъ Руге ²⁾, новый фетишъ, священное „я“, и такимъ образомъ впалъ въ ту же самую ошибку, въ которой онъ уличалъ другихъ.

Если же брать понятіе эгоизма въ его общепринятомъ этическомъ значеніи, то степень оригинальности всей философіи Штирнера должна значительно уменьшиться, такъ какъ уже неоднократно дѣлались разными мыслителями попытки обосновать на эгоизмѣ всю систему морали; такъ возникли, напр., этическія теоріи Монтаня, Ларошфуко, Гоббса, Гельвеція и др. Но ни у кого изъ нихъ принципъ эгоизма не былъ проведенъ съ такой беспощадной послѣдовательностью, какъ у Штирнера. Тѣмъ не менѣе мы не сдѣлаемъ Штирнеру упрека въ безнравственности. Подъ этимъ словомъ понимаютъ обыкновенно извращенность чувства и воли, между тѣмъ какъ книга Штирнера есть продуктъ чисто *отвлеченной* работы ума, произведеніе холодной мысли, ни передъ чѣмъ не останавливающейся и неизмѣнно послѣдовательной въ своемъ разрушительномъ анализѣ. Штирнеръ—теоретикъ, кабинетный мыслитель. Создавая свою отвлеченную систему, онъ, повидимому, ни разу не поста-

¹⁾ Kreibig. Geschichte und Kritik des ethischen Skepticismus. Wien, 1896. S. 114.

²⁾ Arn. Ruges Briefwechsel, B. I, S. 386.

рался представить себѣ ясно, какой видъ примутъ его теоріи въ приложеніи, на практикѣ. Оттого всякій разъ, когда онъ старается перенести свои отвлеченныя построенія на почву дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній, онъ терпитъ полную неудачу. Такъ, напр., совершенно немислимую въ практическомъ отношеніи комбинацію представляеть его „союзъ эгоистовъ“, который онъ хочетъ поставить на мѣсто всѣхъ другихъ общественныхъ соединеній. Тамъ, гдѣ верховнымъ принципомъ является: homo homini lupus, невозможна никакая правильная общественная жизнь, никакая устойчивая социальная организація: ставши на этотъ путь, неизбежно должно придти либо къ полной анархіи, либо къ беспощадному деспотизму.

Вообще, Штирнеръ, несмотря на свою критику рационализма, самъ по складу своей личности, въ значительной степени является рационалистомъ. Этимъ объясняется его увлеченіе діалектикой, представляющей несомнѣнно его сильнѣйшую сторону; отсюда же вытекаетъ его чисто разсудочное обоснованіе морали на *идею* эгоизма, при чемъ Штирнеръ совершенно забываетъ важное значеніе *чувства* въ области нравственныхъ отношеній; наконецъ, на этомъ же основывается и полная неисторичность всего этого міросозерцанія, такъ какъ Штирнеръ не хочетъ считаться съ реальными психологическими условіями, воспитанными въ человѣчествѣ многовѣковой исторической жизнью, и смотритъ на человѣческую природу, какъ на *tabula rasa*. „Эгоистъ“ Штирнера есть чистѣйшая абстракція, такъ какъ всякій человѣкъ, кромѣ неотъемлемыхъ индивидуальныхъ чертъ, носитъ не менѣе существенныя типическія черты: расовыя, національныя, классовыя и т. д. Отрѣшиться вполнѣ отъ этихъ типическихъ чертъ для того, чтобы стать ни отъ чего независимымъ „эгоистомъ“, какъ этого требуетъ Штирнеръ, является психологической невозможностью.

Односторонность міросозерцанія Штирнера, коренившаяся, безъ сомнѣнія, въ особенностяхъ его душевнаго склада, въ преобладаніи въ немъ разсудочныхъ элементовъ надъ

эмоціональными, отразилась и на общемъ характерѣ его главнаго произведенія. Въ книгѣ Штирнера чувствуется отчаянное дерзновеніе мысли, совершенно неожиданное въ скромномъ преподавателѣ нѣмецкаго женскаго пансіона. Штирнеръ поставилъ знакъ вопроса надъ всѣмъ тѣмъ, чему вѣровали, чему поклонялись лучшіе умы всѣхъ временъ, объявилъ бессмысленнымъ идолопоклонствомъ служеніе идеаламъ, бросилъ вызовъ всякому идеализму вообще. Но холодная расудочность, съ которой написана его книга, въ значительной степени ослабляетъ ея вліяніе на читателя: Штирнеръ едва ли кого увлечетъ за собою, едва ли возбудитъ въ комъ тотъ энтузіазмъ, какой возбуждаютъ высокіе идеалистическіе принципы, на которые она нападаетъ. Эти великіе принципы, на коихъ основана вся наша тысячелѣтняя христіанская культура, принципы любви къ ближнему и нравственной отвѣтственности личности, всегда будутъ вдохновлять лучшихъ представителей человѣчества въ ихъ стремленіяхъ къ добру и истинѣ. Что же касается до единичныхъ попытокъ борьбы противъ этихъ принциповъ, подобно предпринятой Штирнеромъ и Ницше, то онѣ свидѣтельствуютъ лишь о прискорбной аберраціи нравственнаго сознанія, о его болѣзненномъ извращеніи, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить прославленіе такихъ „героевъ“, какъ Чезаре Борджа, въ которомъ Ницше видѣлъ воплощеніе сильнаго человѣческаго типа, человѣка-господина (Herrgemensch). И каковъ бы ни былъ временный успѣхъ этихъ попытокъ и возбужденное ими вниманіе, все-таки мы имѣемъ полное основаніе думать, что онѣ являются только скоропроходящимъ эпизодомъ въ ростѣ человѣческаго сознанія, и что будущее принадлежитъ идеализму, такъ какъ въ немъ одномъ человѣчество находитъ цѣль и смыслъ своего существованія.

В. Саводникъ.

Механика общественных идеалов *)).

Иное положеніе занимаетъ Алоисъ Риль. Онъ стоитъ на чисто-гносеологической точкѣ зрѣнія. Онъ говоритъ: «Геометрическое положеніе остается вѣрнымъ и тогда, когда не существуетъ и не можетъ существовать объекта, вполне отвѣчающаго геометрическому понятію; оно трактуется объ этомъ объектѣ не какъ о существующемъ, а какъ онъ мыслится по нами же установленному правилу конструкціи. Нравственное правило остается обязательнымъ, хотя бы всѣ на свѣтѣ люди и допускали для себя изъятіе изъ него, потому что оно имѣетъ въ виду не описать или объяснить фактической образъ дѣйствія людей, а установить правила для возможнаго образа дѣйствія» ¹⁾). Риллю чуждъ натурализмъ Ланге, но еще болѣе онъ отрекается отъ метафизики. Вся философія для него исчерпывается гносеологіей. Попытки Канта выйти изъ чисто-гносеологическаго трактованія основныхъ вопросовъ теоріи и практики имъ строго осуждаются. Онъ отмѣчаетъ непоследовательность Канта при разсмотрѣніи телеологіи въ природѣ. Именно, Кантово утвержденіе, что безъ руководства внутренней формой органическихъ существъ мы не можемъ далеко пойти въ изслѣдованіи, Риль считаетъ преувеличеніемъ. «Телеологія, какъ замѣтилъ самъ Кантъ, принадлежитъ къ описанію природы, а не къ научному естествовѣдѣнію», говоритъ онъ. «Соображенія цѣли нисколько не содѣйствуютъ уразумѣнію связи между функціей и органомъ» ²⁾). Онъ возстаетъ противъ положенія Канта, что, какъ бы мы да-

*) См. № 59.

¹⁾ Риль. Теорія науки и метафизики, пер. Е. Корша, стр. 121.

²⁾ Ibid., стр. 391.

леко ни провели механическое объясненіе, оно будетъ недостаточно, будетъ давать необъясненный остатокъ для вещей, которыя мы разъ признали за цѣлевыя. Онъ возражаетъ, что Кантъ «забылъ тутъ свое собственное вѣрное замѣчаніе, что цѣлей въ природѣ мы не наблюдаемъ никогда» 1). Кантъ совершаетъ, по мнѣнію Рилья, отступничество, когда допускаетъ, что хотя въ умопостигаемой основѣ природы механизмъ и цѣлесообразность совпадаютъ, но для насъ, по условіямъ нашего разума, невозможно сведеніе обоихъ началъ въ одно. По мнѣнію Рилья, очевидно, такое примиреніе совершается вовсе не въ метафизической умопостигаемой природѣ, а въ нашемъ разумѣ, поскольку телеологія въ естественныхъ вещахъ допускается нами единственно, какъ способъ описанія.

Итакъ, *изъ внешней природы* телеологія, какъ способъ дѣйствія и реальной связи, рѣшительно изгоняется 2). Этимъ возста-навлиются въ этой сферѣ права чистой гносеологіи, нарушенныя Кантомъ черезъ введеніе трансцендентныхъ элементовъ. Но какъ Риль смотритъ на телеологію въ той сферѣ, которую считаетъ законно ей подчиненной, именно, въ сферѣ нашей воли? Приведемъ его подлинныя выраженія: «Настоящее мѣсто для цѣли—въ практической области, и только въ ней одной. Здѣсь она не только принципъ обсужденія формы какого-нибудь предмета, она—принципъ порожденія самихъ предметовъ. Такъ какъ всякое произвольное дѣйствіе происходитъ изъ сознанія цѣли и изъ мотива, то изъ нихъ же оно и объясняется» 3). Риль считаетъ цѣль зиждительнымъ принципомъ. «Въ духовной исторіи человѣчества цѣль непосредственно реальна, прямо осуществляется» 4). «Цѣлесообразныя дѣйствія живого существа должны воздѣйствовать, по крайней мѣрѣ, на его индивидуальную организацію. Цѣль имѣетъ, слѣдовательно, не только субъективную реальность, но такъ какъ акты воли суть вмѣстѣ съ тѣмъ и физиологическіе процессы, то цѣль ихъ получаетъ объективное значеніе» 5).

1) Ibid., стр. 395.

2) «Цѣль и средство—такія понятія, которыя нераздѣльны съ отношеніемъ къ волѣ»... «Гдѣ нѣтъ основанія допускать жизнь и сознаніе, тамъ нѣтъ основанія предполагать и цѣль». Ibid., стр. 399 и 401.

3) Ibid., стр. 422.

4) Ibid., стр. 423.

5) Ibid., стр. 418.

Слѣдуетъ ли изъ этихъ положеній, что Риль придаетъ цѣли силу, независимую отъ каузальной? Нисколько. Цѣль, по мнѣнію Рилья, лишь потому можетъ являться способомъ объясненія и связи явленій, что она есть только особенный родъ представленія каузальной связи, присущей нашему мышленію о волѣ. Обратимся опять къ самому философу. «Понятіе цѣли подчинено понятію причинности,—говоритъ онъ,—такъ какъ оно и есть понятіе причинности, только особаго рода, именно, причинности волевой» ¹⁾. Здѣсь Риль опирается на свою теорію свободной воли: эта свобода есть не что иное, какъ *несознанная* нами каузальная ея обусловленность. «Неизбѣжное невѣденіе настоящихъ причинъ нашихъ дѣйствій должно породить призракъ безпричинности, или, что все равно, безусловной свободы» ²⁾ Незнаніе причинъ нашего хотѣнія вовсе не доказываетъ отсутствія причинъ, свобода отъ внутренняго принужденія не доказываетъ независимости воли отъ закона причинности. Воля *должна* являться самосознанію свободной, хотя бы фактически она была обусловлена причиной ³⁾. Итакъ, цѣль обладаетъ дѣйственной силой лишь постольку, поскольку она есть явленіе воли, а послѣдняя есть фактъ каузальной обусловленности. Слѣдовательно, и цѣль получаетъ силу измѣнять дѣйствительность отъ каузальныхъ отношеній. «Изъ природы существа, говоритъ далѣе Риль, выходитъ неизбѣжно, къ какимъ опредѣленнымъ цѣлямъ стремится оно и должно стремиться. Если бы мы умѣли точно изслѣдовать причины этого природнаго свойства, мы натолкнулись бы на элементы и общіе законы дѣйствительности, изъ сочетанія которыхъ произошли и воля и цѣли даннаго существа. Закономѣрность (причинная) приводитъ черезъ волю къ цѣлесообразности: телеологическій взглядъ на природу впадаетъ, слѣдовательно, въ чисто причинное объясненіе природы, потому что цѣль исходитъ отъ причиннаго порядка всего существованія. Всеобщая закономѣрность (причинная) вещей есть основа той особеннаго рода закономѣрности въ произвольныхъ дѣйствіяхъ животныхъ существъ, которая *представляется ихъ сознанію какъ цѣлесообразность*» ⁴⁾. Итакъ, цѣлесообразность есть лишь психическая форма, форма

1) *Ib.*, стр. 403.

2) *Ib.*, стр. 269—270.

3) *Ib.*, стр. 273.

4) *Ib.*, стр. 403.

представленія той же причинной закономѣрности,—поскольку послѣдняя дана въ волевыхъ фактахъ.

Такимъ образомъ и по отношенію къ цѣлевой закономѣрности воли, какъ ранѣе по отношенію къ цѣлевой закономѣрности въ природѣ, Риль освобождаетъ гносеологию отъ трансцендентной примѣси, внесенной въ нее Кантомъ. Онъ признаетъ, что способъ связи волевыхъ фактовъ по цѣлямъ дѣйствительно присущъ нашему представленію хода этихъ фактовъ какъ неизбѣжный,— и потому есть специальный родъ объясненія ихъ. Но онъ не ищетъ обоснованія этого особаго способа связи въ умпости-гаемомъ мірѣ, а принимаетъ это какъ фактъ того же эмпирическаго міра, представляющей лишь частный видъ каузальной связи. Формальная гносеологія констатируетъ намъ сплошное господство причинности, простирающееся и на акты воли; слѣдовательно, специальная связь этихъ актовъ не можетъ сама выйти изъ сферы причинности и можетъ быть понимаема лишь какъ особый способъ представленія этой послѣдней.

Теперь переходимъ къ третьему пункту, центральному для нашего изслѣдованія. Если Риль призналъ телеологию лишь видомъ каузальности, если для него опредѣленіе по цѣлямъ стало лишь каузальнымъ психическимъ актомъ,—то какъ онъ смотритъ на возможность опредѣленія дѣйствительности цѣлью, какъ таковою, т. е. на возможность переработки дѣйствительности въ направленіи нашего психическаго даннаго идеала? Въ этомъ отношеніи мы несомнѣнно находимъ у него преувеличеніе психической силы. Съ одной стороны, понимая, что разъ цѣль дѣйствуетъ въ каузальной обусловленности, она не можетъ, *при всякихъ условіяхъ*, разчитывать на свое осуществленіе, Риль говоритъ: «именно потому, что сама дѣятельность человѣка принадлежитъ къ всеобщему порядку природы, будущность природы опредѣлена *между прочимъ* и его дѣятельностью¹⁾. Но, съ другой стороны, Риль все-таки думаетъ, что тамъ, «гдѣ цѣль зиждительна, какъ въ царствѣ человѣка и его культуры, — тамъ она и принципъ объясненія. Вовсе нѣтъ антропоморфизма въ томъ, чтобы выводить изъ человѣка и изъ мощи его самосознательной личности все, что дѣйствительно и идетъ изъ человѣка и изъ силы его убѣжденія». Познаніе цѣлей, какъ побудительныхъ причинъ человѣче-

1) Ib., стр. 417—418.

скаго дѣйствованія, удовлетворяетъ потребности нашего духа въ объясненіи не менѣ механической причинности. Представимъ себѣ естествовѣдѣніе въ законченномъ совершенствѣ, обладающимъ, стало быть, знаніемъ всѣхъ процессовъ въ природѣ; оно и тогда не могло бы стать на мѣсто науки о духовной дѣятельности человѣка»¹⁾. «Разумъ не удовлетворяется однимъ указаніемъ механической причинности». Эти мѣста и подобныя имъ могли бы дать поводъ предположить, что Риль допускаетъ самостоятельную цѣлевую законѣрность, примѣнимую тамъ, гдѣ отсутствуетъ каузальная. Но предыдущее изложеніе ясно доказываетъ, что такое толкованіе противорѣчило бы основной точкѣ зрѣнія Рила. Цѣлевое объясненіе, хотя и требуемое разумомъ, все-таки остается у Рила видомъ каузальнаго, *только иначе мыслимымъ* и приложимымъ къ практической области именно потому, что здѣсь каузальная связь получаетъ *видъ* цѣлевой. Риль можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ *слишкомъ полагается* на совпаданіе дѣйствительной каузальной и мыслимой цѣлевой связи. Лишь такое *произвольное* (а оно есть именно произвольное, поскольку Риль отказался отъ трансцендентной точки зрѣнія) преувеличеніе силы мыслимой цѣли можетъ сдѣлать цѣлевую законѣрность принципомъ объясненія даже въ сферѣ собственно духовныхъ явленій,—ибо вѣдь и они подчиняются принципу каузальности, и мы не имѣемъ никакихъ гарантій, что цѣлевое объясненіе совпадетъ съ реальнымъ каузальнымъ ходомъ. Такимъ образомъ Риль совершаетъ здѣсь ту же ошибку, которая свойственна сторонникамъ психологическаго телеологизма, не признающимъ обязанности считаться съ каузальнымъ опредѣленіемъ силы психическаго идеала. Не удивительно поэтому, что на Риль считаютъ возможнымъ ссылаться наши субъективисты²⁾. Они правы, зачисляя его въ свои ряды,—но совершенно не правы, думая, что онъ даетъ гносеологическое обоснованіе ихъ субъективизма. Риль субъективистъ, поскольку преувеличиваетъ значеніе цѣлевого объясненія,—но субъективистъ *вопреки своей гносеологіи*. Это видно и изъ окончательной формулировки, какую даетъ Риль возможности синтетическаго міровоззрѣнія. «Общій взглядъ на вещи, соотвѣтствующій кореннымъ направленіямъ нашего духа, стоить

1) *Иб.*, стр. 424.

2) Ср. В. Черновъ.

подъ господствомъ идей механической необходимости, эстетической соразмѣрности и этической цѣлесообразности». «Такъ какъ разумъ, эстетическое чувство и воля соединены у насъ въ единство личности, то мы и ощущаемъ потребность подклады-вать совершенно такое же единство и подъ ту природу, что внѣ насъ. Религіозное міросозерцаніе, съ одной стороны, метафизика съ другой, стараются удовлетворить этому *субъективному* стремленію духа къ единству». Очевидно, что достиженіе синтеза Риль считаетъ возможнымъ лишь путемъ такихъ субъективныхъ построений, какъ религія и метафизика. Этотъ синтезъ того же рода, какъ и синтезъ Ланге,—а вовсе не общеобязательный, не объективный, не научный, какимъ считалъ бы его Риль, если бы думалъ, что можетъ обосновать его изъ своей гносеологіи. Гносеологически-достигнутый имъ синтезъ состоитъ въ подчиненіи принципа цѣлесообразности принципу причинности.

Въ нѣсколькихъ словахъ упомянемъ о Паульсенѣ. Прежде всего у него находимъ осужденіе «формалистическаго рационализма» Канта, цѣлью построенія котораго онъ считаетъ «доказательство абсолютныхъ вѣчныхъ истинъ». Возможность такого доказательства Паульсенъ рѣшительно отрицаетъ. Но онъ цѣнить въ Кантѣ то, что тотъ создалъ безопасное убѣжище для вѣры, обосновавъ ее на волевой сторонѣ нашего существа и обезопасивъ такимъ образомъ отъ нападеній разсудка. Представленіе умопостигаемаго міра цѣнно для насъ, ибо изъ него исходитъ возможность нравственной оцѣнки вещей и истолкованіе ихъ смысла,—но съ научнымъ познаніемъ оно не имѣетъ ничего общаго, не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто. Для разума этотъ міръ есть простая мыслимость, но убѣжденіе въ дѣйствительности его дается лишь нашею волею. Такимъ образомъ Паульсенъ, какъ волютаристъ, даетъ намъ не объективно-познавательный синтезъ вѣры и знанія, а выдвигаетъ волю какъ главный источникъ всякаго нашего убѣжденія, выходящаго за предѣлы простаго техническаго пониманія природы. Для познанія такія трансцендентныя точки зрѣнія не доказуемы, а потому онѣ и не объективны: онѣ лишь даютъ намъ *право* строить «предположенія» о настоящей дѣйствительности. Слѣдовательно, достижи-мый синтезъ можетъ быть лишь субъективно-трансцендентнымъ,—по крайней мѣрѣ, пока не доказана объективность волевой нормы.

Теперь переходимъ къ той группѣ позднѣйшихъ неокантіанцевъ, которые преимущественно использовали критическое учене въ цѣляхъ установленія специальной законмѣрности, которой подлежитъ человѣкъ, его духовный міръ, культура и, главнымъ образомъ, его общественная жизнь. Мы разумѣемъ здѣсь на первомъ мѣстѣ Р. Штаммлера съ его книгой: «Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи». Въ однородномъ направленіи идутъ и другіе авторы, воззрѣнія которыхъ изложены въ недавно вышедшей книгѣ Vorländer'a: «Kant und der Kollektivismus». Это новое направленіе хочетъ обосновать синтетическое міровоззрѣніе въ области соціальной жизни на основахъ этики и телеологизма, отправляясь отъ критической философіи Канта.

Своей задачей Штаммлеръ ставитъ отысканіе «основной формальной законмѣрности, которой подчиняется соціальная жизнь людей». «Соціальная философія спрашиваетъ сообразно съ этимъ, что должно быть признано въ соціальной жизни людей всеобщимъ и необходимымъ». «Первое требованіе заключается въ томъ, что мы должны расчленивъ въ ихъ содержаніи и логически-объективно анализировать тѣ понятія и положенія, которыми мы пользуемся въ соціальномъ познаніи». «Кто хочетъ установить законы человѣческой общественной жизни, долженъ прежде привести въ ясность общія условія познанія, которымъ необходимо подчиняется вся соціальная наука». «Задача эта имѣетъ гносеологическій, а не психологическій характеръ. Мы стремимся къ установленію того, что можетъ быть установлено съ безусловной необходимостью и общеобязательностью для всей соціальной жизни людей». «Мы предпринимаемъ аналитическое изслѣдованіе наличнаго эмпирическаго соціальнаго знанія въ цѣляхъ установленія законсообразности соціально-научнаго познанія, общаго основнаго метода, имѣющаго самостоятельное общенеобходимое значеніе. Но это должно быть осуществлено не посредствомъ беспорядочнаго сопоставленія, сравненія, обобщенія, а въ томъ смыслѣ, чтобы установить въ соціально-эмпирическомъ познаніи тѣ логическіе элементы, опираясь на которые только и можно объединить на общей основѣ все соціальное изслѣдованіе, т.-е. законсообразно понять соціальную жизнь»¹⁾.

1) Р. Штаммлеръ. „Хозяйство и Право“, стр. 12—19 русскаго перевода.

Во всемъ этомъ ясна кантовская постановка вопроса. Для отысканія общей закономерности социальной жизни предлагается не изученіе дѣйствительности какъ таковой, а изученіе общихъ условій ея познанія, изученіе *общихъ понятій*, приложимыхъ къ этой жизни. Въ сущности съ полнымъ правомъ позитивизмъ на это возражаетъ, что эти общія понятія, общія условія познанія не болѣе какъ формулировка *общихъ фактовъ* социальной жизни. Но не будемъ придирчивы и оставимъ за кантовой гносеологіей право прибѣгать къ такому способу выраженія, хотя подъ нимъ и кроется незаконно тотъ смыслъ, что нашъ способъ познанія этихъ явленій и общія его нормы не опытнаго происхожденія, не обусловлены характеромъ самихъ явленій, а налагаются на нихъ самимъ нашимъ познаніемъ. Мы миримся съ такимъ представленіемъ, хотя и считаемъ его произвольнымъ и не вытекающимъ изъ чисто формальной гносеологіи, но миримся лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ этихъ «общихъ нормахъ социального познанія» въ концѣ концовъ найти адекватное выраженіе реальныхъ социальныхъ функций ¹⁾. Мы теперь уже можемъ предвидѣть дальнѣйшій ходъ мыслей Штаммлера. Если ему удастся доказать, что «наиболѣе общее и необходимое условіе познанія социальной жизни», иначе говоря, наиболѣе общій и необходимый фактъ этой жизни, дѣлающій изъ нея именно предметъ *соціально* познанія, такого рода, что къ нему приложима закономерность телеологическая, тогда онъ предъявитъ намъ прямое требованіе изученія всей социальной жизни *sub specie* этой закономерности, по меньшей мѣрѣ рядомъ съ изученіемъ ея по закономерности каузальной. Поэтому первой нашей задачей будетъ прослѣдить, насколько это искомое «общее и необходимое условіе социального познанія» дѣйствительно соотвѣтствуетъ у Штаммлера основному содержанію реальныхъ функций общественной

1) Самъ Штаммлеръ говоритъ: „Было бы непослѣдовательно для гносеологіи, если бы эта общая закономерность, общая познавательная норма всей социальной жизни, осталась бы внѣ дѣйствительности, была бы пустымъ познавательнымъ закономъ, не охватывающимъ самой дѣйствительности („Хозяйство и право“, стр. 16). Если же такъ, то реальныя функціи дѣйствительности должны *точно* отразить въ себѣ наличность этой нормы. Отсутствие ея тамъ, съ точки зрѣнія гносеологіи, невозможно, а съ нашей точки зрѣнія указывало бы на ошибочность самой нормы. Функціи ли опредѣляютъ норму или норма—функціи, во всякомъ случаѣ ихъ совпаденіе обязательно.

жизни. Если же будетъ доказано, что это условіе установлено вѣрно и что оно дѣйствительно телеологической природы, тогда намъ останется еще разсмотрѣть, насколько *сама гносеологія*, исповѣдуемая Штаммлеромъ, безъ помощи какой-либо метафизики, уполномочиваетъ насъ вывести эту социальную телеологию изъ предѣловъ простой мыслимости, простого способа усмотрѣнія фактовъ нашей волевой жизни и понять ее какъ особый родъ дѣйствительной связи этихъ фактовъ, дающій намъ право и на телеологическій способъ изученія ихъ. Наконецъ, если бы и это было доказано, намъ необходимо будетъ еще отыскать, какія гарантіи даетъ та же гносеологія въ пользу того, что этотъ телеологическій ходъ волевыхъ элементовъ социальной жизни не будетъ интерферировать съ каузальнымъ ходомъ всей общественной жизни, такъ что дѣйствительно будетъ дана возможность *синтетическаго* ея пониманія.

Прежде всего отмѣтимъ, что Штаммлеръ рѣшительно отрицается отъ метафизики, отъ всякой трансцендентной точки зрѣнія. «Я желалъ бы,—говоритъ онъ,—разъ навсегда отстранить слѣдующее недоразумѣніе. Можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что мы желаемъ доказать существованіе какого-то абсолютнаго начала, внѣ исторической социальной жизни, предшествующаго ей по времени. Объ этомъ вѣтъ и рѣчи» ¹⁾. «Социальная философія ищетъ общей закономерности, раскрывающейся въ исторіи социальной жизни. Но эта закономерность существуетъ, разумѣется, не внѣ историческихъ общественныхъ условій, а представляетъ единый и обще-необходимый видъ познанія ихъ» ²⁾.

Искомое обще-необходимое свойство социальной жизни, общее условіе, которое дѣлаетъ возможнымъ самое социальное познаніе Штаммлеръ опредѣляетъ какъ *внѣшнюю регуляровку совмѣстной человѣческой жизни*. «Социальная жизнь есть внѣшнимъ образомъ урегулированная совмѣстная жизнь людей» ³⁾. Особенность ея состоитъ въ подчиненіи внѣшнимъ нормамъ, являющимся чело-вѣческимъ установленіемъ. «Внѣшняя норма дѣлаетъ понятіе социальной жизни самостоятельнымъ объектомъ нашего опыта» ⁴⁾. Матеріальнымъ содержаніемъ этой общей формы социальной жизни

¹⁾ *Иб.*, стр. 17.

²⁾ *Иб.*, стр. 18.

³⁾ *Иб.*, стр. 81.

⁴⁾ *Иб.*, стр. 100.

признается «направленная къ удовлетворенію потребностей совмѣстная человѣческая дѣятельность», иначе—соціальное хозяйство. Но это хозяйство, какъ таковое, не подчиненное регулирующимъ внѣшнимъ нормамъ, не составляетъ истиннаго объекта для приложенія соціального познанія. «Объектомъ политической экономіи являются конкретныя проявленія *известнымъ образомъ регулируемой* совмѣстной дѣятельности, направленной къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей» ¹⁾. «Положенія права суть опредѣленія матеріи, которая представляетъ намъ въ известной обусловленной и измѣняемой формѣ лишь *возможность соціальною регуляціею*» ²⁾. Штаммлеръ доказываетъ далѣе, что *по своему матеріальному, экономическому содержанію* ни одинъ правовой принципъ не можетъ быть апіорнымъ. Отсюда, въ согласіи съ общимъ гносеологическимъ направлениемъ, дѣлается выводъ, что если для всей соціальной жизни должна существовать единая и общепримѣнимая апіорная точка зрѣнія, то она должна относиться къ *формѣ* общественной жизни, а не къ ея содержанію. «Закономѣрность соціальной жизни есть закономѣрность юридической формы ея» ³⁾. Наоборотъ, самостоятельной закономѣрности соціального хозяйства, какъ содержанія,—не существуетъ.

«Въ понятіе хозяйства въ соціальномъ смыслѣ, разъ оно становится возможнымъ объектомъ соціального познанія, входитъ внѣшняя нормировка при помощи установленныхъ людьми правилъ» ⁴⁾. «Политическая экономія какъ соціальное изслѣдованіе, есть не что иное (и не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ), какъ изслѣдованіе опредѣленныхъ формъ правового строя со стороны ихъ конкретнаго осуществленія» ⁵⁾.

Такимъ путемъ, въ противопоставленіи доктринѣ экономического матеріализма, видящаго объектъ соціальной закономѣрности въ хозяйственныхъ явленіяхъ, развиваетъ Штаммлеръ свое пониманіе этого объекта, какъ правовой, регулирующей формы общества. Соціальная закономѣрность и закономѣрность правовыхъ нормъ одна и та же.

Поставивъ право и хозяйство въ отношеніе формы и матеріи,

¹⁾ Ib., стр. 141.

²⁾ Ib., стр. 160.

³⁾ Ib., стр. 169.

⁴⁾ Ib., стр. 180.

⁵⁾ Ib., стр. 183.

Штаммлеръ получаетъ возможность отрицать всякое *причинное* отношеніе между этими моментами. «Не слѣдуетъ думать, что правовой порядокъ предшествуетъ во времени и создаетъ социальное хозяйство» ¹⁾. «Юридическія правила представляютъ лишь формальную сторону единого объекта социальнаго научнаго изслѣдованія—социальной жизни—и даны для изслѣдованія одновременно съ регулируемой ими матеріей» ²⁾. Взаимодѣйствіе между правомъ и хозяйствомъ признается съ этой точки зрѣнія мнимымъ. Соотвѣтственно съ этимъ и ходъ развитія социальной жизни представляется обусловленнымъ измѣненіями не въ томъ или другомъ изъ этихъ моментовъ,—такое одностороннее измѣненіе невозможно, ибо отдѣльные звенья этого хода воздѣйствуютъ другъ на друга какъ цѣльные конкреты, представляющіе соединеніе обоихъ моментовъ—хозяйственнаго содержанія и правового опредѣленія. Только социальный феноменъ въ этомъ цѣльномъ своемъ видѣ обусловливаетъ другой феноменъ и вліяетъ на общую перестройку всей социальной жизни, что, въ свою очередь, вызываетъ новые социальные феномены опять въ полномъ ихъ видѣ, какъ хозяйственные факты, опредѣленные правовыми нормами.

Въ такомъ процессѣ общественной жизни, въ этой цѣпи ея фактовъ, взятыхъ какъ социальные, и въ развитіи самаго права, какъ социальнаго факта, необходимо осуществляется причинная закономерность. «Необходимость измѣненія права, *разсматриваемая генетически*, проявляется въ опредѣленныхъ представленіяхъ, мнѣніяхъ, желаніяхъ, стремленіяхъ, выростающихъ изъ социальныхъ феноменовъ, путемъ изученія которыхъ они только и могутъ найти объясненіе своего возникновенія» ³⁾. «Поэтому тотъ, кто желаетъ прослѣдить исторію духовныхъ движеній *со стороны ихъ причинъ и слѣдствій*, не можетъ отвлечься отъ лежащихъ въ основѣ ихъ социальныхъ отношеній и игнорировать социальные феномены тѣхъ эпохъ, которымъ обязаны названныя стремленія своимъ возникновеніемъ и происхожденіемъ» ⁴⁾. «Правильное пониманіе процесса возникновенія социальной жизни есть *монистическое*, не признающее никакой своеобразной и самостоятельной причинности для возникающихъ въ ней социальныхъ

¹⁾ *Иб.*, стр. 209.

²⁾ *Иб.*, стр. 207.

³⁾ *Иб.*, стр. 292.

⁴⁾ *Иб.*, стр. 294.

течений, ставящее ихъ самихъ въ генетическую зависимость отъ предшествующихъ социальныхъ явленій и стремящееся понять и познать всѣ движенія и измѣненія обусловленнаго существованія въ *безусловномъ единствѣ* социального опыта».

Сначала насъ удивляетъ такой результатъ изслѣдованія Штамлера о природѣ социальной законѣрности. Всѣ явленія социальной жизни оказываются соподчиненными причинно. Самое право (понимаемое, конечно, не какъ чистая форма, а какъ извѣстная нормировка содержанія) развивается причинно изъ социальныхъ феноменовъ, разумѣя подъ послѣдними не простое хозяйственное содержаніе, а такое содержаніе, урегулированное правовой нормой. Но такъ или иначе, во всякомъ случаѣ признается сплошное господство причинности. Однако мы скоро замѣчаемъ, что этотъ результатъ не окончательный. Прежде всего наводятъ насъ на эту мысль оговорки, сдѣланныя Штаммеромъ въ только что цитированныхъ положеніяхъ. Причинная законѣрность признается сплошною лишь при разсмотрѣннн социальныхъ явленій *генетически со стороны ихъ причинъ и слѣдствій*. Слѣдовательно, предполагается еще другой возможный способъ ихъ разсмотрѣнія. И, дѣйствительно, далѣе Штаммеръ задаетъ такой вопросъ: «Достаточно ли наблюденія и установленія *причиннаго* возникновенія социальныхъ желаній и стремленій для разрѣшенія задачи законосообразнаго познанія человеческого общества и его развитія?»

Въ дальнѣйшемъ Штаммеръ развиваетъ теорію, якобы гносеологическаго характера, по которой рядомъ съ каузальной законѣрностью должна быть проведена и телеологическая. Именно, онъ утверждаетъ, что мы не можемъ прилагать причинной законѣрности къ тому, что не есть, а только «имѣетъ быть произведено нами», къ дѣйствіямъ только возможнымъ, относительно которыхъ у насъ есть еще свобода выбора. Сюда приложима только законѣрность цѣли, которая есть *оправданіе* извѣстнаго направленія нашей воли сообразно нѣкоторой общеобязательной, объективной цѣли. Наши частныя цѣли по отношенію къ ней оцѣниваются какъ правыя и неправыя. Подъ этой высшей, объединяющей точкой зрѣнія стоятъ всѣ отдѣльные акты постановки цѣлей. Общеобязательность этой объективной цѣли не въ томъ, что мы *фактически хотимъ* въ ея направленіи, а въ томъ, что она непосредственно представляется намъ правильной и законной. Такимъ образомъ законѣрность нашей

воли состоитъ не только вообще въ цѣлевомъ ея опредѣленіи, но и въ опредѣленіи ея нѣкоторой объективною цѣлью. Опредѣленіе нашихъ хотѣній эмпирическими условіями этому не препятствуетъ, ибо опредѣленіе воли объективной цѣлью не эмпирическое, а гносеологическое. Закономѣрность бытія тоже въдѣ не обусловлена эмпирически, а сама направляетъ факты, объединяетъ ихъ въ своемъ закономѣрномъ единствѣ. Такъ и закономѣрность воли стоитъ выше ея эмпирическихъ проявленій, которыя протекаютъ по каузальному соотношенію, но тѣмъ не менѣе остаются *объективно оправданными* этой закономѣрностью.

Далѣе Штаммлеръ переходитъ отъ этики къ социологіи. Теперь становится яснымъ, почему для него необходимо было ранѣе установить, что истинная социальная закономѣрность есть закономѣрность формы, права. Правовая норма во всякомъ случаѣ, съ тѣми или другими ограниченіями, есть норма этическая, и даетъ поэтому возможность приложенія къ ней телеологической закономѣрности, въ чемъ отказываетъ безусловно то, что Штаммлеръ называетъ матеріей социальной жизни. Лишь въ этой правовой регулировкѣ Штаммлеръ можетъ искать подчиненія той объективной цѣли, которая объединяетъ подъ своей закономѣрностью всю социальную жизнь. Такой цѣлью является извѣстный правовой идеалъ, идеальная норма правовой регулировки. Штаммлеръ опредѣляетъ этотъ правовой идеалъ какъ «общество свободно хотящихъ людей», т.-е. какъ такое регулированіе, которое согласуетъ объективно правильныя цѣли всѣхъ, которое само, слѣдовательно, должно быть принято каждымъ какъ такая объективно правильная цѣль, ибо *свободное хотѣніе именно и есть хотѣніе, сообразное объективной цѣли, свободное отъ субъективно желательнаго элемента*. Такимъ образомъ всѣ наши дѣйствія, направленные къ измѣненію социального порядка, и вся политическая дѣятельность законодателя должны быть подчинены этой объективной цѣли, должны изъ нея получить свою оцѣнку и оправданіе, должны, слѣдовательно, и направляться ею. Установленіе этой общеобязательной, объективной цѣли и есть дѣло *социальной философіи*. Очевидно, что по мысли Штаммлера эта социальная философія должна открывать намъ «истину» нашей собственной социальной воли и, дѣлая такимъ образомъ насъ все болѣе «свободно хотящими», приближать къ осуществленію социального идеала.

Первый вопросъ, возникающій по отношенію къ системѣ Штаммлера, состоитъ въ томъ, насколько законно отождествлена имъ социальная закономѣрность съ закономѣрностью правовой формы. Такое отождествленіе было бы совершенно правильно, если бы право представляло *форму* социальной жизни въ истинномъ смыслѣ этого слова. Форма есть не что иное, какъ наиболѣе общія черты содержанія, и поэтому она неизбѣжно несетъ въ себѣ общую закономѣрность этого содержанія. Очевидно, что Штаммлеромъ владѣло аристотелевское представленіе объ отношеніи формы къ матеріи, дѣйствительности къ возможности. Хозяйство есть для него простая возможность: только право, формируя его, придаетъ ему социальную дѣйствительность. Но нужно помнить, что само аристотелевское пониманіе отношенія формы къ содержанію страдало двойственностью, которая позволяла приходиться къ ложнымъ заключеніямъ. Именно форма понималась то какъ нѣчто присущее самому предмету, нераздѣльное отъ содержанія, составляющее общій принципъ этого самаго содержанія, то какъ принципъ формированія, содержащійся въ другомъ предметѣ и выражающійся въ воздѣйствіи этого предмета на первый: самый предметъ является образующей формой для другого. Первое пониманіе есть единственное формальное, во второмъ формальный принципъ смѣшанъ съ простымъ взаимодействіемъ между предметами. Право является формой хозяйственной жизни лишь въ этомъ второмъ смыслѣ, ибо *она не есть общій принципъ самого хозяйства*. Оно вполне отдѣлимо отъ него. Мы можемъ усмотрѣть настоящій формальный принципъ хозяйства только въ томъ его элементѣ, который присущъ всѣмъ хозяйственнымъ явленіямъ безъ исключенія. Такимъ принципомъ явится—*затрата усилій на удовлетвореніе потребностей*. Право же если и формируетъ хозяйственныя явленія, то только со стороны, какъ внѣшній хозяйству объектъ, путемъ реального воздѣйствія. Поскольку хозяйство получаетъ отъ него форму, постольку эта послѣдняя принадлежитъ уже самому хозяйству, какъ извѣстному частному виду хозяйства. Само же право, наложивъ эту форму путемъ реального воздѣйствія, остается существовать какъ самостоятельный объектъ. Этимъ объектомъ оно является какъ извѣстный *психическій фактъ*, какъ умственные нормы правового порядка, закрѣпленныя въ общественной психикѣ, и связанныя съ ними волевыя теченія. Эти психическія образованія

вовсе не стоятъ къ хозяйству въ чистомъ отношеніи формы, а взаимодействуютъ съ нимъ по реальнымъ отношеніямъ.

Телеологическую законѣрность въ смыслѣ Штамллера, очевидно, можно приписать только этимъ умственнымъ и волевымъ нормамъ, существующимъ въ психикѣ, а не той реальной формѣ хозяйства, которую принимаетъ послѣднее въ результатѣ взаимодействия съ этимъ психически существующимъ правомъ. Эта реальная форма хозяйства не есть прямой сколокъ съ психическихъ правовыхъ нормъ и не развивается подъ ихъ исключительнымъ опредѣленіемъ. Она есть результатъ взаимодействия даннаго хозяйства съ ними и опредѣляется по меньшей мѣрѣ столько же самимъ реальнымъ содержаніемъ хозяйства, между прочимъ техникою, сколько и этими нормами. Мало того, сами эти нормы въ дальнѣйшемъ слагаются подъ обратнымъ воздѣйствіемъ этихъ реальныхъ формъ хозяйства. Такимъ образомъ становится невозможнымъ отождествить общесоціальную законѣрность съ спеціальной законѣрностью психическихъ правовыхъ нормъ.

Это есть основное заблужденіе Штамллера. Если же мы перейдемъ теперь къ спеціальной законѣрности права, какъ психическаго соціального объекта, къ его телеологическому оправданію съ точки зрѣнія единой объективной цѣли, мы прежде всего должны сослаться на все, сказанное нами по отношенію къ гносеологіи Канта. Истинная гносеологія, лишенная трансцендентнаго обоснованія, не идетъ далѣе установленія того, что мы свою волевою дѣятельность разсматриваемъ *sub specie* цѣлевой законѣрности, т.-е. разсматриваемъ ее не какъ происходящую изъ опредѣленной причины, а какъ осуществляющую нѣкоторую свободно нами избранную цѣль. Здѣсь слиты двѣ мысли. Во-первыхъ, что акты воли опредѣляются цѣлью; во-вторыхъ, что цѣль опредѣляетъ ихъ *своимъ достоинствомъ*. Но это достоинство можетъ имѣть для насъ совершенно субъективное значеніе, и никакая гносеологія, оставаясь въ своихъ предѣлахъ, не докажетъ необходимой наличности объективнаго мѣрила. Въ то время какъ въ сферѣ знанія такое мѣрило обнаруживаетъ свое существованіе въ единствѣ теоретическихъ познавательныхъ нормъ, какъ онѣ даны въ опытѣ, здѣсь, въ практической области, подобное единство отсутствуетъ, и всѣ попытки установить его совершенно произвольны. Такъ же произвольно установлена и соціальная «объективная норма», рекомендуемая Штаммлеромъ.

Это тотъ же «субъективный идеаль» г. Михайловскаго. Мы не можемъ доказать а priori его необходимость для нравственнаго и социальнаго сознанія и принуждены видѣть въ немъ лишь эмпирической фактъ, достигаемый на извѣстной ступени этого сознанія. Постольку и требованіе поставить *рядомъ* съ наукою причинныхъ отношеній еще и науку телеологической социальной законмѣрности — ничѣмъ не оправдывается. Такая система осуждена оставаться субъективною и выражать собою лишь чаянія и хотѣнія своихъ творцовъ.

Но если бы эту, такъ называемую, «соціальную философію» мы не отказались признать истиннымъ собратомъ науки, все же искомый нами синтезъ этимъ не былъ бы достигнутъ. Какъ показано выше, еще менѣе, чѣмъ объективная нравственная норма, вытекаетъ изъ чистой гносеологіи необходимость фактическаго опредѣленія этой нормой нашей воли и нашихъ поступковъ и, наконецъ, менѣе всего, опредѣленіе ею социальной дѣйствительности. Обѣ науки шли бы рядомъ, вызывая тѣмъ большее раздвоеніе въ нашемъ духѣ, чѣмъ большею объективностью и обя-зательностью онѣ бы обладали. Примирять пришлось бы уже не субъективное и объективное, а два рода объективнаго. Поскольку же всякая такая система социальнаго телеологизма признаетъ, хотя и скрыто, *необходимость* воплощенія нравственной нормы въ дѣйствительность, она выходитъ изъ предѣловъ гносеологіи въ область трансцендентную.

Къ идеализму въ пониманіи общественныхъ явленій приглашаетъ возвратиться и Вольтманнъ. Полемизируя съ Марксомъ, онъ говоритъ: «Вышіе идеалы могутъ постольку удалаться отъ классоваго интереса, поскольку вся ихъ суть, даже и цѣль, заключаются въ томъ, чтобы преодолѣвать классовыя противоположности. Идеологіи эти стали самодовлѣющей цѣлью. Въ угоду историческимъ схемамъ производится насиліе надъ историческими духовными фактами, а реальная исторія догматически поддѣлывается. Въ исторіи человечества есть также стремленіе къ истинѣ и праву, черпающее свои побудительныя силы изъ самодовлѣющей цѣли истиннаго и благого ¹⁾».

Какъ понимаетъ Вольтманнъ самостоятельное развитіе идеоло-

¹⁾ Вольтманнъ. Историческій матеріализмъ, 307.

гій, рассматриваетъ ли онъ ихъ силу каузально или телеологически? «Было бы нелѣпо, — говоритъ онъ, — утверждать, что гениальные люди сдѣлали *всю* предшествующую исторію. Но *идеальная* исторія человечества — дѣло великихъ людей» ¹⁾. Но какое отношеніе имѣетъ эта идеальная исторія къ дѣйствительности? Отвѣтъ находимъ во взглядѣ Вольтманна на обоснованіе социализма. «Социализмъ является прежде всего этической необходимостью» ²⁾.

Пока въ этихъ положеніяхъ мы можемъ видѣть лишь психологическій телеологизмъ, лишь преувеличеніе значенія психическихъ идеальныхъ силъ. Но Вольтманнъ стоитъ не на этой точкѣ зрѣнія, онъ ищетъ гносеологическаго обоснованія своихъ взглядовъ на силу идеала. «Существуютъ, — говоритъ онъ, — два способа, какими сознающая мысль субъекта относится къ фактамъ исторіи, — научный и практической. Наукѣ, изслѣдующей причинность, нѣтъ дѣла до сужденія о цѣнности. Но эта методологическая граница является также границей для чисто теоретическаго познанія исторіи. Поскольку исторія — дѣло людей, изученіе ея всегда должно руководиться практическими сужденіями, чтобы можно было разумно понимать историческую связь» ³⁾. Энгельсъ понимаетъ свободу только въ логическомъ и техническомъ, но не въ трансцендентальномъ и моральномъ смыслѣ словъ. На свободу нельзя прямо смотрѣть какъ на продуктъ историческаго развитія. Свобода скорѣе причина историческаго развитія и, какъ показалъ Кантъ, безъ этой свободы не бываетъ никакого прогресса, никакого совершенствованія. Самодѣятельность воли въ трансцендентальной свободѣ является причиной всего историческаго развитія, непостижимой для физики. Свобода состоитъ въ томъ, что мы черезъ посредство нашего знанія и нашей воли подчиняемъ законы природы моральнымъ законамъ. Свобода — предметъ не естественно-научнаго воспріятія, но моральной совѣсти. Мы знаемъ свободу, не понимая ея и не имѣя теоретическаго познанія ея въ смыслѣ естествознанія» ⁴⁾.

Въ то же время Вольтманнъ хочетъ удержать эту гносеологическую позицію, не обращаясь къ метафизикѣ. Но такъ какъ

¹⁾ Ib., 313.

²⁾ Ib. 323.

³⁾ Ib. 277.

⁴⁾ Ib. 279.

онъ строго слѣдуетъ Канту, то въ обоснованіи своей гносеологіи онъ столько же метафизикъ, сколько и Кантъ. Но онъ настаиваетъ на «регулятивномъ» значеніи такой метафизики. «Критическое глубокомысліе Канта состоитъ именно въ томъ, что идеи метафизики онъ постольку же считаетъ необходимыми функциями для науки, поскольку совершенно отказываетъ имъ въ догматическомъ примѣненіи, приписывая имъ, какъ регулятивнымъ принципамъ, неоспоримую и необходимую функцію прогрессирующаго объединенія опыта»¹⁾. Но при этомъ Вольтманнъ забываетъ указаніе Канта, что регулятивный принципъ есть лишь извѣстная точка зрѣнія, *слѣдующая за причиннымъ пониманіемъ вещей, а не идущая впереди его*. Поэтому она *не можетъ доказать необходимости* такого хода явленій, который совпадалъ бы съ требованиями телеологической оцѣнки. Этотъ ходъ прежде долженъ быть доказанъ эмпирически, и тогда лишь она получаетъ право своего объединяющаго примѣненія. И потому утвержденіе такого рода, что «свобода есть причина историческаго развитія», является совершенно произвольнымъ синтезомъ идеала съ дѣйствительностью, если только подъ ними не лежитъ эмпирическое доказательство или переходъ отъ «регулятивнаго» пониманія идеи къ трансцендентному.

Не замѣчая метафизическаго характера кантовой гносеологіи, поскольку она обосновываетъ искомый синтезъ, Вольтманнъ къ тому же для такого обоснованія избираетъ наименѣе объективный принципъ этой гносеологіи. Онъ считаетъ кантову «телеологическую способность сужденія» завершающимъ моментомъ гносеологіи. Ею обуславливается единство міровоззрѣнія, при чемъ синтезирующимъ началомъ становится *«чувство красоты, возвышеннаго и совершеннаго, связанное съ обсужденіемъ эстетическихъ и техническихъ предметовъ. Эстетическое пониманіе природы предполагаетъ нравственное самоопредѣленіе. Чувство возвышеннаго въ природѣ есть уваженіе нашего собственнаго предназначенія. Эстетическое пониманіе природы обусловлено нашей собственной дѣятельностью съ ея волевой и, далѣе, технической стороны,—и путь къ красотѣ ведетъ поэтому черезъ практическій разумъ»*. «Такимъ образомъ, Кантова способность сужденія является путемъ для перехода изъ царства природы въ

¹⁾ Ib. 45.

царство свободы, является тѣмъ гносеологическимъ принципомъ, который, не исключая причиннаго механическаго изслѣдованія, открываетъ намъ стороны природы, методологически недоступныя для физики»¹⁾. «Критическая философія Канта представляетъ обоснованіе эстетическаго міровоззрѣнія: вотъ истина, къ сожалѣнію, мало извѣстная».

Но у самого Канта принципъ способности сужденія не признается объективнымъ. Ему присуща лишь *нѣкоторая* всеобщность и необходимость,—и поэтому онъ не можетъ быть «завершающимъ принципомъ гносеологіи», такъ какъ не содержитъ въ себѣ объективныхъ нормъ. Это послѣднее признается и самимъ Вольтманномъ. Самое же главное то, что даже для этого субъективнаго гносеологическаго принципа конечное основаніе дается въ открываемой черезъ него трансцендентной сферѣ свободы.

Такимъ образомъ мы можемъ охарактеризовать синтезъ, предлагаемый Вольтманномъ, какъ *трансцендентно-эстетическій*. Эстетическое чувство, онтологически являясь выраженіемъ трансцендентнаго этического бытія, тѣмъ самымъ познавательно утверждаетъ его для насъ. Поскольку же эстетическое чувство субъективно, этотъ синтезъ остается субъективно-трансцендентнымъ. И хотя Вольтманнъ рѣшительно отказывается отъ трансцендентнаго обоснованія, продолжая считать свой синтезъ истинно-гносеологическимъ,—это только недоразумѣніе, основанное на недостаточномъ анализѣ существа самой гносеологіи.

Послѣдней новостью русской общественно-философской литературы является книга г. Бердяева — «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи». Г. Бердяевъ—представитель того же направленія, ищущаго соціологическаго «синтеза» на почвѣ гносеологіи. Достигаетъ ли онъ его и какимъ путемъ?

Въ своей статьѣ о Ланге, напечатанной въ Neue Zeit 1900 года, г. Бердяевъ выставляетъ положеніе, что философія не должна быть только научной. Есть еще *сверхъ-научная философія*, которая не противорѣчитъ наукѣ, но идетъ дальше ея. Она должна

1) Ib. 58.

2) Ib. 67.

быть синтезомъ всего знанія и гипотетически заполнить тѣ пробѣлы, которые оставляетъ положительное знаніе ¹⁾.

Въ своей книгѣ онъ говоритъ: «Мы будемъ все время опираться на критическую философію и постараемся показать, что она можетъ быть великимъ союзникомъ исповѣдуемаго нами социальнаго міровоззрѣнія». Подъ послѣднимъ авторъ разумѣетъ экономическій матеріализмъ. То философское обоснованіе, которое дается этому міровоззрѣнію діалектическимъ ученіемъ и позитивизмомъ, онъ считаетъ несостоятельнымъ. «Только на почвѣ критической философіи,—говоритъ онъ далѣе,—можетъ быть обоснованъ тотъ объективизмъ, которымъ мы справедливо гордимся, и можетъ быть отведено единственно подобающее мѣсто нашему субъективизму, которымъ мы должны гордиться не менѣе и отъ котораго можно отказываться лишь по недоразумѣнію» ²⁾. Итакъ, ставится задача примиренія объективизма и субъективизма, та задача, которую г. Михайловскій формулируетъ такъ: «Я не вѣрю, чтобы нельзя было найти такой точки зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость явились бы рука объ руку, одна другую пополняя». Эту проблему г. Бердяевъ хочетъ рѣшить «на общей почвѣ кантовой философской критики и марксова социальнаго монизма».

Прежде всего авторъ полемизируетъ съ тѣмъ пониманіемъ телеологіи въ общественной жизни, котораго держится г. Михайловскій и которое, по автору, есть *простой субъективизмъ*. Именно, по мнѣнію г. Михайловскаго, какъ мы уже говорили выше, «кромѣ истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнѣніе социолога отразитъ въ себѣ его идеи справедливости и нравственности, и, смотря по высотъ этого идеала, онъ больше или меньше приблизится къ пониманію смысла явленій общественной жизни». Совершенно справедливо г. Бердяевъ утверждаетъ, что необходимо найти объективное основаніе, которое явилось бы мѣриломъ для опредѣленія этой «высоты идеала». Оставаясь въ сферѣ субъективнаго пониманія, какимъ образомъ высота идеала можетъ приближать къ пониманію смысла общественныхъ явленій? Такимъ основаніемъ г. Бердяевъ принимаетъ «трансцендентальное сознаніе», которое несетъ въ себѣ

¹⁾ Berdjajew. Fr. Alb. Lange. Neue Zeit, 1899—1900, 32—33—34.

²⁾ Бердяевъ. Субъективизмъ и индивидуализмъ, 16.

нормы общеобязательнаго мышленія. «Кантъ открылъ незыблемыя основы общеобязательнаго, т.-е. объективно цѣннаго, въ трансцендентальной апперцепціи»¹⁾). Предварительно авторъ изслѣдуетъ это трансцендентальное сознание по отношенію къ объективности истины, а въ дальнѣйшемъ совершенно параллельно анализируетъ объективность идеала.

Что же такое объективная истина? Кромѣ текучаго, измѣнчиваго, психическаго сознанія мы должны принять еще трансцендентальное, логическое, — какъ объективную точку опоры. Теорія познанія имѣетъ дѣло съ такимъ общечеловѣческимъ трансцендентальнымъ, а не съ субъективнымъ психологическимъ сознаниемъ. Въ этомъ авторъ точно формулируетъ кантову точку зрѣнія. Мы уже знаемъ условія, при которыхъ такое гипостазированіе отвлеченія можетъ быть законнымъ, — и допустимъ это трансцендентальное сознание, какъ извѣстное методологическое понятіе. Въ дальнѣйшемъ мы не будемъ останавливаться на тѣхъ *общихъ* погрѣшностяхъ противъ формализма, которыя выше были указаны нами въ гносеологіи Канта и его послѣдователей, — а сосредоточимся главнымъ образомъ на специальной задачѣ, которую ставитъ себѣ г. Бердяевъ въ этой области, — задачѣ доказать необходимость исторически-прогрессирующаго осуществленія объективной истины и объективнаго идеала въ развивающемся психологическомъ сознаніи, въ субъективныхъ его формахъ.

Г. Бердяевъ обвиняетъ г. Михайловскаго въ томъ, что тотъ смѣшиваетъ психологическое сознание съ трансцендентальнымъ и благодаря этому приходитъ не только къ психологическому субъективизму, законному и необходимому, но и къ *логическому и гносеологическому, который обращаетъ истину въ субъективную иллюзію*. Психологическій же субъективизмъ признается авторомъ законнымъ потому, что истина трансцендентальнаго сознанія, *логически обязательная для всѣхъ*, можетъ быть скрыта отъ психологическаго сознанія, благодаря присутствію въ послѣднемъ элементовъ необщеобязательныхъ, взятыхъ изъ случайной, эмпирической его обстановки. Поэтому *психологическій субъективизмъ даже и неизбеженъ*, ибо трансцендентальное сознание всегда является намъ въ формѣ психологическаго, обусловленнаго этой случайной обстановкой.

1) Ib., 21.

Какимъ же образомъ согласуется этотъ неизбежный психологическій субъективизмъ съ общеобязательностью объективной истины, данной трансцендентальному сознанию? Иначе этотъ вопросъ можно формулировать такъ: какимъ способомъ осуществляется объективное познание, истина трансцендентальнаго сознания, въ психологическихъ субъективныхъ сознанияхъ, *какъ она дана въ нихъ?*

Этотъ вопросъ о примиреніи субъективизма и объективизма въ познаніи имѣетъ двоякій смыслъ, — смотря по тому, какъ мы смотримъ на происхожденіе истиннаго познанія. Тотъ, кто видитъ въ немъ лишь результатъ опыта, все болѣе и болѣе расширяющагося, — имѣетъ право отвѣтить на этотъ вопросъ указаніемъ именно на это *исторически* осуществляющееся расширение опыта. Такое расширение есть фактъ, а потому и переходъ отъ случайнаго и субъективнаго познанія къ систематическому и объективному есть тоже фактъ. Какъ фактъ, онъ есть и необходимость, ибо другой необходимости каузальное познание не признаетъ. Итакъ, примиреніе субъективизма и объективизма доказывается здѣсь исторически, *истина раскрывается въ расширеніи опыта*, — путемъ постепеннаго устраненія изъ него субъективныхъ элементовъ.

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ вопросъ для тѣхъ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія трансцендентальнаго сознания, своими общими нормами обусловливающаго возможность самаго опыта. Здѣсь выводъ объективной истины изъ субъективной не можетъ быть историческимъ, онъ долженъ быть трансцендентальнымъ. А трансцендентальный выводъ состоитъ въ томъ, чтобы показать *необходимую* присущность объективныхъ нормъ *всякому* субъективному познанію. Онъ не долженъ имѣть дѣла съ *развитіемъ* психологическаго познанія, — на этомъ настаиваетъ самъ Кантъ. Общія нормы познанія присущи всякому психологическому сознанию и *оно познаетъ по нимъ съ естественной необходимостью*. Расширеніе же матеріала, къ которому прилагаются эти общіе законы познанія, расширение, совершающееся во времени, не подлежитъ вѣдѣнію трансцендентальнаго вывода. Въ этой области онъ былъ бы совершенно безсиленъ, ибо трансцендентальное сознание стоитъ надъ всякимъ психологическимъ развитіемъ. Въ этомъ развитіи, согласно критической теоріи, развивается не трансцендентальное сознание, а психологическое, но и это по-

слѣднее развивается не такъ, что въ немъ выполняются теперь такіе законы объективнаго познанія, которые ранѣе въ немъ не выполнялись, а только такъ, что выполнение этихъ законовъ, осуществлявшихся и ранѣе, начинаетъ все болѣе и болѣе сознаваться, и въ то же время матеріалъ, въ обработкѣ котораго проявляются эти законы, болѣе и болѣе расширяется.

Такимъ образомъ получается выводъ, что гносеологія рѣшительно не въ правѣ и не въ силахъ объяснить намъ возрастающую исторически истинность познанія, большой и большой его объективизмъ, изъ чисто гносеологическихъ основаній. Объективизмъ познанія возрастаетъ вовсе не потому, что полнѣе и правильнѣе примѣняются общія его нормы (это противорѣчило бы основному пониманію объективныхъ гносеологическихъ нормъ), а только потому, что расширяется область приложенія этихъ нормъ ¹⁾.

Слѣдовательно, для эмпирика-позитивиста вопросъ о происхожденіи объективнаго познанія изъ субъективнаго ясенъ и рѣшается исторически. Для трансценденталиста этотъ вопросъ стоитъ внѣ его вѣдѣнія,—и если онъ желаетъ его разъяснить, онъ все же принужденъ будетъ обратиться къ историческому опыту. Тѣмъ меньше можетъ онъ претендовать на доказательство *необходимости* этого процесса, т.-е. возрастанія объективизма въ познаніи, изъ своихъ гносеологическихъ основаній.

Этотъ выводъ мы дѣлаемъ, конечно, въ допущеніи *адекватнаго* употребленія понятія трансцендентальнаго сознанія,—поскольку въ него не вводятся трансцендентные элементы.

Г. Бердяевъ въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ, какъ согласуется неизбѣжный психологическій субъективизмъ съ общеобязательностью объективной истины, обращается не къ трансцендентальному выводу, а къ историческому. Прежде всего онъ формулируетъ положеніе, занятое по отношенію къ этому вопросу экономическимъ матеріализмомъ. Отвѣтъ, даваемый этимъ послѣднимъ, таковъ: «Психика всякаго прогрессивнаго общественнаго класса создаетъ наиболѣе благоприятную почву для объективнаго отношенія къ явленіямъ». «Своеобразная гармонія субъективнаго

¹⁾ Я разсуждаю здѣсь съ точки зрѣнія сторонниковъ «трансцендентальнаго сознанія». Критическій же позитивизмъ признаетъ, что нормы познанія развиваются вмѣстѣ съ познаваемымъ матеріаломъ.

и объективнаго, желательнаго и необходимаго, minimum утопизма, — вотъ характернѣйшія черты историческо-прогрессивнаго класса» ¹⁾. Этотъ отвѣтъ не вполне удовлетворяетъ автора. Онъ находитъ, что «философская сторона вопроса осталась неразъясненной», что только теорія трансцендентальнаго сознанія даетъ это обоснованіе. Пытаясь установить это послѣднее, г. Бердяевъ говоритъ: «Въ современномъ обществѣ существуетъ авангардъ, поставленный въ наиболѣе благоприятныя условія для объективнаго познанія; въ немъ мы замѣчаемъ наибольшую гармонію трансцендентальнаго и психологическаго сознанія. Поэтому мы можемъ разсматривать умственное развитіе человѣчества, какъ постепенное приближеніе къ объективной, абсолютной истинѣ путемъ устраненія субъективизма» ²⁾. «Не противорѣчитъ ли классовый субъективизмъ матеріалистическаго пониманія исторіи объективной научности, на которую это пониманіе совершенно основательно претендуетъ? Нисколько. Истина, дѣйствительно, не можетъ быть классовой, — она логически всегда возвышается надъ классами и одинаково обязательна для всѣхъ, но исторически, какъ извѣстная теорія, принимаетъ классовый характеръ... Историческій матеріализмъ, поскольку мы считаемъ его истиннымъ, логически обязателенъ для всякаго разумнаго существа, но психологически доступенъ только одному классу» ³⁾.

То, что есть въ этомъ отвѣтѣ трансцендентальнаго, нисколько не выясняетъ намъ «постепеннаго приближенія къ объективной истинѣ путемъ устраненія субъективизма». Мы узнаемъ лишь то, что знали и раньше, именно, что объективная истина всегда является намъ въ формѣ психологической, что она, какъ логическая истина, обязательна для всякаго сознанія, поскольку ему даны ея элементы въ чистомъ видѣ. Но насъ интересовалъ вопросъ историческаго нарастанія объективизма, поставленный самимъ авторомъ. Этотъ вопросъ, какъ показано, не имѣетъ никакой связи съ трансцендентальной гносеологіей, — и авторъ не могъ на него отвѣтить съ гносеологической точки зрѣнія. Онъ вовсе не «подводитъ трансцендентальнаго обоснованія» подъ отвѣтъ экономическаго матеріализма, а просто формулируетъ этотъ

¹⁾ Ib., 51.

²⁾ Ib., 51.

³⁾ Ib., 53.

же отвѣтъ въ трансцендентальныхъ терминахъ. Доказательность этого отвѣта не увеличилась такой формулировкой и осталась той же доказательностью эмпири, историческаго опыта. Ибо какимъ образомъ признаніе трансцендентальнаго сознанія можетъ доказать намъ, что объективность познанія должна возрастать въ прогрессирующемъ обществѣ и что носителемъ наибольшаго объективизма въ познаніи долженъ являться наиболѣе прогрессивный классъ? Это есть лишь каузальный и постольку необходимый фактъ общественной жизни и можетъ быть доказанъ лишь изъ эмпири.

Такимъ образомъ историческое согласованіе субъективныхъ взглядовъ прогрессивнаго класса съ объективною истиною и все большее нарастаніе этого согласованія, если только оно можетъ быть доказано, доказывается никакъ не изъ трансцендентальной гносеологіи. Эта послѣдняя способна указать только наличность во *всякомъ* психологическомъ сознаніи общеобязательныхъ элементовъ познанія. Но при какихъ условіяхъ психологическое сознаніе наиболѣе приближается къ истинѣ въ смыслѣ расширенія матеріала опыта (а вѣдь другаго рода приближенія его къ истинѣ и быть не можетъ, такъ какъ общія нормы познанія этого матеріала для него всегда обязательны), — разрѣшеніе этого вопроса есть дѣло каузальнаго изученія эмпирической дѣйствительности.

Только потому, что авторъ смѣшалъ въ одно два различныхъ содержанія поставленнаго имъ вопроса, — о трансцендентальномъ отношеніи субъективнаго къ объективному и объ историческомъ ихъ отношеніи, ему *показалось*, что историческій вопросъ онъ разрѣшилъ путемъ своей трансцендентальной гносеологіи.

Отъ области познанія переходимъ теперь къ сферѣ идеала. И здѣсь авторъ совершенно справедливо возражаетъ противъ чистаго субъективизма г. Михайловскаго. «Благо человѣка есть его цѣлостность, гармонія отправленій, т.-е. разнородность недѣлимыхъ и общественная однородность», — таково опредѣленіе г. Михайловскаго, даваемое имъ общественному идеалу. Но гдѣ же доказательство объективности и общеобязательности этого идеала? Противъ него съ равнымъ правомъ можетъ быть выставлено много другихъ, столь же субъективныхъ. Основанія для истинно объективнаго идеала г. Бердяевъ снова ищетъ въ трансцендентальномъ сознаніи. «Объективная нравственность воз-

можно лишь при признаніи априорнаго характера нравственнаго закона, принудительно отличающаго добро отъ зла» 1). «Формальное различіе добраго и злаго, нравственнаго и безнравственнаго, предшествуетъ всякому чувственному опыту, категория справедливости дана нашему трансцендентальному сознанию à priori, — и это этическое à priori дѣлаетъ возможнымъ нравственный опытъ и нравственную жизнь» 2).

Въ формулировкѣ объективнаго нравственнаго закона авторъ слѣдуетъ Канту, особенное же значеніе придаетъ его взгляду на человѣка и человѣчество какъ на «самоцѣль». «Эмпирически такъ же мало можно придти къ объективной этической нормѣ, что человѣкъ есть самоцѣль, какъ и къ общепримѣнимости закона причинности». «Вольманнъ глубоко правъ, когда кладетъ въ основаніе этики будущаго кантовскую идею о человѣкѣ, какъ самоцѣли» 3).

Мы опять оставляемъ безъ возраженія стремленіе автора доказать исключительно гносеологическую возможность обоснованія объективнаго идеала. Откуда ни происходитъ этотъ идеаль, складывается ли онъ, какъ полагаетъ экономическій матеріализмъ, самими условіями дѣйствительности, или, какъ думаетъ авторъ, есть готовое данное трансцендентальнаго сознания, обуславливающее самую возможность нравственнаго сужденія, — для насъ важно лишь то, что въ немъ не должно быть никакихъ элементовъ, которыхъ не было бы въ эмпирическихъ идеалахъ, что онъ долженъ адекватно формулировать то общеобязательное, что дано въ этихъ идеалахъ. Если бы въ немъ оказался элементъ, отсутствующій въ одномъ изъ эмпирическихъ идеаловъ, — онъ не былъ бы общеобязательнымъ и объективнымъ.

Но различіе трансцендентальнаго и эмпирическаго взгляда на идеаль, совершенно аналогично такому же различію во взглядахъ на объективную истину, влечетъ за собою коренное различіе въ способахъ рѣшенія вопроса, ставимаго далѣе авторомъ. Именно, г. Бердяевъ снова подтверждаетъ, что объективный идеаль необходимо долженъ проявляться въ формѣ психологическаго, субъективнаго, что *психологическій субъективизмъ поэтому вполне*

1) Ib., 72.

2) Ib., 73.

3) Ib., 74.

законенъ. Но тогда сейчасъ же возникаетъ задача понять, какимъ образомъ объективный идеалъ осуществляется въ психологическихъ. И опять мы должны повторить здѣсь все сказанное выше о примиреніи субъективной истины съ объективной. Трансцендентальная гносеологія можетъ рѣшить предлагаемую задачу лишь въ предѣлахъ трансцендентальнаго вывода, т.-е. можетъ лишь отмѣтить необходимую присущность объективной идеальной нормы въ ея субъективныхъ, психологическихъ выраженіяхъ, иначе говоря, обязательность *опредѣленной* оцѣнки цѣлей по отношенію къ нѣкоей объективной нормѣ, поскольку всѣ элементы для этой оцѣнки даны въ ихъ чистотѣ и опредѣленности. Но относительно того, при какихъ историческихъ обстоятельствахъ это послѣднее условіе наиболѣе выполняется, при какихъ, слѣдовательно, идеалъ становится наиболѣе объективнымъ не потому, что въ немъ наиболѣе полно и правильно осуществляются эти общія нормы оцѣнки, а потому, что условія приложенія этихъ нормъ наиболѣе полно выяснены, — этого трансцендентальная гносеологія указать намъ совершенно не можетъ, поскольку она отрицается отъ эмпирическихъ данныхъ. Но зато такое историческое рѣшеніе задачи о соглашеніи субъективнаго и объективнаго идеаловъ, объ осуществленіи послѣдняго въ первомъ, рѣшается эмпиризмомъ, не заглядывающимъ въ трансцендентальную сферу и признающимъ идеалъ порожденіемъ дѣйствительности, — и рѣшается чисто каузальнымъ изслѣдованіемъ этой дѣйствительности.

Прежде всего г. Бердяевъ за рѣшеніемъ вопроса опять обращается къ экономическому матеріализму. Послѣдній, очевидно, смотритъ на понятіе объективнаго идеала совершенно съ эмпирической точки зрѣнія. Объективность идеала опредѣляется ничѣмъ другимъ, какъ соотвѣтствіемъ дѣйствительному ходу общественного развитія, имманентной законосообразности историческаго процесса. Объективный идеалъ, слѣдовательно, одной своей стороной совпадаетъ съ научнымъ предвидѣніемъ, — и только при этомъ условіи онъ не дѣлается утопіей. Но въ немъ есть и другая сторона. Всякій идеалъ долженъ быть непременно субъективно желателенъ, иначе онъ не есть идеалъ. Идеалъ тогда возрастаетъ въ своей объективности, когда эта субъективная сторона все болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному направленію общественной жизни. Но въ силу чего же соединяются въ од-

номъ направленіи эти два элемента общественнаго идеала такимъ образомъ, что онъ можетъ выражать собою и субъективное стремленіе и объективное теченіе вещей? Объясненіе здѣсь чисто каузальное. Съ одной стороны, все болѣе полное изученіе дѣйствительности влечетъ за собой правильное представленіе о ея дальнѣйшемъ ходѣ, сообразно изученнымъ ея законамъ; съ другой,—сама эта дѣйствительность, путемъ сложнаго процесса, выращиваетъ въ прогрессивномъ классѣ, въ носителѣ будущаго, именно такія субъективныя тенденціи, которыя соотвѣтствуютъ этому дѣйствительному ходу.

Можно оспаривать достаточность и удовлетворительность этого объясненія, но несомнѣнно, что это объясненіе характера историко-эмпирическаго, каузальнаго, и что оно даетъ намъ право заключить (если признаемъ его основанія вѣрными), что въ исторіи, по мѣрѣ роста знанія и приспособленія субъективныхъ челоуѣческихъ тенденцій къ дѣйствительному ходу вещей, должна постепенно возрастать объективность идеаловъ.

Г. Бердяевъ такимъ объясненіемъ, какъ эмпирическимъ, не удовлетворяется. Онъ находитъ, что въ понятіе объективнаго идеала необходимо еще ввести объективно-этическое его обоснованіе, которое, какъ уже сказано, по его мнѣнію, заключается въ наличности общеобязательныхъ этическихъ нормъ въ трансцендентальномъ сознаніи. «Нужно показать,—говоритъ онъ,—что нашъ общественный идеаль не только объективно-необходимъ, не только субъективно-желателенъ, но и объективно-справедливъ, общеобязателенъ, имѣетъ безусловную цѣнность какъ должное»¹⁾.

Что же новаго вносить такое трансцендентальное обоснованіе объективнаго идеала? Можетъ ли оно, какъ это думаетъ, очевидно, г. Бердяевъ, дѣйствительно, не эмпирически только, а *необходимо*, трансцендентальнымъ методомъ, уяснить намъ осуществленіе объективнаго идеала въ субъективномъ и необходимость въ общественномъ прогрессѣ все большей объективации идеаловъ? Рѣшеніе проблемы на этомъ трансцендентальномъ основаніи получаетъ у г. Бердяева такой видъ: «Формальныя основы нравственности незыблемы; существуетъ объективно-нравственное, доброе, справедливое; но содер-

¹⁾ И., 64.

жаніе нравственности въ высшей степени текуче; оно находится въ постоянномъ процессѣ развитія». «Къ этой вѣчной идеѣ нравственного блага человѣкъ приходитъ лишь путемъ соціального прогресса»¹⁾. «Только въ нравственномъ сознаниі прогрессивнаго общественнаго класса замѣчается гармонія психологическаго и трансцендентальнаго сознания, субъективной и объективной нравственности,—потому что психологія прогрессивнаго класса есть результатъ приспособленія къ требованіямъ общечеловѣческаго соціального прогресса»²⁾. «Истина человѣческой нравственности оказывается *психологически* недоступной для эксплуатирующихъ классовъ современнаго общества, но *этически* она для всѣхъ обязательна какъ норма»³⁾. «Каждая историческая эпоха создаетъ въ своемъ прогрессивнѣйшемъ классѣ типъ нравственности болѣе высокій, чѣмъ предыдущіе»⁴⁾. «Мы сами вносимъ въ историческій процессъ регулятивныя идеи общеобязательной цѣли,—и на этомъ незыблемомъ основаніи санкціонуемъ его какъ прогрессъ»⁵⁾.

Оставляемъ въ сторонѣ все, что дѣлаетъ трансцендентальную идею долга, безъ которой мы были бы «нравственно слѣпы», менѣе приемлею, нежели идея объективной истины,—главнымъ образомъ, трудность понять, какимъ образомъ осуществляется ея этическая обязательность въ случаѣ психологической ея недоступности,—что зависитъ *отъ неразработанности здѣсь трансцендентальнаго вывода*. Допуская, что этотъ выводъ обоснованъ, мы все-таки не видимъ, чтобы для насъ *трансцендентальнымъ путемъ* былъ выясненъ фактъ возрастающей объективности идеала и было бы доказано, что носителемъ объективнаго идеала является и *долженъ* явиться наиболѣе прогрессивный классъ общества. Опять авторъ не подводитъ трансцендентальнаго доказательства (какъ выяснено, этого и нельзя сдѣлать) подъ эмпирически констатируемый фактъ, а просто выражаетъ послѣдній въ трансцендентальныхъ терминахъ. Такое выраженіе ничего не объясняетъ, и приходится повторить, что лишь по недоразумѣнію, смѣшавъ гноселогическій выводъ съ историческимъ, авторъ по-

1) Ib., стр. 76.

2) Ib., стр. 78.

3) Ib., стр. 79.

4) Ib., стр. 80.

5) Ib., стр. 81.

лагаетъ, что онъ далъ трансцендентальное обоснованіе для историческаго синтеза субъективнаго и объективнаго въ идеалѣ.

Это трансцендентальное «обоснованіе», ничего въ сущности не обосновывающее, не годится даже и какъ простой методологическій приѣмъ, ибо навязываетъ автору новыя задачи, по существу съ вопросомъ не связанныя и заставляющія, сверхъ того, автора перейти границы адекватнаго употребленія этой функціи.

Именно, эмпирическое пониманіе отношенія субъективнаго идеала къ объективному и ихъ историческаго примиренія тѣмъ самымъ разрѣшаетъ и задачу объ отношеніи идеала къ дѣйствительности и о правахъ его на осуществленіе въ ней. Объективный идеалъ исторически вырабатывается самой дѣйствительностью,—и объективность его именно и состоитъ въ согласіи съ дальнѣйшимъ ходомъ этой дѣйствительности. Самое это согласіе, слѣдовательно, обеспечивается эмпирическимъ ходомъ общественнаго процесса.

При трансцендентальной постановкѣ вопроса эта задача о правѣ идеала на осуществленіе только теперь открывается. Ибо объективность идеала здѣсь сама по себѣ не стоитъ въ связи съ дѣйствительностью, обоснована лишь гносеологически,—и необходимо провести соединительную черту между этой трансцендентальной объективностью и историческимъ осуществленіемъ объективнаго идеала. Провести эту черту изъ чисто-гносеологическихъ основъ нельзя,—и такимъ образомъ рушится всякая возможность гносеологическаго синтеза между идеаломъ и дѣйствительностью.

Выше было показано, что этотъ пунктъ историческаго примиренія идеала съ дѣйствительностью оказался для всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами сторонниковъ «идеалистической» социологіи типымъ переулкомъ, изъ котораго они выходили только скачкомъ, или въ трансцендентную или въ чисто субъективную сферу. Одни прямо и просто, безъ всякихъ оговорокъ, «вѣрятъ» въ осуществленіе нашего идеала въ дѣйствительности, перенося эту вѣру и въ научное изслѣдованіе въ видѣ особаго «субъективнаго» метода. Другіе гносеологически обосновываютъ «объективный» идеалъ, какъ первую ступень къ осуществленію его въ дѣйствительности,—но оказывается, что эта ступень отъ самаго осуществленія отдѣлена непроходимой гранью, вѣрнѣе сказать и не была къ нему ступенью, ибо область трансценден-

тального идеала и область эмпириі лежать въ различныхъ плоскостяхъ, нигдѣ между собою не соприкасающихся. Какъ поступаетъ въ этомъ случаѣ г. Бердяевъ? Мы должны сознаться, что его рѣшеніе—наиболѣе героическое... по отношенію къ основамъ исповѣдуемой имъ критической теоріи. Оно заключается въ простой, совершенно произвольной, замѣнѣ регулятивнаго значенія идей разума въ мірѣ опыта—конститутивнымъ. Правда, такая замѣна произведена была уже самимъ Кантомъ,—но лишь постольку, поскольку вся система изъ трансцендентально-гносеологической обращалась въ трансцендентно-метафизическую. Между тѣмъ г. Бердяевъ увѣряетъ, что на такую замѣну насъ уполномочиваетъ сама трансцендентальная апперцепція, само сверхъ-индивидуальное сознание, «которое создаетъ міръ не только причинно-обусловленнымъ, но и движущимся къ цѣли»¹⁾. Здѣсь полное смѣшеніе понятій. Объективная идея долга вовсе не создаетъ міръ движущимся къ цѣли, аналогично тому, какъ объективная норма познанія создаетъ его, по Канту, причинно-обусловленнымъ. У самого Канта авторъ найдетъ полное отрицаніе конститутивнаго значенія цѣли въ природѣ. Положительное значеніе эта идея получаетъ лишь въ умопостигаемомъ мірѣ, просвѣтъ котораго проникаетъ къ намъ черезъ нашу волю. Лишь свободный выборъ этою волею нашихъ цѣлей опредѣляется объективной нормой долженствованія, а не ходъ эмпирическаго міра. Это вѣдь азбука кантовой гносеологіи. Очевидно, что г. Бердяевъ проводитъ въ содержаніе трансцендентальнаго идеала то, чего въ немъ рѣшительно нѣтъ не только съ эмпирической, но и съ гносеологической точки зрѣнія.

Но прослѣдимъ ходъ мыслей автора. Онъ признаетъ, что всѣ его изложенныя соображенія объ объективной истинѣ и объективномъ идеалѣ, существующихъ въ трансцендентальномъ сознаніи, и объ осуществленіи ихъ въ психологическомъ сознаніи еще недостаточны для искомаго синтеза идеала и дѣйствительности. Вся наша аргументація, говоритъ онъ, покоится на одномъ предположеніи, съ паденіемъ котораго она неизбежно рушится,—на предположеніи всемірнаго прогресса. *Теорія прогресса есть мостъ, соединяющій воедино двѣ половины правды—истину и справедливость*. «Если бы мы признали только существованіе историче-

¹⁾ Ib., стр. 136.

скаго процесса, а не прогресса, то приспособленіе къ требованію этого процесса не было бы непремѣнно нравственнымъ»¹⁾. Итакъ, прогрессъ по автору реаленъ, т.-е. прогрессъ въ смыслѣ осуществленія объективнаго идеала. Но какими же силами движется эмпирія въ направленіи этого идеала? Авторъ - гносеологъ не можетъ удовлетвориться тѣмъ, что осуществленіе этого идеала доказывается эмпирически,—для него это осуществленіе должно быть необходимо выведено изъ тѣхъ нормъ, которыя даны въ трансцендентальномъ сознаніи.

Авторъ формулируетъ три возможныя точки зрѣнія на прогрессъ. Первая—субъективная, въ духѣ г. Михайловскаго, въ которой нѣтъ гарантій осуществленія этого процесса въ дѣйствительности и самый прогрессъ понимается какъ осуществленіе желательнаго для человѣчества, а не объективно - должнаго. Вторая—отрицаетъ прогрессъ и признаетъ только процессъ, т.-е. не видитъ осуществленія въ историческомъ развитіи какихъ-либо цѣлей. Третья—объективная—предполагаетъ существованіе общеобязательной цѣли, достигаемой въ историческомъ процессѣ. Въ формулировкѣ этой третьей цѣли авторъ соглашается опять съ экономическимъ матеріализмомъ. «Теорія Маркса и Энгельса въ концѣ концовъ сводится къ слѣдующему: въ основѣ историческаго процесса лежитъ развитіе производительныхъ силъ общества; все, что способствуетъ этому развитію—прогрессивно, что препятствуетъ—реакціонно». «Мѣриломъ прогресса является побѣда человѣка надъ природой». «Прогрессъ есть съ этой точки зрѣнія побѣда сознательнаго надъ бессознательнымъ. Великая истина,—что историческій прогрессъ есть освобожденіе человѣчества»²⁾.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ дѣйствительный прогрессъ человѣчества. Авторъ полагаетъ, что такой его ходъ совпадаетъ съ объективной, общеобязательной нормой должнаго, осуществляетъ именно эту абсолютную цѣль, что этотъ ростъ человѣческой силы и самосознанія есть выполненіе того идеала, по которому человѣкъ и человѣчество являются самоцѣлью. Но если этотъ дѣйствительный прогрессъ именно таковъ, то гдѣ же гносеологическое доказательство, что онъ *долженъ быть* такимъ,

¹⁾ Ib., стр. 80.

²⁾ Ib., стр. 128.

что это совпаденіе не случайное? Авторъ довольствуется лишь эмпирическимъ констатированіемъ этого хода прогресса, какъ оно дано теоріей экономическаго матеріализма, обуславливающей его каузально. Онъ говоритъ далѣе: «Человѣчество въ одно и то же время и цѣль историческаго процесса и его факторъ,— поэтому оно всегда возьметъ свое. *Цѣлесообразность всегда выживаетъ въ исторіи*» ¹⁾). Крайне тощее обоснованіе, и притомъ каузальнаго характера. Цѣлесообразность выживаетъ именно по основаніямъ причинности. Наконецъ, самый силлогизмъ построенъ невѣрно. Человѣчество не единственный факторъ исторіи,— и потому утвержденіе, что оно «всегда возьметъ свое», оказывается болѣе чѣмъ рискованнымъ, если этимъ «своимъ» является цѣль, независимая отъ дѣйствительности. Далѣе читаемъ: «Было время, когда буржуазія высоко несла знамя человѣческаго прогресса. Теперь это знамя прогресса, могущества человѣка, выбрасывается новымъ общественнымъ классомъ, ибо только его идеаль согласуется съ дальнѣйшимъ развитіемъ производительныхъ силъ общества. Этотъ идеаль неизбѣжно долженъ восторжествовать, *потому что только подъ этимъ условіемъ человѣчество можетъ выжить, поддержать свою жизнь*» ²⁾). Но послѣднее доказательство есть уже чисто отъ эмпириі.

Итакъ, авторъ и въ этомъ пунктѣ *пока* ровно ничего не обосновываетъ своей трансцендентальной гносеологіей, а только формулируетъ въ ея терминахъ эмпирическіе факты. *Необходимость действительнаго осуществленія прогресса согласно объективному идеалу гносеологически имъ не доказана.*

Повидимому, авторъ сознаетъ это,— и вотъ здѣсь-то являются вышеприведенныя нѣсколько знаменательныхъ строчекъ, которыми собственно и подкладывается «трансцендентальный фундаментъ» подъ эмпирическій фактъ. Именно, это подведеніе фундамента достигается цѣною произвольнаго превращенія регулятивной нормы въ конститутивную, цѣною ошибочнаго толкованія кантовой гносеологіи идеала ³⁾.

¹⁾ *Ив.*, стр. 129—130.

²⁾ *Ив.*, стр. 131.

³⁾ Остается открытымъ вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ „сверхъ-научная“ философія г. Бердяева къ его общественной философіи, иначе, лежитъ ли „объективизмъ“ общественныхъ теорій и идеаловъ, по взгляду г. Бердяева, въ сферѣ науки или выступаетъ за ея предѣлы.

Итоги, которые мы въ правѣ теперь подвести попыткамъ гносеологическаго обоснованія синтеза идеала и дѣйствительности, попыткамъ построить идеалистическую социологию на гносеологической основѣ,—весьма неутѣшительны. Поскольку авторы соблюдали рамки истинной гносеологии,—гносеологическое трактованіе исторически-осуществляющагося синтеза оказывалось безплоднымъ и даже понимаемое въ простомъ методологическомъ смыслѣ вносило въ вопросъ только ненужныя затрудненія. Поскольку же авторы дѣйствительно достигали синтеза, они впадали или въ субъективизмъ простой вѣры или въ трансцендентную метафизику. Я надѣюсь, что мною доказана не простая случайность этихъ неудачъ,—а ихъ необходимость, вытекающая изъ того, что трансцендентальный идеаль не имѣетъ точекъ соприкосновенія съ эмпиріей. Онъ можетъ быть приведенъ съ нею въ соприкосновеніе и въ параллелизмъ только какимъ-либо внѣшнимъ давленіемъ, давленіемъ трансцендентнаго бытія.

Г. Струве понялъ эту истину—и потому рѣшительно дѣлаетъ поворотъ въ сторону метафизики. Онъ также принимаетъ объективную истину и объективное долженствованіе какъ общеобязательныя нормы мышленія и воли. Въ своемъ предисловіи къ книгѣ г. Бердяева онъ говоритъ: «Какъ классовая точка зрѣнія не есть критерій истины, такъ и интересы класса не суть критерій должнаго» (стр. XXII). «Моя интеллектуальная совѣсть и моя этическая совѣсть даютъ себѣ законы безусловно автономные» (XXIII). «Истина и идеаль не заимствуютъ своего достоинства отъ классовой точки зрѣнія, а сообщаютъ ей это достоинство,—такова точка зрѣнія философскаго идеализма» (XXIV). Но идеализмъ г. Струве иной, нежели идеализмъ г. Бердяева. Прежде всего г. Струве не согласенъ съ большинствомъ критиковъ въ томъ, что объективныя нормы мышленія и объективныя нормы нравственности—одной природы, что нормы мышленія суть такія же нормы должнаго, которымъ мышленіе можетъ и не слѣдовать, какъ и нормы нравственности. Авторъ думаетъ, напротивъ, что объективные законы познанія суть *естественные законы мышленія*, которые неизбѣжно въ немъ осуществляются. По мнѣнію г. Струве, именно это обстоятельство, это подведеніе нормъ познанія дѣйствительности и нормъ нравственности подъ одно общее понятіе нормъ долженствованія, эта *нормативная гносеологія*, какъ ее называетъ г. Струве, именно и

даетъ возможность произвольной аналогіей сгладить противоположность бытія и долженствованія, — и такимъ образомъ *фактивно* устранить противорѣчіе между свободой и необходимостью. На дѣлѣ общеобязательность или объективность долженствованія имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ объективность бытія. Это глубочайшее и основное различіе между содержаніями сознанія погашается, по мнѣнію г. Струве, бесплоднымъ формализмомъ. «Нельзя содержать въ сознаніи «фактъ», не признавая этого факта. Но можно содержать въ сознаніи велѣніе и цѣлую систему велѣній, отрицая ихъ» ¹⁾ (XXXVII). «Какъ бытію соотвѣтствуетъ категория необходимости, такъ долженствованію — категория свободы» (XL). «Для теоріи познанія нѣтъ противоположности болѣе рѣзкой, чѣмъ бытіе и долженствованіе, истинное и должное» (XLVIII). «Сущее объективно, потому что оно безусловно принудительно для всякаго сознанія. Должное именно отсутствіемъ этой принудительности отличается отъ сущаго» (L). Г. Струве находитъ невозможнымъ устранить вытекающее отсюда противорѣчіе свободы и необходимости на почвѣ чистой, *описывающей гносеологии*, — какою она и должна быть, — которая только констатируетъ это противорѣчіе, какъ законное въ сферѣ отвѣта. Въ ученіи Канта объ автономіяхъ онъ видитъ не слабую сторону кантовой гносеологии, а «великое открытіе», «вѣчное пріобрѣтеніе» теоріи познанія (XXXII). Категория свободы, по мнѣнію г. Струве, можетъ быть понята лишь въ связи съ категоріей *субстанціи*. «Духовная, одухотворенная субстанція является носителемъ свободы» (XXXII). «Какъ ни велико историческое и научно-эмпирическое значеніе критики, направленной противъ понятія душевной субстанціи, за этой критикой нельзя все-таки признать окончательной метафизической цѣнности» (XXXIII). «Ссылкой на психологическій характеръ нельзя устранить категоріи субстанціи изъ инвентаря общихъ содержаній нашего познанія, нельзя отнять у нея гносеологическаго значенія» (XXXIII — IV). «Даже, если признать, что субстанція, какъ творческое нѣчто, можетъ мыслиться нами только какъ духовное начало, то и та-

¹⁾ Здѣсь г. Струве очевидно смѣшиваетъ обязательность оцѣнки съ обязательностью фактической постановки цѣлей. Если признается объективная норма, изъ нея необходимо вытекаетъ и *обязательность* опредѣленной оцѣнки. Но слѣдованіе ей въ постановкѣ дѣла дѣйствительно не обязательно, ибо послѣдняя можетъ *эмпирически* опредѣляться и вопреки ей.

кое указаніе нисколько не посягаетъ на гносеологическое значеніе этой категоріи, а составляетъ лишь одинъ изъ аргументовъ въ пользу спиритуалистической метафизики. Таково и на самомъ дѣлѣ мое убѣжденіе... Субстанція міра есть духъ и міровой духъ есть субстанція» (XXXIV).

Если категоріи субстанции и свободы «присутствуютъ неизбѣжно въ нашемъ сознаніи» и въ то же время «находятся въ непримиримомъ противорѣчій съ закономъ причинности», — изъ этого слѣдуетъ, что «въ сферѣ опыта непримиримы противорѣчія между самыми общими содержаніями и принципами познанія. *Опытнымъ путемъ невозможно построить удовлетворяющую илюстнаю челоуька ученія о дѣйствительности.* Для этого ученія необходима метафизика, которая есть несомнѣнно ученіе о трансцендентномъ, т.-е. о томъ, что не дано въ мірѣ опыта и не можетъ быть имъ раскрыто» (XXXV). «Метафизика гораздо богаче опыта и гораздо ближе его къ дѣйствительности, т.-е. къ полногѣ челоуьческихъ переживаній» (XXXVI). Г. Струве видитъ, что та теорія познанія, которая пыталась дать синтезъ бытія и долженствованія изъ своихъ собственныхъ основаній, неизбѣжно превращалась въ метафизику. Онъ выразитъ это такимъ образомъ: «Ошибка всякой нормативной теоріи познанія состоитъ въ томъ, что она безпатентно промышляетъ метафизикой» (LI). «Только позитивная гносеологія, рѣзко отдѣляющая долженствованіе отъ бытія, не даетъ возможности того расширенія объективнаго, благодаря которому метафизическія проблемы получаютъ якобы гносеологическое значеніе» (LII). «Обоснованіе нравственнаго закона есть по существу задача метафизическая» (LIII).

Въ сущности г. Струве не дѣлаетъ ничего другого, какъ повторять Канта, съ различіемъ, конечно, въ частностихъ. Вопіющей несправедливостью поэтому оказывается противопоставленіе г-мъ Струве собственнаго взгляда кантовскому «нормативному формализму». Кантъ дѣйствительно повиненъ въ формализмъ, въ формально-аналогичномъ трактованіи этическихъ и познавательныхъ нормъ ¹⁾. Но представлять *всю* его этическую метафизику какъ продуктъ нормативной теоріи познанія, отрицать, что именно въ *этическомъ, должномъ*, онъ первый увидѣлъ совершенно специальное содержаніе нашего сознанія, полагать, что онъ находилъ возможнымъ чистое гносеологическое примиреніе нормъ

¹⁾ На это указано выше и въ настоящей статьѣ.

истиннаго и нормъ должнаго ¹⁾),—значить рѣшительно отказывать Канту въ простой справедливости. Его этическая метафизика имѣетъ совершенно самостоятельное происхождение именно въ этомъ открытомъ имъ особенномъ содержаніи нашего сознанія. Въ немъ, въ этомъ свободномъ опредѣленіи нашей воли, онъ увидѣлъ возможность перехода въ умопостигаемый міръ и осуществленіе этой свободы признавалъ только въ этомъ мірѣ. *Познавательнаго* его метафизика вытекала изъ гносеолого-этическихъ основаній, *онтологически*—она сама обосновывала познание и этику. Что же новаго говоритъ г. Струве, когда требуетъ «метафизическаго обоснованія нравственнаго закона?»

Во всякомъ случаѣ г. Струве признаетъ, — и мы вмѣстѣ съ нимъ, — невозможность для гносеологіи, которая есть только описывающая (по нашему—формальная) наука, самой рѣшить задачу соединенія идеала съ дѣйствительностью, свободы съ необходимостью. Эта задача превышаетъ ея формальныя силы.

Но за то, полагаетъ г. Струве, эта гносеологія указываетъ намъ путь, какимъ можетъ быть рѣшена эта задача. Путь этотъ—только метафизическій,—ибо понятія субстанціи и свободы, неизбежно присущія нашему сознанію, суть вѣтъ-опытныя.

Съ этимъ совершенно нельзя согласиться, исходя изъ того же опредѣленія г-мъ Струве гносеологіи какъ науки описательной. Наличность въ нашемъ мышленіи понятій свободы и субстанціи, открываемая описывающей гносеологіей, рѣшительно ничего еще не говоритъ о способѣ ихъ возникновенія у насъ и объ отношеніи ихъ къ міру дѣйствительности. Приложить ли къ нимъ опытную или трансцендентную точку зрѣнія,—это уже дѣло не гносеологіи,—ибо объ эти точки зрѣнія возможны и приложимы. Гносеологія лишь уясняетъ намъ условія этого приложенія. Именно, она говоритъ, что для опытнаго познанія эти понятія суть лишь отвлеченія отъ реальныхъ функций и, поскольку мы ихъ мыслимъ адекватно этимъ послѣднимъ, они совершенно не нуждаются въ допущеніи трансцендентнаго бытія. Она говоритъ намъ далѣе, что такое адекватное опыту пониманіе есть обязательный и потому объективный для насъ *minimum* того содержанія, которое мы можемъ вложить въ эти понятія; но что въ то же время мы имѣемъ возможность, *но не необходимость*, предста-

¹⁾ Такое пониманіе нигдѣ прямо не формулируется г-мъ Струве, но вытекаетъ изъ всего хода его мыслей.

вить ихъ себѣ и какъ трансцендентные факты. Поскольку это лишь возможность, такое представлѣніе есть *субъективное*. При этомъ оно, разумѣется, не можетъ нарушать объективнаго содержанія этихъ понятій, а можетъ только *истолковывать ихъ смыслъ, поскольку онъ можетъ быть данъ сверхъ содержанія*.

Вотъ что говорить описательная гносеологія объ отношеніи трансцендентнаго и опытнаго пониманія понятій. Изъ этого видно, что трансцендентное пониманіе, оставаясь субъективнымъ, никогда не можетъ *отмѣнить* опытнаго или *замѣнить* его. Поэтому синтезъ свободы и необходимости долженъ быть рѣшенъ и въ опытныхъ предѣлахъ, сообразно тому содержанію, которое дано въ реальныхъ функціяхъ, подлежащихъ этимъ понятіямъ. Трансцендентное же пониманіе можетъ тогда истолковывать этотъ эмпирической синтезъ любымъ субъективнымъ способомъ. Если оказалось бы, что опытнымъ путемъ этотъ синтезъ не достигимъ, это означало бы, что онъ вообще не достигимъ объективно, а подлежить вѣдѣнію только чисто субъективныхъ представлений¹⁾.

«Новое теченіе», только что нами рассмотрѣнное, стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ той социальнo-философской доктринѣ, которая извѣстна подъ именемъ экономическаго матеріализма или марксизма. Въ ряды представителей этого теченія входятъ какъ марксисты, ищущіе для своей доктрины общеполитическаго основанія и неудовлетворенные тѣмъ, которое дается діалектическимъ

¹⁾ Г. Бердяевъ въ своей статьѣ „Борьба за идеализмъ“ („Міръ Божій“, кн. 6, 1901) продолжаетъ ратовать за возвращеніе къ философскому идеализму. Но всѣ эти призывы представляютъ лишь риторическій панегирикъ идеалистическому міровоззрѣнію, а воее не доводы въ пользу возможности *органическаго синтеза* этого міровоззрѣнія съ научнымъ. Идеализмъ же внѣ научный, какъ указываетъ и самъ г. Бердяевъ, въ настоящее время воее не въ такомъ загонѣ, чтобы требовать такого усиленнаго ломанія за себя копій. Во всякомъ случаѣ, тотъ общественный классъ, которому принадлежитъ будущее, сумѣлъ доказать наличность въ своей душѣ немалой дозы здороваго субъективнаго идеализма и не нуждается въ томъ, чтобы его пичкали идеалистическими проповѣдями и еще менѣе въ томъ, чтобы наука преподносилась ему въ фальсифицированномъ идеалистическими тенденціями видѣ. Трогательныя попеченія о томъ, чтобы рабочій классъ не „очерствѣлъ“ въ своей классовой борьбѣ, выказываемыя нѣкоторыми англійскими общественными дѣятелями съ проповѣднической складкой и нашедшія, къ сожалѣнію, отзвукъ въ Германіи и даже у насъ въ Россіи, являются по меньшей мѣрѣ смѣшными въ этихъ усиліяхъ ввести великій общественный потокъ въ свое узенькое русло.

ученіемъ и философскимъ матеріализмомъ, такъ и кантіанцы, склонные къ соціальной философіи и увидѣвшіе въ марксизмѣ систему, которая представляетъ наилучшія условія для воплощенія въ ней принциповъ и методовъ критической философіи. Нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до того въ преувеличеніи близости обѣихъ доктринъ, что чуть ли не считаютъ Маркса открытымъ кантіанцемъ ¹⁾, другіе только указываютъ общіе пункты, третьи настаиваютъ на необходимости сближенія. Но во всякомъ случаѣ всѣ они видятъ *недостатокъ* экономическаго матеріализма въ отсутствіи у него философско-этическаго основанія, понимая этику въ телеологическомъ смыслѣ, и требуя отъ марксизма, чтобы онъ сталъ *синтетическимъ пониманіемъ общественной жизни* на почвѣ философскаго идеализма, — гносеологическаго или метафизическаго. Надѣюсь, что въ предыдущемъ достаточно показана вся неосновательность подобнаго требованія. Если марксизмъ есть объективно-научная система, то никакія телеологическія обоснованія не усилятъ этого объективнаго его значенія, ибо всѣ они могутъ быть лишь субъективными. Если марксизмъ самъ субъективенъ или ложенъ, телеологія не придастъ ему объективности. Мы безусловно настаиваемъ на опредѣленіи Маха, по которому *наука должна содержать въ себѣ только общеобязательные и общепріемлемые элементы*, — такіе, которые останутся неизблѣмыми при дальнѣйшемъ ея развитіи и которые не могутъ быть пошатнуты ни при какомъ толкованіи ихъ смысла. Этимъ образуетъ тотъ *объективный корпусъ* научнаго зданія, который можетъ служить затѣмъ точкой приложенія для любыхъ субъективистическихъ и телеологическихъ воззрѣній, вытекающихъ изъ нашихъ чувствъ, желаній и вѣрованій, не измѣняя при этомъ ни на іоту своего фактическаго содержанія. Этотъ корпусъ измѣняется и расширяется лишь путемъ расширенія каузальнаго изслѣдованія, открывающаго новые факты и новую ихъ каузальную связь. Никакая телеологія не можетъ съ своей стороны внести въ него ни одного фактическаго элемента, ибо *открытіе фактовъ*, утвержденіе ихъ какъ общеобязательныхъ, недоступны для телеологическаго метода. Послѣдній идетъ всегда только отъ представляемаго и субъективнаго, какъ это показано въ предыдущемъ, а реальный фактъ можетъ быть установленъ

1) Ср. Лежневъ: Марксъ и Кантъ.

или непосредственно или черезъ связь съ другимъ реальнымъ фактомъ. Всевозможныя субъективистическія построенія ¹⁾ могутъ увѣнчивать этотъ *основной корпусъ знанія* какимъ угодно синтезомъ, могутъ украшать его любой орнаментацией,—имъ нельзя отказать въ этомъ ихъ законномъ правѣ. Невозможно свести все живое разнообразіе жизни и психики къ однѣмъ научнымъ формуламъ. Страстные исканія идеала, борьба чувствъ и стремленій, эстетическіе интересы, все это есть содержаніе дѣйствительности, неустранимое изъ нея и потому неизбѣжно накладывающее свою печать и на наши научныя представленія. Но пусть это будетъ печать субъективнаго *смысла, толкованія*, а не измѣненія самихъ фактовъ. Научная система имѣетъ право всѣми силами защищать свою самостоятельность отъ наплыва этихъ субъективистическихъ тенденцій, и научный методъ есть именно методъ этой самозащиты. Пусть то или другое субъективистическое теченіе побѣждаетъ міръ и ведетъ его за собою. Наука въ своей фактической основѣ должна остаться неприкосновенной, ибо тогда только она не перестанетъ служить вѣчной руководящей нитью въ этой міровой сумятицѣ смѣняющихся другъ друга настроеній и теченій. Она сохраняетъ право на эту послѣднюю роль лишь поскольку дѣйствительно выполняетъ свое назначеніе и даетъ только то, что общепріемлемо и общеобязательно, поскольку сама не проникается борьбою страстей и, сохраняя строгій нейтралитетъ, не выступаетъ на защиту той или другой субъективной тенденціи. Безусловное выполненіе этого идеала невозможно и приближеніе къ нему достигается только путемъ непрерывныхъ отъ него отступленій. Наука, въ особенности социальная, неизбѣжно пронизывается субъективными элементами, но они не принадлежатъ къ ея основному корпусу. Они отпадаютъ въ дальнѣйшей борьбѣ, можетъ быть, замѣняясь новыми, но въ то же время основной научный корпусъ растетъ и расширяется. Можно понять, что эти субъективныя тенденціи стремятся завладѣть имъ и обосноваться въ немъ, передѣлавъ его на свой ладъ; но нельзя возводить этого въ идеаль науки, нельзя создавать для этого специальныхъ *субъективныхъ* методовъ. Такой методъ былъ бы методомъ разрушенія науки. *Въ вѣчной борьбѣ*

¹⁾ Къ которымъ, на тѣхъ же основаніяхъ, нужно отнести и діалектическую и матеріалистическую концепцію, поскольку ихъ не разсматривать какъ чисто методологическіе приемы.

субъективнаго задача науки выдѣлять объективные элементы и закрѣплять ихъ, приводя въ одну систему съ прежде воздвигнутымъ объективнымъ зданіемъ. Субъективныя тенденціи и идеалы не плевелы, не сорные травы въ своемъ цѣломъ; но среди нихъ много и такихъ сорныхъ травъ. Общій процессъ ихъ борьбы движеть жизнь и составляетъ ея содержаніе, и задача научнаго дѣятеля отдать свою науку, какъ оружіе, тѣмъ изъ нихъ, которыя захватили и его, какъ цѣльную личность. Но чтобы она была дѣйствительнымъ оружіемъ, онъ долженъ отдать ее во всей научной чистотѣ, долженъ дать истинное знаніе, а не фальсифицированное. А для этого онъ долженъ всячески противодѣйствовать незаконному вторженію въ науку телеологическаго метода въ той или другой формѣ.

Пора, слѣдовательно, разсѣяться этому полу-гносеологическому, полу-мистическому туману, который снова поднялся теперь надъ сферами чистаго знанія, пора прекратить всѣ эти призывы назадъ, въ область метафизики и телеологіи. Та «сверхъ-научная» философія, которая теперь такъ усердно проповѣдуется, всегда существовала и будетъ существовать въ продуктахъ творчества чувства и фантазіи, но всѣ ея претензіи на объективность должны быть отвергнуты. *Знаніе*, единственная сфера объективнаго, должно сконцентрировать свои силы, понять себя, какъ *исключительную систему каузально-связанныхъ реальныхъ фактовъ*, и отграничиться отъ всякихъ этическихъ, гносеологическихъ, метафизическихъ и иныхъ обоснованій. Не для того наука цѣною тяжелыхъ усилий и безчисленныхъ жертвъ сбросила съ себя путы религіознаго субъективизма, чтобы теперь отдаться во власть субъективизма этическаго. Современные защитники «соціального идеализма» забываютъ ту историческую истину, что «канонизація» тѣхъ или другихъ субъективныхъ вѣрованій, переходъ ихъ изъ свободнаго состязанія духовныхъ общественныхъ теченій въ авторитарныя, обязательныя системы, являлись въ концѣ концовъ всегда орудіемъ общественной реакціи, развивая удушливую атмосферу нетерпимости, и что, наоборотъ, только чистая наука во всѣ времена выводила человѣчество на тотъ духовный просторъ, въ которомъ вольно дышится живымъ, прогрессивнымъ его силамъ. Эпохи непредубѣжденнаго изслѣдованія были въ то же время и эпохами наиболѣе свѣтлаго, незапятнаннаго реакціонными поползновеніями идеализма.

Объективная необходимость прогресса ¹⁾.

До сихъ поръ мы старались доказать существованіе объективнаго процесса постепеннаго, все бѣльшаго и бѣльшаго дифференцированія, усложненія среды и параллельно съ этимъ идущаго процесса усложненія и роста человѣческой личности. Понятно, что въ сферѣ сознанія это усложненіе личности будетъ выражаться бѣльшимъ кругозоромъ, бѣльшимъ объемомъ явленій, доступныхъ сознанію человѣка. Усложненіе организма, цѣль котораго заключается въ бѣлье тѣсномъ соотвѣтствіи между организмомъ и средой, въ сферѣ сознанія отразится бѣльшею тонкостью и силою мыслительнаго аппарата. Сознанію будутъ доступны бѣлье сложныя, чѣмъ нынѣ, концепціи; возрастетъ сила воображенія, которая, по немногимъ отдѣльнымъ чертамъ, дастъ возможность строить вѣрныя картины дѣйствительности.

Однимъ словомъ, весь нервный и психическій аппаратъ человѣка усовершенствуется настолько, что человѣкъ будетъ имѣть бѣлье точное и ясное, чѣмъ нынѣ, представленіе объ окружающемъ и будетъ въ состояніи бѣлье цѣлесообразно и активно воздѣйствовать на него. Наконецъ, это усложненіе и ростъ личности отразится и въ сферѣ чувствъ. По мѣрѣ того, какъ будетъ возрастать кругъ людей, связанныхъ общими интересами, по мѣрѣ того, какъ та или другая переменна въ судьбѣ людей будетъ отражаться на все бѣлье отдаленныхъ отъ нихъ обществахъ, въ людяхъ будетъ возрастать интересъ къ общественнымъ вопросамъ и чувство братства. Чѣмъ окружающая среда будетъ сложнѣе, тѣмъ психическій аппаратъ человѣка будетъ бѣлье чуткій и бѣлье могучій. Но мы ничего не говорили о

1) См. № 59.

томъ, каково будетъ общее настроеніе человѣка, окрашивающее весь его психическій міръ. Будетъ ли человѣкъ счастливъ?

Самое простое и ясное опредѣленіе счастія формулировано у Спенсера, это — соотвѣтствіе между организмомъ и окружающей средой. Какъ видите, это опредѣленіе очень близко къ опредѣленію жизни. Каждый организмъ стремится достигнуть соотвѣтствія, гармоніи съ окружающей его средой. Когда это соотвѣтствіе, гармонія достигнута, тогда жизнь течетъ съ наименьшей тратой силъ, легко, безъ какихъ-либо рѣзкихъ нарушеній ея хода, и это субъективно выражается ощущеніемъ счастія. Изъ этого опредѣленія счастія видно, что оно можетъ осуществляться въ столькихъ же видахъ, сколько видовъ живыхъ существъ, или даже сколько индивидуумовъ. Какъ бы ни была велика разница между объемомъ и интенсивностью жизненныхъ проявленій, всякій разъ, когда осуществляется гармонія между живымъ существомъ и окружающей средой, всякій разъ и осуществится счастіе. Оно, дѣйствительно, такъ и есть. Какъ бы ни была велика разница между двумя существами, однимъ — съ крайне ограниченной психической жизнью, другимъ — съ необыкновенно полною, достигающею предѣловъ того, что мы можемъ представить высокаго для человѣческой души, — если осуществится гармонія между живымъ существомъ и окружающей его средой, осуществится и счастіе.

Живое существо, низко стоящее на ступеняхъ эволюціи, является приспособленнымъ къ сравнительно элементарной комбинаціи вѣшнихъ условій. Наоборотъ, существо съ сложной организаціей является приспособленнымъ и къ сложной системѣ отношеній. Поэтому, чѣмъ проще организмъ, тѣмъ случайнѣе, менѣе прочна та комбинація условій, въ которой онъ можетъ существовать. Возьмемъ, на примѣръ, какое-нибудь простое живое существо, которое живетъ только при извѣстной комбинаціи температуры, химическаго состава и освѣщенія воды. Всякій разъ, когда эта комбинація осуществляется, оно быстро развивается и размножается и находится въ полной гармоніи съ окружающей средой, но чуть только одно изъ этихъ элементарныхъ условій его существованія нарушено, какъ это существо гибнетъ, и только при новомъ возвращеніи прежней комбинаціи условій оно возрождается отъ случайно пережившихъ экземпляровъ.

То-же мы видимъ и на элементарныхъ ступеняхъ человѣческой

жизни. Представимъ себѣ отдѣльныя небольшія группы людей, живущихъ изолированно, добывающихъ все имъ необходимое трудами рукъ своихъ. Можно легко представить сравнительно полную гармонію между ними и окружающей ихъ средой и, слѣдовательно, полное счастье. Но, конечно, гармонія эта и счастье будутъ, или, вѣрнѣе сказать, бывають, крайне непрочны. Если главное занятіе этихъ группъ людей — охота, то гармонію могутъ нарушить перекочевка или падежъ звѣря, охотой на котораго они живутъ; или, если ихъ занятіе — хлѣбопашество, то неурожай можетъ довести ихъ до голодной смерти. Наконецъ, такія изолированныя группы людей обладаютъ крайне жалкими средствами защиты противъ нападенія враговъ, и какое-нибудь сплотившееся племя можетъ ихъ уничтожить.

Изъ этихъ примѣровъ, какъ вторичный выводъ, выяснилось, что чѣмъ проще элементарныя условія жизни, тѣмъ менѣе прочна гармонія приладившейся къ нимъ жизни. Но самое существенное, на чемъ мнѣ хочется сконцентрировать вниманіе читателя, это то, что гармонія между человѣкомъ и окружающей его средой — счастье, возможное на всякой, самой элементарной ступени общественной жизни.

Важно кромѣ того выяснить, что какъ бы ни были несовершенны, даже возмутительны формы, въ которыя складывается жизнь людей, если только онѣ существуютъ достаточно продолжительно, чтобы люди успѣли къ нимъ приладиться, то счастье возможно. Возьмемъ мрачный съ нашей точки зрѣнія строй жизни древнихъ азиатскихъ деспотій, строй жизни, держашійся на рабствѣ, и какъ бы ни узки, ни жалки казались намъ рамки, въ которыхъ вылилась жизнь, разъ только не нарушается гармонія между человѣкомъ и окружающей средой, возможно счастье даже и для раба. Самой жизни могутъ угрожать на каждомъ шагу опасности; обстановка ея можетъ быть скудна, но разъ человѣческая жизнь успѣла приладиться къ ней, возможно и счастье.

Гармонія между живымъ существомъ и окружающей его средой выражается въ его внутреннемъ мірѣ, для него самого — въ настроеніи счастья. Для окружающихъ, объективно, онъ будетъ производить впечатлѣніе красиваго. Красота — это объективное выраженіе счастья. Каждое существо, гармонирующее съ обстановкой, въ которой оно живетъ, кажется намъ красивымъ. Такъ,

для насъ могутъ быть красивы и левъ, и тигръ, и конь, и человѣкъ, какъ бы психическій міръ ихъ ни былъ отъ насъ далекъ и условія ихъ существованія отрицательны съ нашей точки зрѣнія.

Съ этой точки зрѣнія, мнѣ кажется, понятно то впечатлѣніе красоты, которое производятъ на насъ отдаленныя отъ насъ историческія эпохи, напр., среднія вѣка. Обыкновенно это объясняютъ романтической точкой зрѣнія, т.-е. тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря разстоянію, все некрасивое, не гармонирующее исчезаетъ, сглаживается, и остается одно общее привлекательное впечатлѣніе. Мнѣ кажется, это не совсѣмъ справедливо, и это впечатлѣніе получается отъ того, что хотя передъ нами и далекій, и чуждый для насъ строй, но это строй, установившійся на нѣкоторое время, къ которому люди успѣли приладиться.

Возьмемъ для примѣра жизнь средневѣкового нѣмецкаго городка такъ, какъ она рисуется Гёте въ первой части Фауста. Передъ нами проходятъ солдаты, ремесленники, студенты, крестьяне, наконецъ Гретхенъ. Весь міръ этотъ отъ насъ далекъ, условія существованія его съ нашей точки зрѣнія отрицательны; жизнь ихъ полна превратностей и бѣдствій; но мнѣ кажется, то эстетическое впечатлѣніе, которое производитъ этотъ міръ не есть впечатлѣніе, навѣянное художественнымъ произведеніемъ. Наоборотъ, гениальность великаго произведенія заключается въ томъ, что оно открыло объективно существующую красоту этого міра. Источникъ же этой красоты заключается въ гармоніи, которая установилась между каждымъ отдѣльнымъ лицомъ этой картины и той обстановкой, въ которой оно живетъ. Это—то богатое, какъ музыкальный аккордъ, чувство прекраснаго, которое овладѣваетъ человѣкомъ при созерцаніи природы.

При такомъ строѣ, какъ на примѣръ, средневѣковый, мы представляемъ себѣ общество, раздѣленнымъ на отдѣльныя части какъ бы перегородками. Каждая группа, изолированная отъ всѣхъ остальныхъ, представляетъ особую комбинацію сравнительно несложныхъ условій существованія, въ которой именно, благодаря простотѣ ея, индивидууму сравнительно нетрудно приспособиться. Но эта гармонія очень легко нарушается, такъ какъ тѣ барьеры, которыми она, группа людей, стремится оградиться отъ остальныхъ, крайне непрочны: города, замки, села предаются грабежу и пламени и т. д.

Но помимо непрочности такого строя, цѣликомъ основаннаго

на раздѣленіи общества на узкія группы, гдѣ индивидуумы должны приспособляться къ крайне простымъ, одностороннимъ условіямъ существованія; вотъ въ этой-то элементарности и односторонности условій, къ которымъ людямъ нужно приспособляться, лежитъ источникъ горя и страданій.

По нашему убѣжденію, человѣкъ уже въ результатѣ доисторической эволюціи вышелъ существомъ необыкновенно и разносторонне одареннымъ. Оттого при томъ строѣ, о которомъ говоримъ мы, каждый индивидуумъ долженъ перейти мучительную процедуру пригонки къ тѣмъ узкимъ рамкамъ, въ которыхъ ему суждено жить. Цѣлый рядъ сторонъ его личности долженъ быть атрофированъ, загнанъ, и цѣлый рядъ искусственныхъ — развитъ. Возьмемъ ребенка, родившагося въ крестьянской средѣ; какая масса чертъ его характера, способностей, свойствъ его личности должны быть стерты для того, чтобы изъ него выросъ хорошій, приспособленный къ условіямъ существованія крестьянинъ! Мы говорили выше о томъ отрицательномъ оттѣнкѣ, который прилагается обычно къ термину «приспособленіе». Здѣсь онъ вполне уместенъ, такъ какъ это—приспособленіе личности къ элементарнымъ условіямъ существованія, сопровождающееся атрофированіемъ цѣлаго ряда ея сторонъ, упрощеніемъ ея. Но этотъ родъ приспособленія есть частный случай приспособленія вообще; строй, въ которомъ этотъ видъ приспособленія происходитъ, не проченъ, и когда отдѣльныя перегородки, раздѣляющія такое общество, упадутъ, возникаетъ сложная среда, дающая просторъ уже такому приспособленію личности, которое ведетъ къ ея росту.

Такимъ образомъ въ средѣ, построенной по схемѣ средневѣкового общества, т.-е. раздѣленной на отдѣльныя группы людей, съ узкимъ кругомъ занятій и интересовъ, существуетъ цѣлый рядъ источниковъ страданій. Первый изъ нихъ—это элементарность личности, вырабатывающейся при такихъ условіяхъ, и какъ слѣдствіе этой элементарности—слабость къ жизненной борьбѣ, непрочность ея существованія. Второй рядъ—въ необходимости человеческой личности пригоняться къ этимъ крайне элементарнымъ и односторонне специализированнымъ условіямъ существованія. Но, не смотря на все это и при такомъ строѣ возможна была, хотя бы временная гармонія между личностью и условіями существованія, а въ силу этого возможно и счастье и красота.

Наконецъ, третій родъ причинъ, вызывающихъ несоотвѣтствіе между организмомъ и окружающей средой, заключается въ измѣненіяхъ среды. Само по себѣ ясно, какъ часто должно встрѣчаться этого рода несоотвѣтствіе. Такъ какъ среда является сложною системою отношеній между живыми существами, то достаточно, чтобы въ жизни одной части произошло какое-либо измѣненіе, чтобы это отразилось на всей системѣ отношеній. Самое существенное заключается въ томъ, что дальнѣйшая эволюція, прогрессъ, совершается именно вслѣдствіе измѣненія окружающей среды, ея усложненія, а это неизбѣжно влечетъ за собою, хотя бы временное несоотвѣтствіе между человѣческой личностью и обстановкой, въ которой она живетъ, и слѣдовательно—страданіе. Вліяніе на организмъ измѣненія окружающей его среды, есть явленіе обще-біологическое, но оно играетъ огромную роль въ общественной жизни и, можетъ быть, особенно въ наше время. Цѣлый рядъ вопросовъ общественной жизни не выясненъ достаточно и не ясенъ именно потому, что къ нимъ не прилагалась эта точка зрѣнія, которую необходимо приложить, чтобы уяснить себѣ происходящія явленія.

Несоотвѣтствіе между личностью и средой можетъ происходить двоякимъ образомъ: или оттого, что человѣкъ бросаетъ обстановку, въ которой онъ выросъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ которой онъ находится и мѣняетъ ее на совершенно для себя новую, или же среда мѣняется вокругъ него. Если мы представимъ себѣ небольшую однородную группу людей, то уже одно увеличеніе ея въ числѣ измѣнитъ всѣ отношенія въ ней, и заставитъ членовъ ея приспособляться къ совсѣмъ новымъ условіямъ существованія. Такъ какъ единственный способъ осуществленія прогресса есть усложненіе среды, то это несоотвѣтствіе происходило всегда на пути исторіи человѣчества. Но, можетъ быть, оно никогда не играетъ такой сильной роли въ общественной жизни, какъ въ наше время. Если мы возьмемъ девятнадцатый вѣкъ для Европы, то увидимъ, что за это время перемѣнились основы существованія: развился крупный капитализмъ, перемѣнились формы политической жизни, формы и пути, посредствомъ которыхъ происходитъ общеніе людей. Какъ бы даже ни было благотворно вліяніе тѣхъ или другихъ изъ этихъ факторовъ, быстрая смѣна ихъ не могла не сказаться ломкой человѣческой личности.

Наше время характеризуется не только измѣненіемъ всего строя жизни, но и исключительной подвижностью населенія. Мы говоримъ не объ эмиграціи въ другія страны, при которой переселенцамъ приходится зачастую устраиваться въ тѣхъ же формахъ существованія, какъ и дома, т.-е. не мѣнять рѣзко ни образа жизни, ни занятій. Въ настоящее время, кромѣ такой эмиграціи, замѣчается сильный ростъ городовъ, вслѣдствіе усиленнаго притока населенія изъ деревень. Современные большіе города на двѣ трети состоятъ изъ жителей, не родившихся въ нихъ и переселившихся сюда изъ деревень. Эта часть населенія, перемѣнивъ мѣсто жительства, рѣзко перемѣнила всѣ условія своего существованія, что не могло не отразиться ломкой ихъ личности.

Города искони были источниками культуры, и такую роль ихъ осталась и понынѣ. Но все же процессъ роста и обновленія ихъ населенія не могъ не отразиться въ отрицательную сторону и на ихъ общественной жизни. Когда въ городѣ является новый наплывъ пришельцевъ, не только пришельцамъ приходится трудно въ новыхъ условіяхъ, но и кореннымъ горожанамъ приходится выдерживать болѣе тяжелую конкуренцію съ пришельцами, и условія жизни дѣлаются для нихъ труднѣе.

Насколько глубока и мучительна эта ломка всего существа, которую испытываетъ человѣкъ, при переходѣ изъ одной обычной обстановки въ новую, для него чуждую и болѣе сложную, видно изъ слѣдующаго короткаго сопоставленія. Въ сферѣ познавательныхъ способностей человѣкъ теряетъ способность ориентироваться, понимать, что кругомъ него происходитъ, такъ какъ все для него ново и непривычно. Кромѣ того, его умъ, приспособленный къ болѣе простымъ явленіямъ, совершенно не способенъ совладать съ болѣе сложными. Въ сферѣ морали кодексъ, выработанный въ другой обстановкѣ, въ значительной степени не подходитъ къ новой средѣ. Да кромѣ того власть, которую имѣютъ надъ нами извѣстные принципы морали, въ значительной степени обусловливается постоянствомъ обстановки, среди которой мы находимся. Въ совершенно новой, чуждой для насъ средѣ, значительная часть правилъ морали теряетъ для насъ свою обязательную силу. Наконецъ, въ сферѣ ощущеній и настроеній, не только становится труднѣе жить въ новой средѣ, но человѣкъ, лишившись обычнаго круга впечатлѣній, вмѣстѣ съ ними теряетъ и жизнерадост-

ность. Понятно, что эта ломка тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе рѣзка разница между элементарной средой, которую человѣкъ оставилъ, и сложностью новой для него, т. - е. чѣмъ личность проще, тѣмъ она труднѣе выдержать эту перемѣну и можетъ погибнуть, и наоборотъ, личность, выросшая въ сложной средѣ, сравнительно легко перенесетъ рѣзкую перемѣну въ окружающемъ. Важно помнить, что на элементарную личность даже несомнѣнные перемѣны къ лучшему могутъ оказать вредное и даже гибельное вліяніе. Такъ Г. И. Успенскій говоритъ, что даже урожай оказываетъ вредное вліяніе на укладъ деревенской жизни. Личность настолько приспособлена къ несложнымъ условіямъ существованія и въ силу этого такъ слаба, что ничтожная перемѣна и даже къ лучшему выводитъ ее изъ равновѣсія и иногда губить. Сорокъ лѣтъ прошло съ освобожденія крестьянъ, и за это время не только нѣтъ чего-либо новаго, хорошаго, но съ каждымъ годомъ мы теряемъ что-нибудь изъ оставленнаго намъ эпохой великихъ реформъ. И это, можетъ быть, происходитъ отъ того, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права рухнули двѣ нежизнеспособныя культуры: помѣщичья и крестьянская, и на ихъ мѣстѣ новая созидается по крупницамъ ¹⁾).

Все это важно помнить и для оцѣнки послѣдней половины XIX вѣка. Мы всѣ дѣлаемъ ошибку, что по окружающему судимъ о способностяхъ и силахъ человѣка. Между тѣмъ это такъ несправедливо по отношенію къ нашему времени. Теперь такая громадная масса силъ тратится человѣчествомъ на приспособленіе къ новымъ условіямъ существованія, что понятно то кажущееся безсиліе, впечатлѣніе котораго оставляетъ наше время.

Измѣненія въ окружающей человѣка средѣ будутъ происходить постоянно; мы не можемъ представить себѣ времени, когда прекратилось бы усложненіе, дифференціація общественной среды. Такъ что одинъ факторъ, являющійся источникомъ страданія, будетъ всегда налицо. Но зато человѣческая личность въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ будетъ все легче и легче ощущать измѣненія въ окружающей средѣ и будетъ приспособляться къ нимъ безъ глубокой ломки. Обусловливаться это будетъ даль-

¹⁾ Вопросъ о вліяніи на элементарную личность измѣненій въ окружающей средѣ разрабатывался мною ужъ въ двухъ статьяхъ, потому я считаю себя въ правѣ только въ кратцѣ коснуться его здѣсь.

нѣйшимъ ростомъ человѣческой личности, по мѣрѣ усложненія общественной среды.

Дѣйствительно, что понимать подъ ростомъ человѣческой личности? Во-первыхъ, ростъ интеллекта, который дастъ человѣку большую возможность пониманія окружающаго и способность болѣе цѣлесообразно воздѣйствовать на него. Во-вторыхъ, разносторонность интересовъ и вслѣдствіе этого богатство и сложность жизни. Чѣмъ среда проще и одностороннѣе, тѣмъ одностороннѣе и интересы. Какъ извѣстно, даже такой богатый источникъ сознательнаго наблюденія, какъ природа, открылся сравнительно недавно для культурной части человѣчества. А некультурная придерживается до сихъ поръ чисто утилитарнаго взгляда на природу. По мѣрѣ развитія того процесса дифференціаціи общества, который мы описывали выше, по мѣрѣ увеличенія числа соціальныхъ круговъ, въ которыхъ участвуетъ личность, увеличивается число сторонъ жизни, которыя дѣлаются интересны и важны для человѣка. На это могутъ возразить: «да, жизнь сдѣлается сложнѣе, возрастетъ число вопросовъ и сторонъ ея, которыя будутъ затрогивать любознательность, вниманіе человѣка. Увеличится разнообразіе интересовъ, но то непосредственное, простое, яркое наслажденіе жизнью, которое характеризуетъ первобытнаго человѣка и которое въ значительной степени исчезло у насъ, окончательно исчезнетъ при дальнѣйшей дифференціаціи общества».

Съ моей точки зрѣнія, все недовольство жизнью, тягостность ея, отсутствіе интересовъ, дряблость современнаго культурнаго человѣчества — объясняется трудностью процесса внутренней ломки, которую приходится ему переживать. Трудно приспособиться къ новымъ, болѣе сложнымъ условіямъ существованія, и эта трудность выражается разнообразной картиной и страданій, и просто недовольства жизни.

До какой степени рѣзокъ переходъ отъ недавняго патріархальнаго прошлаго къ современному кипучему строю жизни на Западѣ легко представить, сравнивъ Англію, какъ она рисуется у Диккенса въ Пикквиксомъ клубѣ съ ея выборами того времени въ парламентъ съ современной Англіей; или Берлинъ двадцатыхъ годовъ, похожій на нашу Коломну, съ современнымъ Берлиномъ, посылающимъ соціаль-демократическихъ депутатовъ въ рейхстагъ. При такомъ быстромъ измѣненіи общественной среды,

съ одной стороны, личность не успѣла приспособиться къ новымъ условіямъ, развить въ себѣ свойства и силы, требуемыя жизнью, съ другой стороны и формы, въ которыя выливается общественное движеніе, не успѣли установиться. Все это достаточно объясняетъ болѣзненные явленія нашего времени—недовольство жизнью, пессимизмъ, увеличеніе психическихъ заболѣваній и т. п. И если этотъ рѣзкій переходъ къ болѣе сложной и кипучей жизни не отозвался еще болѣе рѣзкими болѣзненными явленіями, то это объясняется тѣмъ, что строй новой жизни дѣйствительно несетъ съ собою реальныя блага, и свѣтлыя явленія прикрываютъ собой отчасти темныя. Это тѣмъ болѣе понятно, что возможность гибельнаго вліянія на людей новыхъ положительныхъ явленій жизни возможно только при исключительно элементарныхъ личностяхъ, что въ Западной Европѣ отошло уже въ область исторіи.

Такимъ образомъ, ростъ личности выражается въ большой широтѣ и интенсивности интеллектуальной жизни, соединенной съ большей яркостью и разнообразіемъ интересовъ. То и другое составить такое богатство содержанія, соединенное съ цѣльностью личности, что будетъ достигнутъ тотъ идеаль независимости отъ непосредственно окружающаго, къ которому стремится все живое, начиная отъ простѣйшихъ существъ. Вѣдь идеаль заключается въ такомъ богатствѣ содержанія, чтобы все окружающее находило откликъ въ твоей душѣ и въ такой независимости, чтобы ничто не могло нарушать ясности міросозерцанія, многосторонняго интереса къ жизни и стремленія и способности активно воздѣйствовать на находящееся внѣ тебя. Обыкновенно считаютъ, что индивидуумъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи ведетъ къ антисоціальному. Мнѣ кажется, это недоразумѣніе, зависящее отъ того, что обыкновенно не принимается во вниманіе принципъ соотвѣтствія между личностью и общественной средой. Личность не можетъ расти внѣ формы общественной жизни. Нельзя стремиться къ знанію и въ то же время работать и развиваться внѣ формъ науки. Нельзя желать воздѣйствовать на людей и не пользоваться искусствомъ или той или иной формой общественной дѣятельности. Оставаться эгоистомъ можно только при условіи обладанія до извѣстной степени умѣренными запросами къ жизни.

То, что подразумѣваютъ обыкновенно подъ Ницшеанствомъ,

есть индивидуализмъ, но это есть частный случай индивидуализма вообще. Несправедливо думать, что развитіе личности обозначаетъ въ концѣ концовъ сосредоточеніе всѣхъ интересовъ на своемъ я. Наоборотъ, это будетъ индивидуализмъ, неспособный къ дальнѣйшему развитію, бѣдный по содержанию. Онъ также мало можетъ компрометировать индивидуализмъ вообще, какъ различныя теоріи самоуничтоженія мало способны подорвать значеніе альтруизма и другихъ общественныхъ стремленій.

Противъ возможности увеличенія суммы счастья на землѣ дѣлаютъ такое возраженіе: допустимъ, говорятъ, что объективныя явленія, вызывающія горе, уменьшатся, но зато люди сдѣлаются впечатлительнѣе; царапина производитъ на насъ такое впечатлѣніе какое въ прежнее время не производили глубокія раны. Ничтожное правонарушеніе производитъ на насъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ грубѣйшее угнетеніе человѣка производило въ прежнее время. Если такая повышенная чувствительность составляетъ реальный фактъ, то поскольку она угнетаетъ человѣка, лишаетъ его радости бытія, понижаетъ его способность активно бороться за свое счастье, — она есть результатъ временнаго несоотвѣтствія между личностью и средой; несоотвѣтствіе, которое, какъ мы говорили выше, въ настоящее время особенно даетъ себя чувствовать. Не только для отдаленнаго идеала будущаго, но даже для нашего времени наши раны и раны друзей должны быть источникомъ силы, а не слабости.

Мы себѣ такъ представляемъ неосновательность этого возраженія. Въ элементарной средѣ появленіе каждаго новаго фактора влечетъ за собою грубую перемѣну во всѣхъ отношеніяхъ, существовавшихъ до того. Въ сложной средѣ, именно вслѣдствіе сложной системы существующихъ отношеній всякое воздѣйствіе распредѣляется на большое число незначительныхъ измѣненій. Въ то же самое время существо, живущее въ этой средѣ, именно благодаря своей сложности и большой независимости отъ среды будетъ, имѣть, какъ мы выше показали, гораздо больше средствъ для защиты отъ вредныхъ вліяній.

Когда сравниваютъ культурнаго человѣка конца XIX вѣка, болѣзненно реагирующаго на каждое отрицательное явленіе, съ непосредственнымъ сыномъ природы бодро переносящимъ боль и горе, ¹⁾ дѣлаютъ ошибку, сопоставляя несравнимое. Пред-

¹⁾ Сравни «Три смерти» Льва Толстого.

ставители некультурнаго человѣчества являются послѣдними звеньями въ длинной цѣпи приспособленія челоуѣка къ извѣстнымъ условіямъ. Они представляютъ изъ себя нѣчто гармоничное, устойчивое. Культурное же челоуѣчество, которое справедливо считается представителемъ наступающаго будущаго, есть типъ незаконченный, строящійся, находящійся *im Werden*, а потому—не гармоничный. Поэтому такъ понятна болѣзненность его реакціи на окружающее.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что постоянное усложненіе и дифференціація общества роковымъ образомъ сопровождаются ростомъ и усложненіемъ челоуѣческой личности и влечетъ за собою ея большую устойчивость. Въ этомъ заключается объективная необходимость прогресса, т. е. объективная осуществимость того субъективнаго идеала счастья, въ который мы вѣримъ.

Челоуѣкъ, выросшій въ широкой общественной средѣ, будетъ представлять собою такое богатство содержанія и внутренней силы, что каждое измѣненіе въ жизни внѣ его будетъ вызывать только цѣлесообразную реакцію съ его стороны.

Мы закончили изложеніе нашихъ взглядовъ, и намъ остается только эту схему исторіи челоуѣчества, какъ эволюціи личности, сопоставить съ другими теоріями историческаго процесса. Конечно, ни размѣръ, ни планъ нашей статьи не даетъ намъ возможности подробно излагать и обсуждать тѣ сложныя философскія проблемы, которыя лежатъ въ основѣ того или другаго пониманія исторіи. Задача, которой мы должны здѣсь ограничиться, заключается въ сопоставленіи нашей точки зрѣнія съ нѣсколькими основными обобщающими представленіями о сущности историческаго процесса.

Одна изъ нихъ, которую мы будемъ излагать первую, всю суть видитъ въ сознательной, планомѣрной дѣятельности личности. Сама по себѣ личность детерминирована и своимъ происхожденіемъ и строимъ жизни, въ которомъ она выросла, и сама въ свою очередь является единственнымъ источникомъ всякаго прогресса въ будущемъ. Сообразно своимъ стремленіямъ, вкусамъ и идеаламъ, она строитъ настоящее и будущее. Определенный политическій и экономическій строй является воплощеніемъ въ жизни извѣстнаго уровня потребностей и идеаловъ въ челоуѣческой личности. Прогрессъ съ этой точки зрѣнія существуетъ,

и онъ выражается все въ болѣе и болѣе ясномъ представленіи о тѣхъ путяхъ, о томъ строѣ жизни, при которомъ возможно болѣе полное развитіе и счастье человѣческой личности. А разъ выяснено, что нужно, чтобы осуществить идеаль счастья и всесторонняго развитія, вопросъ осуществленія этого идеала самъ собою вытекаетъ изъ того ряда усилій, которыя человѣческая личность употребитъ, имѣя передъ глазами достижимость идеала.

Для иллюстраціи приведемъ выписку изъ одной старой статьи: «Прогрессъ есть ростъ общественнаго сознанія, насколько оно ведетъ къ усилению и расширенію общественной солидарности; онъ есть усиленіе и расширеніе общественной солидарности, насколько она опирается на растущее въ обществѣ сознаніе. Органомъ прогресса дѣлается развивающаяся личность, внѣ дѣятельности которой прогрессъ невозможенъ, которая, въ развитіи своей мысли, открываетъ законы общественной солидарности, законы социологіи, прилагаетъ эти законы къ современности, ее окружающей, и въ развитіи своей энергіи находитъ пути практической дѣятельности, именно, перестройки окружающей ее современности, согласно идеаламъ своего убѣжденія и даннымъ своего знанія ¹⁾).

Можетъ быть, эта точка зрѣнія не охватываетъ всей сложности явленій реальной жизни, но мы должны не забывать, что она безусловно отличается логическою правильностью и стройностью, и что въ основѣ ея отчасти лежатъ реальные факты жизни. Такъ, въ ея основѣ лежитъ одно изъ основныхъ представленій нашего сознанія, по которому мы чувствуемъ себя до извѣстной степени независимыми отъ окружающаго и сознаемъ въ себѣ силу и возможность активно воздѣйствовать на окружающее, сообразно нашимъ стремленіямъ и идеаламъ. Это сознаніе не противорѣчитъ детерминизму, такъ какъ сами идеалы не есть что-либо случайное, но строго обусловлены всей предыдущей цѣпью явленій. Въ то же время извѣстная степень независимости человѣческой личности отъ окружающихъ явленій даннаго момента есть тоже реальный фактъ, и въ этомъ отношеніи человѣческая личность обладаетъ только въ большей степени той способностью ограждать и защищать себя отъ воздѣйствій окру-

¹⁾ П. Щукинъ (Лавровъ). Теорія и практика прогресса стр. 52 «Слово».

жающей среды, способностью, которая характеризуетъ все живое и которая растетъ по мѣрѣ эволюціи.

Рядомъ съ этой теоріей сознательной личности, какъ единственнаго источника прогресса, можно поставить ту теорію, по которой прогрессъ осуществлялся и осуществляется безсознательнымъ путемъ, на примѣръ, путемъ выживанія наиболѣе приспособленныхъ; но съ развитіемъ человѣческаго сознанія, съ появленіемъ науки, съ развитіемъ формъ общественной жизни, этотъ слѣпой, безжалостный медленный естественный прогрессъ уступаетъ, уходитъ на задній планъ передъ сознательнымъ прогрессомъ, который начинаетъ осуществлять человѣческая личность по мѣрѣ развитія науки и общественной жизни. Такимъ образомъ эта точка зрѣнія въ значительной степени на практикѣ совпадаетъ съ предыдущей. Наконецъ, точка зрѣнія Н. К. Михайловскаго не только отрицаетъ этотъ безсознательный, естественный прогрессъ, но утверждаетъ, что ходъ вещей самъ по себѣ, такъ какъ онъ идетъ вообще и какъ онъ осуществился въ жизни Западной Европы, ведетъ къ регрессивной эволюціи человѣческой личности, и прогрессъ возможенъ только постольку, поскольку человѣкъ сознаетъ, къ какой пропасти влекутъ его складывающіяся вокругъ него явленія окружающей жизни и поскольку онъ противопоставитъ имъ свои идеалы и свою волю.

Эта теорія не выдерживаетъ критики съ логической точки зрѣнія и не соотвѣтствуетъ реальнымъ явленіямъ жизни, поскольку въ основѣ ея лежитъ органическая теорія общества, признаніе за каждой общественной группой стремленія поглотить индивидуальность входящихъ въ ея составъ членовъ и повести ихъ къ одностороннему развитію. Впрочемъ, на неосновательности такой точки зрѣнія мы останавливались, когда разбирали органическую теорію общества и когда подробно старались выяснить, что общественная дифференціація ведетъ не къ регрессу, а наоборотъ, къ всестороннему развитію человѣческой личности. Положительная же сторона всей теоріи Михайловскаго сводится опять-таки къ первой точкѣ зрѣнія, т.-е. къ теоріи сознательно созидаемаго прогресса и «критически-мыслящей» личности.

Между прочимъ, мнѣ кажется важнымъ отмѣтить, что въ такой некультурной обстановкѣ, какъ въ Россіи, гдѣ уровень развитія личности стоитъ такъ низко, гдѣ такъ рѣдко встрѣчаются люди, которые въ силахъ стойко проводить въ жизнь, не усту-

пая и не подламываясь, свои идеалы, теорія критически мыслящей личности и теорія Н. К. Михайловскаго должны были вести за собою пессимизмъ. Особенно это должно относиться къ теоріи Михайловскаго. Безъ участія сознательной, планомерной работы исторической процессъ, согласно маститому публицисту-соціологу, представляетъ изъ себя нѣчто могущественное и безжалостное, ведущее людей роковымъ образомъ къ регрессу, уродству и страданіямъ. Западная Европа уже всецѣло подпала этой стихійной силѣ. Какую титаническую силу долженъ былъ ощущать въ себѣ русскій интеллигентъ для того, чтобы вѣрить, что онъ своими руками можетъ остановить и повернуть вспять побѣдоносное шествіе этой Джагернаутской колѣсницы, давящей людей. Такой подъемъ духа можетъ осуществляться моментами, но за нимъ неизбежно слѣдуетъ упадокъ духа, реакція.

Очень важно то обстоятельство, что это разочарованіе интеллигенціи въ своихъ силахъ и упадокъ ея духа проявляются тѣмъ рѣзче, чѣмъ въ общемъ сильнѣе въ такой некультурной странѣ будетъ ея пробужденіе къ жизни. Интеллигенція представляетъ изъ себя первые, передовые ряды народа, въ которыхъ проявилось сознательное отношеніе къ жизни. Чѣмъ это пробужденіе къ сознательной жизни будетъ распространяться дальше, тѣмъ оно будетъ захватывать болѣе широкіе круги населенія, до тѣхъ поръ относившіеся совершенно пассивно къ общественнымъ вопросамъ. Такое пробужденіе новыхъ круговъ населенія выразится, конечно, въ своеобразной формѣ, далеко не совпадающей съ идеалами интеллигенціи. Но какъ бы ни казался этотъ циклъ идей узкимъ, ограниченнымъ, по сравненію съ установившимися идеалами интеллигенціи, нужно помнить, что эта грубая форма есть преходящее явленіе, и что самый фактъ пробужденія къ сознательной жизни есть нѣчто въ высшей степени свѣтлое; между тѣмъ на интеллигенцію это можетъ производить впечатлѣніе, какъ будто ряды ея враговъ увеличиваются новыми и новыми силами.

// Сопоставляя три точки зрѣнія, изложенныя выше, мы видѣли, что онѣ всѣ сводятся на первую теорію—«сознательнаго» прогресса, какъ результата творческой дѣятельности человѣческаго духа. Какъ бы эта теорія ни была стройна, красива, какъ бы не заставляла биться къ себѣ симпатіей сердце, мы не можемъ не признать ее узкой и неохватывающей дѣйствительности. Со-

поставляя сознательную творческую дѣятельность человѣка съ бессознательной творческой дѣятельностью жизни; самое существенное помнить, что творчество человѣка есть нѣчто крайне бѣдное и слабое. Совокупность психическихъ явленій у человека, которую обозначаютъ общимъ именемъ сознанія, какъ бы она рѣзко не отличалась своимъ богатствомъ по сравненію съ психическимъ міромъ другихъ живыхъ существъ, представляетъ изъ себя не что иное, какъ наиболѣе развитое и сильное орудіе, задача котораго есть образовать и поддерживать соотвѣтствіе между организмомъ и окружающей средой. И вотъ даже первая часть этой задачи—понять и узнать, что происходитъ въ этой средѣ и что она такое — выполняется нашимъ сознаніемъ крайне несовершенно. Окружающая среда безконечно сложна, а человѣческое сознаніе по методу своей работы подвигается впередъ, схематизируя, улавливая только самыя грубыя отношенія между явленіями окружающаго міра, такъ что получается крайне неполная, односторонняя картина окружающаго, которая не можетъ служить прочнымъ базисомъ для активнаго вмѣшательства. Это относится къ первой части задачи—познанія окружающаго; что касается второй части: творческой силы человѣческаго разума, то, можетъ быть, она еще слабѣе, чѣмъ способность познания.

Строится же жизнь, въ томъ числѣ общественная, политическая и экономическая, тѣмъ же бессознательнымъ, если можно такъ выразиться, путемъ, какъ развивалась жизнь вообще съ своихъ самыхъ низшихъ ступеней. Въ этомъ процессѣ выработки общественныхъ формъ участвуютъ, составляютъ главные элементы всей постройки отдѣльныя сознательныя личности. Но участіе ихъ заключается не въ томъ, чтобы сознательно осуществить заранѣе ими предначертанный планъ, но въ томъ, что онѣ борются за свое счастье и за свою личность, какое бы широкое представленіе мы ни влагали въ это понятіе. Самое простое живое существо борется за свое счастье и жизнь: если мы вернемся къ человѣку и возьмемъ самыя высокія ступени его развитія, то и тутъ формы жизни будутъ слагаться тѣмъ же путемъ борьбы отдѣльныхъ личностей за свое счастье и за возможность наиболѣе полно и ярко проявлять себя. Разница, по сравненію съ низшими ступенями эволюціи, будетъ состоять только въ томъ, что здѣсь каждая личность безконечно слож-

нѣе и сильнѣе. Сущность же процесса остается все та же—борьба отдѣльныхъ единицъ за наиболѣе полное осуществленіе жизни. И если бъ на высшихъ ступеняхъ общественной жизни эта сущность измѣнилась, и дальнѣйшее развитіе пошло бы по типу практическаго осуществленія, заранѣе теоретически, сознательно предначертаннаго плана, это не только не было бы шагомъ впередъ, а наоборотъ, было бы регрессомъ, такъ какъ жизнь безконечно богаче и сложнѣе, чѣмъ ея отраженіе въ сознаніи, и сознательная творческая дѣятельность человѣка безконечно слабѣе безсознательной творческой силы жизни.

Выставляя это утвержденіе, я, конечно, не стою на точкѣ зрѣнія Спенсера, отрицающаго пользу активнаго вмѣшательства государства въ то или другое явленіе общественной жизни. Изъ этого не вытекаетъ, на примѣръ, отрицаніе бесплатной государственной школы или того или другаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь. Но такое вмѣшательство государства не будетъ практической реализаціей теоретически построенаго плана, а просто осуществленіемъ желаній совокупности отдѣльныхъ личностей черезъ посредство органовъ государственной власти.

Вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ ростомъ человѣческой личности элементъ сознанія будетъ играть все большую и большую роль въ общественной эволюціи, но опять-таки это не будетъ сознательнымъ осуществленіемъ опредѣленнаго плана, а просто высоко развитая личность будетъ болѣе сознательно относиться къ окружающему и болѣе стойко отстаивать свои интересы.

Такимъ образомъ, теорія сознательнаго прогресса представляется крайне узкой точкой зрѣнія, которая выдвигаетъ на первый планъ факторъ, играющій очень незначительную роль,—сознательное творчество общественныхъ формъ человѣкомъ—и оставляетъ въ тѣни могущественную созидательную силу, присутствующую самой жизни. Что же касается вопроса о томъ, какъ происходитъ это безсознательное, могущественное творчество жизни, то одна изъ возможныхъ формулировокъ была приведена выше, когда мы говорили о ростѣ личности по мѣрѣ усложненія окружающей среды.

Мнѣ кажется, что обзоръ отношеній точки зрѣнія, излагаемой въ этой статьѣ, къ другимъ теоріямъ прогресса не былъ бы законченъ, если бы я хотя мелькомъ не коснулся вопроса объ историческомъ материализмѣ.

Въ самой простой формѣ отношеніе между двумя рядами явленій мы изучаемъ въ математическихъ наукахъ. Такъ, если измѣнять давленіе, подъ которымъ находится какой-нибудь газъ, то соотвѣтственно измѣняется и объемъ газа: онъ или расширяется, или сжимается, смотря по тому, уменьшаемъ мы давленіе или увеличиваемъ. Относительное измѣненіе давленія и объема происходитъ опредѣленнымъ, закономѣрнымъ образомъ. Въ математикѣ зависимость этихъ двухъ рядовъ явленій выражается такимъ образомъ, что про одинъ рядъ измѣненій говорить, что онъ составляетъ функцію другого. Точно такъ же легко установить зависимость между временемъ и ускореніемъ, съ которымъ тѣло падаетъ, и т. д. Каждому измѣненію объема газа соотвѣтствуетъ опредѣленное измѣненіе давленія. Измѣненія одной величины будутъ являться функціей второй и наоборотъ, измѣненія второй мы можемъ считать функціей первой; измѣненія первой мы можемъ выразить въ соотвѣтствующей формулѣ и вычислить ихъ по измѣненіямъ второй и наоборотъ. Когда въ природѣ мы констатируемъ одновременныя измѣненія двухъ величинъ, не можетъ быть объективныхъ основаній для того, чтобы измѣненія одной считать основными, а другой — вторичными. Это дѣло нашего произвольнаго выбора, какую изъ нихъ считать за функцію другой. Важно только, что измѣненія одной роковымъ образомъ связаны съ измѣненіями другой, и по измѣненіямъ одной можно вычислить измѣненія другой ¹⁾).

Такая же точно зависимость существуетъ между психическимъ міромъ и строемъ экономическихъ явленій. Одинъ рядъ измѣненій есть функція другого ряда, и является совершеннымъ произволомъ, который изъ нихъ мы будемъ считать первичнымъ и который — вторичнымъ. Съ такой точки зрѣнія представляется одинаково неправильнымъ выводить измѣненіе экономического строя изъ роста психической жизни, изъ изобрѣтеній, улучшеній законодательства, роста человѣческой личности, и наоборотъ, также неправильно весь психическій міръ считать за что-то вторичное, производное міра экономическихъ явленій, за надстройку, какъ часто выражались. Одинъ рядъ явленій есть только функція другого ряда, т.-е. измѣненіе одного ряда роковымъ

¹⁾ См. Nernst und Schönflies. Einführung in die mathematische Behandlung der Naturwissenschaften. Leipzig, 1898, стр. 57—58.

образомъ связано съ измѣненіями другого ряда. Противники экономического матеріализма выведутъ изъ этого его отрицаніе; но пусть и они не позабываютъ, что одинаково неправильно изъ сознательной дѣятельности человѣка, изъ роста науки, законодательства выводить, какъ слѣдствіе—измѣненія экономической жизни. Понятія причины и слѣдствія есть нѣчто субъективно вносимое нами въ изслѣдованіе, и они не имѣютъ существеннаго значенія; важна же только объективная, закономѣрная зависимость между двумя рядами явленій.

Теорія экономического матеріализма имѣетъ, во-первыхъ, важное значеніе, какъ необыкновенно плодотворная научная гипотеза, какъ необыкновенно цѣлесообразное орудіе научнаго изслѣдованія. Систематизируя факты, одинаково возможно принять за первичный рядъ явленія психической жизни и явленія экономической. Первая точка зрѣнія примѣнялась издавна; можетъ быть, новизна второй дѣлаетъ ее въ настоящій моментъ необыкновенно плодотворной для научнаго изслѣдованія (наприм., Бюхеровская схема и исторія античнаго міра), впрочемъ, можетъ быть, пригодность ея для систематизаціи фактовъ общественной жизни присуща ей по существу.

Другое важное значеніе экономического матеріализма заключается въ томъ, что онъ былъ первой систематически изложенной теоріей, устанавливающей объективный, развивающійся, независимо отъ желаній и стремленій людей, прогрессъ. Возьмемъ классическую схему Маркса. Капитализмъ, развивая свое дѣло, не заботится о человѣческомъ благѣ; рабочій тоже ищетъ только наиболѣе высокой заработной платы; но фатально происходящій ростъ предпріятія, собирая въ одно мѣсто рабочихъ и объединяя ихъ въ одно цѣлое, ведетъ за собой въ концѣ концовъ побѣду человѣческой личности. Если такой развивающійся, независимо отъ стремленій и желаній людей, прогрессъ есть нѣчто реальное, то возможенъ цѣлый рядъ теоретическихъ построеній для формулировки его; но мы не должны забывать громаднаго значенія перваго—экономического матеріализма.

Что касается отношенія того построенія прогресса, которое мы излагали въ этой статьѣ, къ экономическому матеріализму, то сущность нашей точки зрѣнія заключается въ признаніи роста человѣческой личности, то-есть главнымъ образомъ въ признаніи развитія его психической жизни въ зависимости отъ услож-

ненія и дифференціаціи окружающей его среды, въ которую, какъ одинъ изъ важныхъ основныхъ элементовъ, входитъ элементъ экономической жизни. Развитие личности и усложненіе и дифференціація среды есть два ряда явленій, находящихся въ взаимной зависимости; одинъ рядъ является — функція другого ряда. Такъ, если развитие капитализма въ странѣ съ чисто натуральнымъ до того хозяйствомъ влечетъ за собою ростъ личности, то, съ другой стороны, какъ совершенно справедливо указываетъ въ своихъ очеркахъ общественнаго хозяйства Россіи Шульце-Геверницъ, развитие промышленности возможно только при соответствующемъ высокомъ уровнѣ личности.

Такъ онъ говоритъ: «Изученіе исторіи хозяйственнаго быта показываетъ намъ, что промышленное развитие Западной Европы было бы невозможно безъ параллельнаго развитія народной психологіи. Оно состояло въ томъ, что индивидуумъ освобождался отъ групповой зависимости, въ которой онъ жилъ раньше, и даже въ низшихъ слояхъ общества, среди рабочихъ. Мы видѣли, что эти психологическія измѣненія происходятъ и въ Россіи. Если государство стремится къ развитію промышленности, то оно должно также стремиться и къ этому развитію, такъ какъ европейскій образъ мыслей и привычекъ для успѣшнаго пользованія машины не менѣе необходимъ, чѣмъ паръ, уголь и техника; но этого нельзя достигнуть охранительными пошлинами, ни вывести изъ-за границы; это скорѣе народно-хозяйственный капиталъ, который возрастаетъ только постепенно и который болѣе, чѣмъ что-либо другое, лежитъ въ основѣ современнаго превосходства Европы надъ всѣмъ міромъ» ¹⁾.

Теперь дѣлаются нерѣдко попытки представить все движеніе общественной мысли значительной части русскаго общества за послѣднее время, какъ какое-то бесплодное шатаніе. Говорятъ, что прежде роль личности отрицалась, теперь она опять признается; экономическіе факторы выставялись единственной основой жизни, теперь же роль ихъ ограничивается. Въ основѣ такого отрицательнаго отношенія лежитъ въ значительной степени непониманіе, а можетъ быть и нежеланіе понять.

Подводя итоги движенія русской мысли за послѣдніе шесть

¹⁾ Ф. Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Спб., 1901, стр. 139 и 140.

лѣтъ, мы можемъ отмѣтить важный шагъ впередъ въ общественномъ самосознаніи широкихъ круговъ интеллигенціи. За это время русской интеллигенціей было усвоено убѣжденіе въ существованіи объективнаго фатально развивающагося прогресса, о которомъ мы говорили выше. Это убѣжденіе проникло и вылилось въ формѣ экономического матеріализма. Важнымъ представляется при этомъ то, что такимъ путемъ самосознаніе широкихъ круговъ поднялось на новую, высшую ступень, потому что экономическій матеріализмъ подчеркивалъ и выяснялъ ту сторону объективнаго міра, которая оставалась въ тѣни до тѣхъ поръ, пока единственнымъ факторомъ прогресса считалось сознательное и планомѣрное воздѣйствіе критически мыслящей личности на окружающее.

Форма, въ которой выливается извѣстное міросозерцаніе, зависитъ отъ психическаго строенія или можетъ быть даже отъ органическаго строенія воспринимающихъ это міросозерцаніе. Оттого, если въ средѣ есть извѣстное число элементарно мыслящихъ личностей, то неизбѣжно новое міросозерцаніе приметъ въ ней подчасъ грубую форму. Но это не важно; существенно то, что и въ этой грубой формѣ отражается высшая ступень міросозерцанія, и даже эта грубая форма, въ которую она выливается, въ отдѣльныхъ случаяхъ представляетъ большой шагъ впередъ по сравненію съ детально и тонко разработанными построеніями прежняго строя мыслей. Это заставляетъ насъ относиться съ глубокой симпатіей и уваженіемъ ко всему литературному движенію, ярко начавшемуся съ появленія «Критическихъ замѣтокъ къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», хотя мысли отдѣльныхъ работниковъ этого литературнаго движенія иной разъ казались бы слишкомъ исключительными. И среди другихъ литературныхъ теченій особенно это движеніе даетъ намъ достаточное основаніе видѣть въ литературной работѣ послѣднихъ лишь страстное стремленіе къ истинѣ, увѣнчивающееся ростомъ и развитіемъ общественнаго самосознанія.

Однако разборъ литературныхъ теченій послѣдняго времени отвлекъ насъ отъ основной нашей задачи. Въ началѣ этой статьи мы поставили себѣ вопросъ: можетъ ли субъективная вѣра въ прогрессъ, какъ процессъ роста человѣческой личности, быть обоснована на объективныхъ данныхъ современнаго знанія? Вопросъ этотъ для себя мы рѣшили положительно. Постоянное

усложненіе среды, окружающей человѣка, влечетъ за собою ростъ и всестороннее развитіе человѣческой личности; а послѣднее влечетъ за собою большую полноту, яркость и устойчивость жизни, т.-е. счастье. Тѣ страданія, которыми наше время, можетъ быть, особенно богато, зависятъ не только отъ узости и элементарности той среды, въ которой живетъ большинство человѣчества, но, можетъ быть, главнымъ образомъ отъ той быстроты, съ которой расширяются и усложняются эти еще недавно крайне узкія и элементарныя рамки. Богатство силъ, заложенныхъ въ живое существо, проявлялось столько разъ, что мы безъ боязни можемъ ждать того времени, когда кончится этотъ критическій преходящій періодъ, и человѣкъ осуществитъ на землѣ идеалы красоты и совершенства.

А. Яроцкій.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Б. В. Беръ. Стихотворенія. Спб., 1902. Стр. X+254. Изд. II. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій **В. Г. Бѣлинскаго.** Подъ ред. и съ примѣч. С. А. Венгерова. Т. V. Спб., 1901. Стр. VIII+580. Ц. 1 р. 25 к.

Л. Вовенаргъ. Афоризмы. (Перев. П. Первова). Дешевая библиотека, изд. Суворина. Спб., 1901. Стр. X+148. Ц. 20 к.; въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 35 к.

Л. Казариновъ. О человѣческомъ мышленіи. Москва, 1901. Стр. 59. Ц. 1 р.

Д. Н. Корнатовскій. Глухарь въ павлиньихъ перьяхъ. (Сказка изъ міра искусствъ). Москва, 1901. Стр. 15. Ц. 10 к.

Его же. Героиня (быль). Разсказъ изъ сибирской жизни. Москва, 1902. Стр. II+15. Ц. 5 к.

Вѣра Кудашева. Отвѣтъ Н. А. Лухмановой отъ русской женщины. По поводу книги «Причина вѣчной распри между мужчиной и женщиной». Москва, 1901. Стр. 32. Ц. 20 к.

Проф. Б. И. Линицкій. Основные вопросы философіи. Опыты систематическаго изложенія философіи. Кіевъ, 1901. Стр. 192. Ц. 1 р. 10 к.

Теодоръ Липпсъ. Психологія, наука и жизнь. Рѣчь, произнесенная на публичномъ засѣданіи королевско-баварской академіи наукъ въ Мюнхенѣ по случаю празднованія 142-й годовщины ея основанія 13 марта 1901 года. Перев. съ нѣм. А. Водена. Москва, 1902. Стр. 32. Ц. 25 к.

Джонъ Манай. Общественныя теченія Запада конца XIX в. Осужденныя въ Чикаго. (Съ франц. въ изложеніи О. Обломіевской и С. Штейнберга.) Спб., 1901. Стр. 96. Ц. 55 к.

Міровая драма. Твореніе, паденіе, искупленіе, воскресеніе по даннымъ божественнаго писанія. Религіозная філософія Свѣтозара Радовановича, шумадійскаго серба—воспитанника Россіи, пан-еиста. Съ 19 рисунками. Львовъ, 1901. Стр. XXXII+49.

А. И. Покровская. Вопросы воспитанія. Спб., 1902. Стр. 77. Ц. 50 к.

XXIV. Библіотека для самообразованія. **М. Фостеръ и Л. Шоръ.** Физиологія для начинающихъ. Переводъ Д. Д. Бекарюкова. Съ 3 рисун. въ текстѣ. Москва, 1902. Стр. XIX+330. Ц. 1 р. 50 к.

Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности. **Каталогъ бібліотеки при справочно-педагогическомъ комитетѣ.** Харьковъ, 1901. Стр. VI+93. Ц. 35 к.

Сергій Шарповъ. Умолоть. Вып. 12 (т. IV). Москва, 1901. Стр. 87. Ц. 30 к.

Его же. Заморозки. Вып. 13 (т. V). Москва, 1901. Стр. 80. Ц. 30 к.

Шахматные вечера. Альманахъ «Шахматнаго Обзорѣнія» за 1901 годъ. Москва, 1901. Стр. 125. Ц. 2 р.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXXIII^A. Томбигби—Трульскій соборъ. Изданіе Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб., 1901.

Обзоръ журналовъ.

Rivista filosofica. Мартъ-іюнь 1901 г.

F. Bonatelli. *Движеніе въ пользу прагматизма.*

Словомъ «прагматизмъ» современные англійскіе философы обозначаютъ то направленіе философіи, къ которому въ послѣднее время примкнули ученые самыхъ различныхъ національностей, и которое рекомендуетъ, при оцѣнкѣ той или иной метафизической доктрины, руководиться тѣми практическими выводами, которые логически изъ нея вытекаютъ. По поводу статьи Caldwell'я въ Mind'ѣ авторъ напоминаетъ читателямъ, что въ существенныхъ своихъ чертахъ это ученіе о прагматизмѣ не отличается отъ мнѣнія, высказаннаго имъ лѣтъ двадцать тому назадъ въ журналѣ *Filosofia delle scuole Italiane*. Бонателли писалъ тогда о связи нравственныхъ убѣжденій съ метафизическими истинами и о томъ, что теоретическіе принципы и практическая дѣятельность людей, будучи отдѣлены другъ отъ друга, теряютъ всю свою цѣну. Авторъ не соглашался съ мыслью Канта, который

Вопросы философіи. кн. 60.

полагаетъ, что признаніе постулатовъ практическаго разума не составляетъ нравственнаго долга; по мнѣнію Бонателли, напротивъ, существуетъ нравственный долгъ признавать за истину все то, истинность чего доказана, и поступать согласно съ признанными истинами.

A. Franzoni. *Винченцо Джіоберти въ исторіи педагогики.*

По случаю празднованія столѣтняго юбилея итальянскаго философа и педагога Джіоберти въ итальянскихъ журналахъ напечатано немало статей, со всѣхъ сторонъ характеризующихъ его личность. Францони останавливается на педагогическихъ теоріяхъ Джіоберти, который стоялъ за національный характеръ школы и за необходимость отнять руководство ея отъ іезуитовъ и передать въ руки правительства: оно-то и должно заботиться о приготовленіи истинныхъ гражданъ отечества, пользуясь традиціями классическаго образованія, но переработавъ его примѣнительно къ духу итальянской націи и ея языка.

F. Enriques. *О психологическомъ развитіи постулатовъ геометріи.*

Въ статьѣ изложены тѣ выводы, къ которымъ привело автора изученіе геометрическихъ постулатовъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ въ нашей душѣ. Эти геометрическіе постулаты имѣютъ характеръ интуитивный, они предшествуютъ опыту и существуютъ въ нашей душѣ независимо отъ нашихъ чувственныхъ представленій о пространствѣ. Эти интуиции, съ другой стороны, обладаютъ такою точностью, что всегда сопровождаются чувствомъ субъективной необходимости (*il sentimento di necessità subiettiva*), независимо отъ ихъ соответствія дѣйствительному пространству. Ясно отсюда, что происхожденіе геометрическихъ постулатовъ не можетъ быть подчинено однимъ только эмпирическимъ законамъ, что эти постулаты имѣютъ субъективный характеръ. Авторъ и ставитъ своею задачею—показать ихъ зависимость отъ психологическихъ законовъ и вліяніе на нихъ логическаго построенія мысли. Въ ряду этихъ психологическихъ законовъ первое мѣсто занимаетъ законъ ассоціаціи. Оказывается, что дѣйствіе этого закона можно наблюдать при образованіи нашихъ геометрическихъ представленій—представленій точки, линіи, поверхности. Напримѣръ, представленіе линіи

можетъ быть построено двумя способами: способомъ «генетическимъ», который опредѣляетъ линію, какъ рядъ точекъ, слѣдующихъ одна за другою, и «актуальнымъ», по которому представленіе линіи образуется изъ соединенія одновременныхъ представленій всѣхъ составляющихъ ее точекъ. Такое соединеніе представленій, послѣдовательныхъ-ли или одновременныхъ, не можетъ происходить иначе, какъ по закону ассоціаціи. Подобное присутствіе субъективнаго элемента замѣчается и въ постулатахъ метрической геометріи, касающихся движенія тѣлъ и условій ихъ равенства. Если допустить, что постулаты, выражающіе условія равенства (*eguaglianza o congruenza geometrica*) имѣютъ только эмпирическую цѣнность, то какъ объяснить чувство субъективной необходимости, которое въ нашей душѣ связано съ этими постулатами? Очевидно, его можно объяснить только ассоціаціей, которая, соединяя два представленія (наприм., представленія о двухъ различныхъ, но равныхъ разстояніяхъ) въ одно, заставляетъ насъ отождествлять эти два разстоянія, признавать ихъ одинаковыми: только при помощи ассоціаціи постулаты равенства переходятъ въ принципы тождества. Переходя отъ ассоціаціи представленій одного порядка (зрительныхъ со зрительными, осязательныхъ съ осязательными) къ соединенію представленій разнаго рода, необходимо признать и такое соединеніе вполне возможнымъ. Мы видимъ его, напр., въ опредѣленіи параллельныхъ линій, какъ двухъ прямыхъ въ одной плоскости, которыя нигдѣ не встрѣчаются (зрительное представленіе) и которыя во всѣхъ своихъ точкахъ сохраняютъ одинаковое разстояніе между собою (осязательное представленіе). Возможность ассоціаціи осязательно-зрительныхъ представленій наводитъ автора на мысль о соединеніи метрической и проективной геометріи въ одну метрико-проективную систему, въ которой были бы соединены оба рода представленій. Приписывая ассоціаціи значительную долю участія въ происхожденіи геометрическихъ постулатовъ, авторъ, такимъ образомъ, придаетъ имъ психологическій характеръ: хотя эти постулаты и составляютъ необходимое условіе образованія геометрическихъ представленій, но только при посредствѣ извѣстнаго рода ассоціацій; съ другой стороны, чувство необходимости, сопутствующее образованію геометрическихъ представленій, имѣетъ свой источникъ въ приложеніи къ нимъ законовъ логики.

G. Buonamici. *Античное и современное въ философіи XX вѣка.*

Философскія системы различныхъ временъ и народовъ часто весьма сходны между собою по содержанію, и едва ли не всѣ идеи современной философіи можно встрѣтить въ философіи индійской или греческой. Эта общность содержанія объясняется, большею частью, одинаковыми условіями развитія разныхъ народностей; но, несмотря на это, въ каждой философской системѣ уже извѣстныя намъ идеи получаютъ новое освѣщеніе въ зависимости отъ характера народа и эпохи. Это отраженіе эпохи и привлекаетъ насъ къ изученію философіи во всей ея цѣлости, а не только встрѣчающихся въ ней новыхъ идей.

N. Fornelli. *Опытъ, какъ основаніе Герbartовой психологіи* (по поводу книги Credaro: La pedagogia di G. F. Herbart.)

При изученіи сочиненія Credaro вниманіе автора статьи привлечено, главнымъ образомъ, вопросомъ о значеніи опыта въ системѣ Гербарта. Несомнѣнно, что опытъ является основаніемъ всякаго разумнаго воспитанія, но отношеніе къ опыту, толкованіе однихъ и тѣхъ же фактовъ можетъ быть различно. Такъ, прежде всего, у Гербарта собственныя размышленія предшествовали опыту, и вся его педагогическая система вышла изъ его философіи, а не наоборотъ. Его занятія практической философіей начались очень рано—еще въ гимназій въ Ольденбургѣ онъ читалъ двѣ рѣчи о развитіи морали и о высшемъ благѣ. Позднѣе, въ Іенскомъ университетѣ, онъ оказался въ кругу блестящихъ ученыхъ, изъ которыхъ Фихте, Шиллеръ и Гердеръ имѣли на него наиболѣе сильное вліяніе. И если въ философіи своей, подъ вліяніемъ критики Канта, онъ впослѣдствіи и возражалъ противъ идеализма Фихте, то въ педагогикѣ онъ остался вѣрнымъ послѣдователемъ его идей. Это идеалистическое обоснованіе педагогики, выведеніе ея изъ философскихъ началъ, отразилось и на томъ, что первые университетскіе курсы, которые Гербартъ читалъ въ Геттингенѣ, касались именно педагогики и этики, а не метафизики. Что же касается опыта, то онъ имѣлъ чисто субъективный характеръ, и всѣ идеи Гербарта выведены изъ самонаблюденія: обдумывая выбранныя имъ темы, Гербартъ имѣлъ полную возможность слѣдить за выработкою идей въ своей душѣ, и на этомъ-то важнѣйшемъ своемъ опытѣ онъ и основалъ свое ученіе о выработкѣ понятій и о формальныхъ

ступеняхъ въ развитіи душевной жизни. Наоборотъ, приложенія системы на опытѣ мы почти не находимъ у Гербарта, потому что единственною практикою служило для него его трехлѣтнее пребываніе въ домѣ Штейгера въ качествѣ воспитателя. Справедливо, что занятія съ дѣтьми Штейгера способствовали подтвержденію и развитію теоріи Гербарта; но все-таки они слѣдовали за выработанною уже системою, а не предшествовали ей. И Гербартъ настолько самъ чувствовалъ этотъ недостатокъ опыта въ своей дѣятельности, что обращался къ другимъ педагогамъ-практикамъ, особенно къ Нимейеру, и у нихъ находилъ практическое обоснованіе своихъ теорій. Все это приводитъ автора статьи къ мысли, что опытъ не только не былъ основаніемъ Гербартовой педагогики, но игралъ въ ея развитіи очень скромную роль. А стремленіе современной науки подчеркнуть опытный характеръ этой системы объясняется не чѣмъ инымъ, какъ чрезвычайно усилившимся въ послѣднее время уваженіемъ къ опыту: считается необходимымъ подтвердить опытомъ всякую теорію, хотя бы даже въ ущербъ дѣйствительнымъ фактамъ. Отрицая за Гербартовой педагогикой опытное обоснованіе, ей слѣдуетъ однако приписать другую, и гораздо болѣе важную заслугу: въ противоположность Спенсеру, который говоритъ, что познаніе не оказываетъ никакого дѣйствія на развитіе чувствъ, являющееся одною изъ цѣлей воспитанія, Гербартъ не только отмѣтилъ способность познанія приводить въ движеніе наши чувства, но и указалъ путь, которымъ идетъ это вліяніе, и этотъ путь есть интересъ не только учащихся, но и учащаго къ изучаемому предмету. Только это сліяніе интересовъ учителя и учениковъ дѣлаетъ плодотворнымъ для учащихся пріобрѣтеніе ими знаній, потому что только при этомъ условіи пріобрѣтаемая познанія дѣйствуютъ на нравственную сторону учащихся.

G. Allievo. *Общее понятіе исторіи педагогики.*

Авторъ считаетъ необходимымъ отличать исторію воспитанія отъ исторіи педагогики: первая говоритъ о томъ, какъ шло воспитаніе у различныхъ народовъ въ различныя времена, а вторая изображаетъ «прогрессивное развитіе педагогической науки, какъ оно отразилось въ попыткахъ различныхъ мыслителей опредѣлить идеалъ человѣческаго воспитанія». Изъ этого опредѣленія, которое авторъ, повидимому, считаетъ новымъ, онъ выводитъ

значеніе и задачи исторіи педагогики, задачи, которыя онъ видитъ: 1) въ собираніи матеріаловъ, 2) въ систематическомъ ихъ изложеніи, 3) въ изученіи условій развитія каждой системы и 4) въ ихъ критическомъ разборѣ.

G. Villa. *Психологія и исторія.*

Усилившійся въ послѣднее время интересъ къ психологіи заставляетъ автора подумать о мѣстѣ, которое она должна занимать въ ряду прочихъ наукъ. Виндельбандъ, а за нимъ и другіе ученые, дѣлятъ всѣ науки на двѣ группы: 1) естественныя науки, которыя подводятъ изслѣдуемые ими факты подъ общія понятія и 2) другія науки, которыя не ищутъ общихъ законовъ, а довольствуются установленіемъ исторической преемственности фактовъ. Психологія должна быть отнесена къ первой группѣ, такъ полагаютъ всѣ матеріалистически настроенные психологи, начиная съ чистыхъ матеріалистовъ прошлаго вѣка и кончая психофизиками и школой экспериментальной психологіи. Исторію же эти ученые относятъ ко второй группѣ, стараясь совершенно обособить ее отъ психологіи. Авторъ критикуетъ это дѣленіе, находя его искусственнымъ. Прежде всего, отсутствіе принциповъ, подъ которые подводятся факты, есть, по его мнѣнію, подготовительная ступень, на которой перебивали всѣ науки раньше, чѣмъ достигнуть своей главной цѣли—выведенія общихъ законовъ. Далѣе, относя психологію къ группѣ естественныхъ наукъ, забываютъ, что душевныя явленія не могутъ быть подчинены тѣмъ же законамъ, какъ физическія: какъ бы точно ни были изучены всѣ внѣшнія вліянія, всегда остаются внутреннія свойства психическаго акта, свойства, настолько своеобразныя, что они придаютъ характеръ индивидуальности даже самымъ простымъ душевнымъ явленіямъ. Съ другой стороны, явленія, изучаемыя исторіей, имѣютъ такой же индивидуальный характеръ и также не поддаются классификаціи и не подчиняются общимъ законамъ. Значитъ, не только необходимо признать связь этихъ двухъ наукъ, которыя обѣ имѣютъ своимъ предметомъ человѣка, но и изучать ихъ возможно только въ этой связи, потому что невозможно опредѣлить, гдѣ кончается вліяніе общества на человѣка,—и начинается вліяніе человѣка на общество. Итакъ, выдѣливъ психологію изъ группы естественныхъ наукъ, потому что наблюдаемые ею процессы существенно отличаются отъ про-

цессовъ, изучаемыхъ естественными науками, невозможно однако отрицать ни за психологіей, ни за исторіей титула науки только на томъ основаніи, что обѣ онѣ только еще стремятся представить картину развитія душевной жизни человѣка и общества, но пока еще далеки отъ цѣли своихъ стремленій и занимаются только изслѣдованіемъ фактовъ.

Отдѣлъ *Rassegna bibliografica* посвященъ разбору слѣдующихъ сочиненій: *W. Wundt*. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte; *L. Stein*. An der Wende des Jahrhunderts. Versuch einer Kulturphilosophie; *E. Zoccoli*. I Gruppi anarchici degli Stati Uniti e l'opera di Max Stirner; *P. Orano*. Il problema del Cristianesimo; *E. Marcus*. Die exakte Aufdeckung des Fundaments der Sittlichkeit und Religion; *J. Schultz*. Psychologie der Axiome; *Bourdeau*. Le problème de la vie; *Th. Ribot*. Essai sur l'imagination créatrice и мн. др.

Н. К. Вальденбергъ.

ПОЛЕМИКА.

I. Отвѣтъ г. Айхенвальду.

Въ послѣдней книжкѣ «Вопросовъ Философіи и Психологіи» (№ 59) помѣщена рецензія г. Ю. Айхенвальда на мое сочиненіе «Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія» (Спб., 1901). Эта рецензія затрогиваетъ столько принципиальныхъ вопросовъ и въ то же время заключаетъ въ себѣ столько недоразумѣній, что я не имѣю права оставить ее безъ отвѣта.

Мой уважаемый критикъ, въ самомъ началѣ своей статьи, откровенно заявляетъ, что онъ былъ нѣсколько разочарованъ, узнавъ изъ моего предисловія, что мою книгу слѣдуетъ разсматривать не какъ сочиненіе, въ которомъ сдѣлана попытка рѣшить всѣ дидактическія проблемы, а преимущественно какъ *планъ* для новыхъ работъ. «Научные планы и смѣты, конечно, менѣе интересны, чѣмъ готовое осуществленіе извѣстнаго замысла», замѣчаетъ г. Айхенвальдъ. — Совершенно вѣрно, — отвѣчу ему я, — путешествовать гораздо интереснѣе, чѣмъ составлять только планы и смѣты для путешествій; получить готовую, удобную квартиру тоже гораздо интереснѣе, чѣмъ выработать планъ для ея постройки. Но что дѣлать! Мы, къ сожалѣнію, не можемъ начать ходить сразу со второго шага, и многимъ научнымъ изслѣдованіямъ должны еще предшествовать научно-обоснованные «планы и смѣты». Въ частности, для того, чтобы сознательно экспериментировать въ области педагогической психологіи, надо прежде всего чувствовать значеніе отдѣльныхъ психологическихъ опытовъ для рѣшенія тѣхъ или другихъ педагогическихъ задачъ. Вѣдь не всякое наблюденіе надъ ребенкомъ или ученикомъ

относится къ «педагогикѣ». Надо, чтобы эти наблюденія стояли въ зависимости отъ *плана* чисто-педагогическаго характера.

Такой планъ я и старался построить на основаніи внимательнаго изученія педагогической и экспериментально-психологической литературы.

Г. Айхенвальдъ называетъ мою работу въ этомъ отношеніи «*преждевременной*» и «*попѣшной*». Долженъ сознаться, что я не совсѣмъ хорошо понимаю, что хотѣлъ въ этомъ случаѣ сказать г. Айхенвальдъ. Сначала я думалъ, что мой уважаемый критикъ считаетъ преждевременными какіе бы то ни было психологическіе эксперименты съ педагогической цѣлью. Тогда было бы совершенно яснымъ и его отрицательное отношеніе къ моей попыткѣ обсудить возможный планъ подобныхъ «преждевременныхъ» работъ. Но, оказывается, дѣло не такъ. «Мы далеки отъ мысли,— говоритъ мой критикъ на послѣдней страницѣ своей статьи,— отрицать значеніе разумно поставленнаго и широко понятаго эксперимента въ психологіи, а слѣдовательно и въ педагогикѣ»... Но если г. Айхенвальду кажется своевременнымъ допущеніе «разумно поставленныхъ и широко понятыхъ» экспериментально-педагогическихъ изслѣдованій, то почему же онъ находитъ «несвоевременнымъ» и «попѣшнымъ» обсудить тѣ задачи и приемы, на которыхъ могутъ быть основаны подобнаго рода изслѣдованія? Развѣ возможно «разумно поставить» и «широко понять» педагогическій экспериментъ, не обдумавъ напередъ его плана?

Итакъ, мнѣ кажется, что г. Айхенвальдъ, очень ясно выразивъ несочувствіе основной задачѣ моего труда, совсѣмъ не ясно мотивировалъ это несочувствіе.

Посмотримъ теперь, насколько, по словамъ г. Айхенвальда, я выполнилъ поставленную мною задачу.

«Моя цѣль заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы дать возможность людямъ, желающимъ работать въ области экспериментальной педагогической психологіи, легче войти въ кругъ основныхъ проблемъ этой юной науки. Мнѣ хотѣлось своимъ сочиненіемъ расположить новыхъ русскихъ изслѣдователей къ труду надъ возможно точнымъ изученіемъ психологическихъ основъ школьнаго дѣла и показать, что такая работа не будетъ бесплодной. Поэтому, при оцѣнкѣ моей книги, слѣдуетъ разсматривать ее не какъ сочиненіе, въ которомъ авторъ желаетъ рѣшить всѣ дидактическіе вопросы, а преимущественно

какъ научно обоснованный планъ для новыхъ работъ по данному предмету». Такими словами опредѣляется задача моей книги въ ея предисловіи. Весь смыслъ моего сочиненія—призывъ къ труду, къ точнымъ наблюденіямъ душевной жизни, съ цѣлью рѣшенія педагогическихъ задачъ. Но не «поспѣшенъ» ли такой призывъ? Быть можетъ, еще рано работать и «своевременнѣе» подождать? Есть ли у насъ средства для экспериментальнаго изслѣдованія тѣхъ психическихъ явленій, знаніе которыхъ необходимо для рѣшенія основныхъ педагогическихъ проблемъ? Вѣдь разныя педагогическія теоріи основываются на многовѣковыхъ и разнообразныхъ наблюденіяхъ. Можетъ ли экспериментъ замѣнить собою этотъ многовѣковый опытъ? Можно ли, напримѣръ, опираясь на данныя эксперимента, конструировать основныя положенія дидактики? Эти вопросы естественно должны придти въ голову всякому, приступающему къ изученію экспериментальной педагогики. Дѣйствительно, прежде, чѣмъ работать, надо испытать инструменты, узвать ихъ силу, посмотрѣть, годятся ли они для данной цѣли? Поэтому и я, призывая къ экспериментальному изслѣдованію педагогическихъ вопросовъ, прежде всего хотѣлъ показать, что современная психологія обладаетъ многими приемами, при помощи которыхъ возможно экспериментировать въ области такихъ явленій, знаніе которыхъ существенно важно для рѣшенія дидактическихъ проблемъ. Я старался показать въ своей книгѣ, что теперь уже у насъ имѣется возможность, на основаніи экспериментально-психологическихъ данныхъ, конструировать многія основныя положенія дидактики. Удалось ли мнѣ исполнить эту задачу?

Г. Айхенвальдъ находитъ, что эта «функція эксперимента», т. е. блестящее подтвержденіе того, въ чемъ съ давнихъ поръ согласны многіе педагоги, *«дѣйствительно показана г. Нечаевымъ въ совершенствѣ»* (стр. 415).

Итакъ, по собственному признанію моего критика, мнѣ удалось «въ совершенствѣ показать», что существуютъ многіе приемы экспериментальнаго изслѣдованія психическихъ явленій, знаніе которыхъ необходимо для построенія основныхъ положеній дидактики. Иначе говоря, показана возможность приложенія психологическаго эксперимента къ выясненію дидактическихъ проблемъ. Но г. Айхенвальдъ считаетъ этотъ результатъ моей работы ничтожнымъ. Онъ думаетъ, что для этого не стоило

«экспериментальный огородъ городить» (стр. 412). «Заранѣе ясно, оворить онъ, — что если подвергнуть экспериментальной провѣркѣ такое общее положеніе, которое само является результатомъ общечеловѣческаго опыта или составляетъ логическую аксіому, то оно блестяще подтвердится. *Вопросъ только въ томъ, не является ли подобная экспериментация излишней тратой времени*» .. (стр. 416).

Дѣйствительно, не является ли лишней тратой времени работа, направленная къ тому, чтобы найти приемы, годные для экспериментальнаго изслѣдованія общеизвѣстныхъ явленій? Зачѣмъ пытаться установить новымъ путемъ такія положенія, до которыхъ и прежде доходили?

Я думаю, такіе вопросы въ большомъ количествѣ приходили въ голову людямъ всякій разъ, когда на ихъ глазахъ какая-нибудь наука начинала обращаться отъ «результатовъ общечеловѣческаго опыта» къ формамъ экспериментальнаго изслѣдованія. Первоначальныя работы во всякой новой экспериментальной наукѣ естественно направляются къ провѣркѣ тѣхъ положеній, которыя принимались за основныя и общепризнанныя. При этомъ очень часто результаты эксперимента совпадаютъ съ общеизвѣстными результатами «общечеловѣческаго опыта». Экспериментаторовъ это не только не смущаетъ, но даже радуетъ: слава Богу, наши научныя приемы настолько усовершенствовались, что мы можемъ теперь *экспериментально* установить то, что до сихъ поръ устанавливалось лишь на основаніи «общечеловѣческаго опыта»; мы можемъ надѣяться, что, работая дальше, будемъ гораздо точнѣе и глубже понимать окружающій міръ. Но люди, склонные прежде всего обращать вниманіе на конечныя *результаты*, чѣмъ на *методы* изслѣдованій, разумѣется, часто при этомъ восклицаютъ: «Зачѣмъ понадобился рядъ экспериментальныхъ изслѣдованій для такой старой истины?!.. Вотъ новость не изъ свѣжихъ!.. Выводы скромны, приемы сложны»!..

Таковыми именно восклицаніями прिवѣтствуетъ мое сочиненіе и г. Айхенвальдъ (стр. 412, 414 и 415).

Что значать эти восклицанія? Неужели г. Айхенвальдъ склоненъ всегда обращать вниманіе только на конечный результатъ изслѣдованія и не придаетъ никакого значенія его методу? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ считаетъ пустой тратой времени работу, показывающую возможность *экспериментально* установить то, что

до сихъ поръ устанавливалось лишь на основаніи «общечеловѣческаго опыта»? Въ частности, неужели г. Айхенвальдъ считаетъ нежелательнымъ поставить на экспериментальную почву изслѣдованіе дидактическихъ вопросовъ?

Хотя г. Айхенвальдъ (какъ было указано мною выше) и заявляетъ о своемъ нежеланіи отрицать значеніе психологическаго эксперимента въ педагогикѣ, тѣмъ не менѣе въ его статьѣ содержится положеніе, показывающее, что авторъ, если и сочувствуетъ работамъ по педагогической психологіи, то совершенно, такъ сказать, платонически, т. е. выраженіе его сочувствія въ этомъ случаѣ гораздо больше похоже на фразу, чѣмъ на отгосокъ продуманнаго убѣжденія. «Если психологія вообще,—говоритъ онъ,—является наукой весьма неустойчивой и въ нѣкоторыхъ частяхъ далеко не разработанной, то ея отвѣтвленіе, психологія экспериментальная, дѣлаетъ первые шаги и еще менѣе своей метрополіи богата прочными выводами и цѣльностью построеній... Психическія состоянія—это такая нѣжная и чуткая вещь, что природа ихъ значительно искажается и тускнѣетъ отъ малѣйшаго неосторожнаго прикосновенія искусственной обстановки эксперимента» (стр. 405 и 410). Мой уважаемый критикъ повторяетъ здѣсь одно изъ самыхъ распространенныхъ возраженій, раздающихся противъ *всей экспериментальной психологіи*. Это возраженіе много разъ подвергалось оцѣнкѣ, оно знакомо всѣмъ психологамъ-экспериментаторамъ и, несмотря на это, они продолжаютъ работать. Я въ данномъ случаѣ не имѣю въ виду доказывать г. Айхенвальду, что приведенное имъ соображеніе не существенно. Не стану я ему перечислять и тѣхъ, очевидныхъ для насъ, заблужденій, которыя когда-то выставлялись какъ результатъ «общечеловѣческаго опыта». Я хочу только отмѣтить, что мы стоимъ съ нимъ на разныхъ точкахъ зрѣнія, что наше разногласіе *принципіально*. Я высоко цѣню значеніе эксперимента въ психологіи, г. Айхенвальдъ относится къ нему съ недоумѣніемъ. Я считаю шагомъ впередъ всякую работу, въ которой показывается возможность установить экспериментальнымъ путемъ то, что до сихъ поръ представлялось лишь болѣе или менѣе вѣроятнымъ эмпирическимъ обобщеніемъ; г. Айхенвальдъ считаетъ подобныя работы пустымъ и «преждевременнымъ» занятіемъ... При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что г. Айхенвальдъ, повидимому, недостаточно ясно помнитъ, въ чемъ заключается сущность вся-

каго экспериментальнаго изслѣдованія. Иначе онъ едва ли могъ рѣшиться выставить возраженіемъ противъ экспериментальной педагогической психологіи указаніе на то, что «всѣ эксперименты по неволѣ произведены такимъ образомъ, что наблюдаемыя явленія *выдѣляются изъ общей связи душевной жизни*» (стр. 414). Да вѣдь это «выдѣленіе» наблюдаемаго явленія изъ среды тѣхъ, съ которыми оно случайно связано, и составляетъ цѣнность всякаго эксперимента!

Но, можетъ быть, г. Айхенвальдъ возразитъ, что, говоря о ненадежности психологическихъ экспериментовъ, онъ разумѣетъ не всю экспериментальную психологію, а только ту, которая представлена въ моей книгѣ. Онъ можетъ сказать, что, не отрицая значенія «разумно поставленнаго и широко понятаго эксперимента», онъ высказывается только противъ тѣхъ «узкихъ» и «поверхностныхъ» экспериментовъ, на которые ссылаюсь я. Дѣйствительно, г. Айхенвальдъ заявляетъ, что «экспериментальная педагогика, *какъ она представлена у г. Нечаева*, до сихъ поръ изслѣдуетъ и провѣряетъ главнымъ образомъ безспорные тезисы и только облекаетъ ихъ въ *сомнительныя* цифры и таблицы» (стр. 416). Въ другомъ мѣстѣ, приведя мое замѣчаніе о томъ, что, при помощи приемовъ экспериментальной психологіи возможно будетъ освѣтить и такіе педагогическіе вопросы, въ отвѣтъ на которые педагогика пока еще не даетъ ничего, кромѣ общихъ фразъ, онъ спрашиваетъ: «не лучше ли было бы г. Нечаеву написать свою книгу тогда, когда выражаемая имъ надежда не только «возникла», но и «осуществилась бы»?.. Чѣмъ лучше его шаткія цифры тѣхъ общихъ фразъ, надъ которыми онъ *высокомѣрно смѣется* и которыхъ однако не избѣгаетъ самъ? «Общія фразы» теоретиковъ-педагоговъ оказали благотворное вліяніе на развитіе дидактики; въ нихъ была вложена глубокая мысль и теплое чувство, и «фразы» *Амоса Каменскаго, Локка, Руссо, Гербарта, Ушинскаго больше содержательны, чѣмъ кривыя и прямыя линіи поверхностныхъ экспериментаторовъ*» (стр. 414).

Прежде всего, позволю себѣ спросить моего уважаемаго критика: гдѣ, въ какомъ именно мѣстѣ моей книги открылъ онъ «высокомѣрный смѣхъ» надъ общими положеніями теоретиковъ педагоговъ, вродѣ Коменскаго, Локка, Руссо, Гербарта и Ушинскаго?.. Я прямо утверждаю, что такихъ мѣстъ въ моей книгѣ не существуетъ, и думаю, что вообще нѣтъ лучшаго сред-

ства излечиться отъ высокоумія, какъ работа въ области экспериментальной науки. И подойдетъ ли «высокоумный смѣхъ» подъ общій тонъ книги, каждая глава которой заканчивается, по выраженію г. Айхенвальда, «обычнымъ рефреномъ» автора о томъ, что вся его работа лишь «робкая попытка проложить тропинку въ дремучемъ лѣсу»?..

Теперь посмотримъ, какія же именно соображенія заставляютъ г. Айхенвальда признать мои выводы «шаткими», а таблицы «сомнительными».

Въ первой главѣ (о школьномъ возрастѣ) моего критика поразило утвержденіе, что въ періодъ, непосредственно предшествующій половой зрѣлости, въ развитіи умственныхъ процессовъ замѣчается у дѣтей нѣкоторая задержка. Г. Айхенвальдъ не хочетъ вѣрить этому. «Не отрицая достовѣрности и точности наблюденій», произведенныхъ по этому вопросу и описанныхъ въ моей книгѣ, онъ все-таки спрашиваетъ: «установлено ли это и фактъ ли это»? Ему кажется, что въ данномъ случаѣ «экспериментъ противорѣчитъ общепринятымъ убѣжденіямъ» и онъ даже называетъ признаніе задержки психическаго развитія въ указанный періодъ «скороспѣлымъ переворотомъ во взглядахъ». Но не слишкомъ ли много беретъ на себя г. Айхенвальдъ, считая свои личныя мнѣнія «общепринятыми убѣжденіями»? Не является ли въ данномъ случаѣ его заключеніе нѣсколько... скороспѣлымъ? Вѣдь опытные практики - педагоги давно знаютъ, какъ трудно вести дѣло съ учениками «переходнаго возраста». Школьная статистика показываетъ, что именно въ это время (т.-е. въ періодъ, непосредственно предшествующій половой зрѣлости) успѣхи учащихся замѣтно понижаются. Этотъ фактъ между прочимъ, былъ блестяще демонстрированъ на Нижегородской выставкѣ С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Музеемъ, представившимъ рядъ діаграммъ, показывающихъ измѣненія успѣховъ учащихся, насколько они выразились годовыми баллами 51324 воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, полученными ими въ періодъ времени съ 1883—84 по 1893—1894 годъ включительно ¹⁾. Эти діаграммы представляются тѣмъ болѣе интересными и убѣдительными, что имъ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ статистическихъ дан-

¹⁾ См. «Таблицы успѣшности учебныхъ занятій кадетъ». Педагогическій Сборникъ 1901 г.

ныхъ, характеризующихъ физическое развитіе воспитанниковъ тѣхъ же учебныхъ заведеній, въ которыхъ собирался матеріалъ для выясненія вопроса объ успѣхахъ въ разномъ возрастѣ¹⁾. Сопоставленіе всѣхъ этихъ наблюденій ясно показываетъ, что успѣхи учащихся падаютъ *именно въ періодъ, непосредственно предшествующій половой зрѣлости*, или какъ выражается д-ръ Старковъ, во время переживанія учащимся *первой степени полового развитія* (12—14 л.).

Итакъ, въ чемъ же собственно заключается тотъ «скороспѣлый переворотъ во взглядахъ», за который упрекаетъ меня г. Айхенвальдъ? Неужели и теперь мой уважаемый критикъ захочетъ сомнѣваться въ самомъ *фактѣ* существованія задержки психическаго развитія въ переходномъ возрастѣ?

Замѣчу кстати, что напрасно г. Айхенвальдъ, отстаивая свое «общепризнанное» мнѣніе, ссылается на Рибо и Гете. Оба они въ данномъ случаѣ совсѣмъ ни при чемъ. Въ сочиненіи Рибо, на которое указываетъ мой критикъ, говорится совсѣмъ не о томъ, что думаетъ г. Айхенвальдъ, не о періодѣ, непосредственно предшествующемъ половой зрѣлости (12—14 л.), но о болѣе позднемъ времени. Того же, что въ болѣе позднемъ возрастѣ душевная жизнь достигаетъ большого подъема, никогда не отрицалъ ни я, ни другіе экспериментаторы. Въ недавно опубликованномъ мною докладѣ Русскому Обществу Экспериментальной Психологіи я привожу цѣлый рядъ новыхъ наблюденій, показывающихъ и задержку психическаго развитія учащихся въ 13—14 л., и усиленный подъемъ этого развитія въ 16—17-лѣтнемъ возрастѣ²⁾. Не сомнѣваюсь я и въ томъ, что Гете, переживая соответствующую «степень» развитія (характеризуемую цѣлымъ рядомъ признаковъ, хорошо извѣстныхъ врачамъ), испытывалъ подъемъ душевныхъ силъ.

Все недоразумѣніе, какъ видно, произошло въ данномъ случаѣ

1) См. «Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Отчетъ, удостоенный на всероссійской выставкѣ 1896 г. диплома I разряда. По порученію Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній составилъ д-ръ медицины И. Старковъ». Спб., 1897.

2) «Наблюденія надъ развитіемъ интересовъ и памяти въ школьномъ возрастѣ, произведенныя слушателями педагогическихъ курсовъ военно-учебнаго вѣдомства подъ руководствомъ приватъ-доцента Спб. Университета А. П. Нечаева». Спб., 1901.

оттого, что г. Айхенвальдъ недостаточно вдумался въ вопросъ, о какомъ собственно возрастѣ говорится въ моей книгѣ. Не погрѣшилъ ли мой уважаемый критикъ противъ инстинкта само-сохраненія, когда на стр. 414 своей статьи упрекнулъ экспериментаторовъ въ поверхностномъ отношеніи къ дѣлу?..

Признавъ «скороспѣлымъ» переверотомъ во взглядахъ» указаніе на задержку психическаго развитія въ переходномъ возрастѣ, г. Айхенвальдъ ни за что не хочетъ согласиться съ положеніемъ, что «съ возрастомъ постепенно увеличивается объемъ и сила памяти». Сомнѣніе въ особенной силѣ дѣтской памяти мой критикъ называетъ «выводомъ, дѣйствительно, очень неожиданнымъ». «Вѣдь въ зрѣломъ возрастѣ,—говоритъ онъ,—не чистая память усиливается, а усложняется вся человѣческая психика, возникаетъ цѣлый міръ новыхъ интересовъ и новыхъ ассоціацій, богатѣетъ само содержаніе души, и вслѣдствіе этого и въ связи съ этимъ объемъ памяти становится все шире и шире. Этою общаю психическою роста экспериментаторы не приняла во вниманіе».

Это возраженіе интересно прежде всего тѣмъ, что въ немъ заключается признаніе оспариваемаго положенія. Не желая признать, что съ возрастомъ «постепенно увеличивается объемъ и сила памяти», г. Айхенвальдъ допускаетъ, что съ возрастомъ «объемъ памяти становится все шире и шире».

Правда, при этомъ онъ упрекаетъ экспериментаторовъ за то, что они не приняли во вниманіе вліянія на память ассоціацій. Но этотъ упрекъ не имѣетъ никакихъ основаній. Вліяніе ассоціацій въ данномъ случаѣ было отмѣчено мною очень опредѣленно: «По мѣрѣ того, какъ накапливается запасъ представленій, развиваются различные виды воображенія и вырабатываются новые способы запоминанія,—измѣняется память на слова, обозначающія тѣ или другіе образы... Такимъ образомъ, при этихъ опытахъ одновременно изслѣдовалась не только зрительная и слуховая память учащихъся, но и способность ихъ ассоціировать съ извѣстнымъ реальнымъ впечатлѣніемъ то или другое слово» (стр. 46—47). Это напечатано въ моей книгѣ. Но ту же самую мысль я старался подробно выяснитъ въ своей позднѣйшей работѣ «Наблюденія надъ развитіемъ интересовъ и памяти въ школьномъ возрастѣ» (Спб., 1901)¹⁾, гдѣ мною была сдѣлана попытка опредѣ-

¹⁾ Первоначально было напечатано въ «Пед. Сбор.», 1901, іюль.

лить силу вліянія преобладающихъ ассоціацій на развитіе памяти словъ.

Итакъ, въ чемъ же собственно несогласенъ со мною г. Айхенвальдъ? Вѣдь, онъ признаетъ, подобно мнѣ, что объемъ памяти съ возрастомъ становится все шире и шире. Въ свою очередь я (задолго до его рецензіи) отмѣтилъ вліяніе ассоціацій на результаты запоминанія при своихъ опытахъ. Въ чемъ же дѣло? Почему же, послѣ этого, мой критикъ считаетъ «выводомъ дѣйствительно неожиданнымъ» мое заявленіе что «теперь въ научномъ спорѣ едва ли можно сослаться на особенную силу дѣтской памяти, какъ на нѣчто, не требующее доказательствъ»?..

Г. Айхенвальдъ, повидимому, склоненъ думать, что слѣдуетъ различать два рода памяти: 1) память «чистую» и 2) память «нечистую», находящуюся въ зависимости отъ ассоціаціонныхъ процессовъ, при чемъ, по его мнѣнію, повидимому, слѣдуетъ признать, что въ дѣтствѣ, сравнительно съ болѣе позднимъ возрастомъ, сильнѣе память «чистая», а въ болѣе позднемъ возрастѣ сравнительно съ дѣтствомъ, сильнѣе память «нечистая».

Къ сожалѣнію, высказавъ (не особенно ясно) такое положеніе, мой критикъ ровно ничѣмъ его не доказываетъ. Въ защиту своего положенія онъ приводитъ только слѣдующее соображеніе: «до сихъ поръ школьный и семейный опытъ, подтвержденный мыслителями и теоретиками педагогики, гласитъ, что въ дѣтствѣ память бываетъ эластична и свѣжа, что благодаря этому ребенокъ легче взрослому научается чужому языку, что зароненное въ дѣтскую голову сохраняется на всегда и оставляетъ неизгладимые слѣды на всю дальнѣйшую жизнь человека» (стр. 407). Что доказываетъ эта фраза и что дѣйствительно надо было доказать г. Айхенвальду? Г. Айхенвальду надо было доказать, что въ дѣтствѣ особенно сильна «чистая» память (т.-е. несвязанная съ ассоціаціонными процессами). Въ доказательство же этого онъ какъ разъ приводитъ образецъ «не чистой» памяти, потому что никто, конечно, не станетъ утверждать, что при изученіи языковъ ассоціаціи не играютъ никакой роли. Далѣе, г. Айхенвальду надо было доказать, что дѣтство отличается особенно сильной «чистой» памятью, т.-е. что дѣти сравнительно со взрослыми, *помимо всякаго участія ассоціаціонныхъ процессовъ*, могутъ, *при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, скорѣе и прочнѣе* запоминать данныя впечатлѣнія. Никакихъ фактовъ въ этомъ родѣ не при-

водитъ мой критикъ. Онъ только голословно утверждаетъ, что по даннымъ «школьнаго и семейнаго опыта» въ дѣтствѣ «память бываетъ эластична и свѣжа». Что же касается ходячаго афоризма (приводимаго г. Айхенвальдомъ), что «зароненное въ дѣтскую голову сохраняется навсегда и оставляетъ неизгладимыя слѣды на всю жизнь человѣка», то, во-первыхъ, въ этомъ афоризмѣ очень много преувеличеннаго, такъ какъ несомнѣнно бываютъ нѣкоторыя впечатлѣнія дѣтства, настолько хорошо забытыя, что никакихъ слѣдовъ отъ нихъ не отыщешь, а во-вторыхъ, если даже признать безспорнымъ фактомъ особенную устойчивость воспоминаній дѣтства сравнительно съ воспоминаніями болѣе поздняго времени, то все-таки еще слѣдуетъ доказать, что эта устойчивость объясняется именно силою «чистой памяти» дѣтства, а не вліяніемъ цѣлаго ряда ассоціацій, укрѣпившихъ данное впечатлѣніе.

Этого не доказалъ ни г. Айхенвальдъ, ни представители «семейнаго опыта». Поэтому я опять и опять повторяю, что вопросъ объ особенной силѣ дѣтской памяти далеко не такъ простъ и ясенъ, какъ это кажется многимъ педагогамъ, и попрежнему думаю, что «теперь въ научномъ спорѣ едва ли можно ссылаться на особенную силу дѣтской памяти, какъ на нѣчто не требующее доказательствъ» и подробнаго обсужденія.

Разбирая вторую главу моего сочиненія («Школьный день»), г. Айхенвальдъ признаетъ правильными всѣ 8 тезисовъ, которыми она заканчивается, но не видитъ опредѣленной связи между ними и тѣмъ экспериментально-психологическимъ матеріаломъ, который приводится мною въ ихъ подтвержденіе: «вѣдь—говоритъ мой критикъ,—правильныя мысли самого г. Нечаева о методѣ преподаванія, о напряженности ученической работы, о дѣйствиіи двухъ факторовъ утомленія и упражненія, о томъ, что съ попытки установить какое-нибудь общее «нормальное расписание» недѣльныхъ школьныхъ занятій безуспѣшны, *вѣдь эти интересныя мысли не подтверждены диаграммами и таблицами*» (стр. 412).

Если бы дѣло обстояло такъ, какъ это показалось моему уважаемому критику, то я первый согласился бы съ нимъ, что, въ виду такого плачевнаго конца, дѣйствительно не стоило «экспериментальный огорождъ городить». Но это не такъ. Г. Айхенвальдъ просто недостаточно внимательно вчитался въ содержа-

ніе 2-й главы и поэтому проглядѣлъ логическую связь между ея началомъ и концомъ. Постараюсь показать это. Прежде всего отмѣчу экспериментально-психологическія данныя, подтверждающія въ моей книгѣ тѣ положенія, о которыхъ г. Айхенвальдъ отзывается какъ объ «интересныхъ мысляхъ, не подтвержденныхъ діаграммами и таблицами»:

1) Говоря о *напряженности ученической работы въ зависимости отъ методовъ преподаванія*, я указываю на работы Эрна (стр. 92, табл. LXI) и Вагнера (стр. 91), а для выясненія вопроса, *въ какой степени* большая или меньшая напряженность умственного труда можетъ отражаться на пониженіи общей умственной работоспособности человѣка въ данный періодъ, я привожу наблюденія надъ самимъ собою и Бентономъ (стр. 79 — 82, табл. XLVI—LX).

2) Выясняя вліяніе на умственную работу *упражненія и усталости*, я указываю на лабораторныя изслѣдованія, произведенныя Крепелиномъ и его учениками (стр. 95), а также ссылаюсь на сочиненія Бинэ-Анри и Гинева, въ которыхъ много экспериментальнаго матеріала по данному вопросу. Крімъ того, я привожу школьные опыты Кемзиса, дающіе, до извѣстной степени, возможность судить объ индивидуальной разницѣ въ отношеніи упражненія и усталости при школьной работѣ (стр. 96). Для иллюстраціи же взаимодѣйствія упражненія и усталости на протяженіи большихъ промежутковъ времени (недѣли и мѣсяцы) я привожу рядъ наблюденій надъ самимъ собою (табл. XLII—XLV) и наблюденія Бентона (стр. 94).

3) Мое заключеніе о невозможности установить какое-нибудь общее «нормальное расписаніе» опирается на рядъ разсужденій объ условіяхъ, вліяющихъ на большую или меньшую напряженность работы, т.-е. *подтверждается* тѣми же данными, «*діаграммами и таблицами*», которыя указаны мною сейчасъ въ 1 и 2 пунктахъ.

Итакъ, я думаю, что г. Айхенвальдъ, признавъ правильными всѣ заключительные тезисы второй главы моего сочиненія, не имѣлъ достаточно основанія сказать, что выраженныя въ нихъ «правильныя мысли» о методѣ преподаванія, о напряженности ученической работы, о дѣйствиіи двухъ факторовъ—утомленія и упражненія, о томъ, что всѣ попытки установить какое-нибудь общее «нормальное расписаніе» недѣльныхъ школьныхъ занятій

безуспѣшны, — не подтверждаются ссылками на экспериментально-психологическій матеріаль.

Но, кромѣ этихъ общихъ замѣчаній по поводу всей 2-й главы, г. Айхенвальдъ дѣлаетъ рядъ возраженій противъ моихъ наблюденій надъ самимъ собою. Если устранить тѣ замѣчанія, по поводу которыхъ мнѣ уже пришлось говорить выше, то всѣ его возраженія можно свести къ слѣдующимъ 5 пунктамъ:

1) «Опытъ, произведенный надъ взрослымъ и сознательно работающимъ человекомъ, даетъ очень мало для характеристики совсѣмъ особыхъ занятій школьника» (стр. 410).

2) «Самая работа систематизированнаго наблюденія надъ самимъ собою едва ли не повліяла на качественный и количественный характеръ занятій автора и на сдѣланные отсюда выводы и обобщенія» (стр. 410).

3) Причисленіе чтенія беллетристическихъ сочиненій и газетъ къ умственной работѣ—«большая странность»: во-первыхъ, потому, — что, овладѣвая *непроизвольнымъ* вниманіемъ, они не требуютъ отъ взрослого человека *никакого* напряженія и усилія; во-вторыхъ, потому, что пестрое содержаніе прочитаннаго газетнаго листа или романа оказываетъ извѣстное дѣйствіе, по большей части—разрушительное, на дальнѣйшую работу въ настоящемъ смыслѣ слова и мѣшаетъ сосредоточиться на ней.

4) При наблюденіяхъ, подобныхъ описаннымъ въ разбираемой книгѣ, невозможно зарегистрировать нѣкоторыя, особенно тонкія обстоятельства, вліяющія на состояніе умственной работоспособности въ тотъ или другой моментъ («какъ уловить, какъ вогнать въ діаграмму тѣ тонкія движенія и волненія души, которыя такъ вліяютъ на весь потокъ нашихъ мыслей и настроеній и значить, на нашу работоспособность»).

5) При описаніи наблюденій слѣдовало подробнѣе указать, что именно (т.-е. какая именно книга) служило предметомъ занятій въ тотъ или другой день ¹⁾.

Отвѣчу на это по пунктамъ:

1) Я охотно признаю, что не всякій опытъ, произведенный

¹⁾ Я не привожу здѣсь еще одного возраженія г. Айхенвальда («о чтеніи газетъ и романовъ послѣ безсонной ночи»), потому что оно основано на явномъ недоразумѣніи, которое, я надѣюсь, сразу будетъ понято моимъ уважаемымъ критикомъ, если онъ прочтетъ въ моей книгѣ фразу, слѣдующую за той, которая приводится имъ въ самомъ концѣ 411 стр.

надъ взрослымъ, можетъ годиться для характеристики душевной жизни школьника. Но, съ другой стороны, нельзя конечно смотрѣть на школьника, какъ на существо совершенно другой психо-физической организаціи, чѣмъ взрослые люди. Поэтому психологическія наблюденія, произведенныя надъ взрослыми, часто могутъ проливать яркій свѣтъ на душевную жизнь школьника. Для примѣра возьмемъ нашъ вопросъ о нормѣ умственной работы. Сколько часовъ напряженной умственной работы можно требовать въ теченіе сутокъ отъ школьника? Больше или меньше, чѣмъ отъ взрослога и сознательно работающаго чело-вѣка? Я думаю, всякій скажетъ: не больше. А въ сколькихъ часахъ можетъ быть выражена норма суточной напряженной работы взрослога?.. Этотъ вопросъ мнѣ представляется совершенно естественнымъ, и разборъ его можетъ до извѣстной степени уяснить намъ рѣшеніе основной нашей проблемы — о нормѣ школьной работы.

2) Для того, чтобы производить наблюденія (подобныя моимъ) надъ количествомъ и качествомъ умственной работы, исполненной въ теченіе дня, необходимо только заглядывать на часы въ началѣ и концѣ каждаго періода времени, въ теченіе котораго работа была болѣе или менѣе однородной. Я беру книгу, взглядываю на часы, записываю, что показываетъ ихъ стрѣлка, потомъ начинаю спокойно работать, пока не почувствую желанія отдыха. Тогда я опять взглядываю на часы, и узнаю, что мои занятія продолжались, напримѣръ, два часа сорокъ минутъ. Я записываю это, при чемъ отмѣчаю, что моя работа состояла въ чтеніи и обдумываніи научной книги, т.-е. была «напряженной». Какимъ же образомъ взглядываніе на часы передъ началомъ и при концѣ умственной работы можетъ существенно измѣнять ея количество и качество? Правда, для веденія точнаго дневника необходимо выработать въ себѣ привычку постоянной регистраціи разныхъ видовъ работы. Но, какъ сказано въ моей книгѣ, я началъ принимать во вниманіе данныя своихъ записей только съ того времени, когда убѣдился, что приобрѣлъ привычку къ регистраціи.

3) Отказываясь признать чтеніе беллетристическихъ произведеній и газетъ «умственной работой», г. Айхенвальдъ указываетъ для этого два основанія: 1) чтеніе даннаго рода не является *напряженной* умственной работой, и 2) данное занятіе можетъ окл-

зывать извѣстное вліяніе (часто разрушительное) на дальнѣйшую умственную работу «въ настоящемъ смыслѣ слова». Приводя эти основанія, мой уважаемый критикъ немного погрѣшилъ противъ логики. Я не понимаю, почему, не считая извѣстное занятіе *напряженной* работой, я не могу признавать его даже работой *легкой*. Какіе логическіе законы меня къ этому обязываютъ? Точно такъ же, почему, признавая вліяніе предшествующаго легкаго чтенія на слѣдующую научную работу, я не долженъ прилагать къ первому изъ этихъ занятій названія «умственного труда» (хотя бы даже «легкаго»)?:.. А развѣ «настоящая», т.-е. напряженная, умственная работа никогда не оказываетъ «разрушительнаго вліянія» на послѣдующія занятія? Развѣ она никогда не влечетъ за собою временнаго (а иногда и хроническаго) пониженія умственной работоспособности въ томъ или другомъ отношеніи?

4) Я совершенно согласенъ съ моимъ критикомъ, что при наблюденіяхъ, подобныхъ моимъ, невозможно зарегистрировать нѣкоторыя, особенно тонкія обстоятельства, вліяющія на состояніе умственной работоспособности въ тотъ или другой моментъ. Поэтому я и не задавался цѣлью «уловить и вогнать въ диаграмму» эти «тонкія движенія и волненія души», а, напротивъ, примѣнилъ такой способъ обработки данныхъ своего наблюденія, при которомъ всѣ вліянія этихъ «тонкихъ движеній» могли бы сводиться на нѣтъ. Но, понявши такимъ образомъ предѣлы своей задачи,

5) я, конечно, избавленъ былъ отъ обязанности, при описаніи своихъ наблюденій, подробно указывать, *что именно* (т.-е. какая именно книга) служило предметомъ моихъ занятій въ тотъ или другой день.

Въ своихъ замѣчаніяхъ на всю основную часть моей книги («Искусство объясненія урока» «Заучиваніе», «Школьныя упражненія») г. Айхенвальдъ только повторяетъ, на разные лады, свой любимый вопросъ: зачѣмъ нужно подтверждать экспериментальными изслѣдованіями давно извѣстныя истины?

По поводу этого вопроса я уже достаточно высказался, а потому мнѣ остается теперь только поблагодарить моего критика за то, что, изложивъ на страницахъ «Вопросовъ Философіи» свои впечатлѣнія отъ моей «Экспериментальной психологіи», онъ далъ мнѣ возможность лишній разъ напомнить точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ судить мою книгу.

А. Нечаевъ.

II. Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Нечаева.

Я хотѣлъ бы прежде всего отклонить отъ себя незаслуженную похвалу за откровенность: не себя лично имѣлъ я въ виду, когда писалъ: «это предвареніе нѣсколько разочаровываетъ *читателя*... но зато скромная роль, которую отводитъ самъ г. Нечаевъ своему произведенію, сразу опредѣляетъ тѣ требованія, какія можно предъявлять къ послѣднему, и скудость его результатовъ не является для читателя неожиданной».

Работу г. Нечаева я назвалъ преждевременной и поспѣшной не потому, что уважаемый авторъ разсматриваетъ ее какъ планъ. Эти выраженія я употребилъ въ качествѣ поправки къ подлиннымъ и знаменательнымъ словамъ самого г. Нечаева: «выпуская въ свѣтъ свою книгу, я знаю, что рѣшаюсь на *смѣлый шагъ*» (стр. IX). Въ своей рецензійі я все время говорилъ о преждевременности не плана и не отдѣльныхъ экспериментовъ,—напротивъ, я указывалъ на то, что «лучше было бы заняться какимъ-нибудь однимъ частнымъ фактомъ»: мнѣ представляется несвоевременной лишь попытка *синтезировать* результаты педагогической экспериментации, попытка *обобщить* ея скудные факты и дать на ихъ основѣ *систему* дидактики. Г. Нечаевъ въ дѣйствительности все не ограничился планомъ и не оставался на одной только методологической почвѣ,—онъ дѣлалъ выводы изъ своихъ наблюдений и опытовъ, давалъ совѣты и указанія по существу и двигалъ цѣльныя построенія; на 220-й стр. своего труда онъ очень дорожитъ тѣмъ, что могъ сообщить своей книгѣ форму «экспериментально-психологической дидактики». Между тѣмъ, по собственному и неоднократному признанію автора, вопросы, затронутые въ его книгѣ, требуютъ дальнѣйшей разработки, — многое еще не установлено, не выяснено, и предстоитъ еще проложить много «тропинокъ въ дремучемъ лѣсу». Вотъ почему я, въ противоположность г. Нечаеву, не видя «смѣлости» въ его изслѣдованіи, все-таки призналъ его въ указанномъ отношеніи преждевременнымъ. И хотя авторъ усматриваетъ «весь смыслъ» своего сочиненія въ «призывѣ къ труду», я не рѣшился подойти къ научной работѣ съ такимъ лирическимъ мѣриломъ,—да и не имѣлъ права на это, потому что въ книгѣ г. Нечаева заключается гораздо болѣе существенное и нужное.

Я хорошо знаю, что важенъ не только конечный результатъ из-

слѣдованія, но и методъ его. Я знаю, какъ полезна экспериментальная провѣрка нѣкоторыхъ положеній. Однако, надо же гдѣ-нибудь остановиться въ своемъ требованіи такой провѣрки и освободить отъ нея по крайней мѣрѣ тѣ элементарныя утвержденія, въ правильности которыхъ ручается логика или непрерывный опытъ всего человѣчества. Вотъ мнѣ и кажется, что не столько экспериментомъ, сколько педантизмомъ слѣдуетъ назвать тѣ приведенныя въ книгѣ г. Нечаева работы, которыя провѣряютъ за вѣдомо несомнѣнныя истины, вродѣ слѣдующихъ: нормальной умственной работѣ должна соответствовать извѣстная мѣра сна и движенія (стр. 80); нельзя одновременно заниматься двумя дѣлами, требующими вниманія (стр. 109); память отъ времени слабѣетъ (стр. 186). Вѣдь если бы г. Нечаевъ хотѣлъ быть послѣдовательнымъ и не вѣрить ничему на слово, онъ не имѣлъ бы права безъ позволенія спеціальнаго эксперимента указывать на-то, что ученики во время занятій не должны голодать и что классы должны провѣтриваться. Мало того: строгая послѣдовательность метода привела бы уважаемаго автора къ сомнѣнію, законны ли самыя понятія «школьный возрастъ» и «школьный день», можно ли опираться на нихъ и не слѣдуетъ ли подвергнуть экспериментальной провѣркѣ общепринятое положеніе, что учиться надо съ дѣтства и ходить въ классы надо съ утра. Можетъ быть, экспериментъ «блестяще» подтвердилъ бы это господствующее воззрѣніе; но можетъ быть, онъ привелъ бы и къ замѣнѣ школьнаго дня школьной ночью...

Несправедливо видѣть простую фразу въ моихъ словахъ, что я не отрицаю значенія разумно поставленнаго и широко понятаго эксперимента въ психологіи, а слѣдовательно и въ педагогикѣ. Экспериментъ, изслѣдующій неизвѣстное или сомнительное (а не очевидное) и произведенный съ такою осторожностью и коррективами, которые предохраняютъ душевныя состоянія отъ искаженія ихъ дѣйствительной природы, не отвергается мною. Я только указывалъ въ своей рецензії, что при изученіи психическихъ фактовъ необходимо опираться не на одинъ лишь экспериментъ, а на всю совокупность философско-антропологическихъ знаній. Тѣ опредѣленія экспериментальной психологіи, которыя принадлежатъ Вундту, Марціусу и Мюнстербергу и которыя приводитъ самъ г. Нечаевъ на 6-й страницѣ своего труда, говорятъ именно противъ грубыхъ экспериментовъ, не истолкован-

ныхъ при свѣтѣ глубокаго самонаблюденія и философскаго анализа. А что экспериментальная психологія дѣлаеть свои первые шаги и бѣдна прочными выводами, этого не будетъ отрицать и г. Нечаевъ, хотя онъ какъ бы уличаетъ меня въ такомъ еретическомъ утвержденіи.

Свое выраженіе «высокомѣрный смѣхъ» я, дѣйствительно, долженъ взять обратно. Поводъ къ этому lapsus'у мнѣ далъ все-таки г. Нечаевъ: онъ, правда, не смѣется надъ теоретиками педагогіи, но упрекаетъ современную педагогическую литературу въ «пустословіи» (стр. 7) и указываетъ на то, что о иныхъ дидактическихъ вопросахъ не существуетъ пока ничего, кромѣ «общихъ фразъ» (стр. 152); а вѣдь многія изъ этихъ фразъ повторяютъ лишь сказанное Амосомъ Коменскимъ, Гербартомъ, Ушинскимъ и другими.

По вопросу о задержкѣ умственныхъ процессовъ у дѣтей въ періодѣ, непосредственно предшествующемъ половой зрѣлости, я долженъ сказать слѣдующее. Совершенно напрасно упрекаетъ меня г. Нечаевъ, будто я недостаточно вдумался въ то, о какомъ собственно возрастѣ говорится въ его книгѣ. Я писалъ въ своей рецензій: «мы не отрицаемъ достовѣрности и точности личныхъ наблюденій г. Нечаева и его товарищей по наукѣ, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ въ виду *разные періоды полового развитія*». Но, продолжалъ я, «*если одинъ періодъ полового развитія не похожъ въ своихъ психологическихъ особенностяхъ на другой, если упадокъ душевныхъ силъ смѣняется ихъ подъемомъ, то изслѣдователи должны были заняться вопросомъ о причинахъ такой перемѣны*» (стр. 409). Мнѣ казалось и кажется несомнѣннымъ, что такая задача предстояла экспериментаторамъ. Если мальчикъ, достигнувъ 12-тилѣтняго возраста, по наблюденіямъ г. Нечаева, тупѣеть, а въ 14—15 лѣтъ испытываетъ большой подъемъ душевныхъ силъ, то эту предполагаемую ломанную линію надо было бы прослѣдить и провѣрить во всѣхъ ея точкахъ. Но и самое существованіе такой линіи я по прежнему считаю недоказаннымъ и на вопросъ уважаемаго автора, сомнѣваюсь ли я въ самомъ *фактѣ* задержки психическаго развитія въ переходномъ возрастѣ, отвѣчаю утвердительно. Меня не убѣждаютъ ни цифры г. Нечаева, ни цифры д-ра Старкова, потому что оба они изслѣдовали *школьниковъ*, а не дѣтей. И я долженъ снова цитировать свою рецензію: «конечно, всѣ экспериментаторы производили свои опыты надъ дѣтьми въ стѣнахъ школы, и дѣти чувствовали себя школь-

никами. Быть можетъ, именно это обстоятельство, этотъ фактъ, что передъ экспериментаторомъ всегда находился не цѣльный человѣкъ вообще, а только учащійся,—быть можетъ, именно это и привело наблюдателей къ такому заключенію о періодѣ половой зрѣлости» (стр. 408). Объектомъ дидактики является *школьникъ*, — но отсюда еще не слѣдуетъ, что она въ правѣ оставлять безъ вниманія *дѣтя*. Наоборотъ, только изъ общаго знакомства со *всей* дѣтской природой можетъ она почерпать свои выводы. Если въ классѣ замедляется психическая реакція близкихъ къ зрѣлости учениковъ, если они скоро устаютъ и слабѣютъ памятью, то это, быть можетъ, объясняется отвлеченіемъ ихъ интересовъ въ другую сторону; во всякомъ случаѣ здѣсь передъ нами сложная проблема, и у насъ нѣтъ никакого основанія такъ прямолинейно рѣшать ее и заключать отъ специфически-школьныхъ феноменовъ къ общей умственной характеристикѣ мальчика или дѣвочки. Между тѣмъ г. Нечаевъ и другіе экспериментаторы, вооруженные баллами, дѣлаютъ такое заключеніе,— вотъ почему ихъ эксперименты и представляются мнѣ узкими и шаткими.

Теперь по вопросу о силѣ дѣтской памяти. Какъ полемическій пріемъ, слова г. Нечаева, что я въ своемъ возраженіи признаю мною же оспариваемый тезисъ,—эти слова, конечно, хороши; но только они не соотвѣтствуютъ истинѣ: въ этомъ убѣдится всякій, кто прочтетъ указываемое мѣсто въ моей рецензій. Я говорю исключительно про *объемъ* памяти взрослого человѣка, а не про *силу* ея; я имѣю въ виду несомнѣнное возрастаніе *количества* запоминаемаго, а не спорное увеличеніе *интенсивности* запоминанія. Позднѣйшей работы г. Нечаева я не читалъ,—въ той же книгѣ, которой была посвящена моя рецензія и о которой только я и могъ писать, онъ о вліяніи ассоціацій упоминаетъ *послѣ* того, какъ высказалъ свое предположеніе, что у дѣтей память слабѣе, чѣмъ у взрослыхъ; замѣтивъ самъ, что процессъ запоминанія находится въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій, о которыхъ еще будетъ рѣчь впереди (стр. 22), онъ *до* выясненія этого новаго ряда условій счелъ возможнымъ полемизировать противъ «излюбленнаго многими педагогами положенія, будто въ дѣтствѣ память оказывается особенно сильной». Страницы 21—22 предшествуютъ въ книгѣ г. Нечаева страницамъ 46 и 47, откуда онъ въ своемъ отвѣтѣ мнѣ дѣлаетъ выписки.

Остроумно приписывая мнѣ невысказанное мною утверждение, будто существуетъ память *чистая и нечистая*, и справедливо считая такое утверждение «не особенно яснымъ», г. Нечаевъ въ то же время признастъ недоразумѣніемъ съ моей стороны, что я въ своей рецензіи отмѣчаю какъ недостатокъ выдѣленіе наблюдаемыхъ явленій изъ общей связи душевной жизни. Но если я въ своемъ протестѣ противъ разъединенія органически связанныхъ между собою моментовъ захожу такъ далеко, что, по словамъ г. Нечаева, забываю даже о сущности всякаго экспериментальнаго изслѣдованія, то вѣдь это вполнѣ снимаетъ съ меня неосновательныя подозрѣнія, будто я различаю два рода памяти и одинъ изъ нихъ освобождаю отъ всякаго воздѣйствія ассоціаций. Упрекъ этотъ направленъ совершенно не по адресу...

Мнѣ вовсе не надо было доказывать, что въ дѣтствѣ особенно сильна именно «чистая» память. Я говорилъ о дѣтской памяти вообще, и мои слова: „вѣдь въ зрѣломъ возрастѣ не чистая память усиливается, а усложняется *вся* человѣческая психика“ ¹⁾, вызваны тѣмъ, что не я, а г. Нечаевъ, на указанныхъ страницахъ своей книги, сравнивая дѣтскую память съ памятью взрослыхъ, совсѣмъ забылъ объ ассоціацияхъ. Что касается утвержденія: «зароненное въ дѣтскую голову сохраняется навсегда», то этотъ, какъ его называетъ г. Нечаевъ, «ходячій афоризмъ» или, какъ назвалъ его я, «труизмъ» во всякомъ случаѣ представляетъ собою болѣе глубокое обобщеніе, чѣмъ мнѣніе г. Нечаева, основанное на такихъ экспериментахъ, про которые онъ самъ говорить: «какъ бы мало ни признавали мы общаго доказательнаго значенія за результатами всѣхъ упомянутыхъ опытовъ, они наводятъ на цѣлый рядъ соображеній педагогическаго характера» (стр. 21).

Возвращаясь къ упреку г. Нечаева въ томъ, будто я забылъ о сущности всякаго экспериментальнаго изслѣдованія и не понялъ, что «выдѣленіе наблюдаемаго явленія изъ среды тѣхъ, съ которыми оно *случайно* ²⁾ связано, и составляетъ цѣнность всякаго эксперимента», — я долженъ выразить крайнее удивленіе тому, какъ ускользнула отъ почтеннаго автора моя основная мысль. Если бы я думалъ, что психическіе феномены связаны между

1) Жаль, что, цитируя эту фразу мою, г. Нечаевъ поставилъ свой курсивъ, а не мой (*вся*), и не оговорилъ этого; въ данномъ случаѣ это важно

2) Курсивъ мой.

собою *случайно*, то я дѣйствительно не могъ бы имѣть ничего противъ ихъ разьединенія и выдѣленія. Но вѣдь именно эту случайность я и оспариваю противъ г. Нечаева; именно потому, что для меня душевныя явленія связаны между собою *органически*, я и утверждалъ въ своей рецензїи, что ихъ выдѣленіе, по неволѣ совершаемое экспериментаторомъ, кладетъ на изучаемые факты особый ненормальный отпечатокъ, который и не позволяетъ заключать отъ нихъ къ дѣйствительной природѣ психическихъ состояній. «Напримѣръ (въ книгѣ г. Нечаева) прочность запоминанія въ одномъ случаѣ изучается лишь постольку, поскольку она обусловливается однимъ только количествомъ повтореній, независимо отъ какихъ бы то ни было другихъ факторовъ...; *но вѣдь надо еще доказать, что такая независимость возможна, что она существуетъ, что психологія даетъ намъ право разрывать живую ткань душевныхъ явленій*» (моя рецензїя, стр. 414). Съ моей точки зрѣнія, надо еще доказать, что психологическій экспериментъ тождественъ со *всякимъ* экспериментомъ, и вотъ почему я и подчеркивалъ необходимость коррективовъ къ психологической экспериментаци.

Г. Нечаевъ полагаетъ, что если бы я оказался правъ и вѣрные тезисы второй главы его сочиненія дѣйствительно не были подтверждены диаграммами и таблицами, то подобный конецъ былъ бы плачевенъ. Но я продолжаю утверждать, что во всякомъ случаѣ тезисы г. Нечаева являются въ большей степени результатомъ педагогической вдумчивости и умозрѣнія, чѣмъ экспериментальной работы. Большинство ссылокъ, на которыя указываетъ авторъ, онъ дѣлаетъ въ выноскѣ, и очень характерно, *какъ* именно онъ дѣлаетъ ихъ. О работѣ Вагнера, приводимой въ выноскѣ, онъ говоритъ, что о ней будетъ «кстати упомянуть» (стр. 91); опыты Кемзиса, приводимые въ выноскѣ, онъ называетъ «недурной иллюстраціей» (стр. 96). Кромѣ того, изслѣдованіе Вагнера не имѣетъ прямого отношенія къ вопросу о связи между напряженностью работы и методами преподаванія. Вагнеръ разсматриваетъ, по словамъ самого г. Нечаева, «утомляемость учащихся, насколько она вызывается различными *предметами*¹⁾ обученія». Предметъ и методъ не одно и то же. Точно также и Эрнъ съ его таблицей уясняютъ «взаимное отношеніе упражненія и усталости у раз-

¹⁾ Курсивъ мой.

ныхъ лицъ *при различнаго рода умственной работѣ*; между тѣмъ г. Нечаевъ ссылается на нихъ для иллюстраціи своей мысли, что «различіе приемовъ одной и той же работы можетъ имѣть вліяніе на степень ея утомительности для разныхъ лицъ» (стр. 91). Различнаго рода умственная работа и разные приемы одной и той же работы—это далеко не то же самое. Въ особенности же независима отъ экспериментации третья глава книги г. Нечаева, гдѣ выставляются самыя важныя требованія дидактики—предметность и постепенность.

По вопросу объ опытахъ г. Нечаева надъ самимъ собою отвѣчу прежде всего на то, что уважаемый авторъ указываетъ въ выноскѣ. Я не могу понять, въ чемъ заключается мое «явное недоразумѣніе». Г. Нечаевъ говоритъ: «разбирая только отдѣльные дни, можно даже придти къ мысли, что количество сна предшествующей ночи не оказываетъ совсѣмъ никакого вліянія на количество умственной работы въ слѣдующій день». Я задалъ вопросъ: «какой умственной работы—трудной, по терминологии автора, или легкой? Читать газеты и романы послѣ бессонной ночи еще можно, но предаваться активнымъ научнымъ занятіямъ,—въ этомъ позволительно усомниться» (стр. 411 моей реценціи). Г. Нечаевъ утверждаетъ теперь, что на мой вопросъ отвѣчаетъ слѣдующая фраза въ его книгѣ: «Такъ, напримѣръ, по моимъ наблюденіямъ, количество и качество (уже и качество? Вѣдь только что шла рѣчь объ одномъ количествѣ... Ю. А.) умственной работы иногда совсѣмъ не измѣнялось несмотря на *трехчасовыя* колебанія въ количествѣ сна предшествующей ночи» (стр. 72). Въ чемъ же здѣсь отвѣтъ на мой вопросъ и въ чемъ мое «явное недоразумѣніе»? Интересно, что на той же 72-ой страницѣ авторъ говоритъ: «колебанія въ количествѣ сна, *вліяя на качество умственной работы*, могутъ иногда совсѣмъ не отражаться на ея общемъ количествѣ».

Вся эта неопредѣленность у автора, мнѣ кажется, происходитъ именно потому, что его самонаблюденіе рѣшительно ничего не говоритъ о качествѣ его умственного труда. Прослѣдить по часамъ, сколько времени я читалъ книгу, и механически отмѣтить, какого она свойства,—это еще совсѣмъ не значитъ опредѣлить внутреннее качество моей работы; а вѣдь въ немъ все дѣло. Авторъ правъ, что «взглядыванье на часы» не можетъ существенно вліять на количество и качество работы, — но ему бы

надо было прибавить, что оно не может и опредѣлять послѣд-
няго. Хронометрія здѣсь безсильна и бесполезна.

Если ужъ признавать чтеніе газетъ и романовъ не за удо-
вольствіе, а за работу, то со стороны г. Нечаева является непо-
слѣдовательнымъ, что онъ не причислилъ къ ней и своихъ раз-
говоровъ и бесѣдъ съ окружающими людьми. Г. Нечаевъ правъ,
что напряженная умственная работа тоже вліяетъ иногда разру-
шительнымъ образомъ на послѣдующія занятія, — но вѣдь его
самонаблюденіе поставило себѣ цѣлью опредѣлить норму именно
напряженной умственной работы (для школьника); поэтому онъ
долженъ былъ принять во вниманіе то, что разсѣиваетъ ее, а не
то, что разсѣиваетъ она. Надо было бы или вовсе не считаться
съ занятіемъ беллетристикой, какъ не считался г. Нечаевъ съ
другими проявленіями своей психической жизни въ теченіе дня,
или, принявъ беллетристику и газеты въ соображеніе, отмѣчать,
для каждаго дня, хотя бы въ общихъ чертахъ, не только ко-
личественный, но и качественный характеръ этой «работы».

Если же г. Нечаевъ признаетъ, что тонкія волненія душевной
жизни, которыя такъ могуче вліяютъ на нашу работоспособ-
ность, сознательно не приняты имъ во вниманіе; если онъ на-
ходитъ, что при изслѣдованіи количества и качества работы
можно ставить на одинъ уровень научныя занятія и чтеніе га-
зетъ и романовъ, отличая ихъ только эпитетами «трудное» и
«легкое» и сводя «на нѣтъ» разнообразныя эмоціи и впечатлѣ-
нія, то это окончательно убѣждаетъ меня въ томъ, что подлин-
ный образъ человѣческой души не отразился въ самонаблюденіи
г. Нечаева и что поэтому никакихъ выводовъ изъ его цифръ
сдѣлать нельзя. Опереться на нихъ можно было бы лишь въ
томъ случаѣ, если бы наша психика напоминала собою автоматъ.

Ю. Айхенвальдъ.

Р. S. Кстати оговорю двѣ опечатки, вкравшіяся въ мою рецен-
зію. На стран. 408, въ строкѣ 5-ой сн. напечатано: *стр. 54*; слѣ-
дуетъ: *стр. 51*. На стран. 411, въ строкѣ 3-ей сн. напечатано:
активнымъ производителнымъ; слѣдуетъ: *активнымъ*.

Московское Психологическое Общество.

CLXLIII. Протоколъ очередного засѣданія 5 мая 1901 г.

Засѣданіе было открыто въ залѣ Правленія университета, въ 8¹/₂ часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при товарищѣ секретаря Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Ю. И. Айхенвальда, К. А. Андреева, Д. В. Викторова, З. С. Горской, Г. П. Россолимо, С. А. Суханова, А. А. Токарскаго, Н. И. Шишкина, члена - соревнователя А. А. Андреевой и посторонней публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

- 1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.
- 2) Сторонній посѣтитель Ф. В. Софроновъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Психика и механика общественныхъ идеаловъ».

3) Послѣ десятиминутнаго перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе Л. М. Лопатинъ и А. А. Токарскій.

4) По окончаніи преній референтъ, Ф. В. Софроновъ, былъ предложенъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества (Л. М. Лопатинымъ, А. А. Токарскимъ, Д. В. Викторовымъ, Ю. И. Айхенвальдомъ, Н. Д. Виноградовымъ).

Засѣданіе было закрыто въ 11³/₄ ч. веч.

CLXLIV. Протоколъ очередного засѣданія 19 мая 1901 г.

Засѣданіе было открыто въ залѣ Правленія университета, въ 8¹/₂ часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при товарищѣ секретаря Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, З. С. Горской, Н. В. Давыдова, Г. А. Рачинскаго, П. В. Тихомирова и посторонней публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Л. М. Лопатинъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, посвященныхъ памяти скончавшагося почетнаго члена Общества А. А. Козлова. По предложенію предсѣдателя собраніе почтило память почившаго вставаніемъ.

2) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

3) Дѣйствительный членъ Общества П. В. Тихомировъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Теорія познанія А. Рила».

4) По окончаніи чтенія происходила баллотировка предложеннаго въ прошломъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества Ф. В. Софронова. Баллотуемый оказался избраннымъ (семью голосами противъ одного).

5) Послѣ десятиминутнаго перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ принимали участіе Г. А. Рачинскій и Л. М. Лопатинъ.

6) Въ закрытой части засѣданія редакторомъ «Трудовъ Психологическаго Общества» на мѣсто Н. А. Иванцова былъ избранъ Г. А. Рачинскій.

Засѣданіе было закрыто въ 11³/₄ час. веч.

CLXLV. Протоколъ публичнаго соединеннаго засѣданія Общества невропатологовъ и психіатровъ и Психологическаго Общества въ память С. С. Корсакова 1-го октября 1901 г.

Засѣданіе было открыто въ 7¹/₂ часовъ вечера въ аудиторіи Историческаго музея подъ предсѣдательствомъ В. К. Рота и Л. М. Лопатина, при секретарѣ С. А. Сухановѣ, въ присутствіи членовъ обоихъ Обществъ и многочисленной публики.

Въ засѣданіи, раздѣленномъ на двѣ части перерывомъ въ 15 минутъ, были прочитаны слѣдующія восемь рѣчей, посвященныхъ памяти С. С. Корсакова:

1) В. К. Ротомъ. С. С. Корсаковъ, какъ человѣкъ и общественный дѣятель.

2) В. П. Сербскимъ. О научномъ значеніи С. С. Корсакова.

3) А. А. Корниловымъ. С. С. Корсаковъ, какъ невропатологъ.

4) Н. П. Постовскимъ. С. С. Корсаковъ, какъ клиницистъ-преподаватель.

5) Л. М. Лопатинымъ. Личность и міросозерцаніе С. С. Корсакова.

6) *А. Н. Бернштейномъ*. Психологическія и философскія воззрѣнія С. С. Корсакова.

7) *Н. Н. Баженовымъ*. Внѣуниверситетская дѣятельность и значеніе С. С. Корсакова.

8) *Г. И. Россомо*. Памяти С. С. Корсакова.

Засѣданіе было закрыто въ 12^{1/2} час. ночи.

CLXLVI. Протоколъ очереднаго засѣданія 13-го октября 1901 г.

Засѣданіе было открыто въ залѣ Правленія университета, въ 8 час. вечера, подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, Д. В. Викторова, Н. Д. Виноградова, Ф. А. Савей-Могилевича, В. П. Сербскаго, П. П. Стрѣльцова и посторонней публики.

Передъ началомъ засѣданія профессоромъ богословія, протоіереемъ Н. А. Елеонскимъ, была отслужена паннихида по скончавшемся 21 іюля 1901 года кандидатѣ товарища предсѣдателя А. А. Токарскомъ.

Въ засѣданіи происходило, между прочимъ, слѣдующее:

1) Л. М. Лопатинъ произнесъ прочувствованную рѣчь, посвященную памяти А. А. Токарскаго и почетнаго члена Общества К. Т. Солдатенкова, скончавшагося 19 мая 1901 г. По предложенію предсѣдателя присутствующіе почтили память покойныхъ вставаніемъ.

2) Дѣйствительный членъ Г. А. Рачинскій произнесъ рѣчь, посвященную памяти А. А. Токарскаго.

3) Сторонній посѣтитель В. Ф. Саводникъ прочелъ рефератъ подѣ заглавіемъ: «Ницшеанецъ сороковыхъ годовъ» (Максъ Штирнеръ). За позднимъ временемъ пренія по поводу прочитаннаго реферата не состоялись.

4) Л. М. Лопатинъ сообщилъ, что въ настоящее время нашлось лицо, готовое взять на себя изданіе сочиненій Н. Я. Грота и просилъ членовъ Общества, изъявившихъ свое согласіе на редактированіе этого изданія, приступить къ выполненію взятой на себя работы.

Засѣданіе закрыто въ 12 час. ночи.

Матеріалы для журнальной статистики.

Въ 1901 г. (по 20-е декабря включительно) экземпляры журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ распредѣлялись по мѣсту подписки слѣдующимъ образомъ:

№№	Въ губерніяхъ.	Экз.
1	Херсонская	41
2	Кіевская	42
3	Харьковская	32
4	Казанская	26
5	Таврическая	25
6	Екатеринославская	24
7	Лифляндская	23
8	Варшавская	22
9	Московская	22
10	Тифлисская	22
11	Пермская	19
12	Область Войска Донского	18
13	Томская	18
14	Тульская	18
15	Воронежская	17
16	Саратовская	17
17	Тамбовская	15
18	Виленская	14
19	Волинская	14
20	Полтавская	14
21	Нижегородская	13
22	Курская	12
23	Орловская	12
24	Черниговская	12
25	Бессарабская	11
26	Самарская	11
27	Смоленская	10
28	Владимірская	9
29	Вятская	9
30	Симбирская	9
31	Витебская	8
32	Ковенская	8
33	Костромская	8
34	Кубанская	8
35	Минская	8
36	Пензенская	8
37	С.-Петербургская	8
38	Амурская	7
39	Бакинская	7
40	Енисейская	7
41	Забайкальская	7
42	Подольская	7

№№	Въ губерніяхъ.	Экз.
43	Тобольская	7
44	Ярославская	7
45	Иркутская	6
46	Оренбургская	6
47	Тверская	6
48	Терская	6
49	Люблинская	5
50	Новгородская	5
51	Акмолинская	4
52	Астраханская	4
53	Гродненская	4
54	Елизаветпольская	4
55	Курляндская	4
56	Олонецкая	4
57	Петроковская	4
58	Псковская	4
59	Ставропольская	4
60	Сырь-Дарьинская	4
61	Уфимская	4
62	Вологодская	3
63	Закаспійская	3
64	Калужская	3
65	Кутаисская	3
66	Могилевская	3
67	Рязанская	3
68	Эстляндская	3
69	Архангельская	2
70	Выборгская	2
71	Калишская	2
72	Приморская	2
73	Семирѣченская	2
74	Сувалкская	2
75	Сѣдлецкая	2
76	Эриванская	2
77	Якутская	2
78	Дагестанская	1
79	Квантунгская обл.	1
80	Ньюландская	1
81	Плоцкая	1
82	Самаркандская	1
83	Семипалатинская	1
	Итого по губерніямъ . .	782
	Москва	237
II	С.-Петербургъ	205
III	За границу	57
IV	Итого	1281
	(Въ томъ числѣ бесплатныхъ и обмѣнныхъ)	181

...и, следовательно, не имеет смысла.

...и, следовательно, не имеет смысла.

...и, следовательно, не имеет смысла.

...и, следовательно, не имеет смысла.

...и, следовательно, не имеет смысла.

Подписка на 1902 годъ.

ПЧЕЛОВОДНЫЙ МУЗЕЙ,

иллюстрированный журналъ по пчеловодству,

выходить въ Ставрополь-Кавказскомъ подъ редакціею

Г. В. Парадіева

не менѣе 8 разъ въ годъ

книжками въ объемъ до 2¹/₂ печати. лист. съ иллюстраціями и приложеніями.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Къ естественной исторіи пчелы. — Медоносныя растенія. — Враги и болѣзны пчелъ. — Ульи, павильоны, омшаники. — Пасѣчная утварь. — Медъ и воскъ. — Биографическіе очерки. — Образцовыя пасѣчныя хозяйства. — Фельетонъ. — Словарь пчеловодства. — Библиографія. — Разныя извѣстія. — Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

ВЪ ГОДЪ ДВА РУБЛЯ СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Подписку адресовать:

„Ставрополь-Кавказскій, Георгію Васильевичу Парадіеву“.

Для ознакомленія высылается бесплатно одинъ изъ вышедшихъ номеровъ журнала по первому требованію.

Редакторъ-издатель Г. В. Парадіевъ.

Объявленіе о продолженіи изданія журнала

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ въ 1902 г.

(Годъ изданія сорокъ третій).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1902 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ дух. Академіи, по предметамъ общезанятельныя и по содержанию общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блж. Іеронима и блж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотена твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“. Къ январю 1902 г. выходитъ 16-я ч. твор. блж. Іеронима.

Указомъ Св. Синода отъ 8/29 февр. 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библиот. твор. св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духовн. семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Журналъ выходитъ ежемѣсячно—книгами отъ 10—15 листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

Съ требованіями относительно книгъ журнала редакция проситъ обращаться непосредственно къ ней по слѣдующему адресу: въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ въ гор. Кіевѣ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ проф. В. Ө. Пѣвцнкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ (2-й г. изданія) „САМОПОМОЩЬ“

популярный журналъ для семьи

гигиенической, сельскохозяйственной, технической и педагогической

12 №№ журнала въ годъ и 48 приложений библиотеки „САМОПОМОЩИ“.

Подписная цѣна со всеми приложениями 4 руб. въ годъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Николаевская, № 37.

„Помогай себѣ самъ!“ вотъ девизъ нашего времени и идея самопомощи все болѣе входитъ въ сознание людей. Журналъ „Самопомощь“ посвящается этой идеѣ. Это первый русскій популярный журналъ, съ столь широкой программой, могущей удовлетворить каждаго. Провинциальная интеллигенція, люди труда, мысли и практическаго дѣла, чиновники, помѣщики, военные, священники, учителя, ремесленники, сельскіе хозяева, наконецъ, родители и воспитатели—найдутъ въ журналѣ „Самопомощь“ и его многочисленныхъ приложенийъ, въ ясной и общедоступной формѣ, много полезныхъ для себя указаній, совѣтовъ и наставленій, въ области медицины и гигиены, сельскаго хозяйства и домохозяйства, техники и ремеселъ, воспитанія и обученія и пр.

Въ 1902 г. подписчики получаютъ слѣдующія приложения:

Медицина и гигиена. 1) Малокровіе. 2) Гигиена старости. 3) Сонъ и бессонница. 4) Катарръ желудка. 5) Нервность нашего времени. 6) Тучность или ожирѣніе. 7) Гигиена слобогрудныхъ. 8) Домашняя косметика. 9) Лѣченіе ху-добы. 10) Гигиена волосъ. 11) Геморой и привычные запоры. 12) Домашняя аптека. **Техника и ремесла.** 1) Пишущія машины. 2) Автомобили. 3) Уходъ за велосипедомъ. 4) Волшебный фонарь. 5) Столяръ-любитель. 6) Ацетиленовое освѣщеніе. 7) Двигатели малой силы. 8) Электричество въ домашнемъ быту. 9) Рецепты по фотографіи. 10) Граммофоны. 11) Технические рецепты дома. 12) Мелкія производства. **Сельское хозяйство и домоводство.** 1) Системы полеводства. 2) Уходъ за плодовымъ садомъ. 3) Малина и ея разведеніе. 4) За-мѣтки по пчеловодству. 5) Молочное хозяйство. 6) Искусственные удобрения. 7) Посадка деревьевъ. 8) Устройство цвѣтниковъ. 9) Земледѣльческія орудія. 10) Деревенскія постройки. 11) Обработка почвы. 12) Уходъ за лугами. **Воспи-таніе и педагогика.** 1) Переутомленіе дѣтей. 2) Семейное воспитаніе. 3) Учебные столы и скамейки. 4) Дурныя привычки дѣтей. 5) Дѣтскія игры. 6) Мать и дитя. 7) Городъ и деревня для дѣтей. 8) Награды и наказанія въ воспитаніи. 9) Ка-призные дѣти. 10) Школьная гигиена. 11) Вліяніе наследственности. 12) Нор-мальная дѣтская.

Премія для подписчиковъ. Подписчики, подписавшіеся до 1-го января 1902 года получаютъ въ видѣ преміи журналъ „Самопомощь“ со всеми приложениями въ теченіе октября, ноября и декабря текущаго года бесплатно, а всего получаютъ 15 №№ и 60 приложений.

Подписчики по желанію могутъ подписаться наложеннымъ платежемъ, о чемъ заявляютъ редакціи простымъ, даже открытымъ письмомъ. Первый № жур-нала имъ высылается немедленно, съ наложеніемъ платежа 4 р. 25 к. (25 к. почтовые расходы), а остальные №№ по полученіи денегъ, высылаются обык-новеннымъ порядкомъ. № журнала для ознакомленія высылается съ 4 очеред-ными приложениями за 50 коп. деньгами или марками.

Подробная программа бесплатно.

Открыта подписка на 1902 годъ
на еженедѣльную политическую, общественную и литературную газету

ОТГОЛОСКИ

(годъ изданія 7-й),

цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 р.,

и ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

(годъ изданія 8-й),

цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 р.

Адресъ редакціи обоихъ изданій: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, 10.

Лица, подписывающіяся на оба изданія, платятъ за годъ съ доставкой и пересылкой 5 руб., на 8 мѣс.—4 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 4 мѣс.—2 руб.

Въ программу газеты „Отголоски“ входятъ всеобщіе отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ, а именно руководящія статьи всякаго рода, фельетонъ, романы, рассказы и очерки, обзоръ мнѣній и отзывовъ печати, внутреннее и иностранное обозрѣніе, хроника русской и заграничной жизни, обзоръ открытій и изобрѣтеній, театръ и музыка, справочныя свѣдѣнія: торговли, биржевыя и пр. Отвѣты редакціи. Объявленія.

„Литературное Обозрѣніе“ заключаетъ въ себѣ обзоръ всехъ выдающихся и наиболѣе интересныхъ новинокъ русской литературы въ области беллетристики и науки, важнѣйшихъ журнальныхъ статей и лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ. Задача изданія—помощь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержанія новыхъ произведеній литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ можетъ до известной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены особыя заботы о томъ, чтобы №№ изданія доставляли возможно болѣе интереснаго для чтенія матеріала. Въ журналѣ помѣщаются и произведенія беллетристики русской и иностранной, романы, рассказы, очерки и проч., а также литературно-критическія и научныя статьи по всемъ отраслямъ знаній, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ. О книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, даются отрывки въ отдѣлѣ „Библиографія“.

Редакторъ-издатель И. В. Сиворцовъ.

Тридцатый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

30-й г. изд.

на иллюстрированные журналы

30-й г. изд.

„ПРИРОДА и ОХОТА“ и „ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“.

Журналы „Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“ циркуляромъ Главнаго штаба Военнаго Министерства рекомендованы по войскамъ. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ одобренъ для фундаментальныхъ библиотекъ.

Подписчики получаютъ 12 книгъ „Природы и Охоты“ (выходить ежемѣсячно) и 50 №№ „Охотничьей Газеты“.

Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Премія: „Звѣри Россіи“—

обширный трудъ въ нѣсколько томовъ, со множествомъ иллюстрацій въ текстѣ профессора звѣрописи А. С. Степанова и художника Высотскаго и

съ „Альбомомъ звѣрей Россіи и охотъ на нихъ“,

будутъ выходить при книгахъ журнала „Природа и Охота“ до окончанія всего труда.

ПРЕМІЯ 1902 года:

Охотничій календарь Л. П. Сабанѣва.

Полная справочная книга для ружейныхъ и псовыхъ охотниковъ. Дополненное и исправленное 4-е изданіе съ 500 рисунками въ текстѣ, до 800 стр. большого формата. Съ приложеніемъ къ книгѣ лѣчебника собакъ, описанія всѣхъ породъ собакъ, дрессировки, натаски и проч. и законовъ объ охотѣ.

Въ журналахъ печатаются: Разказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.— Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи.—Описаніе способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и ужения, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дробы и проч., породъ собакъ—борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дрессировки, натаски и лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣсонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи.—Ветеринарный отдѣлъ.—Юридическій отдѣлъ.—Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библиографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и доставк. 15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., за границу 20 руб. Разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Москва, Пречистенка, д. Стамицкой.

Редакторъ-издатель Н. В. Туркинъ.

Принимается подписка на 1902 годъ
на ежемѣсячный, иллюстрированный, литературный и научно-популярный

„ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ВСѢХЪ“.

Подписная цѣна 1 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Въ №№ журнала за 1901 г. были помѣщены между прочимъ рассказы: Леона Андреева, „Кусака“, „Случай“. К. Баранцевича, „Интрига“. Изв. Бункина, „Руда“. В. Вересаева, „Къ слѣху“. Максима Горькаго, „Пѣсня о слѣпыхъ“, В. І. Дмитриевой, „Безъ Бога живого“. Иванова, „Не понравилось“. Серафимовича, „Подъ уклонъ“. Тапа, „На убогъ“. Н. Тимковскаго, „Двѣ семьи“, „Травля“, „Ржавчина“. Евг. Чиркова, „Капитуляція“. Стихотворенія: К. Балъмонта, А. Воезд, О. Боголюбовой, Изв. Бункина, П. Гайдебурова, Галиной, А. М. Федорова, К. Фофанова и др.; статьи профессоровъ: Н. А. Каблукова, „Какъ на чались торговля сношенія“. Ал. Кизеветтера, „XIX в. въ исторіи Россіи“. В. О. Кичевскаго, „Петръ Великій среди своихъ сотрудиновъ“. В. М. Шимкевича, „Изъ области біологіи“. О. Д. Хвольсона, „Бесѣды по вопросамъ физики“. Статья Гр. Н. Потапина, „Община—область“. Политическая хроника, Вильде. Внутреннее обозрѣніе, Вл. К—ра. Снимки съ картинъ, портреты, карты, рисунки къ тексту.

Въ 1902 году будутъ между прочимъ помѣщены рассказы: Л. Н. Андреева, „Старый студентъ“. В. Вересаева, „Тревога“, „Случай“. С. И. Гусева-Оренбургскаго, „Мужъ совѣта“. Н. Н. Златовратскаго, „Сироты 305 версты“. Д. Н. Мамина, „Ранній батюшка“. П. Е. Накрохина, „Контрасты“. И. Ѳ. Наживина, „Безъ хлѣба“. М. В. Рклицкаго, „Ошибка“. А. Серафимовича, „Степные люди“. Н. Д. Телешова, „Лишній ротъ“. Н. И. Тимковскаго, „Звѣзды“. А. П. Чехова, „Архирей“. Е. Н. Чиркова, „Родители“. Статьи: С. Ан—скаго, „Культурное движеніе на почвѣ вышколажнаго образованія во Франціи“. Проф. И. И. Иванова, А. Н. Островскій. А. А. Кизеветтера, „Взгляды старой и новой Россіи на общественное положеніе женщины“. А. Ѳ. Коня, С. И. Зарудный. С. Н. Котларевскаго, „Новая Италия“. Проф. М. А. Мельбиза, „Что такое Дарвинизмъ и какъ онъ подготавлился“. Проф. П. Н. Миллюкса, „Среднефѣвкий уголокъ въ современной Европѣ“. С. А. Порѣцкаго, „Почему цвѣты растений бываютъ разнаго цвѣта“. Ѳ. А. Щербинки, „Киргизы“ и др.

Контора и редакція—С.-Петербургъ, Спасская, 26.

Издатель В. С. Миролюбовъ.

Редакторъ П. В. Голяховскій.

годъ III. Открыта подписка на 1902 годъ 3 РУБЛЯ.

на научно-спеціальный и бытовой журналъ

ВѢСТНИКЪ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ,

издаваемый въ г. Харьковѣ подъ редакціей д-ра Е. Дюнова.

Журналъ имѣетъ задачей, во 1-хъ, разработку вопросовъ, касающихся теоріи и практики гомеопатическаго лѣченія и общественно-бытовой стороны дѣла гомеопатіи въ Россіи и за границей; во 2-хъ, устраненіе предубѣжденія и выясненіе недоразумѣній, существующихъ относительно гомеопатіи и раздѣляющихъ врачей на два враждебныхъ лагеря—аллопатовъ и гомеопатовъ. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 2-хъ печат. лист. Цѣна ТРИ руб. съ пересылкой, на 1/2 года 1 р. 50 к. Допускается разорочка по соглашенію. Подписка принимается въ редакціи: Харьковѣ, Екатеринославская, 26.

Открыта подписка на 1902 годъ
на ежемѣсячный художественно-иллюстрированный журналъ
„ОХОТНИЧЬЕ ДѢЛО“.

Подписная цѣна на годъ 2 руб. съ пересылкой.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ два листа большого формата. Роскошныя иллюстраціи, помѣщаемыя въ журналъ, знакомятъ съ лучшими художественными произведеніями русскихъ и иностранныхъ художниковъ, съ выдающимися по красотѣ экстерьера собаками и проч. При редакціи образована испытательная коммиссія по охотничьему оружію для пристрѣлки ружей, пробы пороховъ, пыжей, дробя, пуль и проч. Результаты пристрѣлокъ, пробъ и научныхъ изслѣдованій публикуются въ журналъ. Подписчики пользуются совѣтами коммиссіи по охотничьему оружію. Безвозмездный выборъ ружей производится подписчикамъ также однимъ изъ членовъ испытательной коммиссіи.

Подписка принимается въ Москвѣ (Пречистенка, д. Станицкой), въ редакціи „Охотничье Дѣло“. Подписная цѣна на годъ съ перес. и дост. 2 рубля.

Подписка на 1902 годъ на журналъ
„ДѢЯТЕЛЪ“.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Программа журнала слѣдующая:

- 1) Правительственныя распоряженія.
- 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія.
- 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія.
- 4) Письма изъ провинціи.
- 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни.
- 6) Изъ жизни и печати.
- 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій.
- 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ.
- 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границую.
- 10) Протоколы Казанск. Общ. трезвости.
- 11) Критика и библиографія.
- 12) Объявленія.

Подписная цѣна, только за полный годъ, 2 рубля.

Журналъ за 1897 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Провс. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни. Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900 годы платятъ 8 рублей.

Редакторъ-издатель А. Соловьевъ.

Открыта подписка на 1902 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
„Прикаспійскую торговс-промышлен. газету“.

Подписная плата:

въ Астрахани: на годъ 4 р., на полгода 2 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяць 75 к.; въ другіе города и села: на годъ 4 руб. 50 к., на полгода 3 руб., на 3 мѣсяца 2 руб., на 1 мѣсяць 85 коп.

Годовые подписчики получаютъ газету въ ноябрѣ и декабрѣ **БЕЗПЛАТНО.**

Объ изданіи съ 1-го января 1902 года новой ежедневной газеты

„РУССКІЙ ГОЛОСЪ“

политической, общественной, ученой, литературной и экономической, съ обширною программю и безъ предварительной цензуры.

„Русскій Голосъ“, подъ редакцію К. В. Трубникова, будетъ выходить въ Петербургѣ одновременно въ двухъ изданіяхъ: 1) въ большомъ объемѣ (14 р.) съ особыми вечерними прибавленіями, съ рис. въ текстѣ и безпл. иллюстрир. прилож., и 2) въ маломъ объемѣ (4 руб.), съ рис. въ текстѣ и съ воскресными иллюстрированными выпусками.

Программа газеты „Русскій Голосъ“:

I. Руководящія статьи по разнымъ вопросамъ. II. Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ въ Россіи и за границею, равно изъ разныхъ телеграфныхъ агентствъ. III. Статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и международной политики, а также статьи научнаго и практическаго содержания по разнымъ отраслямъ. IV. Обзорніе движенія русскаго и иностраннаго законодательства и государственнаго управленія. V. Церковный отдѣлъ, духовная литература. VI. Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. VII. Статьи и извѣстія по разнымъ отраслямъ финансовой и экономической дѣятельности въ Россіи и за границей. VIII. Обзорніе событий государственной и общественной жизни. Хроника и извѣстія. Некрологи. IX. Областные обзорнія и корреспонденціи изъ Россіи и другихъ государствъ. Отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ русскіихъ и заграничныхъ. X. Обзоръ текущей журналистики и замѣчательныхъ явленій литературы русской и иностранной. Критическія статьи о вновь появившихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ. XI. Статьи и извѣстія по вопросамъ искусства; новости театра и музыки. XII. Изящная словесность—повѣсти, романы, рассказы, сцены, стихотворенія, мемуары и путешествія. XIII. Судебная хроника русская и иностранная; судебныя рѣшенія и ихъ обсужденіе. XIV. Статьи и извѣстія о движеніи повсемѣстно въ Россіи и за границей промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, горнаго дѣла и торговаго мореходства. XV. Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ русскіихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товарншества. XVI. Биржевыя извѣстія внутреннія и заграничныя ярмарки; урожай. XVII. Рисунки историческіе и бытовые, соответствующіе содержанію статей. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей. XVIII. Спортъ. XIX. Справочный отдѣлъ. XX. Казенныя и частныя объявленія.

Условія подписки на 1902 годъ на ежедневную газету „РУССКІЙ ГОЛОСЪ“.

Подписавъ дѣна на первое (большое) изданіе газеты „Русскій Голосъ“ съ вечерними прибавленіями и иллюстрированными приложеніями:

	На годъ.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки	14 —	13 —	12 —	10 50	9 80	9 —
Съ доставкой по город. почтѣ . . .	16 —	15 —	13 50	12 —	11 —	10 —
Съ пересылкой иногороднимъ . . .	17 —	15 50	14 50	13 50	12 50	11 30
За границу	26 —	24 50	23 —	21 —	18 50	16 —
	На 6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки	8 —	6 80	5 50	4 —	2 80	1 50
Съ доставкой по город. почтѣ . . .	9 —	7 50	5 80	4 50	3 30	1 80
Съ пересылкой иногороднимъ . . .	10 —	8 50	7 —	5 50	4 —	2 —
За границу	14 —	12 —	10 —	8 —	6 —	3 —

Разсрочка платежа годово́й подписной цѣны перваго (большо́го) изданія до-пускается для служащихъ по третьямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся: гг. иногородними подписчиками: при подпискѣ 7 руб., въ концѣ марта 7 руб. и въ началѣ августа 3 руб.; городскими: при подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ юня 5 руб.; безъ доставки—при подпискѣ 5 руб., въ концѣ марта 5 руб. и въ началѣ юля 4 руб.

Подписная цѣна на второе (малое) издание газеты „Русскій Голосъ“ съ воскресными иллюстрированными выпусками,—съ доставкою на домъ или пересылкой иногороднимъ: на годъ 4 руб., на полгода 2 руб., на 3 мѣсяца 1 р. За границу: на годъ 8 руб., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты „Русскій Голосъ“, Фонтанка, 54; а также въ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Н. П. Карбасникова, Литейный, 46, Мелье и К^о, Невскій проспектъ, 20, Товарищества М. О. Вольфъ, Невскій, Гостинный дворъ, М. В. Попова, Невскій проспектъ, 66; а также въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Баженова, и Товарищества М. О. Вольфъ, Кузнецкій мостъ, 12; въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ, 69 и въ Вильнѣ, Большая ул., д. Гордона.

Издатель и редакторъ газеты „Русскій Голосъ“
Константинъ Васильевичъ ТРУБЧИКОВЪ.

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ

И

ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ.

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей профессора В. А. Циммермана и приватъ-доцента В. Ф. Когана.

Программа журнала: Оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященныя вопросамъ преподаванія математики и физики. Научная хроника. Разныя извѣстія. Математическія мелочи. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшавшихъ. Упражненія для учениковъ. Задачи, предложенныя на испытаніяхъ зрѣлости. Библиографическій отдѣлъ: обзоръ иностранныхъ журналовъ; замѣтки и рецензіи о новыхъ книгахъ. Объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цѣна съ пересылкой за годъ 6 руб., за полугодіе 3 руб. Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся при непосредственныхъ сношеніяхъ съ конторой редакціи платятъ за годъ 4 руб., за полугодіе 2 руб. Допускается разсрочка подписной платы по соглашенію съ конторой редакціи. Книгопродавцамъ 50/0 уступки.

Отдѣльные номера текущаго семестра по 30 к., прошлыхъ семестровъ по 25 к.

Журналъ за прошлые годы по 2 р. 50 к., а учащимся и книгопродавцамъ по 2 р. за семестръ. Семестры XVI и XXIII распроданы.

Пробный номеръ высылается по первому требованію.

Адресъ для корреспонденцій: Одесса. Въ редакцію „Вѣстника Опытной Физики“.

Городской адресъ: Нѣжинская, 47.

Редакторъ В. А. Циммерманъ.

Издатель В. А. Гернетъ.

Принимается подписка на

1902 г.

„ЖУРНАЛЪ

Годъ II.

Невропатологіи и Психіатріи

имени С. С. Корсакова“,

издаваемый Обществомъ Невропатологовъ и Психіатровъ при Московскомъ университетѣ.

Журналъ будетъ выходить книжками отъ 10—12 печатныхъ листовъ каждые 2 мѣсяца и, кромѣ оригинальныхъ статей по Невропатологіи, Психіатріи, Психологіи, Антропологіи, Медико-Педагогическимъ вопросамъ и Судебной Медицинѣ, будетъ заключать въ себѣ систематическіе обзоры и рефераты, на которые редакция обратитъ особое вниманіе съ цѣлью дать читателю возможно полную картину современнаго состоянія Невропатологіи, Психіатріи и смежныхъ наукъ. Кромѣ того, въ журналѣ будетъ помѣщаться обширный библиографическій указатель какъ русской, такъ и иностранной литературы.

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкой десять рублей. За границу 12 рублей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Клиника Нервныхъ Болѣзней.

Открыта подписка на новую газету

ЕЖЕДНЕВНИКЪ

ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Духовная и умственная жизнь культурныхъ народовъ наиболее ярко и прогрессивно отражается въ литературѣ и искусствахъ. „Ежедневникъ“ ставитъ себѣ прямою задачею: слѣдить изо дня въ день, внимательно и убѣжденно, за всѣми выдающимися проявленіями литературы, беллетристики, науки, театра, музыки, живописи, ваянія, зодчества и др. искусствъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Къ участию въ газетѣ приглашены известные литераторы, критики и художники, списокъ которыхъ будетъ объявленъ своевременно. Завѣдываніе литературнымъ и театральнымъ отдѣлами принялъ на себя **К. Н. Льдовъ**. ♦ Подписка принимается въ конторахъ: редакціи (Спб., Б. Конюшенной, 6—4) и типографіи „Балашевъ и К^о“ (Фонтанка, 95), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна съ дост. и перес.: на годъ—**8 руб.**, на 6 мѣс.—**5 р.**, на 3 мѣс.—**3 р.** Подписавшіеся на 1902 г. получаютъ газету въ текущемъ году **бесплатно**. Первый номеръ выйдетъ 1-го декабря. Желающіе ознакомиться съ „Ежедневникомъ“ благоволятъ прислать свой адресъ; пробный номеръ будетъ высланъ имъ бесплатно.

Редакторъ-издатель **Э. Н. Борманъ**.

ТИФЛИССКІИ ЛИСТОКЪ

(двадцать пятый годъ изданія),

ежедневная газета, съ будущаго года будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ (размѣра „Русск. Вѣд.“) по слѣдующей, утвержденной правительствомъ программѣ:

1) Приказы по военному и гражданскому управленіямъ Кавказа и Закавказья. 2) Статьи по внутреннимъ и краевымъ вопросамъ. 3) Обзорніе иностранной политической жизни. 4) Научно-литературный отдѣлъ. 5) Общая хроника: внутренняя и иностранная. 6) Библиографія. 7) Мѣстный отдѣлъ: театр, музыка и корреспонденціи. 8) Справочный отдѣлъ и объявленія. ♦ Текстъ газеты будетъ иллюстрироваться. ♦ По понедѣльникамъ и послѣдпраздничнымъ днямъ подписчикамъ будутъ разсылаться телеграммы.

Подписная цѣна остается безъ измѣненія, а именно: иногороднимъ: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. ♦ Подписка принимается исключительно въ конторѣ изданія: Тифлисъ, Головинскій, № 3.

Принимается подписка на 1902 г. на

ЮЖНО-РУССКУЮ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННУЮ

Г А З Е Т У,

еженедѣльное изданіе Харьковскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Сельско-хозяйственной промышленности.

Программа газеты: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Хроника. 3) Земскій отдѣлъ. 4) Внутреннія извѣстія. 5) Заграничныя извѣстія. 6) Научныя статьи. 7) Фельетонъ. 8) Среди газетъ и журналовъ. 9) Библиографія. 10) Разныя извѣстія. ♦ Пробный № высылается за семикопеечную марку. ♦ Подписная цѣна съ дост. и перес.: за годъ—4 р., за 1/2 года—2 р., 3 мѣс.—1 р., 1 мѣс.—50 к. ♦ Въ розничной продажѣ одинъ №—15 к. ♦ Объявленія за 1 строчку петица на 1 стр.—20 к., на послѣдней—10 к., при повтореніи уступка: за 3 раза—15%, 5 разъ—20%, 10 разъ—25%; далѣе по соглашенію.

Статьи, присылаемыя для напечатанія, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію. Нв принятыя возвращаются, если на это приложены марки. Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными.

Адресъ редакціи: г. Харьковъ, Петровскій пер., № 9.

Редакторъ А. Беникъ.

5-й г. изд.

Открыта подписка на 1902 г.

5-й г. изд.

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІИ КРАЙ“

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ подъ редакціей М. К. Лемне при новомъ составѣ сотрудниковъ. ♦ Новая редакція ставитъ своею задачей детальную разработку и насколько возможно полное освѣщеніе вопросовъ, нужды и интересова мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Подписная цѣна понижается и теперь на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногороднихъ 10 руб.

Подробности 12 м. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.
подп. слѣд.:
Съ доставкой въ г. Р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к.
Екатеринославъ. 8 — 750 7 — 650 6 — 550 5 — 425 3 25 2 50 1 75 1 —
Съ пересылкой
иногороднимъ. . 10 — 950 9 — 825 7 50 6 75 6 — 5 25 4 50 3 50 2 40 1 25
За границей. . 23 — 21 — 19 — 17 — 15 — 13 50 12 — 10 50 9 — 7 — 4 50 2 50

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ШАХМАТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

посвященный играмъ въ шахматы и шашки,

1902 года.

Изданія годъ пятый.

Сотрудники по шахматному отдѣлу (который будетъ занимать не менѣе $\frac{3}{4}$ каждаго №): С. З. Алапинъ, И. И. Александровъ, О. С. Берштейнъ, К. К. Бетингъ, Ф. И. Брехе, А. М. Бурмейстеръ, Я. Бутковский, А. К. Гавриловъ, А. Галагай, dr. А. В. Галицкий, Г. А. Гельбаузъ, Л. В. Геника, А. Гомолицкій, А. Ф. Гончаровъ, Л. Ш. Готтесманъ, Б. П. Григорьевъ, А. Грузинскій, О. Ф. Евецкій, Г. З., Н. А. Извольскій, Н. Д. Кашкинъ, М. И. Клемпнеръ, Н. Л., dr. Э. Ласкеръ, А. А. Левинъ, А. П. Лукинъ, Н. И. Максимовъ, Э. С. Монтвидъ, В. И. Ненароковъ, К. В. Розенкранцъ, В. Е. Сердобинскій, А. П. Смиттенъ, А. В. Соловцовъ, А. М. Сушковъ, Э. Ф. Спроге, А. Н. Хардинъ, С. Н. Цемшъ, М. И. Чигоринъ, Э. С. Шифферсъ, А. И. Шошинъ, Д. М. Яновскій и др.

Сотрудники по шашечному отдѣлу (который будетъ занимать около $\frac{1}{4}$ каждаго №): Е. Ф. Андресенъ, А. Г. Зенченковъ, Ф. А. Кауденъ, Н. Н. Панкратовъ, Н. П. Смирновъ, А. В. Харьковъ, А. И. и В. И. Шошины и др.

Годовыя подписчики получаютъ бесплатно приложение-альманахъ:

„ЧЕРНЫЙ КОРОЛЬ“,

роскошное, богато-иллюстрированное изданіе, содержаніе котораго составятъ: шахматныя и шашечныя разсказы, стихотворенія, шутки, біографіи (съ портретами) лучшихъ игроковъ, собраніе шахматныхъ и шашечныхъ задачъ, блестящихъ партій и т. п.

Подписная цѣна (съ пересылкой и доставкой): за годъ—7 руб. (за границу 8 руб.), за полгода—4 руб., отдѣльная книжка—75 коп. Роскошное изданіе на веленовой бумагѣ—12 руб.

Допускается **разсрочка платежа**: 2 руб. при подпискѣ, 2 руб. къ 1 марта и 3 руб. къ 15 іюля. По соглашенію (личному или письменному) съ редакціей допускаются и **болѣе льготныя** условія разсрочки.

Адресъ редакціи: Москва, 1-я Мѣщанская, д. Морозовой.

Подробная программа и пробный № высылаются бесплатно.

Редакторъ-издатель П. П. Бобровъ.

Вышелъ въ свѣтъ альманахъ „Шахматнаго Обзорнія“ за 1901 г.:

ШАХМАТНЫЕ ВЕЧЕРА.

Цѣна 2 руб.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Выписывающіе изъ редакціи „Шахматнаго Обзорнія“ (Москва, 1-я Мѣщанская, д. Морозовой) за пересылку е платятъ. Подробныя объявленія бесплатно.

Открыта подписка на 1902 г. (3 годъ изданія).

Начало подписного года съ 1-го ноября 1901 г.

Ежемесячный художественно-литературный журналъ

О Т Д Ы Х Ъ.

Задачи журнала—распространеніе эстетическихъ началъ въ русской жизни. Издаваемый по типу заграничныхъ художественно-иллюстрированныхъ изданій, съ ежемесячно мѣняющейся обложкой, выполненной въ краскахъ.

Подписная цѣна: 3 р. за годъ (12 номеровъ) съ дост. и перес. За 8 мѣс. 2 р. 50 к., за 4 мѣс. 1 р. 50 к., отдѣльные номера 35 к. Съ перес. за гран. 6 р. При высылкѣ журнала наложеннымъ платежомъ цѣна за годъ (12 номер.) 3 р. 50 к. За 8 мѣс. 3 р., за 4 мѣс. 2 р. (взимаемые за первый номеръ), отдѣльныхъ номеровъ 50 к. При заказѣ 10 экземпляровъ одиннадцатый—бесплатно.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ „Отдыхъ“: 75 к. строка петитомъ въ 1 столб. На обложкѣ: вторая страница 300 р., третья—200 р., послѣдняя въ краскахъ—1.000 руб.

Типографіей Евг. Тиле преемн., изготовлены роскошные переплеты съ золотымъ тисненіемъ для „Отдыха“ за 1900—1901 г., цѣною въ 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к. Оставшееся небольшое количество полныхъ экземпляровъ за 2-й годъ изданія продается въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ по 4 руб., съ пересылкою 5 руб.

Главная контора, С.-Петербургъ, Адмиралтейскій каналъ, № 17.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Годъ 2-й на 1902 годъ Годъ 2-й
на ежедневную

литературно-политическую, общественную и коммерческую газету

„ЮЖНЫЙ КУРЬЕРЪ“

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ ГОР. КЕРЧИ.

Номера для ознакомленія высылаются бесплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой иногороднимъ: на годъ — 7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб., къ 1-му апрѣля 2 руб., и къ 1-му іюля 2 руб. Новые подписчики, внесшіе полностью подписную плату за 1902 годъ, получаютъ газету со дня подписки до 1-го января 1902 г. бесплатно.

Иногородніе адресуютъ: въ Керчь, въ редакцію „Южнаго Курьера“.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита или ея мѣсто на первой страницѣ въ первый разъ 15 коп., въ слѣдующіе разы — 10 коп.; послѣ текста—10 и 6 коп.

Издатель Б. І. Харитонъ.

Редакторъ Д. Т. Овсѣнко.

Открыта подписка на 1902 г. на еженедѣльный, иллюстрированный, религіозно-нравственный

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЬ

4 рубля за годъ
съ пересылкой.

КОРМЧІЙ

2 руб. 50 коп.
за полг. съ пер.

(пятнадцатый годъ изд.).

«КОРМЧІЙ» одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

За **ЧЕТЫРЕ** рубля въ годъ „КОРМЧІЙ“ даетъ:

52 №№ журнала, украшеннаго рисунками, и Современнаго Обзорѣнія.

52 №№ иллюстриров. листовъ по воскреснымъ житіямъ святыхъ.

24 книжки для народа, подъ общимъ заглавіемъ:

„Народная библіотека Кормчаго“.

Содержаніемъ книжекъ будутъ служить разные религіозно-нравственные рассказы.

При одновременной выпискѣ десяти экземпляровъ журнала за 1902 годъ одиннадцатый высылается бесплатно.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Ордынка, д. Бажановой (кв. Протоіеря Скорбача, ч.).

Редакторы: протоіерей { С. П. Ляпидевскій.
І. Н. Бухаревъ.

Изд. свящ. С. С. Ляпидевскій.

За прежніе года журналъ „КОРМЧІЙ“ продается по ТРИ РУБЛЯ съ перес.

Есть сброшюрованные экземпляры за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 гг. При выпискѣ журнала за всѣ восемь лѣтъ цѣна 20 рублей съ пересылкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ПЕРМСКІЙ КРАЙ“.

Газета издается въ гор. Перми и выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ; въ эти послѣдніе дни подписчикамъ рассылаются телеграммы „Россійск. Телегр. Агентства“.

Собственные корреспонденты имѣются во всѣхъ городахъ и многихъ селахъ и заводахъ Пермской и Вятской губ., а также въ Петербургъ, Москвѣ и губернскихъ городахъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ 6 р., 11 мѣс.—5 р. 50 к., 10 мѣс.—5 р., 9 мѣс.—4 р. 50 к. 8 мѣс.—4 р., 7 мѣс.—3 р. 50 к., 6 мѣс.—3 р., 5 мѣс.—2 р. 50 к. 4 мѣс.—2 р., 3 мѣс.—1 р. 80 к., 2 мѣс.—1 р. 20 к., 1 мѣс.—60 к.

Допускается разсрочка на льготныхъ условіяхъ.

Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе, наизъ съ 1-го числа наждаго мѣсяца. Учителямъ народныхъ училищъ и церк.-приход. школъ и законоучителямъ этихъ училищъ при годовой подпискѣ на газету предлагается скидка 20%, съ разсрочкой уплаты подписной суммы въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ.

Плата за объявленія и публикаціи: впереди текста—15 коп. за строку, послѣ текста—5 коп. за строку. За годовыя, полугодовыя и многократныя объявленія значительная скидка по соглашенію.

Редакція и контора газеты: Пермь, Пермская ул., № 59.

Редакторъ-издатель С. А. Басовъ.

Открыта подписка на 1902 годъ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ общественной жизни, политики, литературы и торговли **ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.**

Условія подписки:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ 7 рублей,

11 мѣс. — 6 руб. 50 коп., 10 мѣс. — 6 руб., 9 мѣс. — 5 руб. 50 коп.,
8 мѣс. — 5 руб., 7 мѣс. — 4 руб. 50 к., 6 мѣс. — 4 руб., 5 мѣс. — 3 р. 50 к.,
4 мѣс. — 3 р., 3 мѣс. — 2 р. 40 к., 2 мѣс. — 1 р. 70 к., 1 мѣс. — 90 к.,
1/2 мѣс. — 50 коп.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 рубль въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы, **обязательно** при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ—**въ разсрочку**, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по которому внесены деньги.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1-го и 16-го числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбець, или **за занимаемое строкой мѣсто**, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ впереди текста, плата въ двое дороже. За объявленія, печатаемые отъ 20 разъ дѣлается уступка отъ 100/0, 30 разъ—150/0, 40—разъ 200/0, 50 разъ—250/0, 60 разъ—300/0, отъ 70—100 разъ—400/0, не менѣе 100 — 150 разъ уступка 500/0. За адреса, въ 5 строкъ, на 1-й стр. газеты—10 р. въ годъ—150 разъ, 6 р.—за 76 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 коп. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., при чемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:

Въ Орлѣ— въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника“, Зиновьевская улица, д. № 2, и въ отдѣленіи ея—Московская ул., аптек. магазинъ Полякъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Ельцѣ—на Соборной ул., д. Маличкина, бывшій Пантелеевыхъ, рядомъ съ Преображенской церковью, В. Д. Лукашовъ.

Въ Брянскѣ—Авиловская ул., домъ Сурнина, А. К. Федоровъ.

Только розничная продажа газеты:

Въ Москвѣ, Петровск. лин., кн. торг. Анисимова; въ Ельцѣ, у газетчика М. И. Давыдова; въ Брянскѣ, въ библиот. г. М. И. Юдина и г. Федорова; въ Карачевѣ, въ магазинѣ А. Н. Хализева; въ Ливнахъ; въ библиотеке г. Крафтъ; въ Болховѣ, Ново-Московск. апт. Р. Г. Вольперта; въ Рославлѣ, писче-бу-мажный магаз. Д. В. Рафандова; въ Липецкѣ, книжн. магаз. А. И. Полянскаго.

Редакторъ-издатель А. И. Аристовъ.

Открыта подписка на 1902 годъ

(XX-й годъ изданія)

на еженедельную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖНАЯ РОССІЯ“

(БЫВШ. ЮЖАНИНЪ).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условий, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Безъ доставки и пересылки.

На годъ	7 р.	— к.
» 11 мѣсяцевъ	6 »	50 »
» 10 »	6 »	10 »
» 9 »	5 »	60 »
» 8 »	5 »	10 »
» 7 »	4 »	60 »
» 6 »	4 »	— »
» 5 »	3 »	75 »
» 4 »	3 »	— »
» 3 »	2 »	50 »
» 2 »	1 »	50 »
» 1 »	1 »	— »

Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылкой иногороднимъ.

На годъ	8 р.	— к.
» 11 мѣсяцевъ	7 »	50 »
» 10 »	7 »	— »
» 9 »	6 »	40 »
» 8 »	5 »	80 »
» 7 »	5 »	20 »
» 6 »	4 »	50 »
» 5 »	4 »	— »
» 4 »	3 »	25 »
» 3 »	2 »	75 »
» 2 »	2 »	— »
» 1 »	1 »	20 »

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяць. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить чрезъ январь 1903 года. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкой: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к., безъ доставки: къ 1 января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока съ доставкой: къ 4-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.) въ конторѣ „Южной Россіи“, уг. Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера; въ г. Кременчугѣ у А. М. Михалевица, Большая Мѣщанская, д. Петрунькина, № 68 (противъ торговыхъ банъ Сандомирскаго); въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ,

Открыта подписка на 1902 годъ на дѣтскій иллюстрированный журналъ

Годъ изданія
23-й.

ИГРУШЕЧКА

ДЛЯ МЛАДША-
ГО ВОЗРАСТА.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы МАРІИ къ приобрѣтенію въ бібліотеки.

„Игрушечка“ съ 1897 года даетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ безплатнаго приложенія шесть иллюстрированныхъ томиковъ, подъ общимъ названіемъ „Библиотечка Игрушечка“. Въ журналѣ помѣщаются рассказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ русскимъ переводомъ.

Шесть томиковъ „Библиотечки Игрушечка“ въ 1902 году будутъ посвящены отечествовѣдѣнію.

При журналѣ „Игрушечка“ существуетъ два особыхъ отдѣла:

1) Годъ XIII. **ДЛЯ МАЛЮТОКЪ.** (До 8-ми лѣтняго возраста).

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими рисунками. Особой подписки на отдѣлъ „Для малютокъ“ нѣтъ.

Подписчики „Игрушечки“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, кромѣ шести книжечекъ, получаютъ еще отдѣльную премію, приуроченную къ этому возрасту.

2) Педагогическое изданіе, посвященное вопросамъ воспитанія дѣтей и самообразованія матерей:

НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ.

(Годъ изданія IX). (Выходитъ 9 разъ въ годъ). Цѣна отдѣльно 3 р.

Вступая въ 9-й годъ изданія, редакція „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“, будетъ пользоваться сотрудничествомъ тѣхъ же лицъ, которыя въ теченіе восьми лѣтъ, помогая редакціи своимъ участіемъ, способствовали успѣху этого изданія. Главная задача—помочь женщинамъ-матери, въ особенности неопытной, разобратся въ тѣхъ коренныхъ вопросахъ, которые ей ежедневно предъявляетъ жизнь. Въ 1902 г. будетъ печататься рядъ статей по семейному праву.

Годовая подписная цѣна: съ дост. и перес. въ Россіи:

„Игрушечка“ съ шестью томиками „Библиотечка Игрушечка“ въ Россіи 3 р., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“ и двумя преміями 5 р., „Игрушечка“ съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 5 р., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, 2-мя преміями и педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 7 р., „На помощь матерямъ“ отдѣльно 3 руб.

За границу каждое изданіе на 2 руб. дороже.

Адресъ: **С.-Петербургъ, Гончарная, д. 10.**

Редакторъ-издательница **А. Н. Пшкова-Толмѣрова.**

1902 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1902 г.

ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

съ бесплатнымъ приложеніемъ Сборника рѣшен. Угол. и Гражд. Кассац. Деп. и Общ. Собран. Прав. Сен. и Собранія узакон. и распор. Правительства.

Выходитъ два раза въ недѣлю *): по воскресеньямъ и четвергамъ,

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Годовая подписная цѣна съ дост. и перес. 7 р. Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 р. и къ 1 апрѣля—остальные 3 р.

Правительственныя и общественныя учрежденія, а также должностныя лица этихъ учрежденій, въ правѣ подписываться въ кредитъ, но при условіи, чтобы: а) требованія были заявлены на бланкѣ присутствія, съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и №; б) при требованіи были присланы два рубля, и в) въ требовательномъ бланкѣ опредѣленъ былъ срокъ, къ которому должны быть доставлены въ редакцію остальные подписныя деньги (5 р.) за газету, при чемъ учрежденіе принимаетъ на себя отвѣтственность за своевременную присылку остальныхъ денегъ (5 р.), до истеченія того года, на который сдѣлана подписка.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59).

Программа: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательства.—Статьи и замѣтки специально-юридическаго содержанія. — Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи. — Корреспонденціи. — Фельетонъ.—Рѣшенія Правительствующаго Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, восстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ. — Новыя книги и отзывы о нихъ (библиографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшія полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщение въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“, справку о резолюціяхъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписнаго года, дѣлается бесплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассационныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

* Въ дни Рождества Христова равно на сырной, страстной и пасхальной недѣляхъ, а также въ два дѣтніе мѣсяца (съ 15 іюня по 15 августа) газета выходитъ по одному разу въ недѣлю.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, предусмотрѣнные § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія, указанные въ §§ 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнные въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣднія изъяснить согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

художественно-педагогическій журналъ

„ВѢСТНИКЪ УЧИТЕЛЕЙ РИСОВАНІЯ“.

Программа журнала: 1) Правительственныя распоряженія по педагогической, художественной и художественно-промышленной части. 2) Художественная и педагогическая хроника. 3) Обзоры и сообщенія о русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ, художественныхъ и художественно-промышленныхъ выставкахъ, музеяхъ, школахъ, классахъ и т. п. 4) Обзоръ русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ и художественныхъ газетъ и журналовъ; сообщенія и отзывы о программахъ, руководствахъ, пособіяхъ и различныхъ усовершенствованіяхъ въ дѣлѣ преподаванія рисованія, черченія и чистописанія. 5) Фельетоны. Статьи по текущимъ педагогическимъ и художественнымъ вопросамъ. 6) Сообщенія и отчеты о конкурсахъ и дѣятельности художественныхъ и педагогическихъ учрежденій, обществъ, комиссій, съѣздовъ и т. п. 7) Краткія извѣстія. 8) Некрологи. 9) Объясненія.

Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, будутъ помѣщаться приложенія на отдѣльныхъ листахъ въ видѣ рисунковъ, чертежей, таблицъ, русскихъ и переводныхъ сочиненій въ прелѣлахъ программы.

12 номеровъ въ годъ. Срокъ выхода 15-е число каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб.

Подписной годъ начинается 15-го сентября.

Подписка принимается: отъ городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій, 40 въ Москвѣ—въ Берлинскомъ художественномъ магазинѣ Ю. Ф. Брокмана, Неглинный проѣздъ, домъ Третьяковыхъ.

Изгороднихъ просятъ обращаться исключительно на имя редактора-издателя А. Н. Смирнова. С.-Петербургъ, Озерной пер., д. № 6, кв. 5.

Годъ 67. 8 руб. Разсрочка.	Открыта подписка на 1902 годъ НА БОЛЬШОЙ И СТАРЪЙШІЙ художеств.-литерат.-политич.-обществ.-семейный еженедѣльный иллюстрированный журналъ	52 №№ бесплатно 73 цѣнныхъ прилож.
----------------------------------	---	---

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ журналъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Гг. подписчики въ 1902 году получаютъ:

52 №№ художественнаго, литературнаго и общественнаго журнала въ форматѣ самыхъ большихъ заграничныхъ журналовъ. Болѣе 2,500 столбцовъ текста. Всѣ событія недѣли обильно поясняются роскошными иллюстраціями. Особое вниманіе обращено на жизнь провинціи. Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, драматич. произвед., стихотворенія. — Снимки съ наиболее выдающихся произвед. искусства. — Портреты и биографіи. — Домашнія развлеченія, задачи на преміи, шахматы, шашки и игры. — Бесплатныя отвѣты на всѣ запросы гг. подписчиковъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

24 иллюстрированное полное собраніе сочиненій **Генриха Сенкевича,** автора всемірно-извѣстныхъ произведеній: Камо грядеши, Огнемъ и мечомъ, Потопъ, Безъ догмата, Крестоносцы и многихъ другихъ. Единственное полное иллюстрированное изданіе большого книжнаго формата въ образцовомъ переводѣ. Болѣе 5,000 стр. текста. съ иллюстр. лучш. художниковъ.

Каждый томъ продается отдѣльно по 1 рублю.

12 книгъ политическаго, общественнаго и литературнаго журнала, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Болѣе 2,500 стр. текста. Большіе романы. Критическія статьи по всѣмъ вопросамъ литературы, общественной жизни и науки.

12 ВЫПУСКОВЪ МОДНАГО ЖУРНАЛА Болѣе 1,000 иллюстрацій. Хроника модъ. Моды дамскія, дѣтскія, мужскія. Пояснительный текстъ.

Каждый выпускъ въ отдѣльной продажѣ стоитъ 50 коп.

24 офорта и эстампа съ лучшихъ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Прекрасное украшеніе каждой гостиной. Офорты и эстампы печатаны на лучшей портретной бумагѣ.

Каждая картина продается отдѣльно по 2 р.

Подписавшіеся до 25-го декабря 1901 года получаютъ особую премію:

АЛЬБОМЪ КРАСАВИЦЪ всего міра.

Этотъ роскошный альбомъ въ отдѣльной продажѣ стоитъ 4 руб.

Подписная цѣна: съ пересылкою и доставкою 8 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 апр. 3 р., къ 1 июля 2 р.

Подписка принимается: въ главн. конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“, С.-Петербургѣ, Казанская ул., 24, при главн. конторѣ фабрики № „В. Говарда“ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Отвѣтственный редакторъ **В. Т. Тарасовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей старшаго возраста

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ

(изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова).

22-Й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ допущенъ въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и въ библиотеч. средн. учебн. завед.

Съ 1902 г., кромѣ атласа картинъ въ краскахъ по всеобщей этнографіи, всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разсылаться новое бесплатное иллюстрированное приложение „БИБЛИОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ“ собраніе произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, доступныхъ для дѣтей и юношества. Въ 1902 г. будутъ даны четыре тома, заключающіе въ себѣ: 1) сочиненіе К. Фламмариона—Маленькая Астрономія и 2) историческая повѣсть Марка Твена—„Жанна д'Аркъ“. Цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой—6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

о всѣхъ книжныхъ магазинахъ и главной конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 28.

Открыта подписка на ежемѣсячный научно-литературный журналъ на 1902 годъ (годъ третій)

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Кавказскій Вѣстникъ“ даетъ ежегодно около 3.000 страницъ оригинальныхъ и переводныхъ статей съ арм., груз., татарск., арабск. и съ европ. яз.

Условія подписки: для городскихъ подписчиковъ: въ годъ 9 руб., полгода—5 руб. Для инокородныхъ: въ годъ 10 руб., на полгода 6 руб.

Разсрочка допускается для учебныхъ заведеній и учащихся, подписывающихся непосредственно въ конторѣ журнала. Книжнымъ магази. ком. ск. 10%.

Адресъ редакціи и конторы: Тифлисъ, Тургеневская, 11. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ конторѣ журнала и въ отдѣленіи конторы: Тифлисъ, Голов. пр., № 1 (книжный маг. Хиддекель).

Полный экземпляръ „Кавказскаго Вѣстника“ за 1900 годъ можно получить въ конторѣ журнала за 11 руб.; за 1901 г.—10 руб.

Годовые подписки получаютъ въ 1902 г. приложеніемъ къ „Кавказскому Вѣстнику“ романъ М. С. Хатисовой „ПО НОВОМУ ПУТИ“.

Редакторъ-издатель В. Д. Кергановъ.

1902 г. ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Годъ XXI.

→ РЕБУСЪ ←

знакомящій читателей съ современною научною разработкой вопросовъ психической области, какъ-то: **медіумизма** (спиритизма), животнаго магнетизма, **гипнотизма**, ясновидѣнія, двойного зрѣнія, мысленнаго внушенія, видѣнія призраковъ: прижизненныхъ, причесмертныхъ, посмертныхъ и т. п. На страницахъ журнала помѣщаются описанія сеансовъ извѣстныхъ медіумовъ въ Россіи и за границею. Статьи по **астрологіи**, знакомящія съ этой наукой, и теоретически и практически: составленіе гороскоповъ. Статьи по оккультизму, заключающія въ себѣ ученіе древнихъ и новѣйшихъ оккультистовъ. Беллетристика: романы, повѣсти и рассказы.

Годъ съ дост. 5 р., безъ дост. 4 р.; 1/2 года съ дост. 3 р., безъ дост. 2 руб. Разсрочка: при подпискѣ 2 руб.; 1-го апрѣля, 1-го іюля и 1-го окт. по 1 р.

Адресъ: Царское село (Петербургской губ.), редакція журнала „Ребусъ“.

Третій годъ изданія.

Ежемесячный, политический, научный, литературный и иллюстрированный журналъ

1902 г. НОВЫЙ ВЪКЪ. 1902 г.

Журналъ поставилъ своею цѣлью быть горячимъ защитникомъ просвѣщенія, нравственности и милосердія. Онъ стойко борется съ тѣми темными сторонами жизни, которыя, какъ печальное наслѣдіе, остались отъ XIX-го вѣка.

Всѣ отрасли знаній только тогда вполне могутъ быть использованы человечествомъ, когда послѣднее, параллельно, будетъ развиваться и усовершенствоваться духовныя силы, а поэтому наступившій XX вѣкъ долженъ быть торжествомъ именно тѣхъ трехъ началъ, которыя ставятся редакціей своимъ девизомъ. Полный успѣхъ первыхъ двухъ лѣтъ, наглядно выразившійся въ необходимости выпустить нѣкоторые №№ вторымъ изданіемъ, показываетъ, что общество очень сочувственно отнеслось къ задачамъ журнала. Въ настоящемъ 1902 году, въ виду уже имѣвшихъ мѣсто событій, въ отдѣлѣ „Вѣшнія извѣстія“, съ полною правдивостію, выяснится та политическая обстановка, которая въ настоящее время имѣетъ мѣсто при сношеніяхъ съ Европой и съ пограничными государствами далекаго Востока. Особенная забота установлена на всестороннее ознакомленіе со славянскими землями, имѣя цѣлью правдивое выясненіе ихъ современнаго политическаго положенія и надеждъ на будущее. Свѣдѣніямъ о новыхъ успѣхахъ науки, человѣческихъ знаній и экономической жизни государствъ отведено въ журналѣ значительное мѣсто.

Литературный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ лучшія оригинальныя и переводныя произведенія въ видѣ романовъ, повѣстей, стихотвореній и т. п. Въ этотъ же отдѣлъ войдутъ свѣдѣнія изъ прошлаго родной старины. Рисунки, которыми снабжается каждая книжка, являясь выразителями произведеній современнаго искусства, всегда въ должной степени дополняютъ и поясняютъ текстъ.

Въ 1902 году книжки журнала „НОВЫЙ ВЪКЪ“, какъ и въ предшествующемъ году, будутъ выходить, начиная съ января, 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ 11—14 печ. листовъ. Книжки заключаютъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I. Внутреннія извѣстія. Хроника. II. Вѣшнія извѣстія. Заграничныя мелочи. III. Статьи по сельскому хозяйству, технике, финансамъ, искусству, спорту, военному дѣлу и т. п. IV. Литература: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, эпиграммы и т. п. V. Изъ прошлаго: пьесы, воспоминанія, замѣтки о старинѣ и т. п. VI. Библиографія. VII. Лемуа и корреспонденціи, — внутреннія и изъ иноземныхъ государствъ. VIII. Благотворительность и милосердіе. IX. За мѣсяцъ (фельетонъ). X. Наша печать. XI. Мелочи жизни. XII. Свистокъ. XIII. Почтовый ящикъ, вопросы и отвѣты. XIV. Объявленія.

Всѣ годовые подписчики на 1902 годъ получаютъ бесплатно литературный богато иллюстрированный сборникъ по образцу такихъ же заграничныхъ изданій, составленный исключительно изъ произведеній отечественныхъ авторовъ, беллетристовъ и поэтовъ. Сборникъ будетъ снабженъ иллюстраціями, исполненными лучшими нашими художественными силами и портретами тѣхъ авторовъ, произведенія которыхъ войдутъ въ составъ сборника, составляющаго одно изъ лучшихъ украшеній каждой гостиницы.

Въ годъ, считая и премію, съ доставкой и пересылкой всего 3 руб., 1/2 года—2 руб. Допускается расрочка (по 1 р.). Отдѣльные №№ по 30 к. За перемѣну адреса—30 к. Доставившіе въ году подписку (хотя бы и одновременно) на 5 экз. получаютъ шестой бесплатно. Первый № можетъ быть отправленъ наложеннымъ платежомъ (доплата 30 к.), а остальные №№—обыкновеннымъ порядкомъ, но они будутъ высланы только тогда, когда платежъ будетъ оплаченъ. Годовые экземпляры за 1900 и 1901 гг. (I и II г. изд.) высылаются за 3 руб.

Объявленія: за 1 стр. 35 р., за 1/2 стр. 20 р. и за 1/4 стр. 10 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Спб., Екатерининскій кан., д. 97), въ книжныхъ магазинахъ и складахъ, въ конторахъ для объявленій и т. п.

За редактора-издателя С. Г. Николаевъ.

Природа и Люди

Мин. Народ. Пр. разрѣшенъ къ выпискѣ въ бесплатныя библіотеки и читальни.

Открыта подписка на 1902 годъ

(XIII-й годъ изданія).

Подписной годъ начинается съ 1-го ноября.

Въ теченіе 1902 года всѣ подписчики получаютъ:

52 иллюстрир. №№, въ которыхъ будутъ помѣщаться выдающіяся со- бытія всего міра, очерки и рассказы изъ исторіи науки, путеше- ствій и изобрѣтеній, романы и повѣсти, живописныя описанія чудесъ и ве- лическихъ явленій природы, фокусы, забавы и развлеченія.

12 книгъ съ рисунками, объемомъ свыше 2.000 страницъ, въ которыхъ будутъ помѣщаться сочиненія извѣстныхъ писателей, состоящія изъ романовъ, рассчитанныхъ на занимательное, но поучительное чтеніе, подъ общимъ заглавіемъ:

БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ.

(Приключенія на сушѣ и на морѣ.)

И кромѣ **БЕЗПЛАТНО** безъ всякой доплаты за пере- того ссылку могутъ получить, по же- ланію, на выборъ:

Жизнь животныхъ брѣма

подъ редакціей д-ра зоологій **А. М. Никольскаго.**

Роскошное изданіе съ массою рисунковъ и хромофотографіями.

12 иллюстрированныхъ выпусковъ **1000** страницъ убор- **3** тома 60 печат- ныхъ листовъ. большого формата, на велене- стой печати. ныхъ листовъ. вой бумагѣ, свыше 600 рисунковъ.

ИЛИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІИ СЛОВАРЬ,

вполнѣ законченный, подъ редакціей д-ра философіи **М. М. Филиппова.**

12 выпусковъ формата словарей **3800** столбцевъ убор- **3** тома 120 печат- ныхъ листовъ. Брокгауза и Мейера. стой печати. ныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „Природа и Люди“ со всѣми при- ложеніями остае- **5** РУБ. за годъ безъ доставки; съ доставкою и пе- ся прежняя: **5** рубликомъ по всей Россіи **ШЕСТЬ** рублей. Допу- скается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 руб., къ 1 мая 1 руб. и къ 1 іюля остальные или по одному рублю въ мѣсяць до пол- ной уплаты подписной цѣны.

Главная контора и редакція: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, соб. д., № 12.

Издатель **П. Соинкинъ.**

Редакторъ **Ф. Груздевъ.**

Открыта подписка на 1902 годъ на

ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

- 1) „Церковный Вѣстникъ“—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.
2) „Христианское Чтеніе“ — ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

а) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—6 руб. 50 коп.; за „Христианское Чтеніе“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—6 р. 50 к.

б) За оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 (девять) руб. съ пересылкой.

Цѣна за границей:

за оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“ — 11 руб. 50 коп.; за каждый журналъ отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 к.

Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“, въ С.-Петербургъ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., 182, кв. 1), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церковномъ Вѣстникѣ“; въ Москвѣ подписка принимается въ Отдѣлѣ по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ (Петровка, Высокопетровскій монастырь).

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

ВЪ СКЛАДАХЪ ИЗДАНИЙ

А. Ю. Маноцковой

Москва, 1) тип. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**; 2) маг. „Книжное Дѣло“, Моховая; 3) Спб., книжн. складъ **Звонарева**, Б. Московская, 12 и 4) Спб., типографія Мин. Путей Сообщенія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**,

находятся слѣдующія новыя книги собственнаго изданія:

П. Лафаргъ. „Умственный трудъ и машина“. Переводъ съ франц. Ц. 45 к.

Л. Штейнъ. „Нъ аграрному вопросу“. Вып. I (самостоятельное дѣло). Исторія землевладѣнія и поземельнаго права до половины XIX в. Цѣна 75 к.

Эр. Махъ. „Научно-популярные очерки“. Вып. I (представляющій самостоятельное дѣло). „Этюдъ по теоріи познанія“. Переводъ А. Мейера, подъ редакціей П. К. Энгельмейера, съ предисловіемъ къ русск. изд. Э. Маха.

Эр. Махъ. „Научно-популярные очерки“. Вып. II (самостоятельное дѣло).

● „Этюдъ по естествознанію“. Пер. А. А. Мейера, подъ редакціей П. К. Энгельмейера, съ портретомъ Эр. Маха. Цѣна 1 р. 20 к.

Фр. Юдль. „Давидъ Юмъ, его жизнь и философія“. Переводъ А. А. Мейера. Цѣна 1 р. 20 к. (трудъ этотъ премированъ Мюнхенскимъ университет.).

Эр. Лависсъ. „Всеобщая Исторія“ для дѣтей старшаго возраста. Приложенія и 13 картъ. Перев. съ 14 франц. изд. Цѣна 1 р. 20 к.

В. И. М. „Чехія и Чехи“. Очеркъ съ рис. и картой. Цѣна 40 к.

● „Научно-популярная библіотека А. Маноцковой“ для юношества и самоучекъ, первая серія:

№ 1. К. Петерсъ. „Популярная минералогія“. 58 рисунк. Цѣна 80 к.

№ 2. Проф. I. Нусбаумъ. „Основы биологіи“. 40 рисунк. Цѣна 80 к.

№ 3. З. Герингъ. „Основы политической экономіи“. (Экономич. бесѣды). Цѣна 75 к.

№ 4. Д-ръ Штерлингъ. „Наука о здоровьи“. (Основы гигиены). 13 рисунк. Цѣна 80 коп.

● № 5. Л. Жерарденъ и Томъ. „Общая ботаника“. 68 рисунковъ. Цѣна 1 р.

№ 6. Ф. Пітровскій. „Наука о погодѣ“. (Основы метеорологіи). 52 рис. Цѣна 70 к.

№ 7. Проф. Нолль. „Антропологія“. Съ 110 рисунк. Цѣна 85 к.

№ 8. Натансонъ. „Популярная физика“. Съ 140 рисунками. Цѣна 85 коп.

Выписывающіе изъ главнаго склада всю серію цѣликомъ получаютъ ее за 6 р. съ пересылкой. Съ требованіями обращаться въ **Москву, магазинъ „Книжное Дѣло“** (отдѣленіе книгоиздательства и главный складъ изданій А. Ю. Маноцковой), а равно и въ другіе склады.

Принимается подписка на 2-ю и 3-ю серіи

● „Научно-популярной библіотеки А. Ю. Маноцковой“ для юношества и самоучекъ.

ВТОРАЯ СЕРІЯ.

№ 1. Фраасъ. „Геологія“, съ мног. рис.

№ 2. Гюнтеръ. „Физическая географія“, съ мног. рис.

№ 3. Бернштейнъ. „Популярная химія“, съ политипаж.

№ 4. Гейльпернъ. „Астрономія“, съ мног. рис.

№ 5. Эльзенгансъ. „Популярная Психологія и Логика“.

№ 6. Захаріасъ. „Дарвинизмъ“.

№ 7. Томъ. „Описательн. ботаника“ (системат. и морфологія), съ мног. рис.

№ 8. Габерлямъ. „Популярн. этнографія“, съ мног. рис.

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ.

№ 1. I. Вальтеръ. „Общая океанографія“.

№ 2. А. Бишофъ. „Основа финансово-вой науки“.

№ 3. Ф. Кирхнеръ. „Этика“.

№ 4. Морзелли. „Общая социологія“.

№ 5. Заборовскій (съ допозн. по Неймайеру и Гетчинсону) — „Палеонтологія“, съ мног. рис.

№ 6. Брефельдъ. „Популярн. бактериологія“, съ рис.

№ 7. Э. Д. „Исторія мірозданія“, съ рисунк.

№ 8. Т. Филта. „Всеобщая исторія“.

По соображеніямъ редакціоннымъ и цензурнымъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ апторовъ могутъ быть замѣнены другими. Подписная цѣна на каждую серію порознь 5 руб., на обѣ серіи вмѣстѣ 9 руб.

— По выходѣ изъ печати цѣна будетъ значительно повышена. —

Обѣ серіи выйдутъ въ теченіе 1901—2 года и будутъ заключать въ себѣ до 100 листовъ каждая, т.-е. по 10 — 15 листовъ въ каждой книгѣ.

Допускается разсрочка: а) при подпискѣ на одну серію 3 руб. и при полученіи 4-го №—остальные 2 руб. (наложеннымъ платежомъ); б) при подпискѣ на обѣ серіи 5 руб. и при полученіи 8-го № — остальные 4 руб. (наложеннымъ платежомъ).

Для земствъ, различныхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается болѣе льготныя условія подписки, а именно:

1) При подп. на 10 и болѣе экз. каждой серіи дѣляется уст. съ подп. цѣны—100%
2) " " " 25 " " " " " " " " " " —150%
3) " " " 50 " " " " " " " " " " —200%
4) " " " 100 " " " " " " " " " " —250%

Съ требованіями и подпиской слѣдуетъ обращаться въ главный складъ и отдѣленіе книгоиздател. А. Ю. Маноцковой: Москва, магазинъ „КНИЖНОЕ ДѢЛО“, Моховая, 26.

Проспекты по первому требованію высылаются бесплатно.

IX годъ изданія.

Открыта подписка на 1902 г.

на ежедневную общедоступную газету (кромѣ дней послѣ праздниковъ).

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

издающуюся въ Томскѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ.	4 р.	3 р. 30 к.	2 р. 30 к.	40 к.
Съ перес. въ другіе города	5 „	4 „ —	3 „ —	50 „
Съ пересылкой за границу	9 „	7 „ —	5 „ —	1 р.

За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку пегита—20 коп., позади текста—10 коп. За рассылку объявленій при газетѣ вѣсомъ не болѣе лота—7 руб. за 1000 экземпляровъ

Подписка и объявленія принимаются: въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Иногородніе требованія свои адресуютъ: въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.

Издатель П. Макушинъ.

Редакторы: П. Макушинъ.
А. Макушинъ.

Открыта подписка на 1902 годъ (двадцать третій годъ)

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Вышла декабрьская (двѣнадцатая) книга.

СОДЕРЖАНИЕ: I) Разсказъ о прошломъ. Изъ автобіографіи моего пріятели. С. Я. Елпатьевского. Окончаніе. — II) Злобы жизни. Густава Вида. Пер. съ датск. А. и П. Ганзенъ. Окончаніе. — III) Власть. Разсказъ. Ив. Митропольскаго. — IV) Одинъ изъ многихъ. Разсказъ. Н. В. Рамса. Пер. съ чешск. М. П. Петровскаго. — V) На сѣверѣ дальнемъ. Этнографическій очеркъ изъ жизни на русско-американской границѣ. Тана. — VI) Финляндскія новеллы. Пер. Л. Горбуновой. — VII) Стихотвореніе. В. Л. — VIII) Путь къ славѣ. Повѣсть. И. Н. Потапенко. Окончаніе. — IX) Новыя данныя о кабинетѣ министровъ императрицы Анны Іоанновны. А. Н. Филиппова. Окончаніе. — X) Безъ хозяина. М. Фридмана. — XI) Муниципализація общественныхъ службъ въ Соединенныхъ Штатахъ. В. Тотоміанца. — XII) Межселенные передѣлы среди удѣльныхъ крестьянъ. В. В. — XIII) Братская лига дѣтей Франціи. Ѡ. И. Суханова. — XIV) Армянская поэзія XIX в. и ея происхожденіе. Юрія Веселовскаго. — XV) Общественная борьба съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзью. Ф. М. Блюментала. — XVI) Къ характеристикѣ современнаго театра. (Полное собраніе сочиненій кн. А. И. Сумбатова.) В. А. Гольцева. — XVII) Отвѣтъ П. Д. Боборыкину. П. С. Когана. — XVIII) Изъ провинціальной лѣтописи. Евгенія Чирикова. — XIX) Націоналистическій фругъ. С. Н. Сыромятниковъ (Сигма): Опыты русской мысли. Книга первая, Слб., 1901 г. М. Пр. — XX) Внутреннее обозрѣніе. — XXI) Иностранное обозрѣніе. В. А. Г. — XXII) Письма о литературѣ. М. А. Протопопова. — XXIII) Библиографическій отдѣлъ. XXIV) Объявленія.

Подписная цѣна съ до- ставкою и пересылкою	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
во всѣхъ мѣста Россіи:	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу:	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 коп. Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Вагавьковский пер., домъ Аплаксиной; въ С.-Пб.: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ: въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При конторѣ находится складъ изданій журнала „Русская Мысль“.

Подписка на 1901 годъ, за израсходованиемъ нѣкоторыхъ нумеровъ журнала, прекращена.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-й г. изд.)

на общепедагогической журналъ для школы и семьи

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1901 года напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній. С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ. М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы. Ея же; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. П. Мижуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія). А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи. Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи. Д-ра А. Виреніуса; 8) Первый международный конгрессъ педаг. печати въ Парижѣ. Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ русскаго начальнаго образованія на всемирной выставкѣ въ Парижѣ. С. Игнатенкова; 10) Въ американской гимназіи. И. Рубинова; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-лѣтіе. Н. Попова; 12) Школьная гигиена (по Котельману). М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ. М. Лысковскаго; 14) Школа и воспитаніе. О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ. А. Миронова; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся. Я. Гуревича; 17) Каникулярныя развлеченія учениковъ средн. уч. заведеній. П. Акимова; 18) Къ университетскому вопросу. Проф. Е. Будде; 19) Комиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій. Я. Гуревича; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы. Проф. А. Архангельскаго; 21) Живая школа. М. Караулова; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ. А. Тарновскаго; 23) Къ вопросу о реформѣ средней средней школы. А. Кремлевскаго; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію. Е. Гаршина; 25) Замѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія. И. Мещерскаго; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг. И. Вѣлюковскаго; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы. М. Новикова; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ. И. Сердюкова; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ. К. Тихомирова; 30) Наши методы преподаванія и умственный паразитизмъ. В. Вахтерова; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ. Проф. Е. Будде; 32) По поводу постановки естественнѣднія въ будущей средней школѣ. Проф. В. Шимкевича; 33) Отечественнѣдвіе въ средней школѣ. Я. Руднева; 4) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи. Проф. Н. Карѣва; 35) Первые уроки исторіи. К. Иванова; 36) Въ защиту натурального метода преподаванія новыхъ языковъ. Л. Леше; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному. М. Тростникова; 38) Замѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижск. вист. 1900 г.). И. Евсѣева и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

П О Д П И С Н А Я Ц ѣ н а .

въ Петербургѣ безъ доставки 7 р.; съ доставкой 7 р. 50 к.; для иногороднихъ съ пересылкою 8 р.; за границу 9 р. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за 6 р. въ годъ съ разсрочкою уплатъ въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15⁰/₀

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.**

Открыта подписка на 1902 г.

на еженедельный, общедоступный, иллюстрированный журнал для семьи

IV-й г.
изд.

СПУТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ

IV-й г.
изд.

подъ редакціей и при ближайшемъ участіи гг. профессоровъ и врачей по ихъ спеціальностямъ.

52 номера журнала даютъ своимъ читателямъ массу полезныхъ статей и свѣдѣній, изложенныхъ вполне доступнымъ и понятнымъ языкомъ, по всемъ вопросамъ популярной медицины, гигиены и санитаріи, освѣщающихъ всё могущіе интересовать читателя вопросы сохраненія его здоровья.

24 приложенія, содержащія въ себѣ полезныя и необходимыя свѣдѣнія по домоводству, домохозяйству, фальсификаціи продуктовъ, сельскому хозяйству, ветеринаріи и т. д., по скольку они затрагиваютъ вопросы о человѣч. здоровьи и вполне примѣнныя при каждой семейной обстановкѣ. Кромѣ того въ теченіе 1902 года подписчики получаютъ **16** приложеній весьма полезныхъ въ каждой семьѣ:

— **б е з п л а т н о** —
и безъ всякой доплаты за пересылку

12 книгъ общедост. библіотеки „ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ“.

Подача первой помощи, проф. Эсмарха, съ рисунками. — Здоровые и больные нервы, проф. Крафтъ-Эбинга. — Искусство продлить жизнь, проф. Эбштейна. — Поваренная книга. Діететика для желудочн. больн., проф. Бихерта. — Массажъ и его примѣненіе. Д-ра Берня, съ рисунками. — Водолѣченіе. (Дома у себя.) Д-ра Дюваль, сочин. удостоен. преміи Парижск. Академіи. — Гигіена повседневной жизни, проф. Гравицъ. — Какъ сохранить здоровье дѣтей, проф. Фишль. — Гигіена кожи, волосъ и ногтей, проф. Ралле. — Гигіена зубовъ и рта, проф. Бергенъ. — Глазъ и уходъ за нимъ, проф. Фика. — Домашняя гимнастика, д-ра Ангерштейна и

ОБЩЕДОСТУПНОЕ РУКОВОДСТВО КЪ

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ БОЛѢЗНЕЙ

И СОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ. Въ 4-хъ томахъ.

Подъ редакціей проф. Г. В. Хлопина. — Введеніе проф. Ф. Ф. Зрисмана.

Подписавшіеся на 1902 г. и внесшіе годовую плату до 20 декабря с. г. получаютъ 8 №№ журнала съ двумя къ нимъ приложеніями **б е з п л а т н о** за ноябрь и декабрь 1901 года —
и кромѣ того, въ началѣ года одновременно всё 4 тома „Руководства къ предупрежденію болѣзней“.

Цѣна съ пересылкой на годъ 5 р. Разсрочка допускается.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „Спутникъ Здоровья“, С.-Петербургъ, Кожевенная ул., собств. домъ.

Отвѣтственный редакторъ А. О. Дукать.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ
(четвертый годъ изданія)
на еженедѣльную газету
ПРАВЪ,

выходящую безъ предварительной цензуры подъ редакціей прив.-доц. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского, при ближайшемъ участіи І. В. Гессена, О. О. Грузенберга, пр.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. І. Петражицкаго по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и „Законодательный Вѣстникъ“, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ распубликованныя въ 1902 г. общія узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ, и тѣ указы Правител. Сената и административныя распоряженія, которые представляютъ существенное значеніе для разъясненія смысла законовъ.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „Права“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой—7 р., на полгода—4 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ 1 мая 3 р. За границу на годъ—10 р. Отдѣльные нумера продаются по 20 к.

Главная контора: С.-Петербургъ, Дмитровскій пер., № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г.

на литературную, политическую, обществ. и коммерческ. газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ

выходящую въ г. Казани ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго камско-волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Въ городѣ безъ дост.

Въ городѣ съ дост.

На 12 мѣс. 6 р. 25 к.	На 6 мѣс. 3 р. 25 к.	На 12 мѣс. 7 р. — к.	На 6 мѣс. 4 р. — к.
„ 11 „ 5 „ 75 „	„ 5 „ 2 „ 75 „	„ 11 „ 6 „ 50 „	„ 5 „ 3 „ 50 „
„ 10 „ 5 „ 25 „	„ 4 „ 2 „ 25 „	„ 10 „ 6 „ — „	„ 4 „ 3 „ — „
„ 9 „ 4 „ 75 „	„ 3 „ 1 „ 75 „	„ 9 „ 5 „ 50 „	„ 3 „ 2 „ 25 „
„ 8 „ 4 „ 25 „	„ 2 „ 1 „ 20 „	„ 8 „ 5 „ — „	„ 2 „ 1 „ 50 „
„ 7 „ 3 „ 75 „	„ 1 „ — „ 60 „	„ 7 „ 4 „ 50 „	„ 1 „ — „ 75 „

Иногороднимъ съ пересылкой: на 12 м. 9 р., на 11—8 р. 50 к. на 10—8 р., на 9—7 р. 25 к., на 8—6 р. 50 к., на 7—5 р. 75 к., на 6—5 р., на 5—4 р. 25 к., на 4—3 р. 50 к., на 3—2 р. 75 к., на 2—2 р., на 1—75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1902 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1902 года.

Открыта подписка на 1902 годъ
на духовный журналъ

СТРАННИКЪ,

съ приложеніемъ

Общедоступной Богословской Библіотеки и новой серіи богословско-аполлогетическихъ трактатовъ.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1902 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служитъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. Кромѣ того въ удовлетвореніе насущнѣйшей потребности нашего времени редакція съ 1898 года приступила къ крупному литературному предпріятію, именно къ изданію „Общедоступной Богословской Библіотеки“, имѣющей своею цѣлью сдѣлать вполнѣ доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

Журналъ попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печатныхъ листовъ (до 200 страницъ въ книжкѣ).

ЦѢНА: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ двухъ томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ и одного вып. „Богословско-аполлогетическихъ трактатовъ **восемь (8) руб.** съ пересылкой и доставкой, б) за границей 11 руб. съ пер.

Примѣчанія: а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Общедоступной Библіотеки“ 2 руб. 50 коп., а съ пересылкой 3 р.

б) Желающіе имѣть выпуски „Библіотеки“ въ извѣстномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 к. за выпускъ.

в) Новые подписчики, желающіе получить уже вышедшіе восемь выпусковъ „Библіотеки“ (четыре тома „Православнаго Собесѣдоваго Богословія“, два тома „Исторіи Христ. церкви“ и два тома „Православной Богословской Энциклопедіи“), при выпискѣ всѣхъ прилагаютъ по 1 руб. за томъ, а при выпискѣ на выборъ—по 1 р. 50 к.

г) Въ виду связанныхъ съ изданіемъ приложеній большихъ расходовъ, редакція вынуждена печатать ихъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и поэтому подписчикамъ на льготныхъ условіяхъ будетъ выдавать только по 1 экз. За второй и слѣд. экземпляры подписчики платятъ по 2 р. 50 коп. за экз. безъ перес. и 3 руб. съ перес., въ англійскомъ переплетѣ 3 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 182.

Городскіе Сиб. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Телѣжная ул., д. № 5.

За редактора издатель проф. А. П. Лопухинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ
2-й годъ изданія.

КАЗАНСКІЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

органъ Общества врачей при Императорскомъ
Казанскомъ Университетѣ,

издаваемый подъ редакціей предсѣдателя Общества проф. Л. О. Даркшевича.

Журналъ посвящается русскимъ работамъ по всемъ отраслямъ теоретической и практической медицины.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Оригинальныя статьи. II. Рефераты текущей литературы. III. Годовые обзоры литературы по специальностямъ. IV. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, съездовъ и докторскихъ диспутахъ въ Казанскомъ университетѣ. V. Отчеты больничныхъ учреждений. VI. Корреспонденціи. VII. Рецензіи. VIII. Библиографія. IX. Письма въ редакцію. X. Некрологъ. XI. Хроника и мелкія извѣстія.

Срокъ выхода: ежемѣсячно, исключая іюня и іюля (двойныя книжки въ маѣ и августѣ).

Подписная цѣна для не членовъ Общества 5 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ библиотекѣ Общества (Казань, Университетъ) и въ книжномъ магазинѣ бр. Башмаковыхъ (Казань, Пассаажъ).

Объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ братьевъ Башмаковыхъ.

Рукописи для помѣщенія въ „Журналъ“ направляются по адресу: Казань, Университетъ, Общество врачей, въ редакцію „Казанскаго Медицинскаго Журнала“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на политическо - общественную и литературную газету

ЕНИСЕЙ.

ВЫХОДИТЪ въ Красноярскѣ ТРИ РАЗА въ недѣлю.

Подписная цѣна: съ доставк. и перес. на годъ 7 р., на полг.

4 р., на четверть г. 2 р. 50 к., на одинъ мѣсяць 1 р.

Городскіе подписчики, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, получаютъ безплатно телеграммы Московскаго Телеграфнаго Агентства.

Подписка принимается: въ Красноярскѣ—въ конторѣ редакціи газеты въ Томскѣ—въ отд. конторы, въ Москвѣ—въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о., Мясницкая ул.. д. Сытова, и въ конторѣ объявленій И. К. Голухева—Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи, въ Петербургѣ—въ отдѣленіи конторы Т. д. Л. и Э. Метцль и К^о, Б.-Морская № 11. Плата за объявленія впереди текста 20 к. за стр.; позади текста 10 к. за стр. петита. Объявленія изъ всѣхъ мѣстъ и странъ принимаются непосредственно въ конторѣ газеты, въ Красноярскѣ, а также въ конторѣ Торг. Дома Л. и Э. Метцль и К (Москва—Мясницкая, д. Сытова и Петербургъ—Б. Морская, 11), въ конторѣ объявленій И. К. Голубева (Москва, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи), въ отдѣленіи конторы редакціи (Томскъ), въ конторѣ объявленій А. З. Ремизова (Москва, Б. Дмитровка, д. Живаго) и во всѣхъ вообще конторахъ по приему объявленій и подписки.

Редакторъ-издатель *Е. Кудрявцевъ*.

Открыта подписка на 1902 годъ

XIII г.

НА ЖУРНАЛЪ

XIII г.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Съ 1901 года кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библиографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, разск., воспоминанія ит. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Аври (Victor Henri), Н. Ф. Арешевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, привать-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, привать-доц. В. А. Вагнеръ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, пр. Р. Ю. Вишперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, пр.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщина врачъ Е. С. Дрептельнъ, В. Е. Ермиловъ, Д. Н. Жбанковъ, Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, привать-доц. А. А. Ивановскій, привать-доцентъ В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Ивановъ, В. Е. Игнатъевъ, Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, И. М. Красноперовъ, Е. Ловичъ, Е. І. Лозинскій, проф. И. И. Мечниковъ, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. М. Миrowski, О. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Поздняковъ, Г. Рокъвъ, Н. А. Русскихъ, Л. М. Розенфельдъ, Н. Д. Сатуринъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, привать-доц. Е. Д. Сивидцкій, Л. Д. Сивидцкій, В. С. Сѣрова, І. Тевсъ, Н. И. Тезяковъ, В. А. Фальборкъ, А. Н. Филипповъ, проф. А. О. Фортунатовъ, А. С. Хакановъ, П. В. Хопровъ, В. И. Чарнолуccкій, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевень, Ф. А. Эръвъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Ваушкинъ, Е. Н. Янжуль, акад. И. И. Янжуль, и многіе друг.]

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пров. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ и для бесплатныхъ народныхъ читателей.

Съ 1902 года журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р. съ доставкой и пересылкой 6 р., въ годъ 3 р., съ пересылкой за границу 7 р. 50 к., для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ общихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.